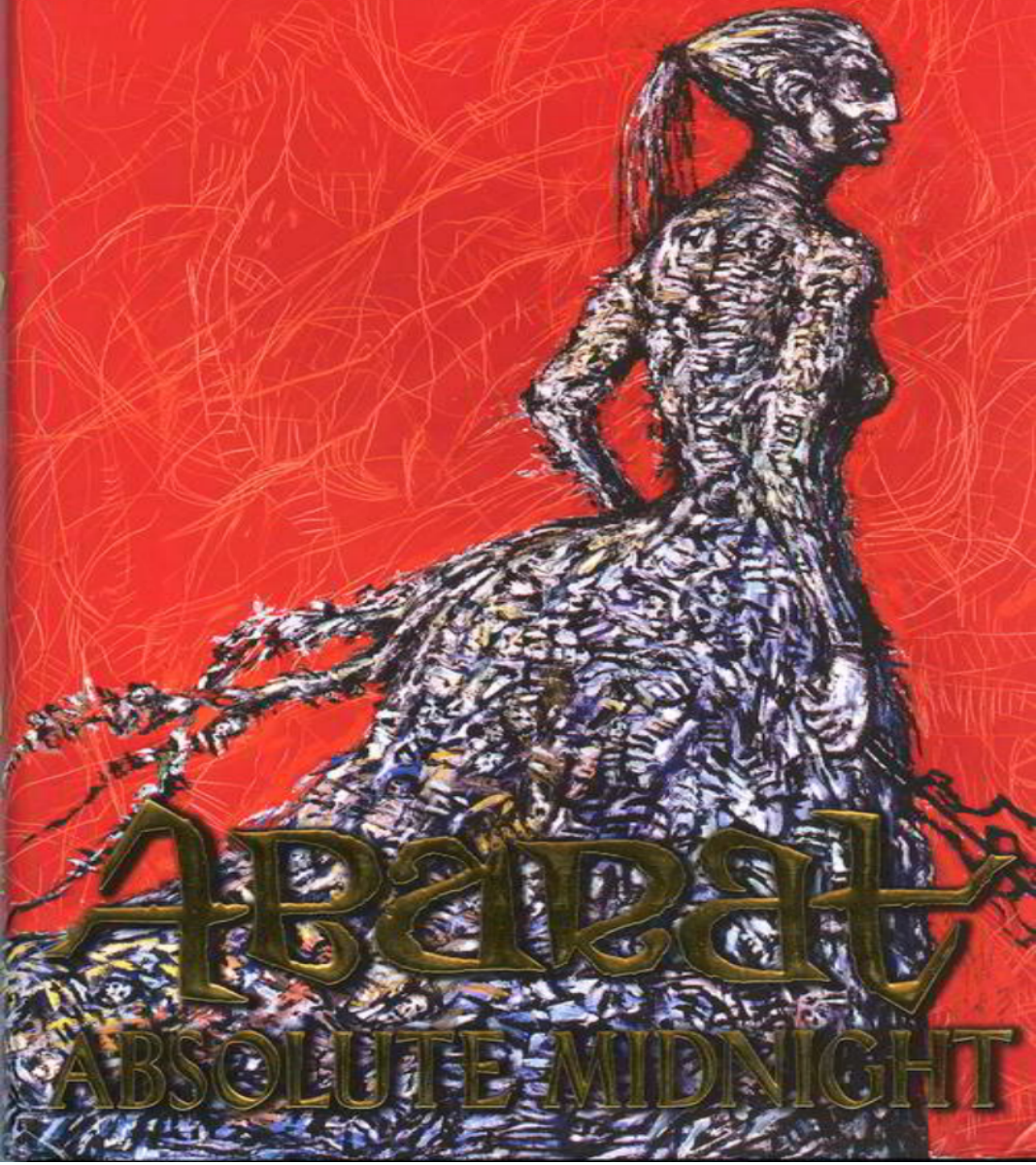
THE *NEW YORK TIMES* BESTSELLING SERIES CONTINUES

CLIVE BARKER



Abarat

ABSOLUTE MIDNIGHT

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кэнди с друзьями, путешествуя от острова к острову по миру Абарата, обнаруживает тайный заговор. Бабуля Ветошь одержима идеей стать Императрицей островов. Ее метод прост — она затмит весь свет, выпустив живую тьму. Ни луны, ни солнца, ни звезд — лишь абсолютная и вечная полночь…

- Клайв Баркер
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - ЧАСТЬ 2
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
  - ЧАСТЬ 3
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
  - ЧАСТЬ 4
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29

- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 23
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44

○ ЧАСТЬ 5

- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52

○ ЧАСТЬ 6

- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60

○ ЧАСТЬ 7

- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69
- Глава 70

- Глава 71
- Глава 72
- Глава 73
- Глава 74
- Глава 75
- Глава 76

Клайв Баркер
Абарат. Абсолютная полночь

Джонни 2.0 Рэймонду
Марку Миллеру
Робби Хамфрису

Поутру солнце не взойдет,
В ночи луна не выйдет в небо,
Исчезнут звезды. Этот путь
Провозглашает гибель света.

ПРОЛОГ
Что увидел слепец

Мечтай!
Себя измысли, перейди
Из своего сознания в другие.
Муж, стань женой,
Рыба — рекой,
Дева — седой,
Хлеб — булавой.
Лежит грядущее миров
Во чреве мыслей, грез и снов.

— Песня, которую пели на Райской улице

На высоком утесе Иджита, острова двух часов ночи, глядящего на юг, в темные проливы вокруг Горгоссиума, стоял дом с богато украшенным фасадом. Обитателя дома называли мистером Китхитом, а также еще несколькими именами, ни одно из которых не было его собственным. Все знали его как Гадальщика. Его карты не предназначались для азартных игр. Напротив. Он использовал абаратскую колоду таро, в раскладах которой столь опытный чтец, как мистер Китхит, умел расслышать бормотание прошлого, распознать сомнения настоящего и заглянуть в приоткрытые глаза будущего. Толкованием того, как легли карты, можно было обеспечить себе вполне достойную жизнь.

Много лет Гадальщик служил бесчисленным посетителям, приходившим к нему в поисках мудрости. Но сегодня он закончил служить чужому любопытству. Закончил навсегда. Сегодня он искал в картах не будущее других людей. Карты призвали его, чтобы раскрыть ему его собственную судьбу.

Он сел за стол и медленно, спокойно выдохнул. Затем начал выкладывать узор из девятнадцати карт, выбранных по воле его пальцев. Несмотря на слепоту, каждый образ возникал в его сознании вместе с именем карты и ее числовым значением в колоде.

Здесь был *Страх*. Здесь была *Дверь к Звездам*. Здесь был *Царь Судеб* и *Дочь Любопытства*. У каждой карты читалось не только ее собственное значение: она оценивалась вместе с соседними

картами, образующими узор мифологической математики, который большинство людей не смогли бы постичь.

Человек, Зажженный Свечами; Остров Смерти; Первобытная Форма; Древо Знания.

И конечно, всю эту композицию следовало соотнести с картой вопрошающего — в данном случае, его самого, — которую он выбрал как свое олицетворение. Он остановился на карте, называвшейся *Порог*. Вернул ее в колоду, дважды перемешал и начал выкладывать Расклад Нулевого Будущего, название которого означало, что здесь будут явлены все вещи и события, содержащиеся в Колоде: все компенсации (прошлое), все возможности (настоящее) и все риски (с сего дня и далее).

Откликнувшись на зов карт, его пальцы двигались быстро. Карты хотели что-то ему показать. Скоро он понял — у этих новостей большие последствия, и пренебрег правилами чтения, одним из которых было то, что Чтецу следовало дождаться появления на столе всех карт Расклада.

Он видел — надвигается война. Даже сейчас строились последние планы, заряжалось и чистилось оружие, собирались армии, готовясь ко дню, когда абаратская история сделает последний шаг. Возможно, карты хотели показать, что здесь касается его, где именно он сыграет в эту последнюю мрачную игру? Что ж, он займется тем, чему его учили, и доверится их мудрости, как доверяли все, кто приходил сюда в течение многих лет, отчаявшись найти иное лекарство и желая услышать голос карт.

Он не удивился, обнаружив, что Порог окружает множество огненных карт, выложенных, словно дары. Эта безжалостная стихия переработала его собственную жизнь и плоть. Касаясь карт кончиками обоженных пальцев, он не мог не вспоминать полыхающее пламя пожара, которое отогнало его, когда он пытался спасти семью. Один из его детей, самый младший, выжил, но всех остальных, кроме его матери, забрал огонь, подарив ей отсрочку, поскольку она всегда была столь же всепоглощающей и жестокой, как огромное пламя — пламя достаточно большое, чтобы превратить особняк и почти всю его семью в пепел.

Он потерял все, поскольку его мать, обезумевшая, по словам некоторых, от увиденного, схватила младенца и исчезла на островах Дня или Ночи, чтобы в своем безумии укрыть единственного выжившего из двадцати трех внуков от малейшего намека на дым. Но мысль о ее безумии не могла успокоить Гадальщика. Его мать никогда не была здравомыслящей женщиной. Она любила — и гораздо больше, чем следовало бы

любить столь беспокойному духу, — истории Глубинной магии, Кровавых дел и кое-чего похуже. Гадальщика тревожило, что следы матери и сына затерялись; это волновало его, ибо он не знал, что они затевают. Но не только поэтому: они — та, кто его родила, и тот, чьим отцом он был, — являлись частью разрушительных сил, о которых говорилось в раскладе.

— Я должен тебя найти? — спросил он. — В этом все дело? Ты хочешь трогательного воссоединения, мама?

Число карт, выложенных на стол, он оценивал по весу оставшейся колоды. Чуть больше половины, решил он. Возможно, в той половине, которую он держал в руках, крылись известия о его последней связи с абаратской историей, хотя он в этом сомневался. Этот расклад не рассказывал о конкретном. Это был Расклад Нулевого Будущего, последний апокалиптический госпел абаратского таро.

Он положил колоду и подошел к двери, подняв свое покрытое шрамами лицо навстречу лучам серебристого звездного света. Годы, когда дети деревни Идо, расположенной внизу, у начала крутой дороги, что зигзагами поднималась по утесу к его дому, жили перед ним в страхе, давно прошли. Хотя дети разыгрывали ужас, чтобы повеселить друг друга, а он изображал рычащего монстра, поддерживая их игру, они знали: у него всегда найдется несколько патерземов, которые он бросал через порог и за которые они устраивали возню, особенно если приносили ему что-нибудь найденное на берегу — как, например, сегодня. Сейчас, когда он стоял в дверях, одна из его любимиц, прекрасный гибрид морского прыгуна и человеческого ребенка по имени Люпта, явилась к нему вместе с толпой следовавших за ней детей.

— У меня есть куча морского мусора! — похвасталась она. — Целая куча! Смотри! Смотри! Все это выкинула наша госпожа Изабелла.

— Он тебе нужен? — спросил Киптин, ее брат.

— Конечно, — сказал Гадальщик. — Как всегда.

Люпта отдала приказ своей маленькой банде, и те с шумом вывалили улов на землю прямо перед домом Гадальщика. Он внимательно прислушивался к звукам, что издавали вещи. Они были большими. Некоторые стучали и лязгали, другие звенели, как печальные колокола.

— Опиши их мне, дитя.

Люпта начала, но, как это часто случалось в недели, прошедшие с момента, когда мощные потоки Изабеллы вторглись в Иноземье, затопив Цыптаун в Миннесоте, и вернулись обратно, унося с собой кое-какие трофеи из того измерения, предметы,

выброшенные приливом на каменистый пляж внизу, нелегко было описать или изобразить, не имея в Абарате ничего подобного. И все же Гадальщик напряженно слушал, зная, что если хочет постичь смысл карточного расклада, лежащего в темной комнате за его спиной, он должен разобраться в природе таинственных Человеков, чьи артефакты, которые довольно сложно представить, если нет зрения, наверняка имели глубинные ключи к природе тех, кто мог разрушить мир. Маленькая Люпта могла знать больше, чем ей казалось. А вслед за своими догадками она добиралась до истин.

— Из чего сделаны эти вещи? — спросил он. — Это машины? Игрушки? Их можно есть? Ими можно убить?

Товарищи Люпты яростно зашептались, и скоро девочка с абсолютной уверенностью сказала:

— Мы не знаем.

— Море их очень потрепало, — добавил Киптин.

— Другого я не ожидал, — ответил Гадальщик. — И все же я бы хотел их потрогать. Подведи меня, Люпта. Не медли, дитя. Я не чудовище.

— Знаю. Если б ты был чудовищем, то не был бы на него похож.

— Кто тебе это сказал?

— Я сама.

— Хм. Есть ли среди них то, что, по-твоему, я мог бы понять?

— Да. Вот. Положи сюда руки.

Люпта вложила в его протянутые руки один из предметов. Как только он к нему прикоснулся, его колени подогнулись, и он упал на землю, выронив мусор, который Люпта ему дала. Он зашарил в его поисках, испытывая ту же страсть, что охватывала его во время чтения карт. Однако была существенная разница. Когда он читал карты, его ум создавал узор из увиденных знаков. Здесь никаких узоров не было. Лишь хаос среди хаоса. Он видел чудовищный военный корабль, где его мать, постаревшая, но все такая же ведьма, приказывала водам Изабеллы прорвать границы их естественного ложа и устремиться в Иноземье, и безумный прилив, что рвал на части все, лежавшее по ту сторону.

— Цыптаун, — пробормотал он.

— Ты видишь? — спросил брат Люпты.

Гадальщик кивнул.

— Разрушен до основания.

Он зажмурил глаза, будто пытаясь сгладить добровольной слепотой те ужасы, что появлялись в его сознании.

— Кто-нибудь из вас слышал истории о людях Иноземья? — спросил он детей.

Как и прежде, они шепотом заспорили. Однако он уловил, что один из посетителей подначивал Люпту *рассказать ему*.

— Рассказать что? — спросил слепец.

— О людях из места, которое называется Цыптаун. Просто всякие истории, — сказала Люпта. — Не знаю, правда это или нет.

— Все равно расскажи.

— Расскажи ему про девочку. О ней все говорят, — вставил кто-то из приятелей Люпты.

— Кэнди… Квокенбуш… — проговорил слепой, отчасти самому себе.

— Ты видел ее в своих картах? — поинтересовалась Люпта. — Знаешь, где она сейчас?

— А что?

— Ты ведь знаешь!

— Даже если так, что тебе до этого?

— Мне надо с ней поговорить! Я хочу быть, как она! Люди обсуждают все, что она делает.

— Например?

Голос Люпты понизился до шепота.

— Наш священник считает, что говорить о ней — грех. Он прав?

— Нет, Люпта. Думаю, он не прав.

— Однажды я сбегу. Обязательно! Я хочу ее найти.

— Будь осторожна, — сказал Гадальщик. — Сейчас опасное время, а будет только хуже.

— Мне все равно.

— Тогда приди хотя бы попрощаться, дитя. — Гадальщик покопался в кармане и вытащил несколько патерземов.

— Вот, — сказал он, протягивая Люпте монеты. — Спасибо, что принесли мне вещи с берега. Разделите это между собой, только по-честному.

— Конечно! — сказала Люпта. И, довольные наградой, друзья направились по дороге к деревне, оставив Гадальщика наедине с его мыслями и собранием предметов, которые принесли ему море, дети и обстоятельства.

Сорванцы прибыли в подходящий момент. Возможно, благодаря этим остаткам он лучше поймет Расклад. У карт и мусора было много общего: и то, и другое — собрания ключей к тому, чем мир был в лучшие времена. Он вернулся в дом, сел за стол и взял в руки нераскрытые карты. Выложил еще две, и после них открылась та, что представляла Кэнди Квокенбуш. Ее было нетрудно определить. Карта называлась *Я Есть Они*. Он не помнил, чтобы видел ее раньше.

— Так-так, — пробормотал он. — Взгляните-ка на нее. — Он постучал по карте пальцем. — Что дает тебе право быть такой сильной? И какое отношение ты имеешь ко мне? — Девушка, изображенная на карте, смотрела прямо на него. — Ты несешь мне радость или горе? Должен сказать, горя мне уже хватило. Больше я не вынесу.

Я Есть Они глядела на него с большим сочувствием.

— Да, — сказал он. — Ничего еще не закончено. По крайней мере, теперь я это знаю. Будь ко мне добра. Если это в твоей власти.

После разговора с Кэнди Квокенбуш ему понадобилось еще шесть с половиной часов, чтобы понять, что он, наконец, закончил с Раскладом. Он собрал все карты, пересчитал, удостоверившись, что колода полная, и вышел на улицу, взяв их с собой. С тех пор, как он видел Люпту и ее товарищей, ветер значительно усилился. Порывы стремительно огибали угол дома, толкая его, пока он шел к краю утеса; колода карт в его руке дрожала.

Чем дальше от крыльца он отходил, тем менее надежной становилась земля; твердая почва уступала место гальке и грязи. С каждым его шагом карты трепетали все сильнее. События, которыми они до сих пор не могли поделиться, превращались в неизбежность.

Внезапно ветер набрал силу и швырнул его вперед, словно желая унести в мир. Правая нога ступила в пустоту, и он начал падать, ясно видя перед мысленным взором бурлящие волны Изабеллы. В голову одновременно пришли две мысли. Одна — что он не видел этого (своей смерти) в картах. И вторая — что он ошибся насчет Кэнди Квокенбуш. Он ее не встретит, и это его опечалило.

В этот момент две маленькие, но очень сильные руки схватили его за рубашку и потянули прочь от края. Вместо того, чтобы упасть вниз и разбиться, он опрокинулся назад, приземлившись прямо на своего спасителя. Им оказалась маленькая Люпта.

— Я так и знала, — сказала она.

— Что знала?

— Что ты собираешься сделать что-то глупое.

— Я не собирался.

— А выглядит наоборот.

— Меня толкнул ветер. Спасибо, что спасла меня от…

— Карты! — воскликнула Люпта.

Его рука ослабла и не смогла удержать колоду. Очередной порыв ветра выхватил ее из руки Гадальщика, и со звуком,

похожим на аплодисменты, карты поднялись в воздух и унеслись прочь.

— Пусть летят, — сказал слепец.

— Но как ты будешь зарабатывать без них деньги?

— Небеса обо мне позаботятся. А если нет, я проголодаюсь. — Он встал. — Так или иначе, это лишь подтверждает мой выбор. Моя жизнь здесь закончена. Настало время вновь повидать Часы, в последний раз, прежде чем я и они уйдут.

— Хочешь сказать, они исчезнут?

— Да. Скоро многое исчезнет. Города, принцы, вещи отвратительные и вещи прекрасные. Всё уйдет. — Он помолчал, глядя невидящими глазами в небо. — Много ли сегодня звезд?

— Да. Очень много.

— Это хорошо. Ты доведешь меня до Северной дороги?

— А ты не хочешь пройти через деревню? Попрощаться?

— Ты бы пошла?

— Нет.

— Нет. Доведи меня до Северной дороги. Когда я на ней окажусь, то пойму, куда идти дальше.

ЧАСТЬ 1
Темные часы

Детки мои милые, пришло время спать,
Спать, мои любимые, глазки закрывать.
Вымыты, накормлены,
И в кровать уложены.
Головки на подушках, за окном темно.
Детки мои милые, ночь давным-давно.

— Неизвестный автор

Глава 1
По направлению к сумеркам

Абаратские друзья Кэнди планировали праздник в честь ее безопасного возвращения на острова после жестокостей и безумия в Иноземье. Но едва они закончили приветствовать ее, целуя и смеясь (а братья Джоны добавили ко всему этому свой вариант старого абаратского образца *a capella*), как появился До-До, морской прыгун, первый друг Кэнди, которого она встретила в абаратских водах, и сообщил, что повсюду распространяется информация о необходимости ее визита на Гигантскую Голову Веббы Гаснущий День. Совет Часов на своей срочной встрече собирался целиком и полностью проанализировать грозные события, имевшие место в Цыптауне. Учитывая, что Кэнди была их непосредственной свидетельницей, Совет счел необходимым услышать ее показания лично.

Она знала, что встреча легкой не будет. Разумеется, Совет подозревал, что причиной событий, повлекших такие разрушения, была именно она. Им хотелось услышать полный отчет о том, почему и как она заимела таких могущественных врагов, как Бабуля Ветошь и ее внук Кристофер Тлен, врагов, обладавших силой, способной разрушить печать, которой Совет закрыл Абарат, и заставившей воды Изабеллы выполнить их приказ, создав волну столь мощную, что она смыла преграду между мирами и заполнила улицы Цыптауна.

Она быстро попрощалась с теми, с кем едва успела встретиться — с Финнеганом Феем, Двупалым Томом, братьями Джонами, Женевой, — вместе с тылкрысом Шалопуто взошла на борт маленькой лодки, которую Совет послал за ней, и отчалила в Сумеречный пролив.

Долгий путь прошел без приключений. Но настроение Изабеллы было тут не при чем: на своей беспокойной поверхности она несла множество свидетельств путешествия, которое недавно предприняла, преодолев границу между мирами. Повсюду плавали вещи из Цыптауна: пластмассовые игрушки, пластиковые бутылки и мебель, не говоря уже о коробках с кашами, пивных бутылках, страницах желтых журналов и сломаных телевизорах. Уличный знак, утонувшие куры, содержимое чьего-то холодильника — на волнах подпрыгивали остатки еды, запечатанные в пластик: половина бутерброда, шмат мяса и кусок вишневого пирога.

— Странно, — сказала Кэнди, глядя на то, что проплывало

мимо нее. — Из-за всего этого я хочу есть.

— Здесь полно рыбы, — заметил абаратец в форме Совета, который вел лодку между плавающим мусором.

— Не вижу никакой рыбы, — ответил Шалопуто.

Человек свесился за борт, с невероятной скоростью опустил руку в воду и выхватил оттуда толстую желтую рыбу в ярко-синюю точку. Он протянул испуганное создание Шалопуто.

— Держите, — сказал он. — Ешьте. Это рыба саньши. Отличное мясо.

— Нет, спасибо. Только не сырую.

— Пожалуйста, леди, — он предложил рыбу Кэнди.

— Я не хочу есть, спасибо.

— Не возражаете, если я…

— Конечно.

Раскрыв рот гораздо шире, чем, по мнению Кэнди, это было возможно, человек обнажил два ряда впечатляющих острых зубов. К удивлению Кэнди, рыба издала высокий визг, который смолк в ту же секунду, как абаратец откусил ей голову. Кэнди не хотела демонстрировать отвращение к тому, что для их проводника было естественным занятием, а потому вернулась к созерцанию разбросанных по воде странных остатков Цыптауна, пока маленькое суденышко не пристало к причалу в гавани Веббы Гаснущий День.

Глава 2
Мнения Совета

Кэнди ожидала, что ее вызовут в зал, где советники зададут вопросы о том, что она видела и пережила, а потом отпустят назад к друзьям. Но как только она предстала перед ними, стало понятно, что далеко не все одиннадцать членов Совета считают ее невинной жертвой катастрофических событий, вызвавших столь масштабные разрушения, и речь может пойти даже о наказании.

Одна из обвинителей Кэнди, женщина по имени Ниритта Маку, прибывшая с Хафука, высказала свое мнение первой, сделав это со всей присущей ей прямотой.

— По причинам, известным одной лишь тебе, — сказала она, и ее синий череп деформировался, образовав серию мягкокостных, уменьшающихся в размере мелких черепов, повисших, как хвост, — ты явилась в Абарат без приглашения кого бы то ни было в этом зале, намереваясь причинить нам неприятности. Именно это ты и делала. Ты без разрешения освободила тылкрыса, который служил у заключенного волшебника. Ты разозлила Бабулю Ветошь. Одного этого достаточно, чтобы тебе вынесли суровый приговор. Но все гораздо хуже. Со слов свидетеля, ты имела наглость утверждать, что сыграешь в будущем наших островов какую-то важную роль.

— Я сюда не напрашивалась, если вы это имели в виду.

— Ты такое утверждала?

— То, что я здесь — случайность.

— Отвечай на вопрос.

— Дай-ка подумать, Ниритта. По-моему, именно это она и пытается сделать — сказала представительница острова Частного Случая. Она выглядела как спираль теплого, испещренного пятнами света, в центре которого плавали лепестки мака и искры белого золота. — Дай ей возможность найти слова.

— Ты, Кими, любишь тех, кто потерялся.

— Я не потерялась, — возразила Кэнди. — Я хорошо знаю свой путь.

— А почему? — спросил третий член Совета, чье восьмиглазое лицо представляло собой цветок с четырьмя лепестками и ярким ртом в центре. — Ты не только знаешь свой путь по островам, но тебе многое известно об Абаратарабе.

— Я просто слышала разное то тут, то там.

— Разное! — фыркнул Йобиас Тим, по краям шляпы которого торчали свечки. — Ты не научишься пользоваться заклятьями,

просто слушая какие-то истории. То, что произошло с Ветошью и Тленом, твое знание Абаратарабы — все это невероятно подозрительно.

— Пусть так, — сказала Кими. — Но мы призывали ее сюда, в Окизор, не для того, чтобы расспрашивать, откуда она узнала об Абаратарабе.

Она посмотрела на Советников, совершенно непохожих друг на друга. Представитель Шлема Орландо имел на голове блестящий гребень из алых и бирюзовых перьев, встопорщенных от возбуждения; лицо представителя Утехи Плоти, Гелио Фата, мерцало, словно он смотрел сквозь облако жара, а лик Советника с шести утра светился обещанием нового дня.

— Послушайте, это правда. Я действительно… кое-что знаю, — кивнула Кэнди. — Все началось на маяке, где я каким-то образом призвала Изабеллу. Я не говорю, что не делала этого. Я сделала. Но понятия не имею, как! Разве это важно?

— Если Совет думает, что важно, — проворчал представителя Ифрита с каменным ликом, — значит, так оно и есть. И дело обойдется без серьезных последствий, если ты ответишь на наш вопрос.

Кэнди кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Я постараюсь. Но это сложно.

И она принялась рассказывать о том, что знала, с самого первого и главного события: с ее рождения и того факта, что за час до появления ее матери в больнице три женщины Фантомайя — Диаманда, Джефи и Меспа, — пересекли запретную границу между Абаратом и Иноземьем, желая спрятать душу принцессы Боа, чьи останки лежали на острове Частного Случая.

— Они нашли мою мать, — говорила Кэнди, — которая сидела в грузовике и ждала, пока мой папа вернется с канистрой…

Внезапно она замолчала: в голове возникло жужжание, становившееся все громче. Казалось, ее череп наполняли сотни сердитых пчел. Она не могла связно думать.

— Они нашли мою мать, — повторила она, понимая, что начинает терять нить повествования.

— Забудь на время о своей матери, — сказал представитель Острова Простофиль Джимоти Тарри, кот тарри, с которым Кэнди уже встречалась. — Что ты знаешь об убийстве принцессы Боа?

— Боа.

— Да.

Уф. Боа.

— Довольно… довольно много, — ответила Кэнди.

То, что казалось пчелиным жужжанием, превращалось в

отдельные звуки; звуки складывались в слова, слова составлялись в предложения. Кто-то с ней говорил.

Ничего им не рассказывай, произнес голос. *Это бюрократы, все до одного*.

Она знала этот голос, потому что слышала его всю жизнь. Прежде ей казалось, что голос — ее собственный. Но тот факт, что голос всю жизнь был в ее голове, не означал, что он принадлежит ей. Она произнесла имя, не говоря его вслух.

Принцесса Боа.

Разумеется, сказала женщина. *А кого ты ожидала?*

— Джимоти Тарри задал тебе вопрос, — напомнила Ниритта.

— Смерть принцессы, — сказал Джимоти.

— Да, знаю, — ответила Кэнди.

Ничего им не говори, повторила Боа. *Не позволяй им тебя запугивать. Все, что ты скажешь, они используют против тебя. Будь осторожна*.

Кэнди беспокоило присутствие Боа и особенно то, что она возникла именно сейчас, однако ее слова вполне соответствовали положению дел. Советники смотрели на нее с глубоким подозрением.

— Я слышала всякие сплетни, — сказала она, — и мало что помню.

— Но ведь в Абарате ты очутилась по какой-то причине, — заметила Ниритта.

— Разве? — возразила Кэнди.

— А ты не знаешь? Давай, скажи нам. Есть на то причина?

— Я… не могу найти никакой причины, — ответила Кэнди. — Думаю, я здесь, потому что оказалась не в том месте не в то время.

Хорошо, сказала Боа. *Теперь они не знают, что и думать*.

Действительно. Советники за столом начали хмуриться и обмениваться недоумевающими взглядами. Однако Кэнди еще не сняли с крючка.

— Давайте поговорим о другом, — сказала Ниритта.

— И о чем же? — поинтересовался Гелио Фата.

— Что насчет Кристофера Тлена? — спросила Ниритта у Кэнди. — Ты с ним как-то связана?

— Он хотел меня убить… если это можно назвать связью.

— Нет, нет. Твоим врагом была Бабуля Ветошь. А с Тленом что-то другое. Признайся.

— Признаться в чем? — спросила Кэнди.

Сейчас ей придется солгать, поняла она. Дело в том, что Кэнди прекрасно знала, почему Тлена влекло к ней, но рассказать об этом советникам она не могла. По крайней мере, пока сама не

будет знать больше. Поэтому она ответила, что для нее это загадка. Которая, не преминула она им напомнить, едва не стоила ей жизни.

— Но ты выжила, чтобы рассказать нам все, как было, — заметила Ниритта с сарказмом.

— Так расскажи нам, вместо того, чтобы бродить вокруг да около, — предложил Гелио Фата.

— Мне нечего сказать, — ответила Кэнди.

— Существуют законы, защищающие Абарат от твоего племени.

— И что вы сделаете? Казните меня? — спросила Кэнди. — Только не надо делать такие глаза. Вы не ангелы. Да, у вас есть веские причины защищать себя от таких, как я. Но нет никого идеального. Даже в Абарате.

Боа права, думала Кэнди. Это просто кучка грубиянов. Как и ее отец. Как и все остальные. Чем больше они ее задирали, тем меньше ей хотелось отвечать.

— Я не могу вам помочь, верите вы мне или нет. Можете допрашивать меня, как хотите, но получите только один ответ. *Я ничего не знаю!*

Гелио Фата пренебрежительно фыркнул.

— Да отпустите вы ее, — сказал он. — Пустая трата времени.

— Но у нее есть силы, Фата. Есть свидетели того, как она их использовала.

— Может, она прочла о них в книге. Разве она не была в доме этого идиота Захолуста? Чему бы она ни научилась, она это забудет. Люди не могут долго удерживать в себе тайны.

Возникло раздраженное молчание. Наконец, Кэнди сказала:

— Могу я идти?

— Нет, — ответил представитель Ифрита с каменным лицом. — У нас есть еще вопросы.

— Отпусти девочку, Зупрек, — сказал Джимоти.

— Нибас хочет что-то сказать, — заметил ифритец.

— Ладно, пусть говорит.

Нибас говорил, словно улитка, ползущая по лезвию ножа. Он был похож на мерцающую паутину.

— Все мы знаем, что она каким-то образом привязана к этому созданию, хотя почему — непонятно. Она явно скрывает от нас большую часть того, что ей известно. Будь моя воля, я бы вызвал Йеддика Магаша…

— Палача? — спросил Джимоти.

— Нет. Он тот, кто знает, как добыть правду, если ее намеренно скрывают, вот как сейчас. Однако я не жду, что Совет согласится с такими мерами. Вы слишком мягкие. Вы

предпочитаете мех камню, и в конце концов это нас погубит.

— У тебя есть к девочке вопросы? — устало спросил Йобиас Тим. — Все мои свечи сгорели, а других с собой нет.

— Да, Тим. У меня есть вопрос, — ответил Зупрек.

— Тогда ради всего святого, задай его.

Осколки Зупрека сосредоточились на Кэнди.

— Я хочу знать, когда ты в последний раз находилась в обществе Кристофера Тлена, — сказал он.

Ничего не отвечай, произнесла Боа.

Почему им нельзя знать? мысленно спросила Кэнди и, не собираясь дальше спорить, ответила Зупреку:

— Я видела его в спальне своих родителей.

— В Иноземье?

— Конечно. Мои мать и отец никогда не были в Абарате. Никто из моей семьи не был.

— Это немного успокаивает, — ответил Зупрек. — По крайней мере, нам не придется иметь дело с нашествием Квокенбушей.

Его кислый юмор вызвал смешки у некоторых советников: Ниритты Маку, Скиппельвита и пары других. Но у Нибаса еще имелись вопросы, и сам он даже не улыбнулся.

— В каком состоянии находился Тлен?

— Он был очень тяжело ранен. Я думала, он умрет.

— Но он не умер.

— По крайней мере, не в кровати.

— Хочешь сказать, где-то рядом?

— Я знаю лишь то, что видела.

— И что же ты видела?

— Окно разбилось, в комнату хлынула вода и унесла его. Тогда я видела его в последний раз. Он исчез в темной воде и все.

— Ты доволен, Нибас? — спросил Джимоти.

— Почти, — ответил тот. — Скажи нам, только без лжи и полуправды, почему, как ты считаешь, Тлен тобой так интересовался?

— Я уже говорила: *не знаю*.

— Она права, — обратился Джимоти к остальным советникам. — Мы ходим по кругу. Я бы сказал — достаточно.

— Вынужден согласиться, — кивнул Скиппельвит. — Хотя, как и Нибасу, мне остается лишь мечтать о старых добрых временах, когда мы могли препоручить ее заботам Йеддика Магаша. Я не сомневаюсь в необходимости обращения к таким людям, как Магаш, если того требует ситуация.

— Эта не требует, — сказал Джимоти.

— Напротив, Джимоти, — возразил Нибас. — Будет

последняя Великая война…

— Откуда тебе знать?

— Просто прими это как факт. Я знаю, на что похоже будущее. Оно мрачное. Изабелла будет залита кровью от Тацмагора до Балаганиума. Я не преувеличиваю.

— И всё это будет ее вина? — спросил Гелио Фата. — Ты на это намекаешь?

— Всё? — переспросил Нибас. — Нет, не всё. Есть тысячи причин, по которым эта война начнется. Будет ли она последней?.. Скажем так — этот вопрос пока остается открытым. Но в любом случае, конфликт будет катастрофический, поскольку много вопросов пока не имеет ответа, и многие из них — а возможно, что большинство, — связаны с этой девочкой. Ее присутствие подняло температуру под крышкой котла, и сейчас здесь всё кипит. Кипит и бурлит.

Что мне на это сказать? — мысленно спросила Кэнди у Боа.

Как можно меньше, ответила та. *Пусть он будет нападать, если ему хочется играть в эту игру. Притворись, что ты хладнокровная и разумная, и перестань выглядеть девочкой, которая свалилась им, как снег на голову.*

Ты имеешь в виду, вести себя как принцесса? — спросила Кэнди, не в силах скрыть неудовольствие.

Ну, если ты хочешь так сказать… — ответила принцесса.

Сказать как?

Думаю, я имею в виду, чтобы ты вела себя больше как я.

Можешь думать как хочешь, ответила Кэнди.

Давай не будем спорить. Мы обе хотим одного.

И чего же?

Чтобы Йеддик Магаш не забрал нас в свою камеру.

— Итак, если кто-то здесь и знает характер и природу Тлена, то это наша гостья. Верно, Кэнди? Могу я называть тебя Кэнди? Мы тебе не враги.

— Забавно, а мне так не кажется, — ответила Кэнди. — Ладно. Давайте начистоту. Вы думаете, что я с ним заодно?

— Заодно в чем? — спросил Гелио Фата.

— Откуда мне знать? Я ведь ничего не делала.

— Мы не дураки, девочка, — произнес Зупрек с откровенным недружелюбием. — У нас есть свои информаторы. Ты не можешь быть в компании такого типа, как Кристофер Тлен, и не привлечь к себе внимания.

— Хотите сказать, вы за нами следили?

Зупрек выдавил на каменном лице едва заметную ухмылку.

— Как интересно, — мягко сказал он. — Я чую вину.

— Ничего подобного. Вы чуете раздражение. У вас не было

права следить за мной. За *нами.* Вы, Большой Совет Абарата, шпионите за своими гражданами?

— Ты не гражданин. Ты никто.

— Зупрек, это грубо.

— Она над нами смеется. Вы что, не видите? Она хочет стать нашей погибелью, и потому насмехается над нами.

Наступила долгая тишина. Наконец, кто-то сказал:

— Мы закончили беседу. Давайте перейдем к другим вопросам.

— Согласен, — сказал Джимоти.

— Она нам так ничего и не сказала, тупая ты кошка! — рявкнул Гелио.

Одним плавным движением Джимоти вскочил со своего стула на все четыре лапы.

— Ты знаешь, мой народ ближе к зверям, чем многие из вас, — проговорил он. — Возможно, тебе следует это помнить. Я чую в этой комнате страх… и довольно сильный.

— Джимоти… *Джимоти!* — Кэнди встала перед Царем кошек. — Никто не пострадал. Все в порядке. Просто некоторые из присутствующих не уважают тех, кто немного от них отличается.

Джимоти смотрел сквозь Кэнди и, казалось, не слышал или не слушал то, что она ему говорит. Его когти врезались в стол и царапали полированное дерево.

— Джимоти…

— Я глубоко уважаю нашу гостью. Признаю, что это предрасполагает меня думать о ней хорошо, но если бы я искреннее верил, что она, как сказал Зупрек, «наша погибель», никакие сентименты в Абарате не смягчили бы мое сердце.

— Хорошо, Зупрек, — сказала Ниритта. — Думаю, ты должен чем-то подтвердить свои слова.

— Забудь о подтверждениях, — ответил Нибас. — Речь не о них. Речь о вере. Те, кто верит в будущее Абарата, должны действовать, чтобы его защитить. Нас будут критиковать за наши решения…

— Ты говоришь о лагерях, — сказала Ниритта.

— Не надо, чтобы девочка нас слышала, — возразил Зупрек. — Это не ее дело.

— Какая разница, — ответил Гелио. — Люди уже знают.

— Пришло время обсудить это, — произнес Джимоти. — Коммексо строит один на острове Простофиль, но никто не задает вопросов. Никого это не волнует, пока Малыш продолжает говорить, что все в порядке.

— Ты не поддерживаешь лагеря, Джимоти? — спросила

Ниритта.

— Нет, не поддерживаю.

— А почему? — поинтересовался Йобиас. — Твоя семья чистокровная на все сто. Посмотри на себя. Чистокровный абаратец.

— И?

— Ты в полной безопасности. Как и все мы.

Кэнди чуяла в их разговоре нечто значимое, но постаралась задать свой вопрос тоном вполне обыкновенным, несмотря на неприятное ощущение в животе:

— Лагеря?

— К тебе это не имеет отношения, — отрезала Ниритта. — Ты вообще не должна знать об этих вещах.

— Такое впечатление, что вы их стыдитесь, — сказала Кэнди.

— Ты слышишь в моих словах то, чего в них нет.

— Ладно, значит вам не стыдно.

— Совершенно не стыдно. Я просто выполняю свою долг.

— Рад, что ты гордишься, — вставил Джимоти, — потому что однажды нам придется отвечать за каждое принятое решение. Этот допрос, лагеря. Всё. — Он посмотрел на свои когти. — Если дела пойдут плохо, им понадобятся шеи для петель. И это будут наши шеи. Должны быть наши. Мы знали, что делали, когда это начинали.

— Боишься за свою шею, Джимоти? — спросил Зупрек.

— Нет, — ответил Джимоти. — За свою душу. Боюсь потерять ее, поскольку был слишком занят, создавая лагеря для чистокровных.

Зупрек издал скрежещущее ворчание и начал подниматься из-за стола, сжимая кулаки.

— *Нет, Зупрек,* — сказала Ниритта Маку, — встреча закрывается. — Она бросила на Кэнди косой взгляд. — *Иди, дитя. Ты свободна!*

— Я с ней еще не закончил! — крикнул Зупрек.

— Зато закончил комитет! — сказала Маку. На этот раз она толкнула Кэнди к дверям. — Иди же!

Двери были открыты. Кэнди взглянула на Джимоти, благодарная ему за все, что он сделал, и направилась к выходу, слыша крики Зупрека, эхом раздававшиеся в стенах зала:

— Она станет нашей погибелью!

Глава 3
Мудрость толпы

Шалопуто ожидал ее у Палат Совета. Облегчение, возникшее на его лице при виде Кэнди, стерло у нее все отрицательные эмоции, вызванные этой крайне неприятной беседой. Она быстро рассказала ему о допросе, который только что выдержала.

— Но они тебя отпустили? — спросил он, когда она закончила.

— Да, — ответила Кэнди. — А ты думал, они собирались меня в тюрьму посадить?

— У меня была такая мысль. Здесь никто не питает любви к Иноземью. Только послушай, что говорят люди…

— А будет только хуже, — кивнула Кэнди.

— Еще одна война?

— Так думает Совет.

— Абарат против Иноземья? Или Ночь против Дня?

Кэнди поймала на себе несколько подозрительных взглядов.

— Думаю, нам лучше поговорить где-нибудь в другом месте, — сказала она. — Не хочу больше никаких допросов.

— И куда ты собираешься? — спросил Шалопуто.

— Куда угодно, только подальше отсюда, — ответила она. — Не хочу, чтобы мне задавали вопросы, пока сама не получу ответы.

— И как ты собираешься это сделать?

Кэнди посмотрела на Шалопуто с беспокойством.

— Ну давай, что у тебя в голове?

— У меня в голове принцесса, Шалопуто. И теперь я знаю, что она была там с самого моего рождения. Это всё меняет. Я думала, что я Кэнди Квокенбуш из Цыптауна, и в каком-то смысле так оно и было. Снаружи я жила обычной жизнью. Но внутри, здесь, — она указала пальцем на висок, — я изучала то, что знает она. Это единственное объяснение, имеющее смысл. Боа выучилась магии у Тлена. А я забрала магию у нее и спрятала.

— Но ты говоришь об этом вслух.

— Потому что она знает. Никому из нас нет смысла играть в прятки. Она во мне, у меня есть все то, что она знает об Абарате. И ей это известно.

Я бы сделала то же самое, сказала Боа. *Но думаю, нам пришло время расстаться.*

— Согласна.

— С чем? — спросил Шалопуто.

— Я говорила с Боа. Она хочет освободиться.

— Ее трудно винить.

— Я и не виню. Просто не знаю, с чего начать.

Пусть тылкрыс расскажет о Лагуне Мунн.

— Ты знаешь кого-нибудь по имени Лагуна Мунн?

— Лично нет, — ответил Шалопуто. — Но в одной из книг Захолуста о ней был стишок.

— Помнишь его?

Шалопуто помедлил, а затем произнес:

— У Лагуны Мунн был сын — просто идеал.

Загляденье, как работал, и еще лучше играл!

Но как она с ним обошлась, я не осмелюсь рассказать.

— Это все?

— Да. Судя по всему, один из ее сыновей был создан из всего хорошего, что в ней было, но оказался занудой. Таким занудой, что она не хотела иметь с ним ничего общего. И она родила другого сына…

— Дай догадаюсь. Он был создан из всего плохого.

— Кто бы ни написал этот стишок, об этом он рассказать не осмелился. Наверное, именно так нам и следует думать.

Она очень могущественная женщина, сказала Боа, *и использует свою силу, чтобы помогать людям, если в настроении*.

Кэнди сообщила об этом Шалопуто. Боа добавила: *Конечно, она сумасшедшая*.

— Почему всегда есть подвох? — спросила Кэнди.

— Что?

— Боа говорит, что Лагуна Мунн — сумасшедшая.

— И что? А ты, Кэнди, нормальная? Почему-то мне так не кажется.

— Хорошо.

— Пусть безумцы найдут мудрость в своем безумии ради нормальных, и пусть нормальные будут благодарны.

— Это какая-то известная поговорка?

— Если я буду часто ее использовать…

Тылкрыс говорит довольно разумно… для тылкрыса.

— Что она сказала? — спросил Шалопуто у Кэнди.

— Откуда ты знаешь, что она что-то сказала?

— Вижу по твоему лицу.

— Она сказала, что ты очень умный.

На лице Шалопуто отразилось сомнение.

— Ну да, конечно… — проговорил он.

Дорога, пролегавшая по множеству улочек куда более мелких, чем те, по которым они поднимались к залу Совета, вывела их на пристань. Узкие улицы и крошечные дворы были

наполнены беспокойством. Люди занимались своими делами, нервничая и суетясь. Такое впечатление, думала Кэнди, что все они ожидают чего-то очень плохого. В темных комнатах за приоткрытыми дверями она замечала, как жители собирают вещи, готовясь к поспешному бегству. Шалопуто воспринял это точно так же, как Кэнди, и спросил:

— Совет что-нибудь говорил об эвакуации Гигантской Головы?

— Нет.

— Тогда почему люди собираются?

— Понятия не имею. Если где и безопасно, то на Веббе Гаснущий День. Это же одна из самых старых существующих построек!

— Вероятно, старый возраст — уже не то, чем он был раньше.

Они молча шли к гавани. Здесь была дюжина рыбацких лодок, и еще больше пыталось найти место у причала, чтобы разгрузить собранный мусор.

— Остатки Цыптауна, — мрачно заметила Кэнди.

— Не тревожься. Все эти годы люди слышали о вас столько разного. Теперь у них есть что-то, что можно подержать в руках.

— Большая часть этих вещей выглядит как мусор.

— Да.

— И что они подумают о Цыптауне? — грустно спросила Кэнди.

Шалопуто не ответил. Он пропустил ее вперед, и она подошла взглянуть на вещи, что рыбаки достали из вод Изабеллы. Неужели жителям Абарата кажется, что это может представлять какую-то ценность? Два пластиковых фламинго из чьего-то сада, множество старых журналов и баночек с таблетками, куски сломанной мебели, большой знак с глупой лупоглазой курицей. И еще один, объявлявший о воскресной службе в лютеранской церкви на Уитмер-стрит: «Много дверей у дома Господнего».

Золотоглазый тип с зеленой бородой, принявший несколько бутылок Лучшего эля Малыша, решил воспользоваться возможностью и заявить о том, как опасно человечество и его дикие технологии. У него оказалось множество последователей и друзей: они нашли ему пару ящиков от рыбы, он встал на них и разразился ядовитой тирадой.

— Если прилив принес сюда их сокровища, — говорил он, — то может принести и их обладателей. Мы должны подготовиться. Все мы знаем, что сделают люди из Иноземья, если вернутся. Они снова начнут грабить Абарат.

Когда он это говорил, Кэнди услышала, как кто-то поблизости произнес ее имя.

Оглядевшись, она встретила дружелюбный взгляд Изарис, женщины, которая позаботилась о Кэнди, когда та впервые попала в хаотическую конструкцию Гигантской Головы. Она накормила Кэнди, обогрела и даже подарила ей первую абаратскую одежду. Изарис была скизмутом — ее народ вышел из глубоких вод, которые называл мамой Изабеллой. Теперь она направлялась сквозь толпу к Кэнди. На голове у нее была самодельная шляпа, сшитая из разнообразных водорослей, одной рукой она укачивала малютку Назаре, а другой держала дочку Майзу.

Она разволновалась, вновь встретив Кэнди, и ее глаза наполнились серебристо-зелеными слезами.

— Я столько о тебе слышала после того, как ты покинула мой дом. Обо всем, что ты сделала, — она посмотрела на Шалопуто. — И о тебе я тоже слышала, — добавила она. — Ты тот, кто работал на волшебника, верно? На Острове Простофиль.

Шалопуто слегка улыбнулся.

— Это Изарис, Шалопуто, — представила ее Кэнди. — Она была очень добра ко мне, когда я попала сюда впервые.

— Я просто сделала то, что сделал бы на моем месте любой, — ответила Изарис. — Может, зайдете ко мне и расскажете, правда ли то, что о вас говорят? По-моему, вы проголодались.

— Да, немного, — сказал Шалопуто.

Но за это краткое время настроение толпы изменилось: она заразилась гневом оратора с зеленой бородой, направленным против человечества.

— Мы должны отыскать их всех до одного и повесить, — продолжал он. — Если мы этого не сделаем, скоро они вернутся, чтобы вновь похитить нашу магию.

— Знаете, у нас, кажется, нет времени на еду, хотя мы бы очень хотели остаться.

— Ты беспокоишься из-за Китомини?

— Это тот, кто говорит, что меня надо повесить?

— Он всех ненавидит. Сейчас это ваш народ, Кэнди. А через пять минут могут быть тылкрысы.

— С ним многие согласны, — сказала Кэнди.

— Люди любят кого-то ненавидеть. Но лично я слишком занята своими детьми.

— А ваш муж?

— Руфус сейчас занимается лодкой. Латает ее для продажи. Мы собираемся уехать с Веббы Гаснущий День, как только получим деньги. Здесь становится слишком опасно.

— У него хорошая лодка? — спросил Шалопуто.

— Руфус говорит, что да.

— Тогда, может, он согласится отвезти нас на Остров Частного Случая — за деньги, разумеется.

— Остров Частного Случая? — переспросила Изарис. — Зачем вам туда?

— У нас там друзья, — сказала Кэнди. Она сунула руку в карман и вытащила оттуда все патерземы, какие у нее были. Шалопуто сделал то же самое. — Вот все, что у нас есть, — сказала она Изарис. — Этого хватит для путешествия?

— Уверена, этого более чем достаточно, — ответила Изарис. — Идемте, я отведу вас к Руфусу. Лодка вполне обыкновенная… просто чтобы вы знали.

— Нам не нужно ничего особенного, — сказала Кэнди. — Мы просто хотим отсюда убраться.

Изарис протянула Кэнди свою широкополую шляпу, чтобы никто в возбужденной толпе не понял, что среди них находится представитель человечества, и повела Кэнди и Шалопуто вдоль причала мимо больших и малых судов к одному из самых маленьких.

На его борту был человек, который заканчивал какую-то работу, орудуя кистью и краской. Изарис позвала мужа и кратко объяснила ситуацию. Кэнди краем глаза следила за слушателями Китомини. У нее было неприятное чувство, что они с Шалопуто не прошли сквозь толпу незамеченными, и это ощущение подтвердилось, когда несколько человек повернулись к ней и через секунду уже шли по причалу в их направлении.

— Изарис, у нас неприятности, — сказала Кэнди. — По крайней мере, у меня. Думаю, будет лучше, если вас со мной не увидят.

— Кто, они? — спросила Изарис, с презрением глядя на приближающихся хулиганов. — Я их не боюсь.

— Кэнди права, любимая, — сказал Руфус. — Скорее бери детей и иди через задний двор рыбной лавки. Поторопись.

— Спасибо, — сказала Кэнди. — В следующий раз мы постараемся обойтись без спешки.

— Напомни моему мужу сразу возвращаться домой.

— Он вернется, не беспокойтесь, — ответила Кэнди.

Человек с зеленой бородой, который разжег своими речами гнев толпы, прорывался теперь сквозь небольшую кучку идущих к ним агрессивно настроенных граждан.

— Отправляемся? — крикнул Руфус.

— Разумеется, — сказала Кэнди.

— Тогда давай!

Кэнди прыгнула в лодку. Доски заскрипели.

— Если ты проломишь дно и утонешь, меня не вини, — ухмыльнулся Руфус.

— Мы не утонем, — сказал Шалопуто, последовав за Кэнди. — У этой девушки полно дел. Великих дел!

Кэнди улыбнулась. (Так оно и было. Что, как или когда — она не знала. Но это была правда).

Руфус побежал к штурвалу, крича Шалопуто:

— Режь веревку, тылкрыс! Да побыстрее!

Док дрожал от шагов растущей толпы, которую вел зеленобородый мужчина.

— Я тебя вижу, девчонка! — заорал он. — И я знаю, кто ты такая!

— Готово, Руфус!

— Ну, держитесь! И молитесь!

— Вперед! — крикнула Кэнди Руфусу.

— За свои преступления против Абарата ты будешь наказана…

Сотня полных ненависти глоток повторила его последнее слово:

— Наказана! Наказана! Нака…

В третий раз угроза потонула в яростном реве маленькой лодки Руфуса, который завел мотор. Облако желтого выхлопного дыма вырвалось из кормы и скрыло за собой толпу, а шум двигателя заглушил ее крики.

Но работа Руфуса была еще не закончена. Они отчалили от пристани, но не покинули гавань, в которой было много рыбаков, что привезли сюда собранный в море мусор. Будь лодка Руфуса побольше, она бы застряла среди множества суденышек. Но она была совсем крошечная и проворная, особенно если у штурвала стоял ее владелец. Когда дым рассеялся, лодка уже вышла из гавани и направлялась в Сумеречный пролив.

Глава 4
Малыш

Побег Кэнди от толпы на острове Вебба Гаснущий День не остался незамеченным. Больше всего глаз, следивших за ней, находилось на острове трех часов ночи. В самом сердце невероятного города стоял большой круглый особняк, а в центре особняка расположилась круглая наблюдательная комната, куда бесчисленные механические шпионы, разосланные по Абарату, хитроумные идеальные имитации флоры и фауны, сконструированные так, чтобы их невозможно было отличить от живых существ, и обладающие к тому же крошечной видеокамерой, сообщали о том, что видят. В Круглой комнате были тысячи экранов, скрывающих ее внутренние и внешние стены, а среди них обычно находился Роджо Пикслер, наблюдающий за миром, который он породил — за маленькими трагедиями, маленькими фарсами, маленькими спектаклями любви и смерти. Но сегодня он не ездил по комнате на своем левитирующем диске, изучая архипелаг. Ныне командой наблюдателей за островами руководил его доверенный коллега доктор Щипцоверн в своих любимых очках, создававших иллюзию, будто два его глаза слились в один. Это он замечал любые важные появления и исчезновения, одним из которых стало бегство Кэнди Квокенбуш. Щипцоверн наказал трем своим помощникам напоминать друг другу о необходимости напомнить самому Щипцоверну, чтобы тот сообщил великому архитектору о девушке из Иноземья, когда Пикслер, наконец, вернется.

Хотя фраза «когда вернется» обычно была не слишком значима, сегодня она несла важный смысл. Сегодня великий архитектор обследовал место своего грядущего великого творения — подводного города в самых глубоких трещинах моря Изабеллы. Зачем? Щипцоверн не раз задавал Пикслеру этот вопрос, на что тот отвечал всегда одно и то же: чтобы дать имена всем безымянным и созерцать чудеса, которые непременно существуют в черных глубинах. Когда эти невинные стремления будут достигнуты, а подводные создания — занесены в каталог, он сможет начать воплощение своей истинной цели (которой поделился только с Щипцоверном): основать в скрытых обиталищах доселе неизвестных жизненных форм глубоководный город, столь амбициозный по масштабам и виду, что блестящая невероятность Коммексо будет подобна грубому наброску по сравнению с работой мастера.

Даже сейчас, когда Щипцоверн наблюдал, как Кэнди Квокенбуш покидает Веббу Гаснущий День, Пикслер присутствовал на соседнем экране; он забирался в свой батискаф и уверенно махал рукой перед камерой. Внутри его ожидал только искусственный разум, но именно его холодная компания устраивала Пикслера больше всего.

Его лицо появилось в линзе «рыбий глаз», передававшей его присутствие на пульт управления батискафа. Когда Пикслер заговорил, в его голосе слышались металлические интонации.

— Не надо так волноваться, Щипцоверн. Я знаю, что делаю.

— Конечно, сэр, — ответил доктор. — Но я бы не был человеком, если б слегка не беспокоился.

— Хвастаешься? — спросил Пикслер.

— Чем, сэр?

— Своей человечностью. Из служащих компании мало кто может такое заявить. — Пикслер опустил руки на панель управления и начал включать функции батискафа. — Улыбнись, Щипцоверн, — сказал он. — Мы творим историю. Ты и я.

— Хотелось бы мне, чтоб мы творили ее не сегодня, — заметил Щипцоверн.

— Почему?

— Просто… плохие сны, сэр. Каждому рациональному человеку позволено иметь несколько иррациональных снов. Вам так не кажется?

— И что ты видел? — спросил Пикслер. Дверь батискафа с шипением захлопнулась. Искусственный голос объявил, что подъемники полностью готовы.

— Ничего особенного.

— Тогда расскажи, о чем был сон.

Единственный глаз Щипцоверна метнулся вправо, влево, стараясь не встречаться с вопросительным выражением лица архитектора. Но взгляд Пикслера всегда сбивал его с толку.

— Ладно, — ответил он. — Я расскажу. Мне снилось, что все прошло хорошо, за исключением…

— За исключением?

— Когда вы оказались в самом глубоком месте…

— И?

— Там уже был город.

— Ага. Вместе с жителями?

— Они исчезли за тысячи лет до нас. У них были большие чешуйчатые плавники и очень красивые лица. На стенах там мозаика. Яркие, выразительные глаза.

— Что же с ними случилось?

Щипцоверн покачал головой.

— Они не оставили никаких намеков. Если только их великолепный город сам им не является.

— Что же за намек может крыться в совершенстве?

— Вы сами это узнаете, сэр.

Убедить Пикслера было нелегко.

— Почему тебе приснился этот глупый сон? Ты можешь проклясть все мое предприятие.

— Мы ученые, сэр. Мы не верим в проклятия.

— Не говори мне, во что я верю. Найди Малыша.

— Его ищут.

— Нашли?

— Пока нет.

— Ладно, не беспокойся. Я просто подумал, что ему захочется увидеть, как я отправлюсь.

Автоматические двери батискафа закрывались. На лице великого архитектора мелькнула тревога, однако он ей не поддался. Три массивные катушки, одна из которых поставляла в батискаф энергию, вторая — чистый воздух, а третья, самая большая, несла вес огромного судна, сейчас равномерно разматывались. Щипцоверн смотрел на данные экранов вокруг кабины. Сотни крошечных камер, словно косяки одноглазых рыб, образовывали нисходящую колонну, внутри которой находился батискаф; их движение и мерцание предназначалось для привлечения из тьмы любых таинственных существ, населявших эти суровые глубины.

— Что если он никогда не вернется? — спросил печальный голос.

Щипцоверн отвернулся от экранов.

За его спиной стоял Малыш. На этот раз его лицо было лишено улыбки. Он наблюдал за спуском батискафа с выражением брошенного ребенка.

— Мы должны молиться, чтобы он вернулся, — ответил Щипцоверн.

— Я всегда за него молюсь, — сказал Малыш.

— Тогда, дитя мое, советую тебе подумать о другом Боге, и как можно скорее.

— Почему? — спросил Малыш с нотками истерики в голосе. — Думаешь, папа там умрет?

— Разве я это сказал? — спросил Щипцоверн, но его слова прозвучали неубедительно.

— Я слышал, вы говорили о чем-то, что живет глубоко во тьме. Они называются рекоки?

— Нет, мальчик. Они называются реквии.

— Ха! — сказал Малыш, словно поймал Щипцоверна на

лжи. — Значит, они существуют.

— Именно это твой отец и собирается выяснить. Существуют они или нет.

— Так нечестно. Он мой. Если он спустится во тьму и не вернется, что я буду делать? Я себя убью. Именно так и сделаю!

— Не сделаешь.

— Сделаю! Вот увидишь!

— Твой отец — особенный человек. Гений. Он всегда будет стремиться исследовать новые места и строить здания.

— Тогда я его ненавижу! — крикнул Малыш. Он вытащил рогатку, зарядил камень и прицелился в самый большой экран. Не попасть в него было невозможно. Экран разлетелся, взорвавшись водопадом белых искр и мелких фрагментов Патентованного стекла Коммексо.

— А ну прекрати немедленно! — рявкнул Щипцоверн.

Но Малыш снова зарядил рогатку, выстрелил, и вот уже второй экран разлетелся на мелкие осколки.

— Я вызову охрану, если ты не прекратишь…

Заканчивать предложение ему не пришлось. На одном из экранов Малыш увидел нечто, заставившее его позабыть о рогатке. Одна из камер-шпионов наблюдала за девочкой, которую Малыш знал — по крайней мере, зрительно, поскольку отец вызвал для него ее образ в ночь, когда вернулся с Острова Простофиль.

— Это Кэнди Квокенбуш, мой мальчик, — сказал Малыш, в точности подражая голосу своего Создателя.

При виде Кэнди вся его злость на Пикслера испарилась. Малыша охватило любопытство.

— Куда ты отправляешься, Кэнди Квокенбуш? — сказал он так тихо, что Щипцоверн не услышал. — Почему не придешь в Город и не станешь моим другом? Мне нужен друг.

Он подошел к нижним экранам и, протянув руку, мягко положил ладонь на ее лицо.

— Пожалуйста, приходи, — прошептал он. — Я могу подождать. Я буду здесь. Просто приди. *Прошу*.

Глава 5
Следы преступления

Спустя три недели после того, как воды Изабеллы пересекли границу Абарата, заполнив многочисленные улицы Цыптауна и разрушив в своей ярости лучшие старые дома города вместе с муниципалитетом, церковью и публичной библиотекой Генри Мракитта, отец Кэнди, Билл Квокенбуш, начал гулять по ночами.

Прежде у него никогда не возникало желания для подобных прогулок. Он был счастлив вести сидячий образ жизни, сгорбившись перед телевизором на троне из искусственной кожи, с пивом, холодной пиццей и теплым пультом под рукой. Но больше он не смотрел телевизор. Ранними вечерами он сидел в своем кресле, выпивая дюжину банок пива, выкуривая столько сигарет, что пепельница становилась полной до краев, и иногда съедая куски белого хлеба. Когда наступала ночь, члены семьи ложились спать, но даже его жена Мелисса не утруждала себя пожеланием Биллу спокойной ночи.

Когда, наконец, в доме становилось тихо и спокойно — обычно после полуночи, — Билл выходил на кухню, заваривал себе крепкий кофе, чтобы проснуться, и готовился к путешествию, надевая старые рабочие ботинки, все еще покрытые засохшей куриной кровью, и темно-синюю штормовку. По мере того, как наступала осень, погода становилась непредсказуемой. Иногда по ночам шел дождь с порывами северного ветра, и даже пару раз выпадал снег. Но температура не могла повлиять на его ритуалы.

На улицах города, где он прожил всю свою жизнь, его ожидала важная работа, смысл которой его отупевший ум пытался понять каждый день из тех, что Билл просиживал перед черным телеэкраном, а шторы скрывали от него октябрьские небеса. Эта работа требовала, чтобы он покидал уютное кресло и отправлялся бродить по городу, хотя понятия не имел, что или почему он ищет. Вместо компаса у него было глубинное убеждение: однажды ночью он где-то в городе завернет за угол и увидит разгадку тайны.

Но каждую ночь повторялась одна и та же история: усталость и разочарование. Незадолго перед рассветом он возвращался в темный, молчаливый дом с пустыми руками, и его сердце болело так, как никогда прежде оно не болело ни от скорби, ни от сожаления, ни, разумеется, от любви.

Сегодня, однако, Билл исполнился той странной уверенности, что заставила его когда-то начать поиск, и

отправился в ночь, едва услышав, как Мелисса выключает лампу рядом с постелью, где некогда они спали как муж и жена.

Спеша покинуть дом, он не только забыл выпить кофе, но и не надел штормовку. Неважно. Одна неприятность отменяла другую: холод был настолько сильным, что он не хотел спать — напротив, чувствовал себя *живым* как никогда. Хотя его пальцы быстро онемели, а глаза в глазницах ломило от холода, предвкушение радости и радость предвкушения оказались настолько сильны, что он шел вперед, не думая о своем самочувствии и позволяя ногам сворачивать на улицы, которые прежде никогда бы не выбрал и, возможно, даже не видел.

Наконец, блуждания завели его в маленький тупик, который назывался Место Калеба. Воды Изабеллы изрядно здесь поработали. Оказавшись в замкнутом пространстве, они направили свою разрушительную силу на кольцо домов, полностью уничтожив несколько из них и оставив лишь три, восстановить которые было еще возможно. Наиболее крепким выглядел тот, куда тянуло Билла Квокенбуша. Дом полностью огораживала широкая лента с повторяющейся надписью:

ОПАСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. НЕ ВХОДИТЬ.

Билл не обратил внимания на предупреждение. Поднырнув под ленту, он вскарабкался по строительному мусору и оказался внутри дома. Луна, чей свет пробивался сквозь дырявую крышу, была достаточно яркой, чтобы освещать серебристым светом интерьер.

У входа он остановился и некоторое время прислушивался. До него донесся непонятный звук, ритмичный и приглушенный. Он внимательно слушал, пытаясь определить направление. Звук исходил откуда-то сверху, заключил он. Толкнув входную дверь, он пробрался через разломанную мебель и кирпичи между дверью и лестницей. Воды сорвали со стен практически всё: картины, обои, даже штукатурку, которая отваливалась целыми глыбами, и некоторые ступени было сложно различить. Но с тех пор, как Кэнди исчезла в Абарате, Билл встретил и преодолел множество препятствий. Несколько замусоренных лестниц его не смущали.

Пару раз он споткнулся, осторожно перешагивая с одной трещавшей ступеньки на другую, но ему везло. Он без происшествий достиг площадки, которая была надежнее, чем лестница. Вновь замер, чтобы определить направление, и пошел по коридору к комнате в дальнем конце, откуда, как он был уверен, исходил странный привлекавший его шум.

У комнаты сохранилась дверь, и она была слегка приоткрыта. Билл на миг замер, почти благоговейно, и толкнул ее двумя пальцами. Скрип, дверь распахнулась. Половину комнаты

освещал лунный свет, остальное скрывалось в тени. На залитых светом досках он обнаружил источник звука. Десятки птиц, обычных созданий, имени которых он не знал, хотя не раз видел их на Последовательной улице. Они лежали так, словно какая-то безжалостная сила прибила их головы к полу; пытаясь взлететь, они так сильно били крыльями, что в воздухе плавали клочки перьев.

— Что за… — пробормотал он.

На темной половине комнаты что-то шевельнулось. Что-то, как понял Билл, не бывшее птицей.

— Кто здесь? — спросил он.

В темноте вновь возникло движение, и внезапно из тени на лунный свет вылетело нечто. Оно приземлилось среди лежавших птиц, всего в ярде или двух от Билла, затем подпрыгнуло и после второго прыжка ударилось о стену напротив двери. Билл не сумел разобрать, что это такое.

Это могла быть ярко раскрашенная обезьяна, хотя он никогда не видел, чтобы обезьяна двигалась так стремительно. Движение повергло птиц в неистовство, и некоторые от ужаса нашли в себе силы преодолеть притяжение. Они поднялись в воздух в центре комнаты, но, несмотря на открытую крышу, не пожелали избавиться от того, что однажды привлекло их сюда.

Из-за их возбужденного кружения Биллу стало совсем ничего не видно.

Что это за странное создание прилепилось к стене? Оно было сделано скорее из ткани, чем из кожи: он видел лоскуты четырех-пяти разноцветных материалов, от ярко-алого до блестящего черного с синим отливом.

У существа не было определенной анатомии, ничего, что напоминало бы голову или какие-то формы, способные ее удержать; у него не было ни глаз, ни ушей, ни носа, ни рта. Билл ощутил глубокое разочарование. Конечно, это не ответ на тайну его ночных странствий. Ответ, который он искал, был чем-то большим, нежели бесформенные куски старого фетра.

И хотя в существе не оказалось ничего, что могло бы его заинтересовать, ему все же стало любопытно.

— Что ты такое? — спросил он, больше обращаясь к себе.

Существо, к изумлению Билла, вытянуло четыре конечности и изо всех сил напряглось. Затем оттолкнулось от стены и прыгнуло на Билла так, словно его швырнула невидимая рука.

Билл был слишком медлителен и удивлен, чтобы уклониться. Существо вцепилось в его голову, полностью закрыв лицо. Во внезапной темноте нос Билла заработал на полную катушку. Оно воняло зверьем! Эта вещь пахла мехом, который повесили в шкаф

сырым и оставили там гнить.

Вонь подавляла его до отвращения. Он схватил вещь и попытался сдернуть ее с головы.

— Наконец-то, — молвило создание. — Уильям Квокенбуш, ты услышал наш зов.

— Отцепись от меня.

— Только если ты нас выслушаешь.

— Вас?

— Да. Ты слышишь пять голосов. Нас пятеро, Уильям Квокенбуш, и мы готовы служить тебе.

— Служить мне? — Билл перестал бороться с вещью. — То есть что, будете мне подчиняться?

— Да!

Билл криво ухмыльнулся.

— Делать все, что я скажу?

— Да!

— Тогда перестаньте меня душить, идиоты!

Пятерка отреагировала, быстро спрыгнув с его головы и вновь прилепившись к стене.

— Вы кто?

— Почему бы и нет? Если ему не нравится истина, похожая на безумие, пусть он хотя бы что-нибудь узнает, — сказала вещь самой себе, а затем обратилась к Биллу:

— Когда-то мы были пятью шляпами тех, кто принадлежал Магическому кругу Острова Простофиль. Но наши обладатели были убиты, а позже убийца отметил находку того, что искал, сердечным приступом. Нам пришлось найти того, кому передать нашу силу.

— И вы выбрали меня.

— Конечно.

— Почему «конечно»? Никто и никогда по доброй воле ни для чего меня не выбирал.

— А как ты думаешь, повелитель, почему?

Билл знал ответ, даже не задумываясь.

— Из-за моей дочери.

— Да, — сказало создание. — У нее большая сила. Вне всякого сомнения, она исходит от тебя.

— От меня? Что это еще значит?

— Это значит, что ты будешь иметь влияние большее, чем когда-либо мог мечтать. Даже в своих самых невероятных мечтах о божественности.

— Я никогда не мечтал стать Богом.

— Тогда проснись, Уильям Квокенбуш! Проснись и познай реальность!

Хотя Билл не спал, он интуитивно почувствовал более глубокое значение того, что ему сказали. Его лицо раскрылось, словно дверь, и что бы за ней ни было, это привлекло внимание создания, некогда бывшего пятью шляпами.

— Ты только взгляни на себя, малыш Билли! — сказало оно, и все его пять голосов внезапно изменились, слившись в восхищении. — От тебя исходит такой свет! Такой сильный, ясный свет, который прогонит прочь все страхи.

— От меня?

— А от кого же? Подумай, малыш Билли. Подумай. Кто может спасти нас от того ужаса, который твой ребенок собирается призвать в мир, если не ты, ее создатель?

Когда существо говорило о «свете» Билла, множество молчаливых птиц поднялись в воздух и закружили вокруг него, образовав воронку из черных глаз и трепещущих крыльев.

— Что они делают? — спросил Билл у бесформенного создания.

— Поклоняются тебе.

— Мне это не нравится.

— Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделал?

— Останови их.

— Остановить навсегда?

— Да.

— Да, — сказало создание, повторив интонации Билла.

— Ты смеешься надо мной?

— Ни в коем случае, — ответило существо.

Через секунду все птицы до единой бездыханными упали на замусоренный пол.

— Так лучше?

Билл оценил тишину.

— Гораздо лучше, — наконец, ответил он и слегка усмехнулся. Это был смех, которым он не смеялся давным давно: смех человека, которому нечего терять и нечего бояться.

Он посмотрел на часы.

— Почти рассвет. Я лучше пойду. Что мне с вами делать?

— Носи нас на голове. Как тюрбан.

— Такое носят иностранцы.

— Так ты и есть иностранец, малыш Билли. Ты не принадлежишь этому месту. Ты привыкнешь нас носить. В своей предыдущей жизни мы выглядели весьма впечатляюще. однако мы расторгли связь с прошлым.

— Я знаю, что вы чувствуете, — сказал Билл. — Но теперь всё изменится, ведь так?

— Воистину так, — ответили остатки пяти шляп Каспара

Захолуста. — Ты нашел нас. Теперь изменится всё.

Глава 6
Под Вздором

Маленькая лодка Руфуса влекла Кэнди и Шалопуто на юго-запад по Сумеречному проливу между Хафуком и Островом Простофиль к Вздору, на диких пространствах которого обитало племя женщин кварв, что охотились на усталых путников, жарили их и ели. По слухам, Лагуна Мунн, колдунья, которую они искали, симпатизировала кварвам, несмотря на их вкусы, лечила, когда те болели, и даже время от времени принимала от них угощения. Остров был подходящим местом для подобных отвратительных вещей. Он стоял на одиннадцати вечера, в часе от ужасов Полуночи.

Однако отделенные друг от друга острова были осколками времени. Лишь звуки могли перелетать с одного на другой, эхо эха, зловеще далекого. Определить звуки соседнего Горгоссиума было несложно. На нем вовсю шло разрушение. Работали массивные очищающие землю механизмы, снося стены и выкапывая фундаменты. Этот шум отражался от высоких, глядящих на запад утесов Вздора.

— Что они там делают? — громко удивился Шалопуто.

— Лучше не спрашивай, — приглушенным тоном ответил Руфус. — И даже не думай об этом. — Он посмотрел на звезды, которые светили над Вздором так ярко, что затмили бы даже полную луну. — Лучше думать о красоте света, чем о том, что происходит во тьме. Любопытство убивает. Я потерял Скафту, своего брата-близнеца, только потому, что он задавал слишком много вопросов.

— Мне очень жаль, — сказала Кэнди.

— Спасибо, Кэнди. Итак, где тебя высадить? На большом острове или на маленьком?

— Я и не знала, что тут два острова.

— Ну да, конечно. Кварвы управляют большим. Маленький — для обычных людей. И для ведьмы, конечно.

— Вы имеете в виду Лагуну Мунн?

— Да.

— Тогда нам туда и надо.

— Хотите встретиться с заклинательницей?

— Да.

— А вы знаете, что она сумасшедшая?

— Да. Мы слышали, что так говорят. Но люди говорят много всякого, и это не обязательно правда.

— И о тебе?

— Я не…

— Ты права, это так. Они говорят самые разные гадости.

— Например? — поинтересовался Шалопуто.

— Неважно, — сказала Кэнди. — Не собираюсь слушать всякие глупости, которые они выдумывают. Они меня не знают.

— И о тебе тоже, Шалопута, — сказал Руфус.

— Шалопуто, — поправил тот.

— Они и о тебе говорят ужасные вещи.

— А вот *я хочу* знать.

— Что ж, у тебя есть выбор, тылкрыс. Либо я начну рассказывать всякие нелепые слухи, и пока буду терять время, течение выкинет нас вон на те скалы; либо я забуду об этой чуши и стану делать работу, за которую вы мне платите.

— Тогда высадите нас на остров, — разочарованно сказал Шалопуто.

— С радостью, — ответил Руфус и вернулся к штурвалу.

Вода вокруг лодки забурлила.

— Знаете… я не хочу говорить вам, что делать, — начала Кэнди, — но если вы не будете осторожны, поток унесет нас вон в ту пещеру. Видите ее?

— Да, вижу, — крикнул Руфус сквозь рев яростной Изабеллы. — Туда мы и направляемся.

— Но волны…

— Очень бурные.

— Да.

— Неистовые.

— Да.

— Тогда держитесь крепче!

Не успел он договорить, как лодка оказалась в пещере. Проход в нее вынуждал воду подниматься и торопиться, торопиться и подниматься. Ударившись о каменный потолок, сломалась верхушка мачты. Несколько пугающих секунд всем казалось, что лодку и ее пассажиров размажет о скалу. Но уровень воды спал так же быстро, как и поднялся. Пещера расширилась, и поток успокоился.

Хотя они значительно углубились внутрь острова, здесь было светло благодаря колониям фосфоресцирующих созданий, которые усеивали стены и сталактиты, свисающие с потолка. Они напоминали помесь краба и летучей мыши, а их странную анатомию украшал сложный симметричный узор.

Впереди находился маленький остров с крутыми утесами и единственный холм, вздымающийся под острым углом, покрытый деревьями с красной листвой (которой не требовался для роста

солнечный свет), и с лабиринтом побеленных зданий под ярким растительным пологом.

— Нам веревка нужна, чтобы забраться по этим стенам, — сказал Шалопуто.

— Либо веревка, либо мы войдем вон там, — Кэнди указала на маленькую дверь в стене.

— О… — сказал Шалопуто.

Руфус подвел лодку так, чтобы они смогли сойти с нее к двери.

— Передайте Изарис мои наилучшие пожелания, — сказала Кэнди Руфусу. — И скажите, что мы скоро увидимся.

На лице Руфуса читались сомнения.

— Вы уверены, что я вот так просто должен вас здесь оставить? — спросил он.

— Мы не знаем, сколько пробудем у Лагуны Мунн, — ответила Кэнди. — К тому же, дела становятся более запутанными. По каким-то причинам все развивают бурную деятельность, и вам лучше вернуться назад, к своей семье.

— А ты, тылкрыс?

— Я буду там же, где она, — ответил Шалопуто.

Руфус покачал головой.

— Вы оба сумасшедшие, — сказал он.

— Если наши дела пойдут плохо, вам не в чем себя винить, — ответила Кэнди. — Мы делаем это вопреки вашему доброму совету. — Она помолчала и улыбнулась. — И мы действительно еще увидимся.

Шалопуто вылез из лодки, присел на узкой ступени и попытался открыть дверь. Та поддалась безо всяких усилий.

— Еще раз спасибо, — сказала Кэнди Руфусу и выбралась из лодки, войдя через маленькую, грубо окрашенную дверь следом за Шалопуто.

Прежде, чем переступить порог, она обернулась, но попрощаться с Руфусом уже не смогла. Властные волны Изабеллы подхватили маленькую лодку и повлекли прочь, а крылатые крабы приветствовали ее побег смешанными овациями крыльев и когтей.

Глава 7
Огорчения Плохиша

От двери в стене сквозь деревья вела крутая тропа с узкими ступенями. Кэнди и Шалопуто взбирались наверх. Хотя сквозь оранжево-красный полог виднелось что-то яркое, свет почти не достигал тропы. Однако рядом со ступеньками стояли маленькие лампы, освещавшие путь. За их пределами была чаща и плотная тьма. И эта тьма не пустовала.

— За нами следят, — негромко проговорила Кэнди.

— Тут так тихо. Птицы не чирикают. Насекомые не жужжат.

— Может, здесь есть что-то еще? То, чего они боятся?

— Если и так, — сказал Шалопуто с показной смелостью, — надеюсь, оно знает, что мы тут собираемся учинить неприятности.

Его представление повлекло за собой ответ.

— Ты говоришь, что пришел сюда учинить неприятности, — произнес юный голос, — но это не так.

— Зачем ты здесь? — спросил второй голос.

— Сыновья, — пробормотал Шалопуто так тихо, что Кэнди, стоявшая в шаге от него, едва расслышала.

— Да, — сказал голос. — Мы сыновья.

— И мы тебя слышим, — поддразнил его второй, — как бы тихо ты не шептал. Так что не теряй времени.

— Вы где? — спросила Кэнди, медленно взбираясь на очередную ступеньку, и в это время справа, откуда исходили голоса, мелькнула тень.

Она быстро сотворила в руке маленький шарик облачного света, холодный огонь, вызывать который научилась у принцессы. Это, подумала Кэнди, одно из самых простых магических заклятий, что она позаимствовала из коллекции Боа, и крепко сжала шарик.

Наступил момент, когда один из мальчишек Лагуны Мунн оказался достаточно близко, чтобы…

Ага! В поле ее зрения двигалась призрачная фигура. Она быстро подняла руку и выпустила шарик. Он вспыхнул желто-белым и голубым, и этот свет озарил того, кого Кэнди хотела осветить. Облачко сделало свое дело — Кэнди увидела одного из сыновей Лагуны Мунн. Он был похож на чертика с маленькими рожками и приземистым телом, созданным из теней и осколков цвета, как будто его осыпали стекла разбившегося витража, которые, однако, не причинили ему никакого вреда, словно его

тело было из желе Темной стороны луны.

Но когда он заговорил, его голос оказался совершенно не подходящим для такого облика. Это был четкий, вежливый голос мальчика, который ходит в хорошую школу.

— Я Плохиш мамы, — сказал он.

— Правда? И как тебя зовут?

Он вздохнул, словно вопрос поставил его в тупик.

— В чем дело? — спросила Кэнди. — Я просто спросила, как твое имя.

Ее простой, незамысловатой минессотской душе не слишком пришелся по вкусу этот самопровозглашенный Плохиш Лагуны Мунн.

— Не знаю, — ответил он, кусая ноготь большого пальца. — Сложно выбрать, когда их так много. Хочешь знать, сколько у меня имен?

Она не хотела.

— Ну хорошо, я слушаю. И сколько же?

— Семьсот девятнадцать, — с гордостью произнес он.

— Ого, — сказала Кэнди равнодушно. И еще более равнодушно:

— Почему?

— Потому что я могу. Мама сказала, я могу иметь все, что пожелаю. И теперь у меня много имен. Но ты можешь называть меня… Ободранная Пробка? Нет, нет. Пайман Хамбадикин? Нет! Джолло Бигог! Да! Джолло Бигог — то, что надо!

— Ладно, а я…

— Кэнди Квокенбуш из Курятника.

— Из Цыптауна.

— Курятник. Цыптаун. Неважно. А это — твой друг, тылкрыс Шалопуто. Ты спасла его от рабства у волшебника Каспара Захолуста.

— Ну что ж, ты выучил домашнее задание, — сказала Кэнди.

— Домашнее задание… — повторил Джолло Бигог, размышляя над словами. — А. Работа, которую задают ученикам их учителя в вашем мире, и которой они всеми силами стараются избежать. — Он ухмыльнулся.

— Верно, — сказала Кэнди. — В самую точку!

— В самую точку! — восторге воскликнул Джолло. — Я попал в самую точку! Я попал в самую точку!

— Кто это здесь радуется? — послышался женский голос из темноты, что окружала свет, озарявший Джолло.

Радость мальчика мгновенно испарилась, но не из страха, подумала Кэнди, а из любопытного уважения к говорящему.

— Плохиш? — сказала она.

— Да, мама.

— Не найдешь ли ты нашему гостю Шалопуто что-нибудь поесть и попить?

— Конечно, мама.

— И пришли ко мне девочку.

— Как скажешь, мама.

Кэнди хотела заметить, что она тоже хочет есть и пить, но говорить об этом было пока не время.

— Ну вот, ты слышала маму — сказал Джолло Кэнди. — Она хочет тебя видеть, поэтому теперь тебе надо идти к серебряному глазу. — Он указал на глаз размером не меньше фута, с черным зрачком и серебристым хрусталиком, видневшийся среди деревьев.

— А мне идти? — спросил Шалопуто у Кэнди.

— Если ты понадобишься, клянусь, что позову тебя. Очень громко.

— Рад? — спросил Джолло у Шалопуто. — Если мама попытается ее съесть, она закричит.

— Твоя мать не станет…

— Не станет, не станет, тылкрыс, — ответил Джолло. — Это юмор. Шутка.

— Я знаю, что такое шутка, — не слишком уверенно сказал Шалопуто. Он поискал Кэнди, но та уже отправилась к серебряному глазу, сойдя с тропы и углубившись в темноту между деревьями.

— Идем, тылкрыс. Давай тебя накормим, — сказал Джолло. — Если ты услышишь, как Кэнди тебя зовет, пойдешь прямо к ней. Я не буду тебя останавливать. Честно.

Глава 8
Лагуна Мунн

Остров Лагуны Мунн выглядел маленьким, если смотреть на него с лодки Руфуса, но теперь, когда Кэнди шла по его темным склонам, он казался гораздо больше, чем можно было ожидать. Она оставила свое облачко за спиной, но серебряный глаз излучал собственный свет, который вел ее сквозь чащу. Она была рада такому маяку. Земля под ногами становилась круче, а деревья, между которыми ей иногда приходилось буквально продираться, все более кривыми и древними.

Здесь, на возвышенности, дул ветер. Старые деревья трещали, с их ветвей сыпался сухой дождь листьев и увядших плодов. Кэнди не отводила взгляда от маяка. Она следовала к нему настолько точно, насколько позволял густой подлесок, пока не добралась до места, где нижние ветви деревьев переплелись с кустами, образовав настоящую древесную стену. Кэнди остановилась; глаз озарял переплетенные сучья. Через несколько секунд по стене прошло легкое движение, и там, где сиял свет, стена расплелась, открыв узкий проход. Деревья и кусты все еще раздвигались, когда голос, говоривший с Джолло, произнес:

— Либо входи, либо поворачивай назад, девочка, но не надо просто *стоять*.

— Спасибо, — ответила Кэнди и шагнула в проем между извивающимися ветвями.

Она добралась до вершины острова. Шумный ветер двигался здесь кругами, и листья, которые он нес, поднимались и падали, когда он проносился мимо. Однако в этих завихрениях летели не только листья. Здесь были животные разных размеров и форм: они двигались с бледными, как луна, или красными, как заходящее солнце, боками; их глаза сверкали золотым и зеленым, и все они оставляли следы своего движения в призрачном воздухе.

Она не могла понять, что это такое — радостная гонка или бегство от смерти. Чем бы это ни было, внезапно все они повернули в ее направлении, и она упала на землю, обхватив голову руками и чувствуя, как над ней мчится живая лавина. Сейчас эта лавина обрела звук. Кэнди слышала не только шум ветра, но и грохот копыт, топот лап, рев, визг и вой тысяч созданий или даже больше.

— Ты еще не знаешь разницы между порождением сна и порождением жизни? — спросила Лагуна Мунн, и ее голос

казался ближе, чем звук мчавшихся животных.

— Порождением сна? — переспросила Кэнди.

— Да, девочка, — ответила Лагуна. — Сна. Воображения. Выдумки. Фантазии.

Кэнди отважилась поднять глаза. Что бы заклинательница ни говорила, копыта и когти, все еще находившиеся у Кэнди над головой, казались реальными и весьма опасными.

— Это иллюзия, — сказала Лагуна Мунн. — Встань. Иди. Если ты мне не доверяешь, как поможет то, что я буду для тебя делать?

Это имело смысл. Кэнди приподняла голову. Ярость живого потока двигалась над куполом, что защищал ее мысли. Было больно. Болел не только череп, трещавший под ударами копыт, но даже кости лица и мягкие ткани, которые он оберегал.

Если она не выдержит эту атаку, ей не найти никого, кто скажет то, чего она ждет от Лагуны Мунн.

Она встала.

Ну и боль! Пусть даже иллюзия, она оказалась достаточно сильной, чтобы из носа Кэнди закапала кровь. Она вытерла ее тыльной стороной ладони, но кровь не унималась. Животные продолжали мчаться, и ярость их стремительного движения била в нее изо всех сил.

— Я знаю, вы здесь, Лагуна Мунн, — произнесла она. — Вы не можете вечно прятаться. Давайте, покажитесь.

Животные продолжали свою бешеную скачку. Кровь из носа начала собираться во рту. Она слизнула ее — привкус меди и соли. Сколько еще ее тело сможет выдержать этот беспощадный поток? Заклинательница не позволит ей умереть, если она вдруг не справится?

— Я не собираюсь умирать, — сказала себе Кэнди.

Она попыталась посмотреть сквозь заклинание, но оно лишь усилило давление своей реальности.

Без меня тебе никогда не справиться, сказала Боа.

Так помоги мне.

Зачем?

Кэнди разозлилась. Боа достала ее, как достали все эгоцентричные женщины, у которых имелось больше силы, чем сострадания, начиная с мисс Шварц и заканчивая Бабулей Ветошью. Хватит с нее их всех!

В этот миг ее зрение пробилось сквозь стремительную иллюзию, разглядев таинственную Лагуну Мунн. Мать Кэнди, Мелисса, назвала бы ее «женщиной с широкой костью» — фраза, под которой она имела в виду толстух.

— Я… вас вижу, — сказала Кэнди.

— Хорошо, — ответила Лагуна Мунн. — Тогда мы можем продолжать.

Лагуна Мунн подняла руку и сжала кулак. Прилив живых существ немедленно исчез, но кости у Кэнди продолжали болеть, голова гудела, а из носа текла кровь. Мягким голосом Лагуна продолжила:

— Я не ожидала тебя увидеть, хотя должна сказать, ты меня заинтриговала. Я думала, тебя больше привлекают Фантомайя.

— Я здесь из-за них, — сказала Кэнди.

— Ага, значит, кто-то рассказывал тебе басни.

— Это не басня! — отрезала Кэнди.

Она все еще злилась.

— Успокойся, — сказала Лагуна Мунн. Она поднялась из своего кресла и оказалась рядом с Кэнди, не сделав ни единого шага. — Что я вижу у тебя в голове, девочка?

— Нечто большее, чем я, — ответила Кэнди. — Другого человека.

Большие глаза Лагуны стали еще больше и ярче.

— Ты знаешь, как зовут того человека у тебя в голове?

— Да. Ее зовут принцесса Боа. Ее душу забрали женщины Фантомайя…

— Глупо, глупо, — пробормотала Лагуна Мунн.

— Я? — спросила Кэнди.

— Нет, не ты. Они. Играют с вещами, в которых ничего не смыслят.

— Тем не менее, они это сделали. А я хочу от нее избавиться.

— Почему не пойдешь к ним?

— Потому что они не знают, что я знаю. Если бы они хотели нас разъединить, они бы сказали, что она — во мне.

— Пожалуй, ты права.

— Кроме того, одна из них уже убита из-за того, я пришла в Абарат…

— Значит, если должна умереть еще одна ведьма, ты предпочтешь, чтобы это была я?

— Я не то имела в виду.

— Но именно так это прозвучало.

— Да что с этим местом? Все играют в какие-то свои дурацкие игры! Меня это бесит! — Она вновь вытерла нос. — Если вы не собираетесь мне помогать, я сделаю это сама.

Лагуна Мунн даже не пыталась скрыть свое удивление и промелькнувшее за ним восхищение.

— Да, ты действительно это сделаешь…

— Если понадобится. Я не смогу понять, кто я, пока она находится у меня в голове.

— А что случится с ней?

— Не знаю. Я много чего не знаю. Поэтому я пришла сюда.

— Скажи мне честно, а принцесса хочет от тебя освободиться?

— Хочет, — уверенно сказала Кэнди. Лагуна смотрела на нее с подавляющей напряженностью. — Проблема в том, что я не знаю, где заканчиваюсь я и где начинается она. Я родилась с ней в голове. Мы всегда жили вместе.

— Должна предупредить, что если она не захочет тебя покинуть, тебе придется драться. А такая борьба может стать фатальной.

— Я рискну.

— Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да. Это может меня убить.

— Может. И я предполагаю, ты думала над тем, что в тебе могут оказаться части, которые тебе не принадлежат.

— Которые принадлежат ей? Да. Я об этом думала. И я их потеряю. Но если они никогда не были моими — никогда не были мной, — то на самом деле я не потеряю ничего.

Пристальный взгляд Лагуны смягчился.

— Что за безумный разговор, должно быть, происходит у тебя сейчас в голове, — сказала она. — И я не имею в виду разговор между тобой и твоим «зайцем». Жаль, что мы встретились так поздно, — с искренним сожалением в голосе добавила она.

— Мне только исполнилось шестнадцать, — сказала Кэнди.

— Знаю. И это действительно мало. Но пути к откровениям должны намечаться, когда ты еще младенец, и закладывать их сейчас гораздо труднее. Ты пришла сюда в поисках свободы и прозрения, а я могу дать тебе только предостережения и путаницу.

— Вы можете разделить меня и Боа?

— Это я могу. Но я не могу предсказать последствий вашего разделения. Однако обещаю, что после этого ты никогда не будешь прежней.

ЧАСТЬ 2
Или ты, или я

Как тернья и цветок среди ветвей,
Так ненависть соседствует с моей любовью к ней.
Две части одного, что составляют целое,
Так мы, любовь моя, с тобой — душа единая.

— Кристофер Тлен

Глава 9
Новый деспот

Жители Горгоссиума вряд ли бы удивились, узнай они, что звуки творящегося разрушения слышны даже на море вокруг острова. Его жители едва могли расслышать свои собственные мысли.

На Острове Полуночи происходили большие изменения, целью которых было уплотнить темноту, охватывающую Горгоссиум, словно тиски. И это была не тьма беззвездного неба, а нечто гораздо более глубокое. Эта тьма составляла саму материю острова. Его землю, его скалы, его туман.

Многие пытались подобрать слова, чтобы описать ужасы Горгоссиума, но у них ничего не получалось. Мерзости, что порождал и питал остров, нередко рассылая их в другие земли выполнять грязную, жестокую работу, не могли выразить даже самые красноречивые.

Даже Сэмюэль Клепп в последнем издании своего «Альменака», традиционного путеводителя по островам, написал о Полуночи чрезвычайно кратко и неформально.

«Есть многое, — писал он, — *чем я не хочу марать страницы Альменака, рассказывая об ужасах, наполняющих Остров Полуночи, ибо если пробудить их пугающие видения, они еще больше встревожат наши умы. Горгоссиум подобен зловонному трупу, гниющему от собственной болезни. Лучше сделать на этих страницах то, что мы сделали бы, увидев его на дороге. Мы бы отвратили наш взор от этой мерзости и поторопились дальше в поисках чего-то более приятного. Так поступлю и я».*

Но худшее было впереди. Чего бы ни вообразил пугливый ум, думая об Острове Полуночи — нечестивые ритуалы во имя Хаоса и Жестокости, палачей с пустыми глазами, что сводили жертв с ума или лишали жизни невинных, которые отваживались туда забредать, вонь открытых могил, мертвецов, что из них выбирались, восставая ради непотребств и блуждая где вздумается, — все это было лишь первой строкой в великой книге ужаса, которую начали писать две силы, некогда управлявшие Горгоссиумом: Кристофер Тлен и его бабка Бабуля Ветошь.

Но все изменилось. Пытаясь выследить и, наконец, убить Кэнди Квокенбуш (которая создавала ей бесконечные проблемы), Бабуля Ветошь взбаламутила воды Изабеллы и сотворила бурю, чтобы вывести свой военный корабль «Полынь» в Иноземье. Там дела пошли плохо. Магия, которую она использовала в другом

мире, сдерживаемая, вероятно, законами материи, которые в Абарате значения не имели, сошла с ума. Военный корабль раскололся и затонул, море Изабеллы и бесчисленные воины-заплаточники тоже оказались разорваны и разбросаны. Ее внук Кристофер Тлен утонул. Бабуля Ветошь вернулась в Горгоссиум одна.

Ее первым указом как единовластной правительницы Полуночи было призвание шести тысяч заплаточников — чудовищ, наполненных живой грязью, которую добывали на Горгоссиуме, — для начала работ по разрушению тринадцати башен Инквизита. Вместо них, сообщила она, будет стоять единственная башня с тремя шпилями, значительно выше, чем самая высокая из тринадцати. Оттуда она станет управлять не просто как царица Горгоссиума, но как императрица всего Абарата.

Она была опасной властительницей.

Даже среди сотен швей — а некоторые из них знали ее большую часть столетия, — мало кто доверял ее привязанностям. Пока ей требовалась их служба (как сейчас), они могли чувствовать себя в безопасности, поскольку без швей не будет новых заплаточников, а без заплаточников — воинов для ее армии. Но если такая ситуация однажды изменится, женщины понимали, что от них избавятся точно так же, как от самого последнего заплаточника матриарха.

Ее оружием, с помощью которого она уничтожала своих грязюк, была длинная палочка из змеиного дерева, простая, но невероятно сильная: для ее изготовления змеиное дерево сожгли, погребли, а затем вновь возродили в три идущие друг за другом полночи. Палочка выстреливала черными молниями, в мгновение ока уничтожая свою цель.

Иногда, осматривая процесс разрушения, она замечала какого-нибудь заплаточника, не способного работать так же, как все остальные, и прямо на месте казнила бесполезную вещь. Вывод: жизнь и смерть были милостью Бабули Ветоши, которые она дарила и забирала по своему усмотрению, и только глупец или самоубийца могли без оглядки ходить там, где ступала ее нога.

С таким могущественным надзирателем работа по разрушению и разбору завалов шла с невероятной скоростью, и уже через несколько дней на плато, где некогда стояли многочисленные башни Инквизита, поднялась в небо монументальная структура. Единственная башня, созданная гениальным архитектором, заклинательницей Джалафео Мас, которая прибегла к своему знанию магии и, отрицая законы

физики, воздвигла башню выше, чем совокупная высота снесенных тринадцати.

Именно там, в комнате с красными стенами на самой вершине башни, Бабуля Ветошь собрала девятерых своих самых доверенных швей.

— Года труда и веры закончены, — произнесла Бабуля Ветошь. — Приближается Полночь.

Одна из девяти, Зинда Гоум, швея, которой было пятьсот лет и которую домочадцы подняли из могилы после смерти, чтобы она продолжала служить Бабуле Ветоши, сказала:

— А разве сейчас не Полночь?

— Да, это название времени. Но сейчас она абсолютная. Великая Полночь, какой не было никогда. Полночь, которая ослепит любое солнце, луну и звезды на небосклоне.

Другая женщина, чье худое тело было обернуто в ткань из тончайшей паутины, не могла скрыть свой скептицизм.

— Я никогда не понимала Великий замысел, — произнесла Эя Гфит. — Это кажется невозможным. Столько часов. Столько небес.

— Ты сомневаешься в моих словах, Эя Гфит?

Бледная от природы швея стала еще белее. Она быстро сказала:

— Ни в коем случае, госпожа. Нет. Я лишь удивлялась — все это воистину поразительно, — и неправильно выразилась.

— В будущем говори осторожнее, иначе можешь его лишиться.

Эя Гфит склонила голову, ее паутина замерцала, покачнувшись.

— Я… прощена?

— Ты мертва?

— Нет, госпожа, — ответила Эя. — Я все еще жива.

— Значит, прощена, — без усмешки сказала старуха. — А теперь вернемся к делу Полуночи. Мы знаем, что есть множество жизненных форм, которые скрываются от света. Даже от света звезд. Когда Полночь вступит в свои права, эти существа освободятся. И они создадут такой хаос… — Она сделала паузу, улыбнувшись при мысли о тех, кого собирается выпустить.

— А люди? — спросил кто-то из девяти.

— Любой, кто выступит против нас, будет уничтожен. И когда настанет время, нам без всяких колебаний придется пролить их кровь. Если здесь есть хоть одна женщина, которая не желает сражаться в этой войне, пусть уйдет сейчас. Ей не причинят вреда. Я клянусь в этом. Но если вы решите остаться, значит, вы согласились делать предстоящую работу без страха и сомнений.

Труд Полуночи будет кровавым, но поверьте, когда я стану императрицей Абарата, то подниму вас так высоко, что все воспоминания о деяниях, совершенных вами ради этого, уйдут в небытие. Мы не простые женщины. И, возможно, никогда не были простыми. Мы не любим любимых, или детей, или домашний очаг. Мы созданы не для того, чтобы заботиться о мужьях и качать колыбель. Мы — непрощающие, и это о нас отчаявшиеся мужчины разобьют свои хрупкие головы. С ними невозможно заключать мир и брать их в мужья. Они должны находиться под нашими каблуками или же умереть и лежать в земле, по которой мы ходим.

На это замечание швеи отреагировали одобрительным шумом. Лишь самая младшая из них пробормотала что-то неразборчивое.

— У тебя есть вопрос, — сказала Бабуля Ветошь и указала на нее.

— Нет, госпожа.

— Проклятье! Я приказываю — говори! Я не потерплю сомневающихся. ГОВОРИ!

Швея, сидевшая рядом с молодой женщиной, отодвинулась подальше от нее.

— Я лишь подумала о Двадцать Пятом часе, — ответила женщина. — Захватит ли его Полночь? Поскольку в противном случае…

— Наши враги найдут там убежище? Ты об этом хотела спросить?

— Да.

— На этот вопрос, сказать по правде, у меня ответа нет, — легко произнесла Бабуля Ветошь. — По крайней мере, пока. Тебя зовут Ма Туу Чамагамия?

— Да, госпожа.

— Что ж, раз тебя так интересует состояние Двадцать Пятого часа, я передам в твое распоряжение два легиона заплаточников.

— Для чего, госпожа?

— Чтобы захватить этот остров.

— Захватить?

— Да. Захватить его. Ради меня.

— Но госпожа, у меня нет никаких навыков военного дела. Я не смогу.

— Не сможешь? Ты посмела сказать мне, что ты чего-то НЕ СМОЖЕШЬ?

Она вытянула левую руку и растопырила пальцы. Палочка-убийца, которую она использовала против заплаточников, слетела со своего места у стены и оказалась у нее в руке. Она

сжала кулак так крепко, что костяшки пальцев побелели, и одним летящим движением указала на Ма Туу Чамагамию.

Молодая женщина открыла рот, чтобы оправдаться, но у нее не осталось на это времени. Из палочки вылетела черная молния и ударила ее прямо в грудь.

Она издала звук, и то было не слово, а крик ужаса, продолжавшийся, пока процесс, разрушавший ее тело, распространялся от хребта во всех направлениях, превращая ее плоть и кости в черный пепел. Лишь голова оставалась нетронутой, чтобы наблюдать каждую секунду собственного исчезновения.

Она прожила ровно столько, чтобы увидеть, во что превратилась ее молодость и красота, в последний раз взглянуть на своего убийцу и пробормотать: «Нет».

А потом ее голова превратилась в прах, и она умерла.

— Такова судьба сомневающихся, — произнесла матриарх. — Есть еще вопросы?

Вопросов не было.

Глава 10
Огорчения хорошего сына

Лагуна Мунн сошла с кресла и позвала своего второго сына, сделанного из всего хорошего, что в ней было.

— Соглашатель? Где ты? У меня для тебя дело, малыш!

Безрадостный голосок ответил:

— Я здесь, мама, — и перед ними возник второй сын Лагуны Мунн. Он выглядел несчастным созданием, чей серый, тусклый вид контрастировал с блеском и обаянием его брата Плохиша.

— У нас гость, — сказала Лагуна Мунн.

— Знаю, мама, — ответил он бесцветным голосом. — Я подслушивал.

— Это невежливо, дитя.

— Я не имел в виду ничего плохого, — ответил мальчик, но упрек матери лишь усилил выражение безнадежности в его пустых глазах.

— Отведи ее в Круг Заклятий. Она собирается выполнить опасное дело. Чем быстрее мы начнем, тем быстрее закончим.

— Можно я останусь посмотреть, как ты ее учишь?

— Нет, нельзя. Если только ты не хочешь увидеть то, что вполне может оказаться твоей смертью.

— Мне без разницы, — ответил Соглашатель, пожимая плечами.

В этом пожатии отразилась вся его жизнь. Кажется, ему было все равно, жив он или мертв.

— А где будете вы? — спросила Кэнди заклинательницу.

— Здесь.

— Как же вы мне поможете?

На лице Лагуны Мунн отразилось ленивое изумление.

— С безопасного расстояния, — ответила она.

— А если что-то пойдет не так?

— Я буду тебя видеть, — сказала Лагуна Мунн. — Не беспокойся. Если что-то пойдет не так, я сделаю все, чтобы тебе помочь. Но ответственность за результат лежит только на тебе. Представь, что ты хирург, который разделяет сросшихся близнецов. Только здесь ты не просто хирург, но и…

— Один из детей, — закончила Кэнди, начиная понимать.

— Верно, — Лагуна посмотрела на Кэнди с восхищением. — Знаешь, а ты умнее, чем кажешься.

— Я выгляжу глупой? Вы это хотите сказать?

— Нет, не совсем, — ответила она, подняла сжатый кулак и

раскрыла его.

Кэнди сунула руку в карман и вытащила фотографию, сделанную на рынке в портовом городе Тацмагоре на острове Смех-до-Упаду. Она была в той же одежде, что и сейчас. Одежду она приобрела без всяких задних мыслей, но, вглядевшись, поняла, что невероятно похожа в ней на свою мать. Она быстро сунула фотографию обратно. Лагуна Мунн права, и когда все закончится, ей надо как можно скорее купить себе что-нибудь другое. Она будет одеваться, как это принято на Острове Частного Случая, во все яркое и радостное.

Прежде, чем она додумала мысль до конца, Кэнди увидела, что от ладони Лагуны Мунн к ней движется что-то яркое. Оно летело слишком быстро, чтобы можно было успеть понять, что это такое, но Кэнди ощутила удар, словно порыв холодного ветра. В голове на мгновение вспыхнул свет, а когда он погас, Лагуна Мунн исчезла, оставив рядом с Кэнди несчастного серого Соглашателя.

— Думаю, тебе лучше пойти со мной, — сказал он, не выразив по этому поводу никакого энтузиазма.

Кэнди избавилась от последних капель света, мерцавших в ее сознании, и последовала за мальчиком. Когда он оказался перед ней, она впервые увидела его телосложение целиком. До сих пор она находилась под впечатлением от грустного выражения его лица и не замечала, что ниже пояса он похож на слизня размером с ребенка. Его ноги срослись, превратившись в единую бескостную трубку серо-зеленых мышц, на которых располагалась нормальная, человеческая верхняя часть корпуса.

— Знаю, что ты думаешь, — произнес он, не оборачиваясь.

— И что же?

— Неужели этот тот самый сын, который создан из всего хорошего? Выглядит-то он не очень. Говоря по правде, он похож на слизняка.

— Я не…

— Да, ты об этом думала, — сказал мальчик.

— Ты прав, думала.

— И ты тоже права. Я действительно выгляжу, как слизняк. Я много размышлял об этом. На самом деле я только об этом и размышляю.

— И что же ты надумал?

— Немного. Только то, что мама никогда не любила то хорошее, что в ней есть. Она считала его скучным. Бесполезным.

— Я уверена…

— Нет, — он поднял руку, прервав ее попытку смягчить боль. — Это только все ухудшит. Моя мать меня стыдится. Так и

есть, все просто и ясно. Ее любовь получает мой злобный братец со своей сверкающей улыбкой. Кажется, это называют парадоксом? Я сделан из хорошего, но для нее я ничто. Он сделан из плохого, и она *любит его за это. Любит!* По сути, он и есть хороший сын из-за той любви, которую получает. А я, созданный из ее сострадания и ее мягкости, выкинут на помойку.

Кэнди ощутила в себе вспышку гнева. Она прекрасно понимала Соглашателя. Она знала сверкающую красоту зла. Она видела его, и в некотором смысле оно ее привлекало. Иначе почему она так сочувствовала Тлену?

— Стой здесь, пока я зажгу свечи, — сказал Соглашатель.

Кэнди осталась ждать, а он скрылся в тенях и темноте. Только когда он ушел, мысли Кэнди вернулись к странному жесту, который сделала Лагуна Мунн перед своим исчезновением. А с этим воспоминанием пришли другие, поднятые из глубин памяти этим ее даром, и Кэнди поняла, сколько совпадений, инстинктивных маневров и поворотов судьбы были на самом деле частью магии Боа, действовавшей внутри нее.

С удивительной ясностью она вспомнила слова, сами собой возникшие у нее в горле на «Паррото Паррото» — *Джассассакья-тюм!* — которые помогли ей прогнать чудовищного зетека. Она вспомнила инстинкты, пробудившиеся, когда Мама Изабелла пришла к ней по степи, позволившие ей расслабиться в хватке существа, которое вполне могло бы ее утопить, если б она повела себя неверно. И она вспомнила, как вступала в полные горечи и сладости разговоры с Тленом, который мог убить Кэнди в мгновение ока, если б не чувствовал внутри нее что-то, что он знал. Нет — *то, что он любил*.

Впервые Кэнди поняла, как много внутри нее Боа. Ее охватила паника.

— Нет, — сказала она. — По-моему, я не смогу это сделать.

Конечно, сможешь. Ты ведь так далеко зашла.

— Думаешь, это больно?

Больно? — переспросила Боа. — *БОЛЬНО? Больно — это когда ты порежешь палец. Сломаешь ребро. Но здесь тебя ожидает конец союза душ, определявший твою личность со дня рождения. Когда связь между нами исчезнет, ты навсегда потеряешь все те части сознания, которые, как тебе казалось, были твоими.*

— Но они были твоими. Они были тобой.

Да.

— Тогда почему я должна их хотеть?

Потому что утратить их будет невыразимым мучением. Видишь ли, я знаю, что такое быть наедине с собой. Я привыкла. Но ты… ты понятия не имеешь, какая судьба тебе уготована.

— Я прекрасно это знаю, — ответила Кэнди.

Правда? Если на то пошло, сомневаюсь, что ты вообще сохранишь здравость рассудка. Как можно его сохранить, если ты больше не будешь узнавать себя в зеркале?

— Это мое лицо! — возразила Кэнди. — Это лицо Квокенбушей!

Но глаза…

— А что глаза?

Ты будешь смотреть на свое отражение, и сознание, которое ты увидишь, будет не твоим. Все воспоминания о славе, которые, как тебе казалось, принадлежат тебе, все удивительные тайны, которые, по-твоему, ты открывала сама, все амбиции — они все не твои.

— Я тебе не верю. Ты лжешь, как ты лгала Финнегану и Тлену.

Не приплетай сюда Финнегана, сказала Боа.

— Неужели чувствуешь вину?

Я сказала…

— Я тебя слышала.

На несколько секунд возникла крайне напряженная тишина. Затем Боа произнесла:

Выпусти. Меня. Из этой. ТЮРЬМЫ!

Появился Соглашатель, глядящий на Кэнди круглыми испуганными глазами.

— Ты это слышала? — тихо спросил он. — Человеческий голос, клянусь. Скажи мне, что я не схожу с ума.

— Нет, Соглашатель, ты в своем уме. Можешь начинать заклинание, пока она не взбесилась.

— Оно уже началось. Я собираюсь в лабиринт, чтобы приготовить место разделения. Иди за мной. Но прежде повтори девятнадцать раз священное слово.

— Абаратараба?

— Да.

— Этот раз считается?

— *Нет!*

Так сказав, он исчез в лабиринте, оставив Кэнди с ощущением, будто в самый важный момент, когда она стояла перед решением, полностью меняющим ее жизнь — очень взрослым решением, — он свел ее до положения ребенка на школьном дворе.

Последние шесть «Абаратараба» она слила в единое «Абаррарабаба» и, не предупреждая Соглашателя о том, что закончила считать и уже идет, нырнула в лабиринт, войдя в него как «Две в Одной» и надеясь выйти обратно просто как «Две».

Глава 11
Разделение

Кэнди сделала четыре осторожных шага между деревьями, с каждым разом вступая во все большую темноту. На пятом шаге на периферии ее зрения возникло крылатое создание. Оно жужжало, как большое насекомое, а яркие цвета — бирюзовый и алый с пятнами белого золота, — разгоняли окружающую тьму.

Какое-то время оно стремительно летало над ее головой, а затем скрылось. Кэнди осторожно сделала пятый шаг, затем шестой. Внезапно оно вернулось вместе с несколькими сотнями таких же существ, которые окутали ее ярким движущимся пологом, от чего ее слегка затошнило.

Она зажмурилась, но хаотичное мелькание продолжалось и под ее веками.

— Что происходит? — спросила она, пытаясь перекричать шум жужжащего облака. — Соглашатель, ты здесь?

— Потерпи! — услышала Кэнди голос мальчика.

Он боится, — сказал Боа с нескрываемым изумлением. — *Это действительно непросто. Если он все перепутает, то принесет в жертву твой разум.* — Она засмеялась, и в ее смехе сквозила неприкрытая злоба. — *Будет очень жаль.*

— Соглашатель, — сказала Кэнди, — успокойся. Не торопись.

— У него никогда это не получалось. Верно, братец? — спросил Джолло Бигог.

— Не ходи сюда! — крикнул Соглашатель. — Мама! *Мама!*

— Она сказала, что я могу придти и помочь, — ответил Плохиш.

— Я тебе не верю, — сказала Кэнди и открыла глаза.

В ту же секунду она увидела, как сквозь пелену разноцветных существ, что образовали перед ней сложную мозаику из крыльев, голов и конечностей, мчится Плохиш. Он кричал, на бегу распугивая слетевшихся тварей. Они поднимались, и движение их крыльев било ей в лицо порывами ветра с металлическим привкусом.

— Прекрати! — кричал разозленный Соглашатель.

Плохиш только смеялся.

— Я расскажу маме!

— Она меня не остановит. Мама любит все, что я делаю.

— Да уж, тебе повезло, — ответил Соглашатель, не в силах скрыть зависть.

— Мама говорит — я гений! — торжествующе воскликнул

Плохиш.

— Так и есть, мой милый, так и есть, — сказала Лагуна Мунн, появляясь в образе едва заметной тени. — Но сейчас не время и не место дурачиться.

Голоса Лагуны Мунн было вполне достаточно, чтобы создания, разбросанные в разные стороны бегущим Плохишом, мигом вернулись на свои места, переплелись между собой — крыло к когтю, клюв к гребню, гребень к хвосту, — и образовали вокруг Кэнди маленькую темницу.

— Так-то лучше, — милостиво сказала Лагуна Мунн. — Бледное дитя?

— Да, мама? — ответил Соглашатель.

— Ты все замки проверил?

Точно, — произнесла Боа. — *Потребуется много замков. Мне нравится их звук.*

— А для чего замки? — вслух спросила Кэнди. — Что вы хотите запереть?

— Не что, а ко… — ответил Соглашатель, замолчав, как только мать выкрикнула его имя, и шепотом произнес окончание фразы: — …кого. Она собирается запереть тебя.

— *Соглашатель!*

— Иду, мама!

— Живо. У меня мало времени.

— Мне пора идти, — сказал Кэнди хороший сын Лагуны Мунн. — Я буду снаружи.

Он указал на узкую дверную щель, видневшуюся между крыльями и когтями больших жуков, и Кэнди впервые осознала, какая плотная темница образовалась вокруг нее. Пока она осматривала стены, они лишились цвета, и все трещины и дефекты в переплетенных формах затянулись. То, что еще недавно было разноцветной комнатой из мерцающих крыльев, превратилось в тихую бетонную камеру.

— Почему вы меня заперли? — спросила Кэнди.

— Такие сильные заклятья нестабильны, — ответил Соглашатель.

— Что ты хочешь сказать?

— Что они могут пойти как-нибудь не так, — прошептал он.

— *Соглашатель!* — крикнула Лагуна Мунн.

— Да, мама!

— Прекрати разговаривать с девочкой. Ты не сможешь ей помочь.

— Нет, мама!

— Возможно, через минуту она умрет.

— Иду, мама, — ответил Соглашатель. Он пожал плечами,

посмотрел на Кэнди и выскользнул за дверь, которая закрылась, не оставив и следа своего присутствия.

Ну что ж, — тихо сказала Боа. — *Ты привела нас сюда. Давай с этим кончать. Если ты понимаешь, что это даст.*

— Я понимаю, чего это *не* даст, — ответила Кэнди без колебаний.

Правда? И чего же?

— Не глупи, — сказала Кэнди. — *Тебя.*

Внезапно страх покинул ее, и она повернулась на месте, обратившись к холодным серым стенам.

— Я готова, — сказала она. — Делайте, что надо. Давайте с этим покончим. Если можно избежать кровопролития, хорошо. А если нет, пусть кровь прольется.

Ждать ответа камеры долго не пришлось. Шесть колебаний прошли по стенам, полу и потолку, словно волны жизни, движущиеся в мертвой материи, воскрешали ее. Теперь она понимала, почему ей удалось краем глаза увидеть, чем эта темница была в своем последнем воплощении — стаей крылатых существ. Она видела, что они населяли серые стены. Одна жизнь внутри другой.

Можно ли усмотреть в этом намек, что Кэнди была бы серой и безжизненной, как эти стены, если бы в нее не вошла душа Боа? Не было ли в этом предупреждения, что жизнь, которую она выбирала, будет серой, холодной клеткой?

Нет, она в это не верила. И так и сказала.

— Я больше, чем это, — сказала она серому мерцанию. — Я — не мертвая материя.

Пока нет, — радостно вставила Боа.

— Ты готова? — спросила Кэнди, думая и о стене, и о принцессе. — Потому что меня достали все эти глупые угрозы.

Глупые? — разозлилась Боа.

— Просто сделай это, — сказала Лагуна Мунн, и ее голос подстегнул силы, скрывающиеся в стенах. — Быстро и чисто.

— Подождите! — сказала Кэнди. — Я хочу сказать Боа, что мне жаль. Если бы я знала, что она во мне, я бы давным-давно попыталась ее освободить.

Если ты ждешь отпущения грехов, — ответила Боа, — *от меня ты этого не получишь.*

— Что ж, так тому и быть, — сказала Лагуна Мунн, и из этого ответа Кэнди с изумлением поняла, что старая женщина слышала ее мысли с самого начала. — Давайте начнем, что бы ни случилось. Кэнди! Положи ладони на стену. Живо!

Кэнди прикоснулась ладонями к одной из стен. В ту же минуту она увидела созданий, танцевавших в плотном воздухе

прямо за ними. Их крылья и тела роняли хлопья украшавшего их белого золота. Оно легло на ладони Кэнди, и отдельные фрагменты слились в два золотистых потока.

Она ощутила, как они прижались к ее ладоням, образуя дельты, разносясь вдоль сухих русел линий руки, проникая глубже, растворяя поверхность кожи, проникая в вены. Руки стали прозрачными; яркость внутри ее плоти была настолько сильной, что Кэнди видела четкие, простые линии костей пальцев и немыслимые переплетения нервов.

Яркость стремительно добралась до локтей, словно огонь, раздуваемый ветром в сухих кустах во время летней засухи. Он вознесся по ее рукам и распространился по всему телу.

Она его чувствовала, но больно не было. Скорее, это походило на напоминание, что всем этим была она.

Она была *настоящей,* и будучи настоящей, и ею, являлась — чем? Чем она была? Кем она была?

Непростой вопрос. Когда фейерверки закончатся, кем в конечном итоге она станет?

Ты — ничто, тихо произнесла Боа.

Кэнди хотела ответить на оскорбление, но ее энергия сосредоточилась на движении пробуждения, проходившем по телу вниз от шеи, вдоль корпуса, и вверх, наполняя сосуд, содержащий две души.

Ты меня слышишь? — спросила Боа.

— Держи свои оскорбления при себе, Боа, — сказала Лагуна Мунн. — Ты, конечно, могла чувствовать себя неважно, оказавшись запертой в голове ребенка. Но есть смерть и похуже. Например, смерть *настоящая.* Да… и пока мы говорим, я знаю, о чем ты думаешь: что когда все закончится, мои сыновья будут тебе прислуживать!

Боа промолчала.

— Вот что я тебе скажу. Забудь об этом. В жизни моих замечательных сыновей есть место только для одной женщины.

Пожалуйста, — возразила Боа, — *я бы никогда не поставила под сомнение священные отношения между тобой и твоими детьми.*

— Я тебе не верю, — ответила Лагуна Мунн. — Ты можешь попытаться сделать все, что угодно, если сочтешь, что тебе это сойдет с рук.

Я даже мечтать об этом не стану. Я знаю, на что ты способна.

— Тебе только так кажется, но на самом деле ты этого даже не представляешь, так что будь осторожней.

Поняла.

— Хорошо. Теперь я должна покинуть это место.

— Подождите, — сказала Кэнди. — Не уходите пока. У меня кружится голова.

— Наверное, это потому, что я все еще здесь болтаю. Мне придется тебя оставить, чтобы ты смогла дать жизнь Боа.

Образ, возникший у Кэнди в голове, был гротескным. Ее затошнило еще сильнее, чем раньше.

— Слишком поздно для тошноты, девочка. Это грязная магия. Не из той, что дозволена Советом на Веббе Гаснущий День. Если бы он ее разрешал, тебя бы здесь не было. Понимаешь?

— Конечно, — ответила Кэнди.

Она отлично это понимала. То же было и в Цыптауне. Там работал доктор Пимлофт, чьи кабинеты находились над прачечными на Фейркеттл-стрит. Он делал такие операции, о которых люди стыдились рассказывать своим обычным врачам. Но иногда это ваш единственный выбор.

— Я ухожу, — сказала Лагуна, — пока заклятье не вышло из равновесия.

— А где вы будете, если что-то пойдет не так?

— Все пройдет хорошо, — сказала Мунн. — Вы ведь хотите разделиться? Итак, заклятье начинает действовать. Я создала его, чтобы выполнить то, о чем ты просишь. Так что пусть оно сделает свое дело.

Раздался звук, словно кто-то за спиной Лагуны Мунн ударил топором, и из темноты возникла призрачная птица или нечто, ей подобное, которая начала летать по сложной траектории, от стены до стены и обратно, после чего исчезла во тьме позади Мунн.

— Что это было? — спросила Кэнди.

— Комната теряет терпение. Она хочет, чтобы я ушла.

Явление повторилось.

— Мне пора, — сказала Лагуна Мунн, — пока все не стало хуже.

Кэнди внезапно ослабла, ноги ее подкосились. Она попыталась заставить их слушаться приказов, но осознала, что больше не управляет своим телом. Им завладела Боа.

— Постой… — начала говорить Кэнди, чувствуя, как в груди рождается паника. Но ей не подчинялся даже язык. Поздно. Лагуна Мунн повернулась к Кэнди спиной.

Все кончено, — сказала принцесса.

Кэнди не стала тратить силы на ответ. Еще несколько секунд, и она потеряет себя навсегда. Она чувствовала ритмичные удары, которые вне всякого сомнения запустила Боа. Они поедали края ее мира, все возрастающими порциями забирая сознание.

Сквозь пелену белого шума она увидела, как Лагуна Мунн открывает дверь в стене.

Нет, — попыталась сказать Кэнди, но не смогла издать ни звука.

Будет гораздо проще, если ты перестанешь сопротивляться и сдашься. Отпусти Кэнди Квокенбуш. Ты умрешь. И вряд ли захочешь быть живой, когда я начну кормиться.

Кем? — подумала Кэнди. — *Мной? Почему?*

Потому что я собираюсь отрастить себе тело, детка. А для этого нужна пища. Много пищи. Неужели я забыла об этом упомянуть?

Кэнди хотелось плакать из-за собственной глупости. Боа, должно быть, обдумывала свои планы всего в нескольких мыслях от того места, где Кэнди прятала собственные размышления. Но Боа сумела полностью скрыть свои намерения. Кэнди ни на секунду не испытывала подозрений.

Теперь ты знаешь, — злорадствовала Боа. — *Если это поможет, думай о происходящем как о возмездии за то, что украла мои воспоминания о магии. Знаю, смерть может показаться слишком жестоким наказанием, но то, что ты сделала, было ужасно.*

Мне… мне жаль.

Поздно. Все кончено. Пришло время умереть, Кэнди.

Глава 12
Одна становится двумя

Где-то далеко, во тьме, Кэнди Квокенбуш показалось, что она слышит голос Лагуны Мунн.

— Соглашатель, ты запер камеру? *Замок!*

Ее сын не ответил. Кэнди слышала только хор странных шумов, которые издавало ее умирающее тело. Сердце пока не остановилось. Каждые несколько секунд оно умудрялось делать удар, иногда два-три подряд. Но те остатки жизни, что оставались в ее теле, были, скорее, воспоминаниями, чем реальностью: как видение исчезавшего Абарата. Все уходило. Все забывалось.

Нет, забывалось не все. Какая-то ее часть, способная формировать образы, до сих пор существовала. Хотя Кэнди больше не видела стен Комнаты Разделения, она с жутковатой отчетливостью созерцала сероватый воздух, дымом сгущающийся у нее перед лицом. Она знала его источник. Дым исходил из ее собственного тела.

Она смотрела на душу Боа. На ее призрачную тень, освобожденную, наконец, из клетки, в которую ее поместили женщины Фантомайя. Свободную от Кэнди. И теперь набирающую силу.

Она выталкивала себя, расширялась, выбрасывала из корпуса рудиментарные ноги и то, что вскоре должно было стать руками, а из верха вырастала единственная нить серого вещества. На этом хрупком стебельке сформировалось два листа, а на них — зачатки рта и носа. Над листьями возникло два белых тонких лепестка, в каждом из которых было синее и черное, одаренное способностью видеть.

Простая иллюзия быстро становилась достоверной по мере того, как вверх выбрасывались все новые стебельки, создававшие сложные переплетения вен и нервов, что начали формировать лицо своей обладательницы. Хотя это была маска без кожи, сплетенная из пульсирующих нитей, в них уже просматривалось лицо молодой женщины. Она снова станет прекрасной, думала Кэнди. И будет разбивать сердца.

Кэнди не могла подняться с земли, ноги ее не держали. Она оставалась на том же месте, глядя на рудиментарную форму принцессы Боа, которая притягивала к себе мусор жизненных форм, опадавший со стен комнаты: увядшие цветочные бутоны, живые и мертвые листья — все они создавали те лоскуты, что постепенно придавали принцессе больше материальности.

Окружающая флора и фауна питала тело Боа, и благодаря их жертве в Кэнди еще теплилась жизнь. Но процесс шел слишком медленно.

Кэнди ощущала разочарование Боа, получавшей столь жалкий, столь ничтожный вклад в формирование своего тела.

Она открыла рот, и хотя ее горло и язык еще не воплотились окончательно, Боа могла говорить. Это был легкий, очень тихий шепот, но Кэнди прекрасно его слышала.

— Ты выглядишь… вкусной… — сказала она.

— Сейчас из меня плохой обед. Найди себе что-нибудь более питательное.

— Голод есть голод. А времени мало…

Кэнди заставила свое горло сформировать вопрос, хотя он оказался едва слышен.

— Зачем все это? — спросила она.

— Полночь, — ответила Боа. — Она почти здесь. Разве ты не чуешь?

— Полночь?

— Полночь! Я ее чувствую. Наступает последняя тьма, и она поглотит весь свет небес.

— Нет…

— Твое «нет» ничего не изменит. Абарат сгинет во тьме. Все солнца затмятся, все луны скроются, звезды всех созвездий потухнут, как огонь свечи. Но не волнуйся. Ты этого не увидишь и не будешь страдать от последствий. Ты уйдешь.

— Куда?

— Кто знает? И кому есть до этого дело? Никому. Ты сослужила свою службу. У тебя было шестнадцать лет жизни, ты побывала там, где никогда бы не оказалась, не будь я внутри тебя. Тебе не о чем жалеть. И вот твоя жизнь заканчивается, а моя начинается. В этом есть приятное равновесие, тебе не кажется?

— Моя жизнь не заканчивается… — пробормотала Кэнди.

— Что ж, мне очень жаль, — сказала Боа, насмехаясь над ее серьезностью.

— Ты… не понимаешь, — проговорила Кэнди.

— Поверь. Я знаю все, что знаешь ты.

— Ошибаешься, — возразила Кэнди. Ее голос набирал силу, поскольку она опиралась на ясность, которой наделил ее подарок Лагуны Мунн. — Я знаю, как ты все эти годы играла Тленом, заставляя думать, будто любишь его, хотя все, что тебе от него было нужно, это Абаратараба.

— Ты только посмотри, — произнесла Боа. — Можно подумать, ты знаешь, о чем говоришь.

Кэнди вздохнула.

— Ты права, — ответила она. — Я не многое знаю об Абаратарабе. Это книга магии…

— Стой! Стой! Ты себя позоришь. Не трать последние минуты жизни на беспокойство о том, чего никогда не поймешь. Смерть идет к тебе, Кэнди, а когда она покинет это место, то заберет тебя с собой. Тебя и все мысли, какие когда-либо были в твоей голове. Все надежды и все мечты. Всё уйдет. Как будто ты никогда и не жила.

— Мертвые не исчезают. Есть призраки. Я встречала одного. И если понадобится, я сама стану призраком. У меня есть для этого сила и энергия.

— *У тебя нет ничего,* — с внезапной яростью произнесла Боа.

Она схватила Кэнди, и это немедленно повлияло на обеих. Теперь, когда она начала черпать силы Кэнди, дымный воздух уплотнился, образуя серые кости, скрытые за переплетениями вен и нервов, определявшими ее черты до сих пор.

— Так-то лучше, — Боа улыбнулась сквозь сжатые зубы. — Гораздо лучше.

Части ее тела торопились себя завершить. Жидкость в глазницах Боа бурлила, словно кипяток. Даже сейчас, почти теряя сознание, Кэнди видела всю невероятность того, что перед ней творилось.

— Как же мне это нравится, — проговорила Боа, наслаждаясь блаженством собственного воссоздания.

Теперь у нее было достаточно костей и плоти, чтобы Кэнди увидела намек на ту прекрасную женщину, чей образ Финнеган Фей держал над своей постелью. Но каждое волокно, образующее красоту Боа, формировалось за счет жизни Кэнди. Когда ее касались жадные пальцы Боа, она чувствовала в себе все меньше и меньше сил. А это была совсем не та усталость, от которой можно избавиться, просто выспавшись. Эта усталость была другого рода — сон, из которого нет пробуждения.

Смерть идет к тебе. Всего несколько минут назад Боа произнесла эти слова.

И она не лгала.

Глава 13
Боа

Несмотря на слабость, конвульсии, все чаще сотрясавшие ее тело, и ватные ноги, на которых она вряд ли смогла бы сделать и пару шагов, выбора не было. Ей необходимо как можно скорее выбраться из комнаты, или Боа, насыщавшаяся ее жизненными силами, погубит Кэнди. Но в одном удача оказалась на ее стороне.

Кэнди помнила голос Лагуны Мунн. Казалось, он звучал здесь столетия назад, но заклинательница говорила о замке. Кэнди вдруг поняла, что Соглашатель, несмотря на приказ матери, не запер дверь комнаты. Она была приоткрыта совсем ненамного, и все же щель оказалась значительно шире, чем та узкая тень, которую она отбрасывала. Без нее у Кэнди не было возможности понять, в каком направлении двигаться. Теперь она это знала.

Ее взгляд задержался на тени двери всего на краткий миг. Она боялась выдать свой замысел Боа. Затем, глядя в противоположную сторону, словно дверь была там, она медленно начала подниматься на ноги.

Беспощадный аппетит Боа лишил тело Кэнди силы и гибкости. Оно казалось мертвым грузом, и потребовалась вся ее воля, чтобы сдвинуть его с места и продолжать двигать дальше. Все его части грозили отказать, выйти из строя. Легкие были словно два камня, сердце трепетало, как разорванная бумажная птица. Если Кэнди надеялась покинуть комнату, тело надо было вывести из оцепенения. Она должна была заставить свои ослабевшие руки помочь себе выжить.

— Давай же, — процедила она сквозь зубы, — шевелись.

Ее тело неохотно подчинилось. Но тут возникла боль. Сердце-птица ударилось в панику. Внутренние органы начали барахлить. Она почувствовала в горле отвратительный вкус, словно содержимое кишечника задвигалось назад, как забитые сточные трубы. Она попыталась не думать об этом, что было довольно легко, поскольку ум отказывал вместе со всеми остальными функциями.

Однако для того, чтобы распознать своего смертельного врага, ум ей не требовался. Боа находилась рядом, и выглядела она жутко. Без костей анатомия Боа представляла собой раздробленную массу возможностей, еще не сформированных окончательно. Ее пальцы свисали, словно пустые перчатки, лицо было длинной маской неопределенного намерения, рот казался

дырой без языка и зубов.

Вид Боа был настолько отвратителен, что Кэнди преодолела свое изнеможение, желая оказаться от нее подальше. Благодаря внезапному притоку сил она бросилась к выходу, что стало для Боа неожиданностью, и повалила ее на пол.

— Стой спокойно, ведьма! — закричала Боа. — Давай скорее закончим, раз и навсегда!

Кэнди метнулась к двери, избегая клубящихся колец принцессы: если бы те окружили и обхватили ее, то сломали бы ребра в пыль, а внутренности перемололи в мясо и экскременты.

Она потянулась к тени, что указывала на ее цель, и обхватила пальцами дверной косяк. Это не иллюзия. Дверь была плотной и реальной. Она потянула ее на себя, отчасти ожидая, что дверь не откроется, но, несмотря на свой массивный размер, дверь опиралась на какой-то противовес и раскрылась после весьма небольшого усилия со стороны Кэнди.

Удивление лишило ее осторожности. Едва она успела открыть дверь, как вокруг ее горла обернулся указательный палец, стягиваясь с силой удавки.

Кэнди мгновенно отпустила дверь и просунула ладонь между шеей и удавкой. Но этого было явно недостаточно, и Боа продолжала сдавливать горло так, что она едва могла вздохнуть.

Из-за воровства Боа мысли Кэнди стремительно таяли. Внезапная потеря кислорода лишила ее сознание большей части функций. Мысли путались. Что она здесь делает? А эта женщина с дырой вместо рта — кто она такая?

Тело Боа росло столь же быстро, как таяли силы Кэнди. Теперь она могла говорить, и голос ее был груб.

— Так не умирают, — говорила Боа. — Где твое достоинство, детка? Прекрати бороться и отдай мне то, что является моим по праву. Благодаря мне ты прожила прекрасную жизнь. Краткую, но наполненную моими прозрениями. Моими уроками. Моей магией.

Кто-то за стенами комнаты, однако достаточно близко, чтобы услышать слова Боа, счел их смешными. Эти смешки эхом разнеслись по комнате.

— Ты только послушай себя, — произнесла Лагуна Мунн и вновь засмеялась. — Какая претенциозность. И чья? Каннибала! Да, все именно так, если подумать о фактах. Ты можешь проглотить жизнь девочки, которая дала тебе укрытие от тех, кто забрал твою жизнь и мог бы уничтожить душу. Отпусти Кэнди.

— Нет… никаких отпущений.

— Разве? Ну, это мы еще посмотрим.

Стена напротив двери начала складываться внутрь себя, и в

комнате появилась заклинательница.

Она указывала пальцем на Боа, продолжая обвинять.

— Все, что было в тебе хорошего и яркого, теперь испорчено.

— Можешь говорить, что хочешь, старуха, — ответила Боа. — Твое время ушло. Рождается новый мир.

— Забавно. Я слышала такое много раз, — сказала Лагуна Мунн, и в ее голосе послышалось презрение. — А теперь отпусти эту простушку. Если ты действительно хочешь пообедать плотью, то не должна есть простонародье.

Лицо Боа внезапно прояснилось.

— Ну да, конечно, она ведь из простых…

— Она не благородного происхождения, как ты, принцесса.

— Конечно, — сказала Боа с благодарностью. — Если б ты меня не остановила… — Она выпустила Кэнди из рук, — я могла бы себя заразить.

— И это стало бы печальным днем для тех несчастных, страдающих аристократов вроде тебя, потеряй они свою возлюбленную сестру…

— О да! Бедная я несчастная!..

Кэнди сделала шаг в сторону от Боа, повернулась и заметила на лице принцессы едва уловимые признаки обмана. Боа не стала ждать, пока Кэнди заговорит. Она быстро покинула комнату и отправилась вниз по лесистому склону. Кэнди постаралась восстановить равновесие, но это было сложно. Из-за воровства Боа ее тело ослабло, мысли смешались. Кэнди была уверена лишь в одном:

— Она могла меня убить…

— Не сомневаюсь, — ответила Мунн. — Но это моя скала, и у нее нет…

— *Мама!*

Кричал Соглашатель. Его крик был душераздирающим, но не менее ужасным оказался мучительный вопль, что за ним последовал.

Лагуну раздирало между ответственностью за раненого гостя и желанием броситься к сыну. Кэнди постаралась упростить ситуацию:

— Идите к мальчику! Со мной все будет в порядке. Мне надо только восстановить дыхание. — Она посмотрела на Мунн. — Пожалуйста, — сказала она, — не волнуйтесь обо мне!

Вслед за ее просьбой раздался еще один крик.

— *Гдe ты, мама!*

Лагуна Мунн вновь взглянула на Кэнди.

— Идите! — воскликнула та.

Заклинательница не стала спорить. Вместо этого она

обратилась к стенам комнаты.

— Эта девушка — мой гость. Она ранена. *Исцелите ее*. — Она посмотрела на Кэнди. — Оставайся здесь, и пусть комната сделает свою работу. Я вернусь с сыновьями.

— Будьте осторожны…

— Знаю, знаю. Боа опасна. Но и я тоже. У меня есть то, с чем ей не захочется иметь дело. А теперь лечись. Темные часы, что становятся все ближе, не станут дожидаться, пока ты придешь в себя. Поторопись. Начало давно уже закончилось, а конец всегда приходит быстрее, чем ты ожидаешь.

Сказав это, она оставила девушку, которая стала теперь подлинной Кэнди Квокенбуш — ни добавить, ни убавить, — в исцеляющей тишине комнаты.

Глава 14
Пуста

За все шестнадцать лет жизни Кэнди никогда не чувствовала себя такой одинокой, как сейчас. Хотя она много раз пыталась представить, как это — быть без Боа в голове, — ее попытки с треском проваливались. Только теперь, одна, в необъятности собственных мыслей, она ощутила весь ужас одиночества. Больше никогда она не почувствует тихого соседства Боа. Она осталась целиком и полностью одна.

Как же люди, простые люди вроде тех, что живут на Последовательной улице — даже ее собственная мать, даже ее *отец,* — справляются с таким одиночеством? Может, ее отец напивается каждый вечер до бесчувствия именно для того, чтобы пустота, которую она сейчас ощущала, была бы не так болезненна? Возможно, справляться с плохими временами им помогала бесконечная болтовня телевизора? Или нездоровые игры во власть вроде тех, в которые играла мисс Шварц, помогали на время забыть о тишине своего сознания?

Кэнди вдруг вспомнила пресвитерианскую церковь на Манроу-стрит, рядом с которой неизменно висел один и тот же большой плакат:

ГОСПОДЬ ВСЕГДА С ТОБОЙ. ТЫ НЕ ОДИН.

Но сейчас он не со мной, подумала Кэнди. *Со мной никого нет. И я должна жить с этим, поскольку никто не поможет мне это изменить. И все, что я могу, это…*

Ее мысли прервал громкий вопль. Кричала Лагуна Мунн, и сила ее крика была насыщена ужасом и яростью.

— НЕТ!

Она замолчала, но только чтобы набрать в легкие воздуха. А потом закричала снова:

— НЕТ!

Наконец, воцарилась тишина. Прошло несколько секунд, и Кэнди услышала:

— Мой сын. Что ты сделала с моим сыном?

Кэнди не стала ждать других свидетельств произошедшего. Она встала и направилась к двери, осознав, что пока предавалась размышлениям о своем одиночестве, разумная комната выполняла приказ Лагуны Мунн и начала процесс ее исцеления. Она больше не дрожала, как всего несколько минут назад. В ее ослабевшие ноги вернулась сила. Даже мысли, перепутанные из-за нападения Боа, теперь стали более ясными.

Ей не требовались крики заклинательницы, чтобы понять, где та находится. Силы, которые, как она опасалась, были утрачены из-за жадности Боа, оказались целы и невредимы. Когда комната очистила ее мысли от грязи аппетита Боа, она без труда вспомнила, как найти в темноте Лагуну Мунн. Ей оставалось лишь следовать вибрациям, что двигались впереди нее, и довериться им в выборе безопасного пути на холм.

По мере того, как она забиралась все выше, температура росла; в воздухе разносился запах гнилого мяса, которое к тому же было словно поджарено на гриле.

Плохая магия, подумала она.

Тут она вновь услышала голос Лагуны Мунн, тихо говорившей где-то впереди.

— Что она сделала с тобой, малыш? Ну не плачь. Я здесь. Где болит?

— Везде, мама.

Кэнди увидела свет, не ярче, чем два огонька свечи, который плавал в нескольких футах над землей. Сцена, которую он освещал, была мрачной.

Мунн стояла на коленях, склонившись над любимым сыном Джолло Бигогом. Его состояние было ужасным. Вся темная красота, которую видели Кэнди и Шалопуто, встретив его впервые, исчезла. Сейчас он был истощен, на увядшей коже выпирали все кости. Зубы стучали, глаза закатились под веки.

— Джолло, дорогой, послушай, — говорила ему Мунн. — Ты не умрешь. Слышишь меня? Я здесь.

Она замолчала и подняла голову; ее яростный взгляд мгновенно замер на Кэнди, в глазах мелькнула огненная вспышка.

— Это я, — сказала Кэнди. — Не надо…

Огонь угас, и Лагуна Мунн вновь обернулась к сыну.

— Останься с ним. Охраняй его, пока я ее найду.

— Боа… — хрипло проговорила Кэнди.

Лагуна Мунн кивнула.

— Она взяла у него то, что я не позволила забрать у тебя. — Заклинательница мягко провела ладонью по щеке Джолло. — Побудь пока здесь, дорогой, — сказала она. — Мама скоро вернется.

— Куда ты?

— Найду ее и верну все, что она у тебя взяла.

С удивительной для такой полной женщины легкостью она встала, не сводя с Джолло глаз. Ей было непросто от него отвернуться.

— Простите, — сказала Кэнди. — Если бы я знала, на что она

способна…

— Перестань, — отмахнулась Мунн. — У нас есть гораздо более важные дела, чем разговоры. Ты не могла бы остаться с ним и поговорить, чтобы его дух не покинул тело?

— Конечно.

— Знаешь, а ведь она не *настоящая* принцесса, — произнесла Мунн со странной решительностью в голосе, словно актер-любитель, декламирующий текст. — У нее может быть корона, титул, но они ничего не значат. Истинное благородство — это состояние души. Оно принадлежит тем, кто обладает даром сопереживания, сострадания, видения. Такие люди совершают великие дела даже в холодное, жестокое время. Но эта… *Боа*… — Губы ее искривились, когда она произнесла последние два слога — «Бо-а». — …пыталась сперва забрать твою жизнь, а потом жизнь моего Джолло, и только лишь для того, чтобы добавить плоти своему духу. Принцессы так не поступают. Напасть на того, кто был ее пристанищем? А потом на ребенка? Что в этом благородного? Я тебе скажу — ничего. Потому что твоя принцесса Боа — подделка! В ней не больше королевской крови, чем во мне.

Откуда-то сверху послышался яростный вопль:

— *Врешь! Врешь!*

И ветви задрожали так сильно, что с них посыпался настоящий зеленый дождь сорвавшихся листьев.

— Вот ты где, — пробормотала Лагуна Мунн. — Я знала, что ты где-то там, жестокая маленькая…

Над ними громко треснула ветка. Кэнди подняла голову и сквозь переплетенный полог заметила прятавшуюся Боа; ее фигуру освещали узкие лучи фиолетового света, проходившего по телу от пят до головы и от головы до пят, образуя петлю теплового излучения в месте слияния на пояснице. Она раскачивалась взад-вперед и вдруг плюнула в поднятое лицо Лагуны Мунн.

— На что ты смотришь, толстая старая хрычовка?

Мунн достала из рукава большой носовой платок.

— Ни на что, — ответила она, вытирая лицо. — Всего лишь *на тебя*.

И с этими словами она бросила платок, подпрыгнула, оторвавшись от земли, и взлетела в листву, где пряталась Боа.

— Позаботься о Джолло! — крикнула она Кэнди, исчезая в тенях ветвей. Ближайшие деревья затряслись, когда Боа ринулась прочь, и погоня над головой Кэнди начала подниматься вверх по склону, оставив ее наедине с больным ребенком.

Глава 15
Лицом к лицу

— Мама? — позвал Джолло, когда Кэнди присела рядом с ним. Она не стала его разубеждать. — Нет, погоди, ты не мама.

— Твоя мама скоро придет, — ответила Кэнди. — А пока за тобой присмотрю я.

— Кэнди.

— Да.

— Она появилась из тебя, правда? Та девушка, которая меня убила?

— Ты не умер, Джолло. Твоя мама не позволит тебе умереть.

— Есть то, чем даже мама не может управлять, — ответил Джолло. С каждым словом его голос слабел.

— Послушай, — сказала Кэнди. — То, что принцесса с тобой сделала, ужасно. То же самое она пыталась сделать и со мной. Но пожалуйста, *держись*.

— Зачем?

— Зачем?

— Не волнуйся. На это не надо отвечать. — Он приподнял голову и скосил глаза на Кэнди. — Расскажи мне о констрикторе.

— О чем?

— О Боа, — произнес он, и в этот момент на еге лице возникло озорное выражение. — Попалась? Ага! Я это только что придумал.

На миг смерть была позабыта, и все стало возможно. Кэнди усмехнулась. За его меланхолией продолжала скрываться привлекательность.

— Она все время была внутри тебя?

— Да.

— И ты не знала, какое она чудовище?

Кэнди покачала головой.

— Понятия не имела, — ответила она. — Она была частью меня.

— А сейчас? Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Пустой.

— Тебе одиноко?

— Да.

— И все же хорошо, что она ушла.

Прежде, чем ответить, Кэнди минуту размышляла.

— Да. Хорошо.

Не успел Джолло задать следующий вопрос, как между

деревьями возникла знакомая долгожданная фигура.

— Это я!

— Шалопуто!

— Тылкрыс к твоим услугам, — ответил он. — А это кто?

— Помнишь Джолло? Сына миссис Мунн?

— Он помнит меня таким, каким я был раньше, — сказал Джолло. — Прежде, чем меня схватила Боа.

— Значит, сработало, — сказал Шалопуто.

— Она ушла, — кивнула Кэнди. — Но едва не убила беднягу Джолло.

— И тебя.

— Да. И меня тоже.

— А сейчас она где?

— Где-то на деревьях, — ответила Кэнди.

— Она убегает от мамы, — сказал Джолло и посмотрел на нее. — Верно?

— Верно.

— Я хочу, чтобы она вернулась. Нам надо попрощаться.

— Может, я пойду поищу ее? — предложила Кэнди.

— Да… — ответил Джолло.

Кэнди взяла Джолло за руку. Его пальцы были холодными и липкими от пота.

— Джолло, если я оставлю с тобой Шалопуто, ты обещаешь не…

— Не умирать? — спросил Джолло.

— Да. Не умирать.

— Ладно — сказал он. — Я попробую. Но приведи скорее маму. Я хочу, чтобы она была рядом, если… если я не сумею здесь остаться.

— Не говори так.

— Но это правда, — возразил он. — Мама учит, что говорить неправду плохо.

— Да, — ответила Кэнди. — Это так.

— Тогда поторопись, — сказал он, убирая свои пальцы из руки Кэнди. — Найди ее. — Он повернулся к Шалопуто. — Ты правда был когда-то рабом колдуна? — спросил он.

— Правда, — ответил Шалопуто.

— Подойди поближе. Я не вижу тебя в темноте. Вот, так лучше. Расскажи, он был жестоким? Я слышал, что он жесток.

Интерес Джолло к Кэнди пропал, и он целиком и полностью сосредоточился на Шалопуто. Кэнди поднялась, оставляя их за разговором и радуясь, что мальчик отвлекся.

— Как ты стал рабом? — спросил он Шалопуто.

— Меня продал отец… — начал тот.

Больше Кэнди не слушала. Она пятилась назад, пока не перестала видеть Джолло, а он — ее. Тогда она повернулась спиной к месту, где он лежал, и посмотрела на покрытый деревьями склон. На этот раз ей не понадобилась магия, чтобы увидеть путь Лагуны Мунн. Она слышала шум погони в плотно переплетенном пологе выше на холме. До Кэнди донеслось эхо криков заклинательницы.

— Тебе не спрятаться здесь, Боа!

— Оставь меня в покое! — кричала Боа в ответ, перебегая с дерева на дерево. — Я не знала, что мальчишка — твой сын. Клянусь! Откуда мне было знать? Ведь вы не похожи!

— Врешь! Врешь! — заорала Кэнди, повторяя те же слова, что минутами раньше выкрикнула сама Боа. И добавила: — Ты точно знала, кто он такой, потому что это знала я. А если знаю я, то и…

— Не лезь не в свое дело, Квокенбуш! — рявкнула Боа. — Или пожалеешь!

— Я уже жалею! Жалею, что выпустила тебя из своей головы!

— А вот и раскаяние! — злорадствовала Боа. — Увы, что сделано, то сделано, и это навсегда. Так что лучше привыкай. А я теперь свободна. И все изменится. Все!

— *Не приближайся к ней, Кэнди!* — крикнула Мунн. — *Она тебя покалечит!*

— Я ее не боюсь, — ответила Кэнди.

— Врешь, врешь, не возьмешь! — дразнила Боа.

— Один из нас рано или поздно докажет свою правду, — сказала Кэнди.

Наконец, Боа достигла дерева, под которым стояла Кэнди, и посмотрела вниз сквозь листья, напоминавшие планеты с золотыми кольцами. То, что тело Боа определялось двойным движением ярких колец, не было случайностью. Ее новая кожа, купленная ценой страданий Джолло, вдохновлялась видом окружающей листвы.

— Хочешь правды, — сказала Боа, усевшись на ветке так, чтобы видеть Кэнди. — Ну пожалуйста, вот тебе правда. Я бы забрала всю твою жизненную силу, чтобы полностью себя исцелить. Но эта жирная ведьма не дала мне закончить. А потом, когда я сделала то единственное, что мне оставалось — схватила ее сына, — она начинает с воплями гоняться за мной, будто я преступница. Что за нелепая женщина!

— Я это слышу!

— И что? Думаешь, я тебя боюсь?

— Знаю, что боишься. Чую твой страх.

Среди деревьев позад Боа возникло движение. Ветки трещали так, словно их трясли, и шум становился все ближе и сильнее.

— Считай, что ты мертва, злобная тварь.

— Нет. Смерть — это то, что ждет всех *вас*. Я вернулась к жизни, а вы… вы последуете в небытие за тем ребенком — скоро, уже скоро. Никаких исключений для детей и потерявшихся девочек. Все умрут, скоро, уже скоро. И ты…

Она спрыгнула с ветки прямо на Кэнди, ухватила ее за лицо, и они обе упали на землю, провалившись сквозь колючий кустарник. Рука Боа переместилась с лица Кэнди на ее горло.

— Да! Уже скоро!

Глава 16
Лагуна Мунн в гневе

Если бы Кэнди не видела над собой лица принцессы, она бы сдалась ее мертвой хватке. Но, к счастью, ей было достаточно смотреть прямо в прекрасное и полное ненависти лицо Боа, чтобы продолжать бороться, хотя Боа, сжавшая ее горло, практически лишила ее кислорода. Она продолжала бить по этому лицу, сопротивляясь волнам тьмы, грозившим окончательно захлестнуть ее. Но все же, несмотря на свой гнев, что помогал ей удерживаться в сознании, она не смогла бы вечно сопротивляться этому черному приливу. Ее удары становились слабее, а по Боа нельзя было сказать, что ей больно или что эти атаки ей мешают. Пронзительным взглядом палача она смотрела прямо на Кэнди.

И вдруг позади ее безрадостного лика вспыхнули цвета, слишком хаотичные для усталых глаз Кэнди, чтобы иметь смысл.

Однако голос, раздавшийся из тех цветов, смысл имел.

— Немедленно отпусти девочку, — произнесла заклинательница, — или клянусь, я переломаю все твои кости, будь ты хоть трижды принцесса.

Через секунду руки Боа исчезли с горла Кэнди, и она с наслаждением сделала глубокий вдох, заполняя легкие чистым и таким желанным воздухом. Ей понадобилось еще несколько мгновений, чтобы прогнать черный прилив, подобравшийся уже слишком близко, но к тому моменту борьба между Лагуной Мунн и Боа уже переместилась на некоторое расстояние от места, где она лежала. Когда она встала и огляделась, то увидела их выше, на склоне холма, в нескольких ярдах друг от друга, связанных между собой нитями заклятий: заклинания Мунн уже запустили свои сверкающие пальцы в Боа, а нити Боа танцевали вокруг Мунн дьявольские танцы. Нити вспыхивали яркой энергией — некоторые были не больше искорок, другие оказывались размером с горящих птиц, — и разбрасывали в окружающую тьму пепел и обугленное дерево, что сгорало из-за магии сражающихся сторон.

Кэнди знала, что здесь она ничем не поможет. Две женщины обменивались ударами магии, которую она не понимала и тем более не могла сотворить. Каждая призывала все более сильные боевые заклятья, в ярости посылая их на соперницу, произнося их на языке, в котором Кэнди узнала старый абаратский, язык самого времени. Она не понимала ни слова из того, что они выкрикивали. Но в ветвях и на земле вокруг рва, что

образовывался огнем, появлялись странные доказательства его силы.

Хотя большинство обрывков силы оставались в области ее влияния, несколько вырвались прочь и, найдя среди ветвей и корней живых существ, начали их переделывать. Сладкоголосых птиц капелляров, что отбрасывали свет на зрелищную битву, магия трансформировала в животных, напоминавших летучих мышей и ящериц: некогда прямые клювы превратились в хоботы длиной с их тело, пронзавшие плотный полог листвы, когда птицы спускались с гнезд на верхних ветвях. Кристаллическая крыша грота отбрасывала лучи радужного серебра на мир теней внизу.

Кэнди мгновенно очаровали эксцентричные жизненные формы, возникавшие из-за деревьев и кустов: странные родственники созданий, которые, с точки зрения Кэнди, даже в своем первоначальном облике имели нечто необыкновенное, теперь стали еще более удивительными.

Зрелище полностью захватило ее, и она не замечала, что две женщины посреди выжженного леска перестали драться и теперь спускаются с холма прямо к ней.

— *Держи!* — услышала она крик Мунн.

Кэнди заставила себя отвлечься от животных и увидела, что Лагуна Мунн приближается с необычайной скоростью, огибая деревья и бесстрашно прорываясь сквозь кустарник, находясь сейчас в семи-восьми шагах от нее.

Она вновь закричала, будто смысл ее слов был очевиден:

— *Держи*!

На бегу она вытягивала правую руку с приоткрытой и совершенно пустой ладонью.

— Да поторопись же! Эта злобная тварь собирается нас прикончить!

Кэнди посмотрела за спину Мунн и увидела, что Боа уже обрела плоть; теперь на ее лице было написано выражение почти безумной ярости: глаза широко распахнуты, рот раскрыт, зубы оскалены, как у разозленной собаки, десны обнажены. Ее обнаженное тело несло на себе узор из призрачных пятен, беспрестанно двигавшихся под поверхностью кожи, в одном месте разделяясь на мутные кляксы, в другом — собираясь в единую неровную форму.

Даже ее лицо было пятнистым, наполненным роем туманностей, которые превратились в ряды поднимающихся полосок, затем — в сплошной черный ромб; одна форма перетекала в другую, ни на секунду не задерживаясь ни в одном состоянии.

По какой-то причине эти пятна задели Кэнди за живое. Ее затошнило, желудок начало выворачивать наизнанку, и она едва смогла удержаться от того, чтобы ее не вырвало.

Перед лицом Кэнди возникла полураскрытая ладонь Мунн.

— Держи! — сказала она. — Просто бери.

— Взять *что*?

— То, что ты видишь у меня в руке.

— Я ничего не вижу.

— Посмотри еще раз. И поскорее. — Кэнди видела, как за спиной Лагуны Мунн появилась Боа, и воздух перед ней задрожал. — Я не смогу долго ее сдерживать. У нее огромная сила!

Кэнди слышала, как Боа зовет ее, колотя в Воздушный Щит, который воздвигла заклинательница, чтобы отсрочить ее приближение. Щит, заклинание, которое Кэнди знала, но не могла создать, сделал голос Боа размытым и далеким, однако все равно достаточно ясным, чтобы она понимала цели Боа. Принцесса пыталась поселить в сердце Кэнди семена сомнений в Лагуне Мунн.

— Она говорит, что вы сумасшедшая, — сказала Кэнди.

— Возможно, она права, — ответила Мунн. — Тебя затошнило, когда ты увидела сепулькафов?

— Это так называется? Да. Они отвратительны.

— Если она попытается сделать это вновь, беги, отвернись от нее, закрой лицо, чем хочешь, хоть в землю зарой, но не смотри на узор. Она достаточно сильна, чтобы держать их в собственной коже, а значит, сможет вывернуть тебя наизнанку.

— Но это… это ведь невозможно?

— Боюсь, что возможно. Две минуты назад, на холме, ей почти удалось сделать это со мной. Со мной! На моем собственном острове! Где она только взяла силы, чтобы заклинать сепулькафов? — Мунн покачала головой. — Невероятно.

— Ее учил Кристофер Тлен.

— Интересно. Но все равно остается вопрос — где научился этому *он*? Иноземье не обладает силой. Поэтому вы имели с нами дела. Но даже Абарат не содержит заклятий столь мощных.

Раздался резкий, болезненный звук, и часть заклинания Воздушного Щита разлетелась на кусочки из-за напора принцессы.

— Как ты вообще с ней жила?

— Она не была такой.

— Или была, но ты ее подавляла.

— Хм. Я никогда не думала об этом с такой стороны.

— Неудивительно, что ты была скучной серой мышкой. Вся

твоя энергия уходила на то, чтобы сдержать это чудовище.

— Кто сказал, что я была скучной серой…

— Мышкой.

— Мышкой.

— Ты была. Ты есть камень, как котором стоишь. Но хватит…

Раздались два быстрых, мощных удара. Затем еще три.

— Она прорывается. Держи оружие!

Она вновь протянула Кэнди ладонь, и Кэнди вновь ничего не увидела. Но решать надо было быстро. Боа и ее тошнотворные сепулькафы находились всего в одном слое Воздушного Щита от них.

— Да посмотри же! — настаивала Мунн. — Отвернись. Очисти сознание. А потом посмотри снова. Вот же оно, прямо здесь!

— *Что именно*?

— Что пожелаешь!

— Например, ядовитая змея?

Едва она задала этот вопрос, как в руке Лагуны Мунн возникла двухметровая змея, чей ядовитый желто-зеленый окрас с блестящими черными полосами вдоль всего тела говорил о том, что она ядовита.

— Отличный выбор! — произнесла Мунн, однако тон ее был несколько двусмысленным, и Кэнди не поняла, серьезно она говорит или нет. — Держи!

Она бросила змею Кэнди, которая скорее инстинктивно, чем намеренно, поймала ее обеими руками.

— И что теперь? — спросила она.

Глава 17
Змей говорит

— Джолло?

Сморщенная фигурка на земле молчала. Глаза мальчика были закрыты, зрачки за тонкими серыми веками не двигались. Шалопуто опустился на колени и спросил:

— Ты еще здесь?

Несколько секунд ответа не было. Затем слипшиеся веки слегка приоткрылись, и он заговорил. Слова были неразборчивы, голос слаб.

— Я здесь. Мне надо отдохнуть. Когда глаза открыты, все очень шумно, — сказал он.

Шалопуто посмотрел на Соглашателя, надеясь, что тот понимает смысл путаницы ощущений Джолло, но Соглашатель вообще не смотрел на брата и на Шалопуто. Он отвернулся в направлении доносившихся звуков.

— Воздух разбивается, — сказал он.

— Не знал, что воздух может разбиваться, — ответил Шалопуто.

— Стекло можно лить, как патоку, если оно раскалено. Ты и этого не знаешь? — спросил Соглашатель. — Все тылкрысы такие глупые?

Шум раздался вновь. И вновь. Теперь Шалопуто смотрел в том же направлении, что и Соглашатель, заинтересовавшись, на что похож разбивающийся воздух. Внезапно Джолло схватил Шалопуто сперва одной рукой, затем обеими, подтянулся и сел на земле, широко открыв глаза.

— Она там, — произнес он, с пугающей точность глядя туда же, куда смотрел его брат.

Шалопуто не стал спрашивать, о ком он говорит. Во вселенной мальчиков была только одна «она». И сейчас Джолло хотелось ощутить покой ее присутствия.

— Мама… — сказал Джолло. — Соглашатель, найди ее.

— Она идет, братишка.

— Пожалуйста, поторопи ее.

— Я не могу ее торопить, когда у нее такое серьезно дело.

— Я почти умер, — сказал Джолло. — Я хочу увидеть ее в последний раз.

— Помолчи. Хватит говорить о смерти.

— Легко сказать, когда это не твоя жизнь… угасает. — Его лицо превратилось в трагическую маску. — Я хочу увидеть маму.

— Она придет, как только сможет, — сказал Соглашатель, но на этот раз тише; его голос был наполнен грустью, словно он знал, что как бы она ни спешила, ей не успеть.

— Не смотри вверх! — крикнула Мунн, когда раздался грохот падающего Щита. — Просто будь готова!

— К чему?

— Ты хотела змею? Готовься ее использовать!

Кэнди чувствовала злость, смятение и собственную глупость одновременно. Она и представить себе не могла, что избавление от Боа вызовет такой хаос: принцесса едва не убила Лагуну Мунн, ее первенца и саму Кэнди, а теперь прорывается сквозь воздушную защиту вместе со своими сепулькафами. Одна мысль о них вызывала у Кэнди тошноту, поэтому она сосредоточилась на своем змее.

Его тело было слишком толстым, чтобы Кэнди могла обхватить его ладонью, но змей не собирался ее покидать. Напротив, он дважды обернул свой прохладный сухой хвост вокруг ее рук, а затем, подняв большую голову так, чтобы смотреть на Кэнди сверху вниз, сказал:

— Полагаю, я очень красивый змей. Ты не согласна?

Его речь, изящная и плавная, как и движения, не удивила Кэнди. Самым большим разочарованием взросления — гораздо более сильным, чем отсутствие Санта-Клауса или страны Оз, — стало для Кэнди открытие того факта, что хотя животные в сказках, которые она читала, часто говорили, произнося мудрые вещи, в реальной жизни это было не так. Поэтому вполне логично, что змей, которого она сотворила слепым инстинктом, обладал речью.

— Это ты вызвала меня к жизни? — спросил змей.

— Да, я.

— Прекрасная работа, откровенно говоря, — произнес змей, любуясь своими блестящими кольцами. — Я бы сделал точно так же. Ни изменил ни чешуйки. Я нахожу себя… совершенным. — Он казался смущен. — По-моему, я влюбился. — И змей поцеловал собственные кольца.

— Ты ядовитый? — спросила Кэнди.

— О да. Я чувствую горечь собственного яда. Конечно, на меня он не действует, но если на твой язык упадет хоть капля…

— Я умру?

— Непременно.

— Быстро?

— Конечно, нет! Какой смысл в мгновенном яде?

— Безболезненно?

— Нет! Какой…

— Смысл в безболезненном яде?

— Именно. Мой *укус* может быть быстрым, но каковы последствия! Уверяю тебя, последствия наихудшие. Ты почувствуешь огонь, что поджаривает твой мозг, а мышцы сгниют прямо на костях.

— Ну и ну.

Услышав, как змей с удовольствием рассуждает о мучениях, Кэнди вспомнила о Кристофере Тлене. Подобно змеиному яду, плавающие кошмары Тлена несли окружающим смерть. Но для Тлена они были спутниками, надежными и любимыми. Схожесть была слишком тесной, чтобы казаться простым совпадением. Кэнди связала созданного змея с долей присутствия в ее жизни Тлена.

Разговор со змеем и воспоминания о Тлене заняли всего несколько секунд, во время которых грохот ударов Боа в последний Воздушный Щит стал значительно громче.

— Твой змей знает, что делать, когда Боа прорвется? — спросила Мунн, перекрикивая шум. — Она очень разозлилась и будет здесь уже скоро, так что лучше приготовься.

— Думаю, мой змей знает свое дело, — крикнула Кэнди в ответ.

— Я *твой* змей?

— Разумеется, если ты не возражаешь, — ответила она, постаравшись повторить его высокомерную интонацию.

— С какой стати мне возражать? — сказал змей. — По правде говоря, леди, я тронут и горд.

Он приподнял свою изящную мордочку и отвесил глубокий поклон. Кэнди постаралась скрыть нетерпение (и почему та ее часть, что задумала змея, создала существо, обладавшее такой смешной церемонностью?), но это оказалось сложно. Единственное, что удерживало ее от потери самообладания, это искренняя преданность животного.

— Ты можешь полностью на меня положиться, — сказал змей. — Клянусь, я истреблю ради тебя весь мир.

— Кэнди… — торопила ее Мунн. — Быстрее, или все кончится.

— Я слышу, — ответила Кэнди. — Мы готовы.

— Значит, весь мир? — спросил змей.

— Спасибо за предложение, но нет. Мне нужно остановить лишь одного человека.

— И кого же? Вон ту толстую женщину?

— Я все слышала, змеюка! — крикнула Мунн.

— Нет, змей, — ответила Кэнди. — *Совсем* нет. Это наш друг.

— Раз не мир и не толстая дама, тогда кого?

— Ту, кто находится с другой стороны Воздушного щита, — сказала Кэнди.

— Почему ее?

— Потому что она никуда не годится. Поверь мне. Ее зовут Боа. Принцесса Боа.

— Погоди-ка, — сказал змей. — Она королевского происхождения? Нет. Нет и еще раз нет. У меня есть правила. Мы с ней одной крови!

— Да ты посмотри на нее! Она же не змея.

— Мне все равно.

— Еще минуту назад ты был готов убить ради меня весь мир!

— Мир, но не ее.

Мунн не слышала ни единого слова из их диалога. Она была слишком занята, используя все свои силы — ментальные, физические и магические, — чтобы удержать последний слой Щита, уже серьезно поврежденный, от полного разрушения.

Кэнди боялась, что эта битва скоро окажется проиграна. Сила Боа была настолько внушительной, что, несмотря на годы колдовской работы, энергия заклинательницы истощилась. В отчаянии она прибегла к силе собственной души, но даже этого оказалось недостаточно. Ее энергия выгорела почти полностью за несколько секунд. Когда она исчезнет, закончится и жизнь Мунн.

— Прости, Кэнди… — Грохот падения последнего слоя Воздушного Щита почти полностью заглушил ее слова. Она глубоко вздохнула и в последний раз попыталась удержать защиту. — Я не могу ее остановить. Я использовала все, что у меня было. Во мне больше не осталось жизни.

— Нет, миссис Мунн, вы не можете умереть. Пожалуйста, отойдите с дороги.

— Если я отойду, все закончится, — ответила она. — Боа прорвется, и нас обеих вывернет наизнанку.

— Знаете, что, — сказала Кэнди, — пусть входит. Я ее не боюсь. У меня есть змей-убийца.

— Я не твой, — заметил змей.

У Кэнди не было ни времени, ни желания спорить. Она подняла змея, все еще обернувшегося вокруг ее рук.

— Послушай-ка меня, претенциозный, самовлюбленный, пустоголовый червяк…

— Червяк? Ты назвала меня *червяком?*

— Заткнись, я сказала! Ты существуешь потому, что тебя сотворила я. И я могу избавиться от тебя с такой же легкостью. — Она понятия не имела, правда это или нет, но раз змей — ее творение, мысль представлялась логичной.

— Ты не посмеешь! — сказал змей.

— Чего я не посмею? — спросила Кэнди, даже не глядя на него.

— Избавиться от меня.

Теперь она на него посмотрела.

— Неужели. Это просьба?

— Нет. Нет!

— Уверен?

— Ты с ума сошла.

— О, ты еще не видел…

— И не желаю, спасибо.

— Тогда делай, что я говорю.

Она уставилась в черные бусины змеиных глаз и удерживала его взгляд все дольше и дольше.

— Ладно! — наконец, согласился змей, отводя глаза. — Ты победила. Нет смысла договариваться с безумцем.

— Правильный выбор.

— Я ее укушу, но потом ты меня отпустишь.

Не успела Кэнди ответить, как Боа издала вопль, который через несколько секунд был заглушен грохотом падения последнего слоя щита. Вырвавшаяся энергия врезалась в Лагуну Мунн, загородившую от нее Кэнди и змея. Несмотря на солидный вес, Мунн отбросило в темноту между деревьев, будто соломенную куклу.

В то же мгновение змей попытался вырваться из хватки Кэнди; его мускулистое тело в панике извивалось вокруг ее рук.

— Прости. Мне пора уходить. Взгляни на время.

— Хорошая попытка, червяк, — Кэнди покрепче ухватилась за ту часть его тела, которая казалась ей ближе всего к голове. Она боялась слишком широко открывать глаза, чтобы это проверить, опасаясь случайно хотя бы на миг увидеть смертоносную Боа и ее сепулькафов. Однако ей не удастся использовать змея против Боа, если она не будет знать, где стоит враг.

Внезапно яростные извивания змея прекратились, и Кэнди, воспользовавшись неожиданной пассивностью, скользнула ладонью вдоль его тела. Она видела, как работают настоящие змееловы. Они хватали животное прямо за головой и держали изо всех сил, чтобы змея не могла извернуться и укусить их.

Но змей Кэнди не собирался этого делать. Он вообще не двигался. Причина столь неожиданного спокойствия находилась всего в нескольких сантиметрах от ее руки. На голову змею наступила босая нога.

— Итак, — сказала Боа, — пришло время взглянуть на меня. А если я захочу, то могу тебя заставить.

Глава 18
Конец игры

Шалопуто продолжал смотреть в пространство между деревьями, надеясь уловить признаки возвращения Кэнди, однако ничего не видел. Скоро он заметил стайку из десяти-двенадцати крылатых созданий, которые глядели на него из-за стволов, скуля и лая, болтая между собой и завывая чужими голосами, подобными собаке, свинье, обезьяне и гиене.

— Что за шум? — спросил Соглашатель.

— Сам посмотри, — ответил Шалопуто, чувствуя, что его словарного запаса не хватит, чтобы это описать.

— Не сейчас, — сказал мальчик-слизняк. — Я… *сосредотачиваюсь*. От этого я не могу отвлекаться.

— Тебе помочь?

— Нет, — ответил он. — Это касается только меня. Может, ты продолжишь искать маму и Кэнди? И пожалуйста… не смотри на меня, пока я создаю заклинание.

— Ты собираешься использовать магию?

— Попытаюсь. Это будет просто стишок и припев.

— Что?

— Песни. Мама записывала все заклинания, которые сочиняла или выучивала, в виде песен. Так их сложнее украсть, говорит она. Я слушал эти записи с двух лет. Так что я знаю всю ее магию, потому что могу спеть все песни до одной.

— Ты их понимаешь?

— Скоро мы это узнаем. Поэтому я и не хочу, чтобы ты смотрел. Если что-то пойдет не так, ты, по крайней мере, будешь стоять к этому спиной.

— А что ты собираешься делать?

— Ничего особенного. Я ужасный певец. Но я бы хотел облегчить боль Джолло, если получится.

— А твоя мама не разозлится, узнав, что ты украл ее магию?

— Может быть. Но она сойдет с ума, если вернется, а Джолло к тому времени умрет. Это разобьет ее сердце. И что я буду за сын, если не попытаюсь этому помешать? Понятно, что плохой. Я и так достаточно ее разочаровывал. На этот раз я собираюсь все сделать правильно.

— А ты не можешь подождать еще немного?

— Спрашивай не меня. Спроси Джолло.

Шалопуто посмотрел на Джолло и получил ответ. Если бы не едва заметный подъем и опускание грудной клетки, можно было

бы счесть, что жизнь уже покинула его тело.

— Мне пора начинать, — сказал Соглашатель. — Продолжай искать маму и Квокенбуш.

— Они придут, — ответил Шалопуто, повернувшись спиной к мальчику, как тот и просил, и начал высматривать Кэнди между деревьев.

Изучая коридор теней прямо перед собой и теней еще более глубоких далеко впереди, он почувствовал, что оттуда на него кто-то смотрит. Он инстинктивно взглянул на ветви ближайшего дерева. Там сидели трое существ из стаи с бледным оперением, которая с таким шумом проследовала между деревьями всего пару минут назад. Сейчас они молчали — возможно, из-за печальной сцены внизу. Он смотрел, как они глядят на него, обеспокоенный их вниманием.

И тут из-за спины Шалопуто раздался голос Соглашателя, который фальцетом, с неестественной точностью пел песню, созданную его матерью для того, чтобы петь самой. У песни была убаюкивающая мелодия колыбельной. Эти древние звуки Абарата родились в те времена, когда Часы еще доверяли человечеству. Звуки, рассказывавшие о свете и тьме, море и небе, камнях и огне.

— Каи ту пентни,
Каи ту ки,
Хастегетчем
Сманне фи.

И о смерти. Именно эта тема стояла за всеми другими величинами. Смерть беспощадная, смерть окончательная, враг всего нежного и хрупкого, что разбилось, как яйцо, упавшее со стола, обожглось молнией, превратившей лес в огонь, замерзшее, загнанное на край утеса.

Но древние слова звучали бесстрашно, словно мальчик произносил свое собственное имя.

— У тозземанос,
Во тчем,
Во каи нумма,
Джет йо ем.

Что именно он делал? Любопытство Шалопуто становилось тем сильнее, чем дольше продолжалось песнопение. Какого рода утешение он предлагал своему брату, что требовало слов столь

древних и чуждых?

Шалопуто старался уговорить себя не поворачиваться, не смотреть, но его тело подчинялось требованию гораздо более глубокому, чем собственные уговоры.

Он повернулся и посмотрел. И его тело вновь победило разум, на этот раз произнеся слово:

— *Нет!*

И не раз, и не два, и не три:

— *Нет! Нет! Нет! Нет!*

Кэнди не теряла времени на размышления о том, почему кричит Шалопуто. Она воспользовалась моментом и заодно своим змеем. Нога Боа все еще стояла на его голове, но ни ее вес, ни ее внимание не были полными, и когда Кэнди дернула наколдованное животное, оно без малейшего труда выскользнуло из-под ступни принцессы.

Змей издал совершенно незмеиный вопль мятежной ярости и начал безумно извиваться. Она попыталась ухватить его подвижные кольца свободной рукой, но слишком сосредоточилась на этом действии, из-за чего все мысли о принцессе и ее смертоносном облике вылетели у нее из головы. Она бессознательно повернулась и внезапно поняла, что смотрит на очертания Боа. Что еще хуже, глаза Кэнди не могли от нее оторваться. Она попыталась отвернуться от принцессы и от движущихся по ее лицу пятен, которые образовывали тошнотворные символы в воздухе вокруг ее головы. Эти знаки могли сделать так, что тело восстанет само на себя, вывернется наизнанку в беспорядочном безумии, пойдет против собственной природы, против смысла, против жизни, и погибнет.

В узорах на лице Боа была невероятная разрушительная сила. Хотя Кэнди знала о том ущербе, к которому они способны привести, их чары были сильнее ее воли. Она не могла заставить себя отвести взгляд, хотя чувствовала, как переворачивается ее желудок…

— *Не смотри!* — закричала Лагуна Мунн.

Ее голос не был мягким, полным покоя или размышлений. Нет, она кричала грубо и резко, именно так, как требовалось в эту минуту.

К большому облегчению и изумлению Кэнди, ее глаза подчинились приказу. Как только она отвела взгляд, к ней вернулась воля.

— Хорошо! — сказала Мунн. — А теперь живее! Отдай мне эту проклятую зверюгу.

Кэнди начала протягивать змея, но Мунн не могла ждать.

— *Давай его мне!* — сказала она, появляясь из-за деревьев и

хватая животное. — И в следующий раз вызови топор! — добавила она, забирая змея из рук Кэнди. — У змей есть зубы и язык!

— Я еще заставлю тебя пожалеть… — начал змей, но у Мунн не было желания выслушивать угрозы.

Она выдернула хвост змея из рук Кэнди и свернула его в шар черно-желтых колец.

А потом приказала:

— *Кусай Боа!* — и швырнула змея в принцессу.

Ухватив Кэнди за рукав, Мунн потащила ее за деревья, оставив принцессу Боа и волшебного змея выяснять свои отношения.

Глава 19
Цена свободы

— Вокруг них вырастет стена шипов из голубого пламени, — сказала Мунн, торопя Кэнди подальше от места, где Боа и змей остались меряться своими ядовитыми талантами. Заклинательница больше не являла собой образ спокойной силы и уверенности, которой была полна, когда Кэнди увидела ее впервые. Яркие цвета на ее платье исчезли, один из перьев-усиков на голове был выдран. Повсюду виднелись следы того, какими тяжелыми выдались для нее последние минуты. Она была исцарапана, в синяках и в поту: уставший боец, все еще на ногах, но только благодаря силе своей воли.

— Когда поднимется стена? — спросила Кэнди.

— Она уже поднялась. Нет, не оборачивайся! Когда же ты, наконец, научишься осторожности? Ты ведь не в игрушки играешь. Боа могла быть воспитанной соседкой, пока жила у тебя в голове, но это говорит лишь о силе твоего влияния. Должно быть, ты подавляла ее злобу, сама не зная, что делаешь. Но сейчас она свободна.

— Так что насчет стены пламенных шипов?

— Она ее надолго не задержит. А тем более ее не задержит твоя нелепая змея.

— Вы были правы. Надо было создавать топор…

— От него было бы не больше проку… чем от змеи. — Мунн говорила все медленнее, ее шаги тоже замедлялись, а потом она встала. Кэнди остановилась позади, глядя на деревья. Она искала знаки присутствия Шалопуто или Джолло с Соглашателем, но тени ближайших деревьев были очень глубокими, почти черными.

— Что случилось? — спросила Кэнди.

— Мой сын, — сказала Мунн. — Что-то произошло с одним из моих детей.

Она сорвалась с места, двигаясь стремительно, разорвав темноту перед собой, словно занавес, несколькими тихими словами. Кэнди поспешила к ней, но идти рядом не смогла: слишком плотно обступили ее деревья и тени. Она следовала за Мунн, петлявшей между стволами.

Наконец, в темноте перед ними появилась фигурка. Это был Шалопуто. Еще до того, как Мунн с ним поравнялась, он начал извиняться.

— Я не знал, как его остановить. Он произносил слова… из одной из ваших книг…

— Джолло творил магию?

— Нет, госпожа Мунн, магию творил Соглашатель. Он начал петь что-то вроде заклятия… — Он закрыл рукой мокрое от слез лицо. — Я пытался остановить его, но он не обращал внимания. Он не читал прямо из книги, поэтому я никак не мог заставить его замолчать. Он помнил заклинание наизусть.

— Я уверена в этом, — сказала Мунн. — Он очень умный мальчик. Это добро, которое я вложила в него прежде, чем он родился. — Она всмотрелась в клубящуюся тьму перед собой. — Где же он? — спросила она.

— Он все еще с Джолло. Но я не могу точно сказать, где именно. — Нахмурившись, он покачал головой, пораженный собственной глупостью. — Они должны быть прямо за мной, потому что когда я пошел искать вас и прошел всего несколько шагов, то подумал: нет, надо делать так, как говорила Кэнди, оставаться с ними. Поэтому я повернул назад, но там оказалась тень, густая тень, которой прежде не было.

— И ты знаешь, почему.

— Знаю? — удивился Шалопуто.

— Можешь не отвечать, — голос Мунн заметно смягчился. — Вероятно, ты даже не понял, от чего бежал.

— Я ни от чего не бежал. Говорю же, я не знаю, что произошло.

Лагуна Мунн миновала Шалопуто, подойдя к месту, откуда словно высосали весь свет.

— Ты слышал это в словах, которые он произносил.

— Такой язык я не понимаю.

— И все же ты его слышал, — сказала она.

Это не был вопрос. Она лишь утверждала то, что знали они оба. Шалопуто больше не пытался отрицать истину.

— Да, слышал, — сказал он.

— Слышал что? — спросила Кэнди.

— Смерть, — ответил он.

И, словно реагируя на произнесенное слово, тени перед заклинательницей начали рваться, будто были сделаны из мокрых газет. Шалопуто не хотел ничего видеть, по крайней мере, сейчас. Он скользнул за деревья, дав Кэнди подойти к Мунн, которая прошла за разорванные тени и смотрела теперь на то, что лежало на траве прямо перед ней.

Без сомнения, мальчик был мертв. С тех пор, как Кэнди видела его последний раз, плоть Джолло почти полностью лишилась жизненных соков, и то привлекательное темное создание, которым он когда-то был, исчезло. Сейчас он походил на карлика в мешковатой кожаной рубашке.

Он выглядит таким маленьким, подумала Кэнди, маленьким и бесцветным. Кожа Джолло была черной, как небеса, с разбросанными по ней искорками. Куда делись чернота и искры? Смерть сделала останки Джолло настолько чистыми, что теперь они походили на тело его брата.

Или…

Или что?

— Думаю, это не Джолло, госпожа Мунн, — тихо произнесла Кэнди, будто эти слова могли потревожить мертвеца.

— Я знаю, — ответила Мунн.

То, что тело было таким маленьким, получило свое объяснение. Останки не принадлежали ухоженному любимцу Мунн Джолло Бигогу. В траве лежало тело Соглашателя, поняла Кэнди.

— Что с ним случилось? — в ужасе прошептала она. — Магия, которую он творил, дала осечку?

— Нет. Заклинание сработало именно так, как он хотел, — сказал Джолло.

С этими словами он появился из-за деревьев с другой стороны от тела брата. Следы, оставленные на нем Боа, поглотившей его жизненную силу, были излечены, и Джолло вновь превратился в гордость и радость своей мамы, сверкающее, прекрасное создание, каким его впервые увидели Кэнди и Шалопуто. Но на этот раз на его лице не было ослепительной улыбки.

— Он использовал Древнюю магию, мама. Клянусь, я ничего не мог с этим поделать. Он отдал мне свою жизнь. Я даже не знал, что такое возможно.

— Откуда тебе знать. Это непросто. Надо найти правильное заклятье, в совершенстве выучить его, правильно произнести. И, разумеется, быть готовым отдать свою жизнь.

— Он так и сделал, мама. Я не знал, что он это делает. Клянусь, не знал.

— Значит, твой брат отдал жизнь от доброты своего сердца?

— Не *своего,* мама. Твоего. Потому что ты сделала его таким.

Мунн пристально всматривалась в Джолло, пытаясь определить честность его слов.

— А тебя, мальчик, я сделала из всего порочного, что во мне есть. Из моей жестокости. Мстительности. И *лжи.*

— Хочешь сказать, я вру? — спросил Джолло. От этой мысли он буквально рассвирипел. Шерсть на его блестящей черной шкурке, до сих пор лежавшая так идеально гладко, что Кэнди и не догадывалась о ее существовании, встала дыбом, образовав три параллельных гребня: они шли от лба по всей голове, заходили

на спину и образовывали спираль на его животе, центром которой было место, где у обычных детей находился пупок.

— Нечего на меня щетиниться!

— А ты не называй меня вруном, когда я говорю правду.

— Твой брат мертв, Джолло, и я должна знать, почему!

— Спроси тылкрыса! — крикнул Джолло. — Он все видел!

Мунн посмотрела на Кэнди.

— Куда делся твой друг?

— Он где-то рядом. Думаю, он просто соблюдает уважительную дистанцию.

Она обернулась, руководствуясь, скорее, инстинктом, нежели видя Шалопуто, и тихо произнесла:

— Она не злится. Просто хочет знать.

— Да, я слышу, — ответил Шалопуто, выходя из-за деревьев. — Все произошло именно так, как говорит Джолло. Малыш произнес заклятье на старом абаратском. Я чувствовал силу его слов. И видел, как жизнь, словно струя света или воды, вытекает из него и втекает в Джолло, который был почти мертв. Он ни о чем не просил. Это все идея Соглашателя. От начала до конца.

— Ты хотя бы пытался его остановить? — спросила Мунн.

— Конечно. Я стал кричать, но это не помогло. Приблизиться к себе, чтобы их разделить, он не давал. Когда я попробовал, меня отшвырнула какая-то сила, и я упал. Я пытался несколько раз, но все без толку. Потом Соглашатель обессилел. Он только сказал, что вы поймете. Он произнес: «Скажи маме. Она поймет».

— Глупо, — пробормотала Мунн.

— Я сделал все, что мог, — ответил Шалопуто.

— Я не о тебе, тылкрыс. О своем сыне. О моем первенце.

— Поздно теперь об этом говорить, — сказал Джолло. — Посмотри на него! Он ушел навсегда и никогда не вернется.

Мунн кивнула.

— Если он хотел меня наказать, у него это получилось.

— Наказать вас? — удивилась Кэнди. — За что?

— За то, что не была для него любящей матерью, какой мне следовало быть. Потому что тьму в себе я любила больше, чем свет. — Она подошла к крошечному телу в пелене из сморщенной кожи и опустилась на колени. — Прости меня, дитя, — тихо проговорила она. В голосе ее слышались слезы.

— Думаю, нам пора идти, — сказала Кэнди.

— Да, пора, — ответила Лагуна Мунн, не оборачиваясь к Кэнди и Шалопуто и не сводя глаз с мертвого мальчика.

— Простите, — сказала Кэнди.

— В этом нет твоей вины. Это моя ошибка. Будь здорова,

Кэнди Квокенбуш. Испытания, что тебя ожидают, проверят пределы твоей прочности. Возможно, тебе даже придется выйти за них. Но если тебе понадобится исцеление…

— То?

— То сюда за ним не приходи. — Слезы подчеркивали каждое ее слово. — Джолло, — сказала она, — отведи их в гавань и найди лодку.

— Спасибо, — сказала Кэнди.

Мунн не приняла ее благодарность и ничего не ответила. Она положила руки на тело своего мертвого ребенка и заплакала.

Такой Кэнди увидела великую заклинательницу Лагуну Мунн в последний раз: стоявшую на коленях у тела мальчика, который был сделан из всего хорошего в ней, со слезами, катящимися по щекам.

Когда его мать осталась позади, Джолло стал очень разговорчивым и начал болтать об одном-единственном объекте своего интереса — о себе. «Не является ли это неотъемлемой частью зла?» — думала Кэнди, слушая его: эта полная поглощенность собой, словно больше ничего в мире не имело значения, кроме Джолло и его скуки, Джолло и того, как он пострадал из-за нападения Боа, Джолло и того, что он будет делать, когда покинет остров и отправится в Абарат.

— Настанет время, говорит мама, и человек с такими талантами ко всяким пакостям обязательно кому-нибудь понадобится. Я буду королем, как пить дать. А может, даже кем-то и покруче короля. А кто круче короля? Тот, кто его убил. Вот им я и стану. Потому что если ты кого-то убиваешь, то становишься важнее, чем тот, кого ты убил. Мама мне этого не говорила. Я сам догадался. Потому что мне снятся сны, понимаешь? Сны о будущем, где всё скучное и хорошее выстраивается в ряд, чтобы его уничтожили. Отрубили голову. Я и сам могу рубить головы, но ведь это скучно, верно? Ненавижу скучать. Поэтому я скоро отсюда уплыву…

Он продолжал болтать о Джолло, потом опять о Джолло и снова о Джолло. Когда они, наконец, вышли из леса, то увидели перед собой мелкую бухту с короткой деревянной пристанью на пляже, круто спускающемся к воде. Кэнди и Шалопуто с облегчением обменялись взглядами. Очень скоро они избавятся от компании мальчика.

Однако Джолло желал сказать им кое-что еще.

— Когда я отсюда уплыву, — заявил он Кэнди, — то заберу с собой все магические книги мамы, потому что ее книги существуют только в одном экземпляре, и на каждой я заработаю тысячи патерземов. Хочешь, я принесу их сначала тебе? Тылкрыс

слишком глуп, чтобы читать большую книгу, но ты ведь знаменитость. Мама говорила мне об этом еще до того, как ты сюда приехала…

Теперь они шли по трещавшим под их ногами доскам пристани.

— Она знала, что я приду? — спросила Кэнди.

— *Секундочку,* — проговорил Джолло. — Я еще не закончил. Как ты *смеешь* меня перебивать! Знаешь, что? Я не принесу тебе мамины книги. Ты просто хамка. Поверить не могу! Бестолковая простушка! И не пытайся подлизываться, потому что это ничего тебе не даст. Подлизы — жалкие типы. Как мой брат. Он подлизывался, когда я его колотил. Я буду по нему скучать. Теперь мне некого колотить. Слушай, идея! Я прощу тебе твою грубость и принесу книги, как и обещал, а ты за это оставишь мне тылкрыса. Я не стану его калечить. Просто буду делать то же, что делал со своим братом. Ну знаешь, колотить, плеваться, и все такое. Договорились? Когда я стану королем, ты еще порадуешься, что я тебя простил, потому что иначе твоя жизнь не будет стоить и гроша. — Он ухмыльнулся. — Прямо как у моего братца. Я получил его жизнь, потому что он жалкий тип. — Ухмылка превратилась в отвратительный хохот. — Он же поступил совершенно по-идиотски! Когда я стану королем, то сделаю его святым. Он будет Святым Соглашателем, покровителем идиотов. Ха-ха-ха! Отлично! У него будет собственный день святого — сегодня, как раз когда он умер. Никто не будет работать. Все будут читать глупые молитвы за глупого святого глупых людей. Погоди! Что это делает тылкрыс?

Кэнди не ответила.

— Говори! А, понял, понял! Тебе надо разрешение. Ну так я тебе разрешаю. Скажи, что делает тылкрыс.

— Ты плохо видишь? — спросила Кэнди.

— Нет. Я отлично вижу.

— Тогда ты видишь, что он делает. Стоит в маленькой лодке и отвязывает канат.

— Скажи ему, чтобы он возвращался. Мы же с тобой договаривались. Тылкрыс останется, а когда я…

— *Заткнись.*

— Что?

— Ты глухой? Я сказала: *заткнись!* Ты никогда не будешь королем. Ты — отвратительное, самовлюбленное, безмозглое ничтожество. Ты думаешь только о себе, и единственное, королем чего ты можешь быть, так это того, что прилипнет к подошве твоего ботинка.

— Хватит, Кэнди, — тихо произнес Шалопуто. Он потянулся,

чтобы взять ее за руку, но Кэнди еще не закончила.

— Король дерьма, — сказала она. — Это все, чем ты можешь править.

Шерсть Джолло встала дыбом, и он испустил отвратительный горький запах, который она до сих пор не чувствовала — возможно, потому, что не стояла к нему так близко. Резкий запах щипал ей глаза, из них потекли слезы, и именно это, а не увещевания Шалопуто, вынудили ее прекратить высказывать Джолло все, что она о нем думает. Ей не хотелось, чтобы он считал, будто довел ее до слез, поэтому она повернулась к нему спиной и протянула Шалопуто руку.

Запах ярости Джолло внезапно усилился, и она поняла, даже не оборачиваясь, что маленькое чудище находится прямо за ней, собираясь вцепиться когтями в шею. Но она не собиралась доставлять ему это удовольствие. У Кэнди уже не было времени брать Шалопуто за руку. Она спрыгнула в лодку, упав лицом в старую собравшуюся на дне воду. Когда Кэнди встала, Шалопуто уже держал весла и греб от пристани, на которой стоял ощетинившийся Джолло Бигог: он плевался, и его слюна разлеталась с такой демонической силой, что можно было слышать, как она шлепается на корму лодки.

Однако это было все, что он мог — по крайней мере, сейчас. Быть может, завтра он получит свой трон и корону. В жизни случаются странные вещи. Но до тех пор Кэнди будет помнить его как озлобленного щенка, стоящего на старой пристани и плюющегося в них до тех пор, пока они не оказались за пределами его досягаемости.

Как только Шалопуто отвел лодку подальше от берега, ее подхватил удивительно быстрый поток и понес прочь. Течение двигалось со скоростью умелого посланца, неся лодку сквозь туннель, не похожий на пещеру, через которую они сюда попали. Он постоянно изгибался, то влево, то вправо, затем снова влево, создавая почти гипнотическое движение. Покачиваясь в лодке, Кэнди позволила себе недолгий миг радости.

«Я от нее избавилась, — думала она. — Злобный монстр, сидевший в моей голове, убивавший мою радость, исчез навсегда. Возможно, я немного изменилась, но я все еще та Кэнди Квокенбуш, какой и была всегда.»

— Ты улыбаешься, — сказал Шалопуто. — Это потому, что она ушла?

— Ты так хорошо меня знаешь, — ответила Кэнди.

— Мне нравится знать тебя. Это лучшее, что со мной происходило.

— Теперь все станет просто замечательно, — сказала она.

Больше они не разговаривали, просто лежали, испытывая заслуженную усталость, а лодка двигалась по длинной, извивающейся пещере, пока воды не вынесли ее в море вокруг Вздора, в спокойные воды Изабеллы под небесами, усыпанными такими яркими звездами, что их можно было видеть до самых туманов, где кончался этот Час и начинался другой.

— Куда теперь? — спросил Шалопуто.

ЧАСТЬ 3
Много магии

Магия круга,
Магия взгляда,
Магия вихря,
Магия ада,
Магия черепа, где кроются вопросы.
Монета за наживку для Уробороса.
Червь вьется вокруг сердца, что обнимает мир;
В пульсирующей матке ребенок тихо спит.
Окружи его своей смелостью,
Пусть корнями ее станет радость.
А мы с тобой, моя любовь, освободимся
От бремени утрат и ужасов времён.

Глава 20
Завтра, сегодня

Как это свойственно пророкам, абаратские торговцы предсказаниями были эгоистичны и воинственны, с высокомерием относясь к любым провидцами, кроме самих себя. То, что каждый из них использовал совершенно отличный от остальных метод достижения результатов, лишь усиливало вражду. Один видел знаки грядущего в восьмидесяти восьми картах абаратского таро, другой обретал свои видения в экскрементах коз юттер, что паслись на золотистых полях Гномона, а третий, увидев, как музыка тростниковой флейты острова Частного Случая заставляет танцевать лунатиков в сумасшедшем доме на Хафуке, открыл будущее в оставленных на песке следах пациентов.

Разделенные методологией и опасным чувством собственной важности, эти предсказатели даже не думали сравнивать свои пророчества с пророчествами коллег. Но если б они это сделали, то обнаружили бы, что каждый, независимо от метода, сообщал одни и те же новости. И эти новости были плохими.

Приближалась тьма. Огромная, безжалостная тьма, готовая затмить все звезды, скрыть все луны, освещавшие Ночное небо, и уничтожить все солнца, сверкавшие в небесах Дня.

Если бы пророки Абарата отбросили тщеславие и гордыню, когда образы этой тьмы впервые проникли в их сознание, и поделились бы друг с другом своими страхами вместо того, чтобы цепляться за них, словно это последнее имущество, они бы избежали трагических последствий собственной зависти и скрытности.

Трагедия заключалась не только в суетности этих пророков, обреченных погрязнуть в безумии и саморазрушении, но и в том, что на Абарат надвигался живой кошмар, собиравшийся изменить его навсегда.

Глава 21
Боа на острове Полуночи

Боа и змей, выяснив, что оба они королевской крови, расстались мирно и тихо. Не собираясь тратить время на Лагуну Мунн и ее жалкое нытье из-за детей, Боа покинула Вздор и отправилась на Горгоссиум. Как только она ступила на землю острова Полуночи, ей стало ясно, что Горгоссиум изменился. На острове царила суета, которую она не наблюдала во время предыдущих визитов. В шахты Тодо вливались толпы шахтеров, тысячи абаратцев всех мастей с самых разных островов: одни направлялись в открытые расщелины, освещенные рядами ламп, чей свет был ярче полуденного солнца на Изиле, другие группы рабочих, многие из которых принадлежали нации кут, чьи четыре глаза естественым образом испускали мощные лучи пергаментно-желтого цвета, собирались в железных лифтах, вмещавших двести человек, и спускались в подземные лабиринты туннелей. Грохот бурения, ругань и взрывы вызвали в голове Боа пульсирующую боль. Слишком много сил своего нового тела она отдала сепулькафам. В ближайшее время она не сможет использовать это заклятье вновь.

От шахт она повернула к лесу Древних, где росли деревья, наполовину состоявшие из древесины, а наполовину — из камней. Это были крупные, тяжелые колонны, скрывавшие ее цель, тринадцать башен. В лесу она обнаружила новые свидетельства яростного аппетита Горгоссиума. На большую группу торговцев, двигавшихся в полумиле от Боа, напала стая мух распада, форма и цвет которых были в точности те же, что и у мух, виденных Боа среди гнилой еды на улочках Цыптауна, за исключением того, что особи Горгоссиума вырастали размером с автомобиль.

Она не стала дожидаться гибели последнего купца, чтобы миновать место нападения. Не успели стихнуть крики тех, кого схватили и унесли прочь, а между каменными Древними уже появилась волна Алого Старины, как островитяне называли пурпурный туман, окружавший остров, словно гигантская алая змея. Боа тихо прокляла его. Но выбора не было: либо войти в туман, что представлялось не самой удачной мыслью, либо бороться со стаей возбужденных мух распада.

Тлен часто дразнил Боа, утверждая, что знает ссылки в Абаратарабе, самом древнем и могущественном магическом труде Часов, где рассказывается об истинной природе и цели

Алого Старины. Ей хотелось знать детали, но Тлен не собирался делиться с ней своими знаниями.

— Всему свое время, — говорил он.

Это был его любимый трюк: самое интересное оставлять на потом, всегда на потом.

Что ж, это *потом* настало. Ей были необходимы знания, и она их получит, даже если придется шагнуть внутрь Алого Старины. Она не дала тревоге помешать ей, нырнула в клубящийся туман и продолжила идти вперед. Вместо того, чтобы зацикливаться на страхах, она принялась думать о будущем. С этого момента ей следовало быть осторожнее. В свои прежние визиты сюда она скрывалась под маской невинной принцессы. Больше такое прикрытие ей не потребуется. К настоящему моменту слухи о том, что произошло на острове Лагуны Мунн, наверняка достигли Горгоссиума. Ее возвышение в мире Тлена означало, что те, кто ожидал такого возвышения дольше нее, поймут — их мечтам не суждено осуществиться, а значит, здесь, на Полуночи, многие с удовольствием убьют ее еще раз.

Когда она тщательно организовала их «случайную» встречу, Тлен был на подъеме. Он сразу дал ей понять, что его амбиции практически безграничны. Он собирался везде побывать, все узнать, исследовать каждое состояние бытия. С первого взгляда она поняла, что этот человек рожден для власти.

Ходили слухи, что он погиб во время поражения в Цыптауне. Глазами Кэнди она видела, как его забрала Изабелла, и потеряла его в водах, заполнивших город, но все же не могла заставить себя поверить в то, что он мертв. Да, он был тяжело ранен, но его и прежде ранили, и часто жестоко, но так и не смогли убить.

Нет. Ее драгоценный Кристофер, который столькому ее научил, был жив. Она в этом уверена. Ей только надо его найти. И попытаться залечить раны, что они нанесли друг другу.

Вязкие языки Алого Старины стали тоньше, немного раздвинулись, и сквозь их кровавую пелену Боа увидела одну из башен. Она почти пришла! Башня обновилась, старые камни заменили полированными плитами квамощей, в серебристой поверхности которых отраженные предметы претерпевали невероятные изменения.

Несмотря на охватившее ее возбуждение от скорой встречи с Кристофером, она не могла не испытывать некоторого беспокойства. Если Тлен выжил и вернулся на Горгоссиум — а куда еще он мог пойти? — то, возможно, через пару минут она окажется с ним рядом. Она мысленно представила его. Почти голая голова с плотью, достаточной лишь для того, чтобы прикрыть выступающие кости; две трубки, хирургически

вставленные в заднюю часть черепа, чтобы высасывать из мозга кошмары, свободно плавающие в жидкости, которой он дышал и которая позволяла ему жить в компании своих самых темных видений. Но несмотря на всю чудовищность его облика, под ним крылось создание с нежным сердцем.

И она предала это нежное сердце. Она использовала его для собственного магического развития, а потом отвергла, чтобы выйти замуж за Финнегана Фея. Это было преступление против любви, и Тлен нанял убийцу, который прикончил ее на собственной свадьбе. Теперь они квиты. Сердце за жизнь. Кто с этим спорит? Они оба заплатили за свои дела ужасную цену. Если б она сумела убедить в этом Тлена, если б смогла объяснить ему, что пришло время двигаться дальше, то, возможно, он простит ее предательство. Разумеется, слов любви теперь недостаточно. Он захочет нечто более осязаемое, чем просто слова — гораздо более осязаемое.

Но если такова цена возвращения его преданности, исцеления от боли, которую она ему причинила, то эта цена была незначительной, и она с радостью ее заплатит. А кроме всего прочего, она возвращалась с обширными знаниями об Иноземье, о мире, который он давно желал себе подчинить, используя заклятья невероятного масштаба. Она была прекрасно знакома с этим идиотским миром. За шестнадцать лет, которые она наблюдала его глазами Кэнди Квокенбуш, ей удалось хорошо его изучить. Она в тошнотворных деталях видела, как он устроен: видела его ритуалы успокоения (телевидение, еда, религия), его страсть к ядам (телевидение, еда, религия), его чудовищные желания (телевидение, еда, религия) — она понимала их все. Что она и Тлен, ученица и ее бывший учитель, смогли бы сделать, если им удастся войти в этот оцепеневший мир с намерением подчинить его себе?

Или, ради А'зо и Ча:

ЧЕГО БЫ ИМ*НЕ УДАЛОСЬ* С НИМ СДЕЛАТЬ?

Когда она подошла к краю опушки, Алый Старина полностью рассеялся, и Боа едва сдержала крик потрясения, увидев, насколько изменилось это место. Сквозь туман проступала лишь одна башня с тремя шпилями. Остальные были снесены, их остатки исчезли, а земля, на которой они стояли, выровнена словно для того, чтобы еще больше подчеркнуть размер нового строения. В шпилях не было окон почти по всей их высоте.

Окна располагались лишь на вершине громадного центрального шпиля толщиной с иглу — целый ряд, по форме напоминающий узкие глаза и идущий по окружности всей структуры. Рассматривая их, она заметила, что в камне выбиты

вертикальные ряды символов, отливающих ртутью. Боа не могла их разобрать, но знала, откуда они взялись. Это был древний абаратский язык, язык Нити, как называли его прежде, имея в виду, что он использовался для обозначения и связи всех вещей под Двадцатью Четырьмя часами и Одним, возвышавшимся над островами. В этих знаках каждая частица, составлявшая Абарат — от росинки до горы, от мухи до реквии, от секунды невыносимой скорби до первой улыбки младенца — была записана и вплетена в нить, неразрывно идущую сквозь Время и Время Вне Времён, соединяя их повсюду и навеки.

«Вот было бы прекрасно и ужасно, — думала она, — разорвать эту священную нить! Навсегда отделить всё от всего и взглянуть на отчаяние, которое не сможет вылечить ни молитва, ни размышление»…

Мысль о том, чтобы причинить столь изысканный ущерб, наполнила ее радостью. Принцесса, способная на такие замыслы, была непобедима. Она умерла, но воскресла. Возможно, ничто не способно нанести ей урон. Думая об этом, она вышла из чертогов Древних и направилась по открытому пространству к Башне Иглы. Никто не охранял башню по одной простой причине — в ней не было дверей. Боа дважды обошла ее, изучая стену в поисках хотя бы намека на отверстие, пусть узкое и маленькое. Но ничего подобного не обнаружилось. Вполне возможно, дверь была сокрыта Сими Фейт, но принцесса была не в настроении искать тянущиеся нити Веревки Сими, чтобы аккуратно их расплетать. Она давно не практиковалась в расшифровке, но очень хотела увидеть, что же находится внутри. Поэтому она зарядила свою кровь силой, прошептав над запястьем четыре слога — *в'аатеум,* — прокусила себе кожу, набрала полный рот крови и прежде, чем та успела раствориться на языке и деснах, со всей силы плюнула в свое искаженное отражение.

Зеркальная печать вспенилась, задымилась и растворилась. Она вошла внутрь, изнывая от любопытства и не собираясь ждать, пока расплавленное отверстие застынет, предпочитая вытерпеть жалящие капли раскаленного металла на собственном черепе и плечах.

Ее нетерпение было вознаграждено, и незначительная боль мигом забылась на фоне того потрясения, что ожидало ее внутри.

В Башне Иглы не было лестниц, спиралями уходящих ввысь. Не было здесь и никаких механических приспособлений, которые могли бы ее поднять. Стены башни покрывали изящные выросты желтой, серой и сине-фиолетовой ткани, образующей чувственные цветы невероятной сложности и гармонии; их мембраны набухали и опадали, переплетенные стебли быстро

вспыхивали и переливались, уносясь к залитой лунным светом комнате на вершине. Боа осторожно прикоснулась к узлу из разноцветного вещества в форме кадила, свисавшего на стыке нескольких длинных, сверкающих, влажных стеблей.

Анатомия Иглы мгновенно отреагировала на прикосновение. Пол под ногами Боа начал вращаться, и она бы упала, если бы поверхность в тот же миг не повернулась в противоположном направлении, вернув ей равновесие. Она ухватилась за петлю переплетенных внутренностей, чтобы вращения не застали ее врасплох, но едва она это сделала, как вся система цветущих кишок и светящихся сосудов начала поднимать ее на платформе из плоти лепестков, натянутых на кость; она поднималась с такой скоростью, что едва могла дышать, обгоняя семенные органы, откуда вытекал медовый сок, быстрые соединительные лозы, лепящиеся по стенам, плодоносящие выпуклости и железы, что взрывались в честь ее прибытия и выплескивали на нее свои драгоценные соки, пятная жизнью (ту, что еще несколько часов назад была созданием, лишенным формы, исключенным из материальности этого мира) и одаряя новыми способами прожить свою обретенную после смерти жизнь.

Теперь она была почти на вершине башни и видела, что комнату освещает не только лунный свет. Здесь были другие источники, и они двигались.

— Тлен? — позвала она. Ответа не было. — Это я. Твоя принцесса. Я вернулась.

Будучи островом, видевшим прибытие и отбытие живых и мертвых (а также многих путников, не попадавших ни в одну из этих категорий), Горгоссиум нуждался в трех гаванях.

Та, что предназначалась для строительства и спуска на воду огромных судов, называлась Китевай и располагалась на северо-востоке. Именно оттуда «Полынь», новый корабль Бабули Ветоши, отправился разорять Иноземье и встретил бесславную гибель среди заполненных водой улиц Цыптауна.

Для большинства судов, которые разгружали и загружали товары, существовала торговая гавань в Узнаке, на юге острова.

Но ныне матриарх собиралась воспользоваться третьей, самой маленькой гаванью в местечке Вроконкефф.

Путешествие было не слишком далеким — ей предстояло пересечь пролив к пирамидам Ксуксуса. Путешествие могло не иметь больших последствий, но тем не менее было очень важно, и она готовилась к нему, постясь девять дней и за это время не сказав ни единого слова. Даже сейчас она спустилась с мумифицированной руки, давно служившей ей средством

передвижения, и, не говоря ни слова, направилась к простому судну, готовому отвезти ее к пирамидам. Из уважения к своей старейшине швеи, которые ее сопровождали, вели себя точно также.

Она находилась уже на середине трапа, когда на дальнем конце пристани возникла какая-то суматоха.

— Госпожа! Госпожа!

Это была девушка по имени Маратиен, которая несколько лет прислуживала матриарху в башне. Теперь она бежала по пристани к своей хозяйке. Несколько швей преградили ей путь, чтобы не допустить к Бабуле Ветоши, опасаясь, что намерения Маратиен могут быть недобрыми.

Но старуха ее не боялась.

— Пропустите, — распорядилась она. — Пусть подойдет. Что случилось, Маратиен? Что тебя так встревожило, дитя?

— Кто-то находится в вашей башне.

— Разумеется. Я оставила…

— Но это не сестры-швеи, госпожа.

— Тогда кто?

— Я ее не знаю.

— И это настолько тебя обеспокоило, что ты прибежала, чтобы меня предупредить?

— Да, госпожа.

— Ты знаешь, насколько важно для меня это путешествие?

— Конечно, знаю. Простите, что отвлекаю вас от великой работы. Я не хотела проявлять неуважение. Пожалуйста…

— Тихо, тихо, — сказала Бабуля Ветошь, и в ее голосе прозвучала почти любящая снисходительность. — Ты все сделала правильно.

— Я не думала, что…

— Я сказала, ты все сделала правильно, Маратиен. А значит, так и есть. Будет и другой прилив. Я вернусь в башню вместе с тобой.

— Но что если я ошиблась?

— Тогда это будет означать, что ты совершила ошибку, которая послужит тебе уроком.

— Да, госпожа.

— Что ж, пойдем посмотрим, кто это решил зайти ко мне в гости.

Глава 22
Поворот

Когда маленькая лодка доставила Кэнди и Шалопуто в открытые воды Изабеллы, вырвавшись из лабиринта пещер под Вздором, она сразу утратила всю прежнюю самостоятельность.

— Ты случайно не знаешь, где находится остров Частного Случая? — спросил Шалопуто, смущенно глядя во всех направлениях.

Кэнди надолго задумалась. Над водой летал холодный ветерок. Она поежилась.

— Не могу сосредоточиться. Я здесь совсем одна.

Она закрыла рукой лицо. На глазах выступили слезы. И когда это случилось, они начали литься без остановки. Шалопуто сидел, держа весла и наблюдая за Кэнди. Хотя голова его была опущена, он смотрел на нее пристально и внимательно.

— Я думал, ты будешь рада от нее избавиться, — сказал он.

— Я рада, — ответила Кэнди. — По крайней мере, была рада на острове. Она злая. Но все же здесь… — она постучала указательным пальцем по лбу, — здесь только я и много места. Слишком много места.

— Все в такой же ситуации.

— Да?

— Конечно.

— Одинокие?

— Иногда очень.

— Я и не знала, что когда она уйдет, это будет так странно. Ты прав. Я чувствую то же, что и все остальные.

Она вытерла слезы тыльной стороной ладони, но как только сделала это, ее вновь охватило отчаяние, и слезы полились сами собой. Такое впечатление, будто она, Кэнди, плакала впервые в жизни, лишившись другой сущности, которая помогла бы унять грусть. Она не пыталась остановить их. Она просто плакала и говорила, захлебываясь слезами.

— Я думала, меня одной будет достаточно, чтобы заполнить всю голову. Так мне казалось сначала.

— А теперь?

— А теперь такое впечатление, будто я сижу у маленького костра посреди… посреди… — Слезы мешали ей говорить, но она все же закончила:

— Посреди огромной серой *пустоты.*

— А она плотная, эта пустота?

— Какая разница, — ответила она, глядя в темную воду.

Мимо лодки пропыл одинокий переливающийся волнами цвета спрут, чье тело от кончиков щупалец до макушки было не больше ее стопы.

— Может, это просто серый туман, — сказал Шалопуто. — И там не пустота. Может, в нем полно самых разных вещей, которых ты даже не видела.

Кэнди посмотрела на Шалопуто, глядевшего на нее столь пристально и с такой любовью, что она ощутила само ее присутствие, живую сущность, стремившуюся избавить ее от одиночества. Намеренно он это делал или нет, но так она чувствовала.

— Ненавижу девчонок, которые плачут по любому поводу, — сказала она, второй раз вытирая слезы. — Больше никакого рева.

— У тебя была причина, — заметил Шалопуто.

— Причина всегда найдется. Уверена, пока я доберусь до дома, случится еще куча разных гадостей.

— До дома в Иноземье? Зачем тебе туда возвращаться? Ты же говорила, что ненавидишь его.

— Там было не так уж плохо, — ответила Кэнди без особой уверенности. Затем, взглянув на море, она сказала:

— Мне здесь нравится, Шалопуто. Ничто не сделало бы меня счастливее, чем жизнь в Абарате.

— Тогда оставайся.

— Я не могу. Слишком высока цена.

— Какая цена?

— Жизни людей. Не только Соглашателя. Миссис Мунн — ее едва не убили. И множество других. Возможно, ты скажешь, что некоторые это заслужили. Каспар Захолуст. Крест-Накрест. Заплаточники на «Полыни», швеи Бабули Ветоши. Все они были бы живы, если б я осталась в Цыптауне. То, что произошло с Лагуной и ее детьми — последняя соломинка.

— А как насчет других, чью жизнь ты изменила? Что насчет людей, которые тебя любят? А я? Кэнди, что буду делать я, если ты уйдешь? Мне казалось, мы будем друзьями навек.

Кэнди вздохнула.

— Приходи в гости, — сказала она.

— Ну конечно, так меня и ждут в Цыптауне, — ответил Шалопуто. — Скорее, они меня в зоопарк посадят.

— А если с тобой что-нибудь случится здесь? Ты ведь знаешь, это возможно. Я не смогу с этим жить.

— Ничего со мной не случится, клянусь. Я буду жить вечно. Мы оба.

— И давно ты это спланировал?

— С тех пор, как мы ушли из дома Захолуста. Я тогда подумал: на кончиках пальцев этой девушки живут чудеса. Она может всё. Я был в этом убежден тогда, а сейчас убежден в этом еще больше.

— Чудеса? Нет. Я здесь не при чем. Это Боа, она тренировалась для того дня, когда, наконец, освободится.

— Значит, если бы ты постучала в дверь Каспара Захолуста без Боа…

— Мы бы оба сейчас были его рабами.

Шалопуто покачал головой.

— Ошибаешься. Я прекрасно помню твои глаза, когда Захолуст впервые меня позвал.

— Ты висел вниз головой на потолочной балке.

— Верно. Я смотрел тебе в глаза — как сейчас помню, — и знаешь, что я видел?

— Что?

— Того же самого человека, которого я вижу сейчас. Кэнди Квокенбуш из Цыптауна. Которая пришла спасти мне жизнь.

— Но…

Шалопуто поднял палец.

— Я еще не закончил, — сказал он. — Ты явилась вызволить меня из ада, в который превратил мою жизнь Захолуст. Возможно, ты не понимала, что пришла именно за этим, но так оно и было. Ты можешь составить список людей, пострадавших из-за того, что ты пересекла границу между Иноземьем и Абаратом, но и я могу составить список тех, кто все еще жив или чья жизнь стала лучше благодаря тебе. Подумай о людях, что жили в страхе перед Кристофером Тленом. Ты избавила их от этого страха.

— Правда? Или освободила место для того, кто еще хуже, чем он?

— Имеешь в виду Бабулю Ветошь?

— Пока что ее. Но, быть может, есть кто-то гораздо хуже, чье имя мы даже не знаем.

— Ты права. В Абарате есть своя доля ужасов. Как и в Иноземье.

— Да.

— Но ведь это не ты их сюда призвала. Разве ты можешь обвинять себя в существовании всех извращенных и ядовитых душ Абарата?

— Нет. Это было бы глупо.

— А ты не глупая, — сказал Шалопуто. — Какая угодно, только не глупая. Даже если ты уплывешь прямо сейчас, Абарат больше никогда не будет прежним. В нашей памяти навсегда останется этот краткий золотой век. Век Кэнди.

Такая мысль ненадолго развеяла ее мрачный настрой.

— Век Кэнди! — захохотала она. — Ничего более глупого ты не говорил!

— А мне казалось, это звучит довольно поэтично, — ответил Шалопуто. — Но если ты считаешь, что это глупо, у нас есть лишь один способ перестать делать из себя идиотов.

— И какой же?

— Ты останешься. Все просто и ясно.

Смех Кэнди угас, и она надолго задумалась. Наконец, она сказала:

— Вот что. Я останусь, пока не разрешится все это дело с Боа. Как тебе?

— Лучше, чем если бы ты собралась уплыть прямо сейчас. Конечно, существует вероятность, что тайна принцессы Боа никогда не будет разгадана. В этом случае ты останешься с нами навсегда. — Он ухмыльнулся. — Вот ужас, правда?

Воцарилась тишина, и взгляд Кэнди вернулся к краю лодки. Одинокий спрут, которого она заметила прежде, нашел себе товарища.

— О нет! — внезапно воскликнула она. — Финнеган!

— А что с ним?

— Боа собиралась найти его, как только покинет Вздор. А он обрадуется и поверит всему, что она наговорит!

— Кое-что из этого может оказаться правдой.

— И что же?

— Вдруг она все еще его любит?

— Она? *Любит?* Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я видела ее изнутри. Я шпионила за ней, следила за ее снами. В сердце Боа есть место только для одного человека.

— Для нее самой?

Кэнди кивнула.

— Думаешь, она сможет причинить ему вред?

— Она на все способна.

— Тогда мы должны его найти.

— Согласна, — ответила Кэнди.

— Наверное, мне надо грести, — нерешительно произнес Шалопуто.

— Будем грести вместе, — предложила Кэнди.

— Итак… держим путь на Смех-до-Упаду? Там должны быть братья Джоны. Мы найдем их с помощью небольшого колдовства, а затем сядем на паром до острова Частного Случая.

— Думаю, на сегодня с меня хватит магии.

— Понял, — кивнул Шалопуто. — Тогда отыщем его старыми методами. И как-нибудь позже обсудим, останешься ты или уплывешь…

— Я не передумаю, Шалопуто.

Он хитро улыбнулся.

— Позже, — повторил он.

Глава 23
Хладная жизнь

На западном берегу острова Черного Яйца, где горы Пия образуют глухую стену, возвышающуюся между Изабеллой и внутренней частью острова, находится так называемый Берег Покойников. Свое название он получил за мрачное, гротескное явление. Из-за странного морского течения, благодаря которому сформировалась погруженная в воду береговая линия, весь мусор, собиравшийся в водах Изабеллы и двигавшийся вдоль этой части острова, рано или поздно оказывался выброшен на берег, ибо поток был слишком ленив, чтобы нести его дальше.

На Берегу Покойников постепенно накапливались остатки скромных рыбацких лодочек и огромные военные броненосцы, ушедшие ко дну на рифах Внешних островов, многие из которых все еще не были отмечены на карте. Иногда от них оставалось всего несколько красных досок, наблюдательный пост или парус, а иногда на берег выбрасывало целое судно, пережившее воинственный прибой, с нутром, развороченным в то время, когда волна за волной била его об огромные черные валуны, магматических детей горы Галигали, формировавших крутой, жестокий берег.

Сегодня, однако, здесь не было ничего столь огромного. Велосипедное колесо, клубок старых рыбацких сетей, в которых запуталось несколько сгнивших туш, и множество мусора, пробывшего в воде так долго, что его невозможно было распознать. Впрочем, была еще одна вещь, которую прилив вынес сегодня на берег; та, что долгое время пребывала на мелководье. Играющие волны то швыряли его к камням, то вновь тащили назад, чтобы откатить чуть дальше на следующей волне, пока болезненный прибой не утратил силы на мучение своей игрушки, выбросив ободранный мешок на черные камни.

Там, среди водорослей, окруженных мухами, среди разбитых бутылок и фрагментов старых досок (вместе с периодическим напоминанием о том, что Изабелла вернулась из Иноземья не с пустыми руками: утонувшая курица, уличный знак, разломанный надвое агрессивными морскими обитателями, деревянный ящик с несколькими коробками дорогого виски, и даже — невероятно — смеющаяся пластмассовая свинья трех футов высотой, одетая шеф-поваром и держащая серебряную тарелку, на которой было написано: «Ешьте больше свинины!») лежало тело, которое волны выкинули на Берег Покойников.

Это были останки человека, хотя тяжелые повреждения, нанесенные телу голодными рыбами снизу и голодными птицами сверху, не позволяли с первого раза распознать его пол.

Впрочем, если бы на этом покинутом берегу кто-то оказался, он все же смог бы это сделать. У останков были большие мужские руки, а также адамово яблоко на разложившемся горле; бедра его были узкими, плечи — широкими. Имелось и несколько намеков на то, как этот человек мог выглядеть при жизни. По какой-то причине большая часть лица осталась нетронута птицами, клевавшими его, когда он плыл по волнам, и если бы кто-то озаботился пристально изучить его черты, он бы пришел к мысли, что, весьма вероятно, когда-то давно ему зашили рот.

Появление тела не осталось незамеченным. Маленькие падальщики, обитавшие на пляже, вылезли из-под камней, которые они использовали в качестве дверей для своих укрытий, и осторожно направились исследовать вновь прибывшего. Крабы, копавшиеся в гнилых водорослях, поспешили по камням к новому мясу. Большинство из них были крошечными, их сине-серые раковины едва превышали длину пальца, но не успели они приблизиться, как появились крабы побольше — в двадцать, а то и тридцать раз крупнее этих малышей; они расталкивали камни, которые катились прочь или падали с берега в пенистые волны.

Внезапная активность приковала внимание птиц биттаму, лениво круживших над пляжем — огромных падальщиков, напоминавших помесь альбатроса и птеродактиля. Издавая громкие голодные крики, они, чуть изменив угол наклона крыльев, начали снижаться по широкой спирали. Но пока они снижались, возник новый претендент на мясо, выброшенное Изабеллой.

Когда-то это существо было крабом, и даже крабом обычных размеров. Но с тех пор что-то или кто-то своей неосторожной магией превратил его в чудовище. Это был альбинос с раковиной, украшенной симметричным узором безумной сложности. У него имелось не меньше семнадцати черных блестящих глаз, сидевших на покачивающихся стебельках; ротовые части двигались безжалостно и стремительно, а массивные клешни то и дело доставляли кусочки съестного, которые он подбирал, в машину челюстей с аккуратностью, неожиданной для такого размера.

Суетливо двигаясь боком, как и все представители его вида, он подобрался к телу. Несколько небольших птиц, остроклювых мекак, которые редко взлетали, предпочитая питаться, размножаться и умирать на берегу, уже пританцовывали у трупа, радуясь такому огромному угощению. В своем крикливом восторге они не заметили приближения альбиноса. Несмотря на

размеры, существо было быстрым. Оно подбежало к мекакам, ухватило пару из них своими клешнями-ножницами и рассекло птиц пополам прежде, чем те попытались вырваться.

Остальные с паническими криками бросились врассыпную, размахивая плохо промасленными крыльями, чтобы не попасться в крабьи клешни. Увы. *Клац!* Третья птица рухнула на камни, лишившись головы. *Клац! Клац! Клац!* На гальку свалилась еще одна, разрубленная на четыре части.

Теперь альбинос мог полакомиться в одиночестве. Даже птицы биттаму задержали свой спуск и кружили над пляжем, не желая соседствовать с крабом, несмотря на искушающую пищу.

Краб потрогал тело клешнями и осмотрел в поисках лучшего места, откуда можно начать. Он выбрал руку, взяв запястье левой клешней и приподняв ее, чтобы оттяпать пальцы. Но пока он этим занимался, из внутренностей трупа выскользнула длинная живая нить, испускающая болезненный свет.

Нить издала высокий пронзительный визг — самый громкий звук, что слышал этот берег за много лет. Она так стремительно забралась на руку, что у краба не было времени подготовиться к атаке. Нить обернулась вокруг клешни, все еще державшей кисть мертвеца. Ее озарили выбросы синевато-багрового света, гораздо более яркие, чем свет, что она излучала до сих пор. Эти выбросы уловили панцирь крабьей клешни в паутину световых молний и немедленно стянули ее. Клешня треснула, раскололась, и во всех направлениях брызнули куски раковины и частицы плоти.

У краба не было рта, чтобы закричать от боли. Он рванулся прочь от своего мучителя, заскользив по камням, покрытым гнилью. Но шанса сбежать не было. Из колец внутренностей возникла вторая светящаяся нить, свернулась в петлю, бросилась на чудовище, метя в его стебельки, а потом упала на камни перед огромным зверем.

Нить зигзагами заползла под краба и всем своим светящимся телом с такой силой ударила в брюхо, что случилось немыслимое. Краб, правивший этим берегом последние десять лет, убивая всех без разбору, даже если у него имелся большой запас мертвечины, — перевернулся на спину. Его оснащенные шипами ноги яростно били воздух в попытке восстановить равновесие, но тщетно. Воздух внезапно наполнили мухи. Впервые в жизни краб издал тихий жалобный вой, ощутив укол страха.

И у него была на то причина. Он лежал на спине всего несколько секунд, а его враги уже проскользнули под ободок панциря и добрались до мягких тканей. Там они начали подниматься и опадать, подниматься и опадать; их движения

были точно выверены, пока какой-то невидимый сигнал не превратил их танец в смерть. И тогда они направили свои светоносные головы в сегментированный живот краба.

Тихий вой краба превратился в визг, но не боли — краб мало что о ней знал, — а чистого ужаса. Это был его кошмар, его *единственный* кошмар: беспомощно лежать на животе, пока то, что он совсем недавно собирался съесть, внезапно начало поедать *его*.

Однако яркие нити не собирались устраивать себе ужин из крабового мяса. Их питал только страх, они пировали на его сливках, густых и вязких, а затем, насытившись, возвращались в тело, из которого вылезли.

За то краткое время, что прошло с момента, когда воды Изабеллы выбросили труп на берег, с северо-востока набежали тучи. Это был первый признак надвигающегося шторма, сформированного в крайне нестабильном воздухе над границей самой реальности, где море исчезало в небытии. Спустя две-три минуты дождь превратился в ливень, загнавший всех, кроме тех немногих, что боролись за свою жизнь, назад, в свои норки под большими камнями.

Краб не надеялся спрятаться. Утомленный собственной паникой, он неподвижно лежал под ревущими потоками воды. Буря никак не повлияла на нити, кормившиеся его ужасом. Яркие существа вылезали наружу и уползали обратно, насыщаясь страхом, что пропитывал каждую часть анатомии краба. Сами они в питании не нуждались. Они собирали страх для своего почившего творца, чье тело никогда не покидали, а теперь старались вернуть к жизни.

Будь они разумными созданиями, понимающими, что такое безжалостная хватка смерти, они бы даже не начали его воскрешать. Он был мертв, побит и изломан силой вод, возвращавшихся из Иноземья. Море несло с собой хаотический груз мусора с улиц Цыптауна. Витрины магазинов, фонарные столбы, автомобили, детали автомобилей, люди в автомобилях (иногда еще живые), крыши, двери, окна, вырванные из домов, и бесчисленные остатки жизни, что в них велась: кресла, холодильники, журналы, коврики, люди, игрушки, одежда — мусор и жизнь образовывали месиво навсегда утраченного бытия. Хозяин этих нитей ударялся о множество острых, тяжелых, искореженных кусков мусора, и от этого он мог бы умереть десятки раз, если б к тому моменту уже не был мертв.

Но однажды он оказался в более спокойном потоке, который доставил его тело на Берег Покойников. И теперь, словно в насмешку над этим названием, отрицая все законы разложения

плоти, преданный труд нитей, вливавших ужас краба в труп их создателя, принес плоды.

Мертвец пошевелился. Краб не видел чуда, сотворенного своими кошмарами. В какой-то момент, пока нити кормились его страхами, жизнь оставила краба. Вялые движения ног замерли, стоны сменились тишиной.

Альбинос не видел, как труп, которым он едва не пообедал, дернулся на своем ложе из черных камней, и как его веки дрогнули, пока дождь стучал по лишенному плоти лицу. Одна жизнь закончилась, другая же началась.

И так было не впервые. Свой первый вдох Кристофер Тлен сделал много лет назад, будучи недоношенным младенцем. Сейчас он делал его снова, во второй раз. Теперь, однако, этот вдох не был слабым и болезненным. Хотя капли дождя продолжали барабанить по камням так же громко, как раньше, звук, с которым мертвец вобрал воздух в легкие, прокатился по всему берегу, и от его эха камни, лежавшие под другими камнями, а также те, что скрывались еще ниже, стукнулись друг о друга, и звук их столкновения был столь громким, что с ним не мог сравниться даже шум ливня.

Словно по зову этого великого грома, тучи ушли вглубь острова, чтобы очистить место, где все еще действовали законы жизни (и смерти). Берег пребывал в тишине, если не считать дыхания мертвеца и волн Изабеллы, бьющихся о камни.

Столкновения камней прекратились, их задача была завершена. Тлен ожил. Его тело больше не было искалеченным, бесцветным мешком. Воздух вокруг него наполняли миллионы световых форм — воспоминания о жизни, которую он почти потерял. Они кипели, заливая камни живым светом, какого берег не видел многие века. За то время, пока прилив возвращался, уходил и возвращался вновь, взбираясь на берег, исцеление было завершено. По ранам распространялись здоровые ткани, стягивая их и сбрасывая куски гнилой плоти на жесткое каменное ложе.

Маленькие крабы, крошечные зеленые морские ящерицы, укрывавшиеся от дождя под камнями, мекаки, чьих собратьев убил альбинос — все они начали приближаться к человеку, желая покормиться гнилым мясом, от которого избавлялось его выздоравливающее тело. Они не боялись ни человека, ни его световых нитей. Он даже не видел, как они суетятся, очищая берег от последних фрагментов смерти, которые он сбросил, чтобы одеться в жизнь.

Спустя некоторое время он поднялся на ноги. Воспоминания все еще носились в окружающей его тьме, но их значение, направленное на возрождение Тлена, постепенно пропадало, и

остатки жизни, которой он когда-то жил, умирали тоже. Все было кончено. Больше он не совершит этих ошибок.

Из раздумий его вывел скрежет металла. Он обернулся к воде и обнаружил источник резких звуков. Прилив вынес на Берег Покойников еще один сувенир из Иноземья — целый грузовик, лишенный трех колес, с обмякшим телом водителя, все еще пристегнутого ремнями безопасности.

До сих пор на лице Тлена не проступало никаких чувств, но теперь легчайшая улыбка коснулась его губ, даже после воскрешения отмеченных шрамами иглы Бабули Ветоши, которая зашила ему рот за то, что он произнес слово «любовь». Он поднес руку ко рту и коснулся шрамов. Улыбка исчезла, но не от того, что Бабуля Ветошь причинила ему боль, а потому, что она оказалась права. Любовь была болезнью. Любовь была самоубийством. Любовь была ядом, болью и унижением.

Он возродился, чтобы стать врагом любви. Чтобы уничтожить ее полностью.

Такая мысль придала ему сил. Он ощутил их подъем и вместе с ним — внезапное желание отметить собственное возвращение в живой, нежный, полный страхов мир.

Он поднял руку и указал на грузовик, находившийся в воде, посреди бурлившего прибоя.

— Вверх, — приказал он.

Грузовик немедленно повиновался, резко накренившись, и из его двигателя полилась вода. Водитель за рулем перекатывался, точно пьяный, а грузовик продолжал свой неуклюжий подъем. У ног Тлена ласкались и резвились преданные кошмары, организовавшие его возвращение к жизни, наблюдая, как забавляется их обнаженный повелитель.

Тлен опустил правую руку до пояса, вытянув ладонь, и кошмары подпрыгнули, обвиваясь вокруг его пальцев, вокруг запястья и руки, устремляясь к любимому месту, где они были рождены — к его голове. Когда-то они плавали внутри воротника вместе со множеством своих собратьев-кошмаров, которых он выпивал и вдыхал. Скоро они снова будут плавать. Но пока что они образовали вокруг его шеи два сияющих кольца и почувствовали себя в раю.

Какое-то время Тлен наблюдал за поднимающимся грузовиком, а затем пробормотал слово, приказывая принести его в жертву. Грузовик тотчас взорвался, превратившись в шар желто-оранжевого пламени, из которого во все стороны, словно крошечные кометы, разлетелись горящие куски, встречая свои отражения и гибель в море. Тлен поднял свое мрачное, трагическое лицо к небу, наблюдая за этим зрелищем, и с его губ

сорвался один-единственный лающий звук:

— Ха!

А затем, спустя секунду:

— Какое же воскрешение без салюта!

Глава 24
В доме проповедника

Шалопуто направил маленькую лодку к острову Простофиль. Их воспоминания об этом Часе не были счастливыми, учитывая, что Шалопуто много лет оставался рабом у колдуна Каспара Захолуста, а Кэнди едва не погибла от его рук, пытаясь сбежать. Но, несмотря на все эти темные воспоминания, остров Простофиль был ближайшим местом, где можно было сесть на паром до большой гавани Тацмагора на Смехе-до-Упаду. Оттуда они доберутся до острова Частного Случая, а значит, и до Финнегана Фея.

Прибыв на остров Простофиль, они выбрали паром под названием «Мокрец». Купив билеты, дождавшись своей очереди на посадку, и, наконец, найдя на верхней палубе маленького парохода свободные сиденья, они почувствовали все напряжение последних часов, и Кэнди начала клевать носом.

— Если я засну, — сказала она, прикрыв глаза, — то могу начать ходить по снам.

— Ты имеешь в виду, ходить во сне?

— Нет. Я тебе рассказывала об этом.

— А, помню. Иноземье. Уверена, что будешь там в безопасности?

— Конечно.

Шалопуто улыбнулся:

— Хорошо.

Капитан парома дал три гудка, выпустив в ночное небо клубы белого пара. Это стало последним, что увидела Кэнди. Не успел третий клуб пара раствориться во тьме, как то же самое сделала Кэнди. На нее опустилось покрывало сна, скрыв за собой корабль, море и звезды.

Она не стала задерживаться в состоянии сна без сновидений. Когда «Мокрец» выходил из гавани острова Простофиль, душа спящей Кэнди оказалась в доме 34 по Последовательной улице.

Она проснулась на кухне. В Иноземье был день. Часы, висевшие над холодильником, показывали чуть больше трех. Подойдя к раковине, она выглянула в сад, надеясь, что там в проржавевшем кресле, спиной к дому, будет спать ее мать. Удача — или что-то в этом роде, — была на ее стороне. Мама действительно сидела в саду, как Кэнди ее и представляла, и дремала, а значит, это было драгоценное время, в которое они могли поговорить как сновидец со сновидцем.

Первый и единственный раз, когда они встречались таким образом, Кэнди покинула это место, исполненная решимости узнать тайну, что привела ее в Абарат, понять импульс, который ею управлял, и в конце концов пришла к разделению с принцессой Боа. Теперь она хотела рассказать маме обо всем, что случилось на скалистом острове Лагуны Мунн. Зная, что дневной сон непредсказуем, и в любой момент их могут прервать, она вышла на улицу.

Мать сидела там же, где и в первый раз, глядя в небеса. Мелиссе Квокенбуш не надо было оборачиваться, чтобы почувствовать присутствие Кэнди.

— Привет, незнакомка, — сказала она.

— Привет, мам. Я по тебе скучала. Надеюсь, ты на меня не злишься?

— С чего бы мне злиться?

— Потому что я не вернулась домой, чтобы повидать тебя после битвы.

— Нет, детка, я не злюсь, — сказала Мелисса, обернувшись и с искренней, полной любви улыбкой взглянув на Кэнди. — У тебя новая жизнь в Абарате. В тот день, когда пришла вода…

— Море Изабеллы.

— Да, и если судить по тому, что я видела, у тебя невероятно насыщенная жизнь. Так что нет, я не злюсь. Я о тебе беспокоюсь, но верю, что все это произошло не случайно. Мы не всегда знаем причину. Нам просто приходится смириться.

— Все будет хорошо, мама.

— Знаю. Я доверяю тебе. Но… — она замолчала и пристально вгляделась в Кэнди, слегка повернув голову, — ты как-то изменилась.

— Да, верно.

Возникло долгое молчание. Наконец, Мелисса сказала:

— Расскажи мне.

— Это непросто объяснить.

— Что же в этом сложного? — ответила Мелисса, пожав плечами. — Ты от нее избавилась.

Кэнди рассмеялась, отчасти из-за простоты слов матери, объясняющих то, что ей казалось так сложно облечь в слова, а отчасти от удивления.

— Кто тебе сказал?

— О принцессе? Диаманда. Та, у которой длинные седые волосы. Самая старшая из женщин Фантомайя.

— И что она тебе говорила?

— Не очень много. Не о самой принцессе. Но тебе это не пригодится.

— Она действительно ушла. Это было непросто. Из-за этого кое-кто умер. Но я должна была ее выпустить. Она плохая, мам. А я этого не знала. Я не знала, что она сидит внутри меня. Теперь она ушла, и то, что она натворила, когда оказалась снаружи… — Кэнди покачала головой, понимая, что не сможет подыскать правильные слова. — Я видела ее своими глазами. Все это время во мне жило чудовище. — Она глубоко вздохнула. — Ты когда-нибудь замечала это во мне? Хоть какие-то признаки?

— Признаки чего? Плохого?

— Признаки зла.

— Боже, Кэнди, нет. Никогда. Конечно, у тебя имелись свои тайны. Ты всегда была тихоней. Особенной девочкой. Думаю, даже твой папа это чувствовал. Но зло? Нет.

— Хорошо. А то я боялась… Знаешь, люди иногда что-то в себе подавляют. Что-то плохое. Настолько плохое, что не могут себе в этом признаться.

— Конечно, я не была с тобой каждую минуту жизни, но если ты действительно делала что-то плохое…

— Злое.

— Думаю, я увидела хотя бы намек.

— Но ты ничего не видела?

— Нет. Если эта принцесса такая ужасная, как ты говоришь, я бы заметила, покажи она себя.

— Но она показывала, мам.

— Когда?

— Всегда. Она была частью меня. Иначе как бы ты поняла, что что-то изменилось? Ты почувствовала это, как только меня увидела.

— Да, — она вновь осмотрела свою дочь взглядом, полным любви, но теперь с примесью страха. — Однако сейчас вы расстались. Надеюсь, ты будешь держаться от нее подальше.

— Если она не будет досаждать мне и моим друзьям, я постараюсь никогда больше ее не встречать.

— Хорошо. Никому в жизни не хочется иметь дело с плохими людьми.

— Мам, не беспокойся. Как только я повидаю своих друзей и пойму, что с ними все в порядке, то вернусь домой.

— *Сюда?*

— Да.

— Чтобы остаться?

— Да, чтобы остаться. Почему ты так удивляешься? Это мой настоящий дом. С тобой, с папой, с Рики и Доном… — Настала очередь Кэнди пристально всматриваться в ее лицо. — Ты не очень-то рада, — заметила она.

— Нет, конечно я рада. Прекрасно, если ты вернешься. Но с тех пор, как ушла вода, здесь все изменилось. Многие винят тебя. И если ты вернешься, они тебя арестуют и будут допрашивать, пока не найдут повод для обвинения. Ты показала им другой мир, дорогая. Они никогда тебе этого не простят. Никогда. В городе было много жестоких людей, но сейчас их стало гораздо больше.

— Я об этом не думала, — ответила Кэнди. Ответ матери задел ее за живое. Ей почему-то казалось, что выход есть. — Но ведь люди могут прощать?

— Боюсь, все только начинается, Кэнди. Мне кажется, произойдет нечто ужасное, прежде чем простые люди придут в себя.

— А где папа? — спросила Кэнди, меняя тему.

— Ну… — Мелисса глубоко вздохнула. — Он в церкви.

— *Где?*

— В церкви. Веришь или нет, он теперь читает проповеди. И делает это каждый день.

Кэнди хотела рассмеяться: из всех странных вещей, что ей доводилось когда-либо слышать, сообщение о том, что ее отец ходит в церковь читать проповеди, было самым странным.

— Знаю, как нелепо это звучит, — сказала Мелисса. — Хочешь верь, хочешь нет, но Рики тоже ходит. Он сейчас гораздо больше уважает отца.

— А Дон?

— Ему это неинтересно. Он в основном сидит в своей комнате.

— Как-то это странно. И что же папа проповедует?

— Он называет это церковью… сейчас припомню… церковью Детей Эдема. Это на улице Тредскин, где был старый баптистский храм. Они покрыли его зеленой краской. Ужасный, отвратительный цвет. Но отец действительно изменился, Кэнди. И людям нравится то, что он говорит. Посмотри на окно.

Мелисса указала на окно гостиной, где висел плакат. Еще два подобных плаката обнаружились над лестницей. Кэнди сделала несколько шагов, чтобы разглядеть надписи.

ПРИХОДИТЕ!

НИКАКИХ КОНФЕССИЙ!

НИКАКИХ ПОЖЕРТВОВАНИЙ!

ПРИХОДИТЕ И БУДЕТЕ СПАСЕНЫ!

Кэнди все еще сомневалась.

— Он же смотрел этих телепроповедников, только чтобы над ними посмеяться! А теперь стал верующим?

— Он больше не пьет, и это действительно благо. Так что, возможно, это принесло ему какую-то пользу. — Внезапно

Мелисса замолчала, и на ее лице проступило озабоченное выражение. — Тебе пора, — сказала она.

— Почему?

— Я слышала входную дверь. Твой отец вернулся.

— Он меня не увидит, мам. Я в твоем сне.

— Так было прежде, Кэнди; сейчас все изменилось.

— Но не настолько же.

Говоря это, она почувствовала на спине странное покалывание. Медленно, медленно, почти как в ночном кошмаре, она обернулась и увидела то, на что ее душа умоляла не смотреть. Но было поздно.

Из дома появился отец. И его взгляд был направлен прямо на нее.

Глава 25
Больше не лги

В последние месяцы Кэнди видела множество чудовищных врагов: Каспар Захолуст в своем доме-тюрьме на острове Простофиль, зетек, беснующийся в трюме маленькой рыбацкой лодки «Паррото Паррото», чудовища Ифрита, одно из которых убило Диаманду.

И, разумеется, создание, ожидавшее Кэнди в доме, где она укрылась после смерти Диаманды — Кристофер Тлен.

И ведьма, Бабуля Ветошь.

И принцесса Боа.

Но ни одно из этих чудовищ не подготовило ее к встрече со своим собственным отцом. Он пришел, и он мог ее видеть.

Все изменилось, как и предупреждала мать.

— Думала, сможешь проскользнуть сюда и шпионить за добрыми христианами, а тебя никто и не заметит? Зря. Я прекрасно вижу ведьм. — Он поднял Библию, которую держал в руке. — «Ворожеи не оставляй в живых»!

Из уст ее отца это звучало настолько абсурдно, что она не могла удержаться от смеха. Его лицо, всегда красневшее, когда он злился, теперь побледнело, словно от него отлила вся кровь.

— Ты смеешься надо мной, ты смеешься над Господом, — произнес он. Его голос был тихим и далеким. — Смейся, если хочешь. Досмеешься до пламени вечных мук.

Кэнди замолчала. Но не от страха, а от удивления. Отец действительно изменился. Его лицо больше не было опухлым, в глазах появилась новая сила, сменившая пивную пелену. Он стал стройнее. Исчезли лишние фунты, смягчавшие нижнюю челюсть. Он больше не зачесывал свои редкие волосы от уха до уха в жалкой попытке скрыть лысину. Он просто их сбрил. Теперь он был совершенно лысым.

— Не знаю, что наговорила тебе мать, но уверен — она лгала, — произнес Билл.

— Она сказала, что вы с Рики ушли в церковь.

— Да, это так. Те из нас, у кого еще остались мозги, увидели свет. Рики! Иди сюда! У нас гости.

Кэнди бросила взгляд на мать. На лице Мелиссы было столько противоречивых эмоций, что Кэнди не могла разобраться, что именно она чувствует.

— Мать тебе не поможет, — сказал Билл. — На твоем месте я бы выкинул ее из головы. Сегодня в Цыптауне есть лишь один

человек, способный видеть, и ты на него смотришь. *Рики!* Когда я говорю тебе подойти, ты должен это делать!

Пока отец смотрел в дом, Кэнди обратила внимание на его пиджак. Даже по абаратским меркам одежда казалась нелепой. Пиджак был сшит из кусочков разных тканей — полосатой, в горошек, черной, — обладавших странной переливчатостью. Она чувствовала, что ей уже попадалось это странное сочетание цветов. Но где? Она все еще думала над этой загадкой, когда из дома появился Рики. Голова ее брата тоже была выбрита, и оттого он выглядел более худым, чем прежде. Его глаза были большими, как у встревоженного младенца.

«Он боится, — подумала Кэнди. — Бедный Рики. Боится человека, который должен его защищать. Нет, не боится — он в ужасе».

— Я менял футболку, папа… то есть, преподобный.

— Мне все равно, что ты делал, — отрезал Билл. — Если я тебя зову, когда ты должен подойти?

— Через десять секунд, папа. То есть, извините, сэр. Преподобный. Я имел в виду — преподобный.

— Ну наконец-то он сказал то, что можно слушать. А теперь сделай глубокий вдох. Я хочу, чтобы ты успокоил свой глупый, глупый, глупый ум. Понял, что надо делать?

— Кажется, да.

— Это легко, сынок. Просто не думай.

— О чем?

— Ни о чем. Закрой глаза. Вот так. Ты в безопасности.

Кэнди с удивлением взглянула на мать, но Мелисса смотрела на мужа. На ее лице не было ни тени привязанности. Если она когда-то его и любила, то сейчас любовь полностью ушла. Ее сменил страх.

— Иногда глаза нас обманывают, — говорил Билл Рики. — Они показывают нам то, чего на самом деле нет. А иногда скрывают то, что есть.

— Правда?

— Правда. Я бы не стал тебе лгать. Ты это знаешь.

— Конечно.

— Настало время, когда глаза скажут тебе правду.

— Да.

— Хорошо, — сказал Билл. — Ты готов?

— К чему, сэр?

— К тому, чтобы увидеть мир таким, какой он есть, Рики. Твое внимание блуждает. Ты не сосредоточен. Слушай меня. Прямо здесь, среди нас — зло, которое нас уничтожит.

— Среди нас?

— Открой глаза и взгляни сам.

Глаза Рики открылись, и с момента, как он их сфокусировал, стало ясно, что наставления отца сработали.

— Кэнди? — удивился он. — Ты откуда?

— Я не…

— Закрой свой поганый рот! — рявкнул отец, ударив воздух всего в паре дюймов от ее лица. — Не слушай ничего, что она говорит, сын. Они — сосуды лжи. Им ничего не стоит солгать. Они открывают свои намалеванные красные губы, и из них сочится ложь. Они не способны остановиться.

— Билл, о чем ты говоришь? — спросила Мелисса.

— О вас, о женщинах.

— О женщинах?

— Ведь это *твой* пол, — ответил Билл.

Кэнди видела на лице Мелиссы удивление. Все это действительно было похоже на отца, только гораздо хуже.

— Не знаю, какого черта — или какой черт, — в тебя вселился, но ты не мой муж…

— Что происходит? — спросил Рики с паническими нотками в голосе.

Билл указал на Кэнди.

— Ты — причина, по которой наш город утратил свой путь. Свой рассудок. Ты привела на наши улицы уродов, чтобы те захватили мир.

— Это полная чушь, — возразила Кэнди. — Кто бы здесь ни остался, они просто не успели уйти с отливом. Все они наверняка хотят вернуться домой.

— Домой? Ну нет. Эти уроды никогда не покинут наш город. Разве что в гробах.

— В гробах?

— Как же мне объяснить так, чтобы ты поняла? Мы боремся с этими захватчиками. Мои солдаты — простые мужчины и женщины, приходят в мою церковь слушать то, что я говорю. Они собственными глазами видели этих уродов. Они знают об их существовании. Это демоны из самого ада.

— Нет, папа, это просто потерявшиеся люди, которые хотят вернуться домой в Абарат. Я поговорю с Советом. Они найдут способ мирно уладить возвращение тех, кто здесь остался, не проливая кровь.

— Ты слышал, Рики? Она называет этих демонов *людьми.* Как будто они — естественная часть нашего мира.

— Да, сэр, я слышал.

— И как нам быть, Рики? Она — твоя сестра. Если ты попросишь меня ее пощадить, я сделаю это. Но знай: я не хочу

поворачиваться к ней спиной, чтобы она использовала против нас свою магию. Ты только посмотри на нее. В ней же нет ничего естественного.

— Почему ты вдруг заинтересовался магией? — спросила Кэнди. — Ты ведь всегда считал, что любой, кто об этом говорит, псих.

— То было раньше, до того, как я нашел этот радужный пиджак, — он провел ладонью по одежде, и та отреагировала на его прикосновение. По ее поверхности пробежала рябь удовольствия, цвета тканей стали ярче.

— Шляпы! — воскликнула Кэнди, вдруг вспомнив, где она видела эти кусочки. — Это были пять старых шляп!

Лицо Билла оставалось ледяным.

— Умно, — сказал он.

— Папа, я знала человека, который их носил. Он был очень плохим. Он убил людей, которым эти шляпы принадлежали, чтобы забрать их себе.

— Отвратительно. Ты придумала это только что. Как и твоя мать. Ложь, ложь, и снова ложь. Это все, на что вы, женщины, способны.

— Клянусь, — ответила Кэнди. — Мама, поэтому он говорит все эти странные вещи. В нем поселилась часть Каспара Захолуста, поскольку именно в шляпах была его сила. В шляпах, которые он украл у мертвецов.

— Ты меня не напугаешь, если такова твоя цель, — сказал Билл. — Колдовство на меня не подействует. Думаю, надо отвести ее в церковь, Рики.

— Да, сэр.

— Мне твоя религия ни к чему, спасибо, — ответила Кэнди.

— А тебе ее никто не предлагает. У меня бывают видения. Только представь, твой нелепый отец-пьянчужка, над которым смеялись за его спиной…

— Я никогда над тобой не смеялась. Это было грустно, а не смешно.

— *Заткни свой рот! Мне не нужна твоя жалость!* Я построил машину! — Он постучал по макушке. — Она явилась ко мне в видении. И я не мог понять, для чего она нужна. Но теперь я знаю. Все сходится.

— Билл! — произнесла Мелисса. — Может, нам стоит ее послушать?

— Нет. Со мной разговаривает великий голос. Я слышал его. — Он помолчал, на секунду прикрыв глаза. — Он говорит со мной даже сейчас. И я знаю, что ему надо.

— Неужели. И что же? — спросила Кэнди.

Глаза Билла мгновенно открылись.
— Тебя.

ЧАСТЬ 4
Восход тьмы

Не бойся зверя,
Что приходит к твоим дверям один —
Его гибелью станет одиночество.
Не бойся тех,
Кто охотится стаей —
Они умрут, оторванные от своего клана.
Но бойся того,
Кто не приходит вообще.
Ибо он уже здесь, обутый в твои ботинки.

— Последняя проповедь епископа Наутиресса

Глава 26
Церковь детей Эдема

— Кэнди, мы почти на месте.

Хотя Кэнди просила Шалопуто ее не будить, вряд ли она имела в виду, чтобы тот позволял ей спать до самого конца путешествия. Однако он научился быть вежливым, возвращая ее из снов.

Срочности не было никакой. Паром только что вплыл в гавань Тацмагора. До причала оставалось еще через несколько минут, но среди пассажиров уже чувствовалась тревога, не имевшая ничего общего с прибытием. Голоса были резкими, смех — деланным. Шалопуто знал, почему это так. В воздухе витало неопределенное, таинственное дурное предчувствие. Приближалось что-то, чего лучше бы не было. Ни он, ни спешившие мимо пассажиры понятия не имели, что это такое. Но одно он понимал — ничего хорошего ждать не следует. Его внутренности скрутило в тугой узел, в голове возникло воспоминание о том времени, когда отец взял его с собой, чтобы продать. Он постарался выкинуть из головы и это воспоминание, и тревогу, сосредоточившись на том, чтобы разбудить Кэнди. Он мягко потряс ее за плечо.

— Кэнди, пора просыпаться. — Ответа не было. Он потряс ее вновь. — Давай, сказал он, наклоняясь. — Досмотришь свой сон в другой раз. Вставай.

— Я вижу все это во сне, — напомнила отцу Кэнди. — Я не обязана тебя слушать. Я могу проснуться в любое время.

— Не советую, поскольку если ты это сделаешь, — он указал на Мелиссу, — пострадает она. Из-за тебя.

— Прекрати, Билл, — проговорила Мелисса.

— Почему? Потому что ты думаешь, что я этого не сделаю? Сделаю. Спроси свою дочь.

— У него в голове сидит то, что он не в состоянии контролировать, — сказала Кэнди матери. — С этим должен был сражаться кто-то посильнее. А папа просто не хотел.

— Ты об этом пожалеешь, — обещал он.

— Кэнди, что происходит? — спросил Шалопуто.

Выражение лица Кэнди больше не было спокойным. Ее брови нахмурились, уголки губ опустились.

— Ты начинаешь меня пугать, — проговорил Шалопуто. —

Почему ты не просыпаешься? Ты вообще меня слышишь?

Она кивнула? Если да, движение было едва заметным.

— О нет. Что происходит? Пожалуйста, проснись.

Кажется, она покачала головой, хотя этот жест был столь же незаметным, как и предыдущий кивок. Таким незаметным, что он не смог бы сказать наверняка, двигала ли она головой вообще.

— Ты имеешь в виду, что не хочешь сейчас просыпаться?

Она вновь кивнула. Или так ему показалось.

— Ну ладно, — сказал Шалопуто, стараясь сохранять спокойствие. — Если ты хочешь и дальше спать, думаю, все в порядке. Все равно я вряд ли могу с этим что-то поделать. Продолжай смотреть свой сон. А я буду решать проблемы в этой реальности.

На этот раз кивка или качания головой не последовало. Однако ее лицо стало еще более встревоженным.

Странно было вновь идти по улицам Цыптауна, а еще более странно — идти рядом с отцом, хотя, конечно, для всех, кроме него, она оставалась невидима. Она наблюдала, как на него реагируют люди и насколько изменилась его репутация за то время, пока ее не было в городе. Несколько человек откровенно его боялись. Они переходили на другую сторону улицы, чтобы с ним не встречаться, или скорее ныряли в магазины. Некоторые старались выразить ему свое почтение. Кто-то просто кивал или желал «доброго дня». Но ни один из этих людей не мог скрыть тревогу, которая охватывала их в его присутствии. Кто-то действительно называл его преподобным, к чему Кэнди не могла привыкнуть. Преподобный! Ее отец, жестокий алкоголик, бивший жену и детей — преподобный! Мать была права: Цыптаун действительно изменился.

Когда они покинули Мэйн-стрит, и рядом уже не было людей, которые могли бы заметить, что Билл говорит сам с собой, он повернулся к Кэнди:

— Видела, как меня здесь уважают?

— Видела.

— Ты наверняка удивлена. Удивлена? *Да?*

Даже сейчас ей хотелось ответить ему «нет». Хотелось сказать, что все это — пустые иллюзии, и она это знает. Но потом она вспомнила о матери. Человек, идущий рядом с ней, был способен на ужасные вещи, в этом не было никаких сомнений. Поэтому Кэнди сказала:

— Пожалуй, да, я удивилась.

— Но вот чего ты не понимаешь, так это того, что люди боятся. Они чуют уродов — тех, кого вода притащила на наши

улицы и оставила здесь. Они напуганы. А я избавляю их от этого страха.

— Как?

— Не твоего ума дело. Вот что я тебе скажу: спасение — это как частное предприятие. Они платят за привилегию. Себе я не беру ни цента. Все их взносы отходят церкви. И они рады жертвовать. Я дарю им покой и, быть может, даже счастье. Это стоит нескольких долларов. Мы пришли. Дом, милый дом.

Он говорил о простом одноэтажном здании, выкрашенном в кричащий зеленый цвет, мимо которого Кэнди проходила сотни раз в жизни. На маленьком газоне торчала большая доска, к которой крепилось единственное объявление:

ЦЕРКОВЬ ДЕТЕЙ ЭДЕМА
ПРЕПОДОБНЫЙ УИЛЬЯМ КВОКЕНБУШ
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ГРЕШНИКИ, ИЩУЩИЕ СПАСЕНИЯ

Матрос «Мокреца», который обнаружил их с Кэнди через пятнадцать минут после швартовки, к удивлению и облегчению Шалопуто оказался тылкрысом. Объяснять свою ситуацию представителю собственного народа было чуть легче. И еще легче стало, когда паромщик спросил:

— Ты ведь Шалопуто?

— А мы знакомы?

— Нет. Просто я много о тебе слышал. Моей сестре Ямбини интересно все, что рассказывают о тебе и о девочке. Знаешь, ходят всякие слухи. Люди придумывают самое разное, чтобы им было о чем поговорить.

— Я и не думал, что кому-то есть дело.

— Ха! Ты шутишь? Ты и Кэнди… ничего, что я назвал ее Кэнди? Или, может, стоит звать ее мисс Квокенбуш?

— Нет, Кэнди — вполне нормально.

— Кстати, меня зовут Гамбиттмо. Бити, Мо, но чаще всего Гамбат. Вроде как тылкрыс Гамбиттмо, только короче. Гамбат Ют.

— Рад познакомиться, Гамбат.

— Могу я тебя кое о чем попросить?

— Конечно.

— Дай мне автограф! Это для моей сестры. Представляю, как она зашлепает своими плавниками!

Гамбат продемонстрировал свое семейное отличие, похлопав довольно большими оранжевыми плавниками.

— Твоей сестре захочется иметь мой автограф? — удивился Шалопуто.

— Ты шутишь? *Конечно*! Она твой большой поклонник. Я тоже, но на самом деле с ума по тебе сходят в основном девчонки. Она знает все детали. О том, как ты спас мисс Квокенбуш — извини, что не зову ее Кэнди, это как-то неправильно звучит, — от того психованного колдуна, Захолуста. Мы с сестрой побывали у его дома на острове Простофиль. Видели все, что связано с этой историей. Трогать там, конечно, ничего нельзя. Там все окружено веревками. Но это доказательство. Все это было на самом деле… А на следующей странице не напишешь что-нибудь для меня?

Шалопуто взял блокнот и карандаш, на кончике которого была вырезанная и раскрашенная голова Малыша Коммексо, ухмыляющегося от уха до уха.

— Извини за дурацкий карандаш. Его какой-то пассажир забыл. Я этого Малыша ненавижу.

— Правда?

— И его зубастую ухмылку. Как будто в жизни все просто зашибись.

— А это не так?

— Ты встречал хоть кого-нибудь из нашего народа, у кого были бы деньги? Вряд ли. У нас нет ни власти, ни денег, ни тех, кто мог бы нами руководить. Иначе почему мы все о тебе говорим?

Шалопуто смотрел на Гамбата, пытаясь найти в его лице намек на насмешку, но не увидел ничего подобного. Голова спящей Кэнди перекатилась из стороны в сторону.

— С мисс Квокенбуш все в порядке? Может, ей нужен врач?

— Нет, не думаю. С ней все будет хорошо. Просто она устала. Что ты хочешь, чтобы я написал?

— Ну не знаю. Все, что тебе придет в голову. Ее зовут Ямбини. Ям-би-ни. — Пока Шалопуто писал, его новый друг продолжал болтать. — Только между нами: вы можете оставаться здесь, сколько захотите. В ближайшие пять-шесть часов мы отсюда никуда не денемся. Надо избавиться от мусора, который остался после пассажиров. О, да ты *гешер*. Только гляньте! Ей ты тоже что-нибудь нарисуешь?

— Получилось не слишком, но…

— Ты так быстро это нарисовал! Поразительно. — Возникла пауза. Потом он спросил:

— А что это?

— Мой сон, — ответил Шалопуто. — Огромный ребенок в очень маленькой лодке.

— И что это значит?

— Понятия не имею. Просто увидел во сне.

— Она будет шлепать плавниками так, что улетит. Спасибо.

Обалдеть, гешер, просто обалдеть. — С улыбкой не меньше, чем у самого Малыша, он рассмотрел автограф и рисунок, после чего отправился по своим делам.

Хотя их разговор был кратким, у Шалопуто возник повод задуматься. Для него стало огромным потрясением узнать, что некоторые представители его порабощенного народа не только знали его, но и гордились тем, что он — один из них. В течение всей письменной истории тылкрысы находились в самом низу социальной лестницы. По традиции они были прислугой, тупой нацией, у которой не было ни культуры, ни этикета, ни бунтарей.

Возможно ли, что это случилось с ним, с тем, кто однажды понял, отчего отец не печалился, когда его продавал? Он был бесполезнее, чем кто бы то ни было, и даже его собственный отец избавился от него без всякого сожаления. Возможно, он осудил себя слишком резко и слишком скоро?

Застонавшая во сне Кэнди вывела Шалопуто из ступора. Как он мог думать о себе, когда Кэнди до сих пор оставалась в своих снах? Впервые за все время, проведенное рядом с ней, он почувствовал необходимость в поддержке кого-то другого. Двупалого Тома, Женевы Персиковое Дерево или Финнегана Фея. Кого-то, с кем можно обсудить свои проблемы. Кроме братьев Джонов. У этих было слишком много мнений.

Но желание иметь компанию не означало ее наличия. Он был один, рядом с молчащим человеком, который был для него важнее, чем любой другой во всем мире. И внезапно он за нее испугался.

Билл велел Рики оставаться снаружи и следить. Он ввел Кэнди в церковь, внутреннее убранство которой было столь же неприметным, как и внешнее. Вместо скамей здесь стояли ряды дешевых деревянных стульев; алтарный стол покрывала обычная белая скатерть. Креста не было.

— Как видишь, — продолжил Билл Квокенбуш, ведя сновидческое тело своей дочери к алтарю, — у нас тут нет ничего интересного. Важно само послание.

— И что же это за послание, папа?

— Не называй меня так. Между нами нет ничего общего.

— Как любовь, например? Вряд ли ты ее к нам чувствовал. Может, когда-то ты и любил маму, до того, как у тебя появились мы, чтобы бить…

— Хватит, — произнес он с прежней яростью в голосе.

Они были в нескольких метрах от алтаря, и в темном углу церкви Кэнди разглядела шесть или семь человек. Отец тоже их видел. Поэтому, решила она, и хотел прекратить разговор.

— Я не собираюсь рассуждать о старых ошибках и старых грехах.

— О чьих ошибках, папа? Чьих грехах?

Она продолжала давить на отца, надеясь вывести его из равновесия и заставить проявить свой гнев. Возможно, если прихожане увидят настоящего Билла Квокенбуша, они дважды подумают, прежде чем в следующий раз улыбаться своему преподобному. Тому Биллу, которого знала она. Жестокому и порочному.

Билл подошел к людям, собравшимся в углу, и тихо сказал:

— Ты изменилась. Я чувствую вонь твоего разложения, и это отвращает меня до глубины души. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить добрых людей от твоих извращений и мерзостей, от той грязи, которую ты принесла из Иного Места…

— Из Абарата, папа. Ты можешь это сказать.

— Я не стану поганить свой язык!

Больше он не шептал. Его злость эхом отразилась от простых белых стен.

— Только послушай себя, папа! — сказала Кэнди.

— *Не называй меня…* — Он замолчал, когда его тирада отразилась от дальней стены. Он остановил себя и вновь понизил голос. — Умная ведьма. Ты знаешь, как меня разозлить. Но я на это не поддамся. — Он глубоко вздохнул. — Если ты продолжишь сопротивляться, пострадает твоя мать. Ты поняла? Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. Ты должна понять, кто я на самом деле.

— Враг, — сказала Кэнди.

Отец улыбнулся.

— Наконец мы в чем-то сошлись, — ответил он. Отвернувшись, он обратился к своим последователям. — Вы разогрели и подготовили машину?

— Я сделал все, как вы велели, сэр, — ответил кто-то из них.

— Хорошо. Очень хорошо.

Глава 27
Допрос

Примерно в то же самое время, когда Гамбат (счастливый обладатель двух автографов самого знаменитого тылкрыса среди ныне живущих) оставил Шалопуто и Кэнди на верхней палубе «Мокреца», эскорт из пяти судов готовился отбыть из гавани Вроконкеффа на Горгоссиуме. Самый большой корабль из пяти, «Крейзу», поднял над волнами дымчатый флаг с изображением стилизованной иглы и нити, что означало присутствие на нем будущей императрицы Часов, самой леди Полуночи, Бабули Ветоши. Четыре корабля, сопровождавших «Крейзу», от ватерлинии до «гнезда» на верхушке мачты, были вооружены пушками и заплаточниками, готовыми защищать леди Полночь.

Разумеется, ее отплытие отложили. Вместе с Маратиен она вернулась в башню и обнаружила, что Порча Нерроу, швея, которая осталась вымыть мозаичную карту Абарата на полу ее комнаты, была выброшена из окна и лежит мертвой внизу. Бабуле Ветоши нравилась швея Нерроу: женщина была преданной и усердной. Ее отнюдь не радовало, что обстоятельства требуют допрашивать мертвую женщину — у покойных это вызывало глубокие мучения. Впрочем, Бабуля Ветошь была уверена, что имей Порча Нерроу возможность выразить свое мнение, то, несмотря на страдания, она захотела бы назвать имя своего убийцы.

Многие годы планирования готовились принести свои плоды — события, которые навсегда преобразят острова и всех, кто на них живет. Она, которая станет повелительницей преображенного мира, не могла позволить силе столь могущественной, как убийца Порчи Нерроу, уйти так просто. Она должна знать, кто здесь побывал, и как можно скорее. Склонившись, она перевернула тело Порчи. Вдоль ее лица шла трещина, но крови было мало. Приказав остальным женщинам отойти на несколько шагов, Ветошь накрыла Куполом Усердия себя, а также тело и паривший над ним дух Нерроу, прикрепленный разлагающимся шнуром эктоплазмы.

— Успокойся, женщина, — проговорила Ветошь. — Мне потребуется не дольше минуты твоего времени.

— Я не хочу…

— У тебя нет выбора.

— … возвращаться…

— У тебя нет выбора.

— … в плоть.

— У тебя нет выбора. Слышишь меня, ведьма?

Дух Порчи, паникующее пятно тени, бился о Купол Усердия, словно пойманная в банку муха.

Императрицу быстро утомили испуганные движения Нерроу.

— Хватит, — сказала она.

Протянув руку, она поймала дух швеи. Тень затрепыхалась, стремясь освободиться. Несколько сестер в молчаливом ужасе наблюдали за этой сценой.

— *Нейсентаб,* — произнесла матриарх и этими тремя слогами развеяла Купол. — Если кому-то из вас тяжело наблюдать за искусством некромантии, советую отвернуться.

Некоторые так и сделали; одна-две сестры даже отошли от тела Порчи Нерроу, чтобы не слышать происходящего. Тем временем Бабуля Ветошь опустилась на колени рядом с телом Порчи и велела одной из оставшихся сестер:

— Фатун, открой ей рот пошире и держи голову.

Кунья Фатун, крупная женщина с большими руками, выполнила то, что ей приказала матриарх.

Бабуля Ветошь стремительно вложила дух Нерроу между ее губами, сказала Фатун сомкнуть мертвой женщине рот и держать его закрытым, что бы ни происходило. Кунья Фатун стиснула рот Нерроу, не давая духу выйти наружу. Она держала его закрытым почти минуту. Ничего не происходило. Ничего. И снова ничего. Вдруг ноги женщины дернулись. За этим движением последовал целый всплеск метаний и ударов.

— Успокойся, Порча Нерроу. Успокойся, — проговорила Бабуля Ветошь. — Знаю, для тебя, должно быть, ужасно вернуться в свое разрушенное тело, но я хочу, чтобы ты ответила на несколько вопросов. — Она посмотрела на Фатун. — Готова? — Та кивнула. — Не сдавайся.

— Я не сдамся.

— Да, — сказала Бабуля Ветошь, которую убедило выражение глаз Фатун. — Ты не сдашься. Давай завершим начатое.

— Как скажете, госпожа.

— Убирай.

Фатун отняла руку от лица Нерроу.

— *Прекрати это, Порча Нерроу! ЖИВО!*

Крики женщины стали менее жалобными. Судороги ослабли.

— Так-то лучше, — сказала матриарх. — А теперь отвечай мне быстро и правдиво. Тогда я тебя отпущу, и ты отправишься навстречу своей смерти.

Порча сделала второй слабый вдох и заговорила голосом мертвой женщины, лишенным красок, тонким и безрадостным.

— Чем я это заслужила?

— Ты ни в чем не виновата, Нерроу. Я просто хочу знать, кто тебя убил, — Бабуля Ветошь чуть наклонилась, чтобы услышать ответ. — Кто это был, сестра?

— Принцесса Боа.

— Невозможно!

— Клянусь.

— Она шестнадцать лет как мертва.

— Знаю. И все же это была она.

— Ты в этом не сомневаешься?

— Нет. Это была она. Боа. Она, она! — Оживленное тело начало выходить из-под контроля. Лицо подергивалось от мелких тиков и судорог. Они были болезненными, хотя ее нервы несли в себе только призрачную жизнь.

Бабуля Ветошь молча наблюдала за телом у своих ног. Отчаявшиеся глаза Нерроу взглянули на женщину, державшую ее дух в плену.

— Я сказала вам все, что знаю. Позвольте мне умереть. Смерть будет добрее ко мне, чем жизнь.

— Что ж, — сказала Бабуля Ветошь. — Отпусти ее, Фатун. Покойся в Пустоте, женщина. *Иди.*

Едва она успела закончить фразу, как дух швеи вылетел из тела и ринулся прочь от своей тюрьмы и тюремщика. Скоро ее легкая тень исчезла из виду, темная на фоне темного неба.

Возвращение Бабули Ветоши в Башню Иглы, ее последующее открытие и допрос задержали отбытие «Крейзу» всего на два часа. Но когда огромное судно вышло в открытое море, оно устремилось вперед с невероятной скоростью, и двигатель корабля, жестокое и безумное сочетание горестного с испорченным, непростительного с безумным, нес «Крейзу» по Изабелле, преодолевая любые течения.

Изабелла не противилась жестокой мощи корабля. Море знало, что за ужасные действия создали корабль, и уступало его силе. Оно знало чудовищную власть, которой обладала Бабуля Ветошь. Улавливая слухи и яды в потоках, стекавших с островных склонов в ее воды, Изабелла понимала, насколько все будет хуже. Миллионы жизненных форм, обитавших в ее водах, не выиграли бы ничего от противостояния Императрице Полуночи, ибо она была способна — и море это знало, — на практически безграничное разрушение. Ни плоть, ни дерево, ни камень, ни пыль не стали бы исключением. Эта женщина и ее союзники могут принести смерть каждому Часу Дня и Ночи, если ей не дадут сделать то, что она пожелает.

Поэтому сейчас, решила Изабелла, она должна поступить так.

Подчиниться ее воле, какой бы дикой она не была.

Не испытывая противодействия моря, женщина, которая готовилась изменить Абарат до неузнаваемости, спешила к своей цели.

На борту «Крейзу» Маратиен вошла в темную каюту матриарха, почтительно склоняя голову. Она не отваживалась поднять ее, пока старуха не пробормотала:

— В чем дело, дитя?

— Мы приближаемся к пирамидам, госпожа. Вы велели мне сообщить об этом.

Бабуля Ветошь, сидевшая на летающем камне, спустилась по воздуху к Маратиен.

— Ты рада, дитя?

— А я должна радоваться?

— Конечно. Если ты настолько отважна, что готова остаться со мной сегодня и в грядущие дни, обещаю — ты увидишь нечто столь необыкновенное, что навсегда изменит твое мнение о мире. И твое место в нем.

— Значит, я могу посмотреть? — осторожно спросила Маратиен, не уверенная, что правильно поняла приглашение.

— Конечно. Оставайся рядом со мной. И если ты достаточно умна, дитя — а я тебя таковой считаю, — то будешь запоминать все, что увидишь. Каждую деталь. Однажды наступит время, когда кто-нибудь тебя спросит: каким был тот момент? И ты захочешь рассказать им правду.

— Конечно.

— Тогда иди к Мелли Шадр, одной из сестер…

— Я знаю ее.

— Скажи, пусть даст тебе свою самую теплую шубу. Когда все солнца погаснут, Маратиен, будет очень холодно. Иди. Я буду тебя ждать.

— Будете?

— Конечно. Я ожидала этого Часа почти шесть столетий. И могу подождать еще несколько минут, пока ты возьмешь одежду.

Глава 28
Алтарь

— Кэнди? Шалопуто? Вы здесь?

При звуках знакомого голоса настроение Шалопуто сразу поднялось.

— Джон Хват? Это ты? — воскликнул он.

— Да…

— Мы знали, что рано или поздно вы окажетесь на одном из этих паромов, — сказал Джон Змей.

— Паромщик объяснил, где вас найти, — добавил Джон Удалец.

— И вот мы здесь! — воскликнул Джон Соня, готовый поделиться хорошими новостями.

В это время братья поднимались по лестницам с нижней палубы, а следом за ними шествовал Двупалый Том и…

— Женева! — сказал Джон Филей.

— Рад всех вас видеть. Но пожалуйста, говорите потише. Кэнди все еще спит.

— Может, ее разбудить? — спросила вооруженная до зубов Женева.

— Вряд ли это хорошая идея, — ответил Шалопуто.

— Почему? — спросил Двупалый Том, появляясь из-за ее спины.

— В том, как она спит, есть что-то странное, — сказал Шалопуто.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Женева.

— Посмотри сама. Но сначала положи оружие.

— Почему?

— Оно слишком шумное.

— Только ради тебя, — сказала Женева, сняла пояс и протянула его Тому вместе с мечами в ножнах. — Если кто-нибудь только пальцем их тронет…

— Мы даже и не думали, — сказал Хват.

— Нет, нет, нет, — забормотали братья. — Мы только беспокоимся за нашу Кэнди.

— Пожалуйста, тише, — проговорил Шалопуто. — Ее нельзя беспокоить. И не спрашивайте, почему — я понятия не имею. Просто нельзя и все.

— Взгляни, какое у нее выражение лица, — произнесла Женева. — Ей больно.

Шалопуто кивнул.

— Видимо, да.

— Если у нее кошмар, разве не надо ее разбудить? — спросила она. — Посмотри, как она беспокоится! Ей плохо!

— Знаю, — ответил Шалопуто. — Мне тоже не нравится видеть ее такой. Но где бы она сейчас ни была и что бы ни делала, это что-то важное. Думаю, лучше оставить ее так. Во сне она отправляется в Цыптаун встречаться с матерью.

— Не очень-то она счастлива, — заметила Женева.

Кэнди нахмурилась еще больше.

— Выглядит она ужасно, — сказал Джон Змей. — Уверен, что она не умирает?

— Нет, — сказал Шалопуто после долгой паузы. — Не уверен.

Кэнди насчитала в церкви одиннадцать человек, включая Билла и не считая себя. Они вышли из теней и могли видеть ее благодаря ворованной магии ее отца. Кэнди узнала почти все лица, хотя назвать могла лишь несколько имен. Здесь была была Норма Липник, которая однажды (давным-давно, в другой жизни) показывала Кэнди комнату с привидениями в гостинице «Древо отдохновения». Это она рассказала Кэнди о Генри Мракитте, призраке из девятнадцатого номера. А его история привела Кэнди туда, где она сейчас находилась. Норма была одета в лучшее воскресное платье. Она даже улыбнулась Кэнди, словно в том, что Кэнди находится здесь в своем сновидческом теле, не было ничего необычного.

В этой маленькой группе было две подруги Мелиссы Квокенбуш. Одну, вспомнила Кэнди, звали Гейл; эта полная женщина выливала на себя тонны духов, тщетно пытаясь скрыть неприятный запах тела. Другую звали Пенелопа, и она жила в одном из соседних домов на Последовательной улице. Она знала нескольких других прихожан: здесь был уборщик из их школы, хотя, как и все остальные, она не знала его имени. Каждый из них, не моргая, смотрел ей в глаза и улыбался — улыбки марионеток, нарисованные на кукольных головах.

— Сегодня у нас особый день. Здесь находится моя дочь в своем сновидческом теле, — объяснил Билл собравшейся группе последователей, — но и в этой форме мы легко сможем получить от нее то, что нам необходимо, как если бы она была в своем материальном облике. В конце концов, знания у сновидца и сновидения общие. Они соединены. Норма, занавес, пожалуйста.

Норма Липник вымученно улыбнулась Кэнди и отправилась выполнять то, что велел священник, отведя в сторону бело-голубой занавес, висевший за алтарем. Кэнди открылся странный механизм почти трехметровой вышины.

— Знаю, о чем ты думаешь, ведьма, — проговорил Билл. — Ты думаешь — кто сотворил эту впечатляющую конструкцию?

— Ты, наверное, — сказала Кэнди, изо всех сил стараясь изобразить улыбку. — В смысле… кто же еще? Она… удивительная.

Вопреки своей лести она чувствовала панику. Дело было плохо. Очень плохо. Она не знала, на что способна чудовищная машина, но если это было порождение ума Каспара Захолуста — а ее отец вряд ли мог создать ее сам, так что оставался только колдун, похитивший шляпы, которыми ее отец теперь владел, — цели такого прибора не могли быть хорошими.

— Я не могу приписать все заслуги одному себе, — ответил Билл. — Меня вдохновляло это. — Он погладил свой разноцветный пиджак. — Но я понял ее суть мгновенно. И знаешь, почему?

Кэнди покачала головой.

— Потому что вы были рождены для величия, господин.

Говорила женщина, присутствия которой Кэнди до сих пор не замечала. Теперь, однако, она выступила вперед. Хотя она склоняла голову, Кэнди сразу же ее узнала: это была ее бывшая учительница, мисс Шварц. Как же она изменилась! Она больше не убирала волосы на затылок. Длинные и блестящие, они свободно ниспадали, обрамляя ее бледное лицо.

— Хорошо сказано, мисс Шварц, — кивнул Билл.

Женщина смотрела в направлении отца Кэнди, но головы не поднимала.

— Рада, что угодила вам, сэр, — сказала она.

Ее пассивность и потупленный взор, ее жалкая благодарность, производили удручающее впечатление. Это была не та мисс Шварц, которую Кэнди ненавидела. Отец сломал ее. Сломал и сделал заново, хрупкой и испуганной.

— Мистер Томпсон, мистер Эллиот, подготовьте мою дочь для нашего маленького научного эксперимента. И поторопитесь. Я хочу, чтобы мы скорее с этим покончили.

Глава 29
У Полуночи есть крылья

Когда Бабуля Ветошь поднималась по ступеням Великой Пирамиды Ксуксуса, ее мысли на краткое время вернулись к внуку. Много лет они работали вместе, выстраивая план, который вот-вот должен был осуществиться, и хотя сентиментальность, чувство слабое и болезненное, была ей чужда, она все равно ощутила волну сожаления. Как могла, она пыталась оградить внука от жестокой силы его привязанностей. Она наказала его, зашив губы иглой и нитью, когда впервые услышала от него слово «любовь»; с тех пор на его лице оставались шрамы от ее шитья, и в последний раз она видела их на палубе смертоносного корабля «Полынь». Но шрамы не заставили его раскаяться.

Она позволила этому сожалению побыть в ней несколько бесполезных секунд, а потом отпустила его. Тлен был хорошим компаньоном, но когда его коснулась порча любви, он превратился в опасность для самого себя и для их великого дела. Поэтому теперь она взбиралась по ступеням Великой Пирамиды без него.

Она остановилась. Это был великий момент. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь разделил его с ней.

— Маратиен, — тихо сказала она.

— Я здесь, госпожа, — произнесла Маратиен, стоявшая позади, но неподалеку. Она не смогла скрыть своего беспокойства. И старуха его почуяла.

— Здесь нечего бояться, дитя, — сказала она. — Эти создания за дверью, расплод, служат мне.

— Их много?

— Тьмы и тьмы.

— Все в этой пирамиде?

— Они во всех пирамидах, а также под пирамидами и под Изабеллой — распространились на огромные расстояния. — Бабуля Ветошь подождала, пока девушка осознает это. Потом запустила руку в складки своего платья, ткань которого натягивалась из-за веса пойманных душ, и вытащила ключ. У него была странная, нестабильная форма. — Вот, — сказала она. — Ты откроешь дверь. Посмотри на них сама.

Маратиен осторожно взяла ключ.

— Не страшись, дитя. Тебя ожидают силы. Обернись. Взгляни.

Маратиен обернулась. За то краткое время, что они, покинув «Крейзу», поднимались по ступеням пирамиды, на поверхности

Изабеллы возникло множество морских созданий; у многих светились чешуя или панцирь.

— Видишь, в каком они нетерпении? — спросила Бабуля Ветошь, указывая Маратиен на нижнюю ступень, где появлялись десятки чудовищных форм. — Так что лучше приступай.

Маратиен не нуждалась в иных словах поддержки. Она посмотрела на дверь и вставила ключ в замок. Большего от нее не требовалось: ключ знал свое дело. Он выскользнул из ее пальцев и полностью исчез внутри замка.

— Хорошо, — пробормотала Бабуля Ветошь. — Очень хорошо.

Из пирамиды донесся шум: система противовесов, которая управляла дверьми, начала движение. Замок поворачивался, а вместе с ним и та часть двери, что его окружала. Движение ширилось, одни формы вращались внутри других, и, наконец, вся треугольная дверь начала двигаться, раскрывая узор и обнажая тьму позади себя.

Старуху и Маратиен окатило ужасное зловоние, намного отвратительнее, чем запах экскрементов или гнили, хотя к нему примешивалось и то, и другое. Маратиен прикрыла лицо рукой, испытывая отвращение. Бабуле Ветоши было все равно.

— Я так ждала… — выдохнула она.

Треугольная дверь раскрылась, и изнутри, несомые этим дурным воздухом, послышались голоса расплода, их треск, шипение и шепот; громкость их голосов нарастала по мере того, как от улья к улью распространялись новости, что настал Час Часов. Бабуля Ветошь вновь сунула руку в складки платья и вытащила тонкую черную палочку. Затем, тихо приказав Маратиен следовать за ней и далеко не отходить, вошла в Пирамиду. Единственный свет здесь был лунным — он проник внутрь вместе с ними. Но ему не удалось обнаружить тайны внутренней структуры пирамиды.

— Будь готова, — сказала девушке Бабуля Ветошь.

Она подняла палочку, и ее конец внезапно вспыхнул. Источник света был крошечным, но от него во всех направлениях разлетались десятки, а затем сотни, тысячи капель света, и каждая была столь же яркой и даже ярче самой первой, неся за собой светящуюся нить, висевшую в воздухе подобно паутине светоносного паука. Расширяясь, эта паутина начала расплетать тьму, открывая Маратиен и ее попечительнице вид на внутренности Пирамиды. Матриарх никак не подготовила девушку к тому, что предстало ее взору.

Расплод находился повсюду, и каждая его особь была уникальна. Были ли это огромные насекомые, крылатые рептилии

или их порочные потомки? У некоторых имелись сотни конечностей, скопища глаз, напоминавших блестящие черные яйца, и тела, что свивались сами в себя, как гнездо змей. Плоть других кишела паразитами, которые в свою очередь служили местом кормежки разбухших клещей. Другие петлями свисали с высоких потолков Пирамиды, а в их светящихся телах хранилась студневидная икра. Кто-то носился по полу с такой скоростью, что их колючих тел было попросту не разглядеть.

Однако все эти детали не отвлекли Бабулю Ветошь от цели, с которой она сюда пришла.

— Я знаю, что многие из вас годами ждали этого Часа, — сказала она негромко, но ее голос разнесся по всему пространству Пирамиды. — *С вашим ожиданием покончено. Поднимитесь, вы все! И принесите мне мою Полночь!*

Не дожидаясь ответа, она указала черной палочкой на ось Пирамиды. Последняя нить огня ударилась о ее вершину. В отличие от прежних посланцев света, она исчезла мгновенно, запустив механизм, находившийся в глубинах Пирамиды. Всю структуру сотряс прерывистый мощный рев, похожий на удары огромного барабана.

— Что происходит? — спросила Маратиен.

— Они освобождаются, чтобы сделать то, ради чего родились, — ответила Бабуля Ветошь. — Смотри.

Она обратила внимание девушки на место, куда отправила пусковой импульс. Теперь наверху виднелись посеребренные луной облака с разбросанными по небу звездами. Пирамида открывалась: ее стороны больше не сходились в одной точке, а распускались, как цветок с тремя лепестками. Двигать каменные стены такой величины было непросто, и процесс шел медленно. Однако расплод уже чуял близкую свободу.

По многочисленным особям прокатились волны оживления. Некоторые из тех, что находились под самой крышей, взмыли к отверстию между тремя остриями и рванули навстречу лунному свету, бесстрашно вылетая в ночь. Их побег вдохновил представителей расплода, цеплявшихся за стены Пирамиды, чтобы тоже подняться в воздух, и скоро все ее внутреннее пространство наполнилось шумом крыльев.

По мере раскрытия Пирамиды лучей лунного света становилось все больше, и вид небес ускорил распространение новостей до самых глубоких ульев. Пол массивной структуры, построенной мастерами, умевшими укладывать каменные блоки размером с гору, вибрировал от движения миллионов крыльев, каждое из которых легко било по воздуху.

Приближалась Полночь.

Глава 30
Иссушение призрака

Аппарат, к которому техники Билла Квокенбуша, Эллиот и Томпсон, привязали Кэнди, был не из тех, которые создавались в Иноземье. Конструкция, крепившаяся к стене за алтарным пологом, представляла большое, беспорядочное собрание вещей, взятых, быть может, в большой аптеке на Мейн-стрит, а также барахла из гаражей и остатков куриной фабрики.

Однако управляли им магические механизмы, которых, как понимала Кэнди, найти в Цыптауне было невозможно, если только их не принесло сюда благодаря наводнению. Но скорее всего, думала (нет, *опасалась)* Кэнди, их доставили прямо из Абарата, а это означало, что торговля между двумя мирами началась вновь. Хотя, возможно, она никогда не прекращалась, и все, что требовалось ее отцу при поиске деталей для своей машины, это встретиться с нужными людьми.

Две части прибора несли на себе явный отпечаток абаратской технологии. В центре машины стоял метровый шар из поцарапанного стекла, пульсирующий силой. От него исходил сладкий металлический запах, как во время летней грозы. Второй элемент абаратского дизайна представлял собой странный механизм, на котором этот шар располагался. Он был похож на внутренности старого телевизора, чуть расплавленные и отданные семейству крошечных белых жучков, которые угнездились в нем и теперь жили внутри, двигаясь с такой скоростью, что их форма казалась размытой.

Имелась и третья вещь — кресло.

— Садись, — произнес отец. — Живее. И прежде, чем ты выкинешь какой-нибудь трюк, помни: твоя мать дома, и она спит. Беззащитная. Поняла меня?

Кэнди кивнула.

— Скажи.

— Я поняла, — тихо произнесла она, садясь в кресло.

— Сэр, могу я выйти наружу? — спросил один мужчина, когда Эллиот и Томпсон начали разворачивать длинные трубки с иглами на концах. — Я всегда плохо переносил все эти медицинские процедуры.

— Нет, Фаттерман, — отрезал Билл Квокенбуш. Нервный мужчина, в котором Кэнди только сейчас признала менеджера супермаркета на Райли-стрит, неохотно подчинился приказу проповедника. Билл схватил его за руку и притянул к себе. — Ты

останешься *здесь*…

— Да? Мне кажется…

— Мне все равно, что тебе кажется. Я священник этой церкви, и если ты хочешь пребывать под сенью Господа, то лучше делай, как я говорю!

Фаттерман смиренно застыл на месте. Его лицо побелело, как полотно. Кэнди стало его жаль. Он был явно испуган. Он почувствовал, что она на него смотрит, и его глаза стрельнули в ее направлении. Кэнди отчаянно хотелось подарить ему хоть какую-то надежду, поселить в его сознании мысль: *Все будет хорошо. Проповедник — просто драчун, который отыскал волшебные шляпы. У него нет настоящей силы.*

Эти заботы отвлекали Кэнди от собственных проблем до тех пор, пока по легкому кивку проповедника Эллиот и Томпсон, работавшие с изумительной слаженностью, не опустились на колени по обе стороны от полурасплавленного телевизора с белыми жуками, вытащив оттуда длинные черно-желтые шнуры. На концах шнуров располагались маленькие диски с крышками, которые мужчины аккуратно отвинтили.

— А теперь, пожалуй, можно начинать, — сказал Билл.

Он протянул руку и щелкнул переключателем за спиной Кэнди. Машина глубоко и печально загудела. Томпсон и Элиот повернули ладони Кэнди и поместили на них диски.

— Гнезда Сочильщиков на месте, сэр. Мы готовы.

Билл нажал еще два переключателя, и Кэнди почувствовала, как в ее тело пробирается нечто болезненное и отвратительное. Гнезда Сочильщиков пронзили плоть ее прозрачных ладоней и начали распространять по рукам свои тонкие щупальца. Она слышала голод прожорливых существ, названных Сочильщиками. Внезапно ее охватила слабость, словно из нее высасывали жизненную силу.

— Папа, прошу… — пробормотала Кэнди во сне.

— Вы это слышали? — вздрогнул Шалопуто. — Она говорит со своим отцом?

— Этот человек — настоящий псих, — сказал Джон Ворчун.

— Она сумеет с ним разобраться, — проговорил Джон Филей.

— Разве похоже на то, что она сумеет? — спросил Джон Змей.

— Она говорит так, будто умирает, — сказала Женева.

— Ей просто снится сон, — возразил Хват.

— Да ты посмотри на беднягу, — сказал Джон Змей. — Они ее *мучают.* Нам надо что-то делать!

— Думаю, он прав, — сказал Том. — Ей явно больно.

Выражение лица Кэнди становилось все более

взволнованным. Шалопуто посмотрел на братьев Джонов, на Тома и Женеву, наблюдавших за Кэнди и отражавших ее боль на собственных лицах.

— Ты должен ее разбудить, — сказала Женева.

— Но что случится, если мы это сделаем? Она никогда такой не была, — ответил Шалопуто.

— Да, — пробормотала она. — Ты вынуждаешь меня усомниться в собственной интуиции.

— Что думаешь, Шалопуто? — спросил Том.

— Я думаю… — тихо начал он и, сделав глубокий вздох, продолжил: — Я думаю, что у нас нет выбора — надо довериться тому, что она делает.

— Не похоже, чтобы она это знала, — заметил Джон Змей.

— С ней все будет хорошо, — ответил Шалопуто. — Я в нее верю.

Глава 31
Стая

«И когда же я стала такой *аппетитной?»,* подумала Кэнди. В последнее время она оказывалась блюдом в меню многих. Во-первых, атака зетеков, которые откусили бы у нее приличный кусок плоти, если б она их не прогнала. Затем, разумеется, Боа, намеревавшаяся заполучить новое тело, забрав у Кэнди энергию. А теперь самый невероятный вор из всех — ее собственный отец.

Машина, насколько она понимала, разглядывая ее краем глаза, пожирала видения. Нет, не видения: видения — это лишь образы, которыми пассивно наслаждаешься; машина забирала опыт, и опыт великолепный.

Все ее прекрасные переживания и воспоминания похищались, всасываясь в большие сосуды, стоявшие в центре аппарата. И машина вытягивала из нее не только одну жизнь — она забирала все жизни, которые Кэнди видела или чувствовала в Абарате. Ее любопытная душа так или иначе коснулась их всех, сделав своими духовными братьями. Они оставались с ней и после того, как их физические формы исчезали из виду: сюрреалистические жители улицы Марапоча; Джимоти, ведущий армию кошек тарри в бой против костяных существ на острове Простофиль; морские прыгуны на волнах Изабеллы. Она боролась с зетеками, с тварями Ифрита, уже не говоря о Тлене и его бабке.

Некоторые воспоминания были подобны ночным кошмарам, но она хранила их не без причины. Все они были частью нее, и она хотела их вернуть. Проживая этот опыт во всей его странности, она начинала лучше понимать себя. Если отец заберет их, то Кэнди, которой она стала — истинная Кэнди, — просто-напросто исчезнет.

— Этого… не… случится, — пробормотала она.

— Преподобный?

— В чем дело, Норма? — спросил тот, изучая показания машины-похитительницы.

— Девочка что-то сказала, Билл.

— Ты должна звать меня преподобным. Поняла, Норма? И я слышал. Просто мне все равно.

— По-моему, следует…

— Я сказал, что мне все равно. Стоп. *Стоп!* Это неверные показатели! — Он взглянул на Кэнди. В ее эфирном теле, где ожесточенно крутились Сочильщики, пульсировал свет. — Стой! Ты не можешь этого делать!

— Ты удивишься… тому, что я могу… делать…

— Смотрите! По-моему, ей лучше. Что бы с ней прежде не происходило, она это контролирует, — произнес Шалопуто.

— Ты должна умереть, — сказал отец. — Прекрати сопротивляться.

— Мои воспоминания об Абарате тебе не принадлежат!

— Она становится все возбужденнее, — проговорила Женева. — Взгляните, как быстро движутся под веками глаза. Она на что-то смотрит.

— Да, — сказал Шалопуто, который тоже пристально следил за движением ее глаз. — Такое впечатление, что она смотрит вниз.

— Может, на руки? — спросила Бетти.

Кэнди, спящая на пароме, продолжала цепляться за пустоту. Мышцы на пальцах натянулись, словно струны.

— Что это чудовище с ней творит? — пробормотал Том.

— Я родилась с Абаратом в сердце, — закричала Кэнди. — Я *должна* была там оказаться!

— Что ж, можешь больше не беспокоиться, скоро ты не вспомнишь ни слова.

— Я буду помнить его всегда, — возразила она. — Абарат. Абарат. Ты никогда не отнимешь его у меня. Абарат. Абарат. Аба…

Повторение этих трех слогов прервал голос, раздавшийся с другого конца церкви.

— Пап! Мне скучно! На улице ничего не происходит, — громко сказал Рики, входя в церковь и направляясь по проходу к алтарю.

— Рики, я велел тебе оставаться на улице. Выметайся отсюда! Ну за что меня прокляли детьми-идиотами!

Услышав оскорбления отца, Рики застыл на месте. Глаза его наполнились слезами.

— Папа…

— Я сказал, убирайся! Это зрелище не для тебя.

В эту секунду Рики увидел привязанную к машине Кэнди и скользких Сочильщиков, пробиравшихся по ее рукам к груди, высасывая из нее жизнь и саму ее сущность.

— Что вы с ней делаете? — На его лице появилось выражение глубокого отвращения. Вопрос превратился в разъяренный крик. — *Что вы, уроды, с ней творите!*

— Это не твое чертово дело!

— Да вы посмотрите на нее! Боже! Вы ее мучаете!

— Иди домой! — сказал Билл с угрожающим рыком в голосе. — Если сейчас же отсюда не уберешься, пожалеешь.

— Я уже жалею. Я думал, ты изменился, но это не так. Ты… плохой. Испорченный!

— Томпсон, держи его.

Дородный Томпсон оттолкнул со своего пути соседа и попытался поймать Рики. Однако тот не имел ни малейшего желания попадаться. Он метнулся назад по центральному проходу, схватил складной стул, стоявший у самого края ряда, и швырнул его в Томпсона, которому удалось увернуться прежде, чем его ударил первый стул, но все же недостаточно быстро, чтобы отпрянуть от второго. Второй стул врезался в него с такой силой, что он — а не стул, — сложился пополам и немедленно оказался под целым шквалом мебели, упав на пол.

Кэнди знала: второго шанса избавиться от отца и машины у нее не будет. Она опустила голову, сделав вид, будто потеряла сознание, и уловка сработала. Краем глаза она заметила, что отец осмотрел ее, решил, что она не создаст проблем, и начал пробираться через кучу сваленных стульев по направлению к Рики.

— Мне нужна помощь! — крикнул он своим малочисленным прихожанам. — Он же просто ребенок! Он ничего вам не сделает!

Не успел он закончить фразу, как Рики доказал обратное, схватив обеими руками один из сложенных стульев и ударив им мисс Шварц. Та свалилась на пол, по пути сбив с ног Эллиота.

Кэнди должна была вытащить из себя извивающихся Сочильщиков, но делать это приходилось быстро. Билл не станет отвлекаться надолго. Через несколько секунд он вернется, чтобы закончить свои дела. Она подняла ко рту ладонь, насколько ей позволяла привязанная рука, и согнулась, пытаясь вытащить Сочильщиков зубами. Следовало торопиться. На брезгливость не было времени.

Давай, сказала она себе и, больше не размышляя, сомкнула зубы и откусила им головы.

На вкус плоть казалась гнилой и скользкой, но как только она их укусила, шевелящиеся щупальца обмякли и замерли. Она вытянула их зубами и выплюнула на пол.

Машине совсем не понравилось внезапное изменение событий. Через несколько секунд, за которые Кэнди выдрала из себя Сочильщиков, она обернулась и увидела, что каждый элемент прибора, способный к движению, зарегистрировал внезапное изменение: индикаторы дрожали, лампочки мигали, а

сосуды, в которых хранились награбленные воспоминания и опыт, звенели и подпрыгивали в своих металлических клетках. Скоро ей перестанет везти. Через несколько секунд отец оставит свою беспорядочную борьбу на куче складных стульев и увидит, что она собирается бежать.

Однако тревогу поднял не Билл Квокенбуш, а плачущий мистер Флаттерман, забытый на земле в своем обмороке. Открыв глаза, он увидел Кэнди, кусавшую скользких Сочильщиков и выплевывавшую их на пол.

— Меня сейчас стошнит, — проговорил он, и его слова прозвучали неожиданно громко, придясь на паузу, возникшую посреди шума и криков.

Кэнди соскользнула с алтаря, и когда ее ноги оказались на полу, шум драки почти полностью стих. Она подняла голову. Отец поворачивался, и его глаза уже были прикованы к ней. Кэнди не могла разобрать того потока проклятий, которые он произносил, но в нем разгоралась настоящая ярость. Притянув правую руку к боку на уровне живота, он выставил ладонь вперед и согнул пальцы. Потом быстро повернул кистью против часовой стрелки и назад. В ту же секунду перевернутые стулья, лежавшие в пространстве между отцом и дочерью, разделились, заскрежетали на полированных досках и унеслись прочь невидимой силой, переворачиваясь и волочась по полу согласно воле Билла.

Несколько человек из группы проповедника взвизгнули (громче всех — мистер Эллиот) и решили, что на сегодня с них хватит. Они начали пробираться к дверям, сперва шагом, затем бегом. Но все же недостаточно быстро. Билл повернулся спиной к алтарю и переключил свое внимание на выход. Кэнди не знала, делал ли он еще один жест, или это его воля заставила большие двери захлопнуться, а замки — с шумом встать на свои места.

Норма Липник оказалась ближе всего к закрытым дверям. Теперь, потрясенная грохотом, она пятилась назад, обращаясь к своему проповеднику.

— Прошу, преподобный! — говорила она теплым, спокойным голосом, который использовала, если в гостинице начинались сложности. — Мне действительно пора идти.

— Так это не делается, женщина!

— Вы не понимаете…

Хорошо, подумала Кэнди, *продолжай говорить, Норма*. Все те секунды, которые Билл Квокенбуш тратил на Норму Липник, Кэнди обдумывала то, как ей вернуть драгоценные знания.

На слабых ноющих ногах она обошла алтарь и приблизилась к прибору. Сосуды, хранившие ее воспоминания, будто

чувствовали, что она намеревается их вернуть, словно существовала тонкая нить мыслей, связывающая ее сознание и похищенный опыт. Вещество в сосудах — оно жидкое или газообразное? Возможно, оно было и таким, и таким. Чувствуя ее близость, оно билось о стекло. В возбужденном состоянии бесцветное вещество потемнело и приобрело фиолетово-серый оттенок, словно грозовая туча, внутри которой распускались разноцветные молнии.

Она потрясенно смотрела на это, когда услышала голос отца, несущийся к ней через всю церковь:

— *Если дотронешься до моей машины, я тебя убью!*

Глава 32
Святотатство

Кэнди вовремя обернулась и увидела, как отец создает три тонкие стрелы с серебристыми наконечниками. Сверкая, они летели прямо на нее, и она ощутила в животе тошноту, словно они были нацелены на ее внутренности.

Она дождалась, пока они окажутся у другой стороны алтаря, и рванула прочь, в самую последнюю секунду заставив непослушные ноги отпрянуть с их пути. Стрелы были слишком близко, чтобы успеть сменить направление, и ударили туда, где она только что стояла. Первая стрела попала в середину прибора, породив дугу желто-зеленых молний, а две другие ударили в сосуды, которые мгновенно взорвались. Их содержимое вылетело расширяющимися облаками и внезапно вспыхнуло, словно яркий костер. Воспоминания вернулись к своей хозяйке, исполнив радостный танец освобождения, несколько раз покружившись вокруг Кэнди, а потом мгновенно оказавшись внутри нее.

О, что это было за блаженство! Чистая радость воссоединения с самой собой. Ее голова походила на сосуд, наполнявшийся содержимым огромного водохранилища: образы, которые она позабыла, на краткий миг вспыхивали в ее сознании, и их сменяли другие, демонстрируя всю свою красоту. Птица, башня, раб, лицо, десять лиц, сотни лиц, луна в ветвях деревьев, стакан воды, волна, слеза, смеющаяся бабочка, ее мама, Рики, Дон, Диаманда, Тлен, Дом Мертвеца, Вебба Гаснущий День, бутылка рома, Каспар, Шалопуто… о, Шалопуто, Шалопуто, Шалопуто…

Она смеялась во сне и произносила его имя.

— Шалопуто! Шалопуто! Шалопуто!

— Думаю, худшее позади, — осторожно предположила Женева.

— Будем надеяться, — сказал Джон Хват. — Потому что мое сердце больше этого не вынесет.

— *Твое* сердце? — возмутился Джон Соня. — А *мое* вынесет?

После его жалобы проснулись и все остальные:

— И мое!

— И я!

— А ну хватит скулить! — рявкнул Двупалый Том. — Ничего еще не кончилось.

Кэнди направила свою волю на другие сосуды. В ней не было гнева или злости. Удовольствие от воссоединения очистило ее, и

эта чистота придала взрывам большую силу. Все сосуды, кроме одного, взорвались, и воспоминания Кэнди, ее размышления, молитвы, сны и откровения, вернулись к ней во всем своем великолепии, беспорядке и богатстве.

— *Ах ты глупая корова!* — заорал отец.

Он бросился на лежавшие между ними препятствия, раскидывая в стороны и стулья, и людей, а потом ринулся к ней. По его лицу было ясно, что он хочет сделать. В своем наказании он больше не собирался полагаться на магию. Он был намерен разобраться с ней старым привычным для себя способом — руками. Он приближался быстро. Быстрее, чем можно было ожидать, учитывая его пивной живот и неуклюжую походку. От ярости его лицо покраснело, как свекла, пожелтевшие зубы стиснулись, цвет и блеск его глаз полностью померк — остались две черных щели, чего было вполне достаточно, чтобы раскрыть их истинную жуть.

Не сводя с него глаз, она протянула руку к последнему сосуду, выдернула из крепления, подняла над головой и изо всех сил, которые еще оставались в ослабевших руках, швырнула его себе под ноги. Долгожданный звон разбивающегося стекла почти немедленно заглушило мягкое шипение содержимого: вырвавшись наружу, оно превратилось в шар разноцветного дыма, каждую секунду удваиваясь в размерах и демонстрируя необузданные цветовые переливы; дым изящно изгибался, устремляясь вверх, пока не поднялся на несколько футов от источника и с головокружительной скоростью взорвался снова, достигнув потолка. Послышался громкий, резкий звук, и одна из потолочных балок треснула. На пол посыпались фрагменты штукатурки, раздробившись на мелкие осколки.

— *Как ты посмела!* — закричал Билл с такими нелепо театральными интонациями, что она едва не рассмеялась. — *Это священное место!*

Теперь к ней вернулись взорвавшиеся под потолком мысли и воспоминания из последнего сосуда. Она почти восстановила свою целостность. Опыт она вернула, но на этом идеи кончились. Она тихо прошептала:

— Диаманда, если ты меня слышишь… пожалуйста, помоги…

Прогуливаясь по берегу Двадцать Пятого Часа со своим бывшим мужем, любовью всей ее жизни (и посмертия) — печальным призраком из номера 19 Генри Мракиттом, — Диаманда услышала зов. Она мгновенно узнала голос.

— Меня зовет Кэнди, — сказала она. — Надо идти. Она в опасности.

Отец стремительно рванулся, схватил Кэнди большими, тяжелыми руками, словно вместо костей в них был свинец, и ударил по лицу.

Кэнди почти рефлекторно переключила свое внимание с искаженного лица Билла на еще менее приятное создание — Больного Смехуна, одного из чудовищ Ифрита, который ходил на задних лапах, и чью шкуру покрывали фиолетово-синие иглы. Она спроецировала образ на пространство за спиной отца, постепенно добавляя к нему детали. Передние лапы с острыми, как бритва, когтями. Голова, которая открывалась, словно гротескный цветок с единственным лепестком, алым и влажным, что вытягивался, обнажая в центре широкую зубастую пасть. Хотя он был создан из пыли, света и воспоминаний, вызванный к жизни силами, которые она вновь обрела, у него было достаточно собственной воли, чтобы направить свою ярость на испуганных глупцов, бродящих среди перевернутых стульев. Он взревел, и разноцветные церковные стекла вылетели из рам.

— Преподобный! — воскликнул Фаттерман. Он пополз прочь от места своего падения и был теперь у самых ног Билла. — Простите ее! Пожалуйста! Вы Божий человек. Призовите ангела. Пусть этот зверь уйдет.

— Ничего там нет, — сказал Билл Квокенбуш, удерживая Кэнди. Его пальцы сомкнулись у нее на шее, сдавив гортань и перекрыв доступ воздуха. — Это всего лишь иллюзия, которую породила моя идиотская дочь.

— Тогда пусть она ее прогонит.

— Ты слышала его, Кэнди? Прогони тварь, — сказал Билл, сильнее сжимая ее горло.

— … не… могу… — прохрипела она.

— Не можешь или *не хочешь?*

Вопреки своему отчаянному положению, Кэнди умудрилась слегка улыбнуться.

— Тогда прощай, — прозаично сказал отец. Он говорил правду. — Ты мне не дочь. Я не знаю, чья ты такая, но точно не моя.

Он вновь сдавил ее шею. Она боролась за каждый глоток воздуха, но больше не могла дышать. Мысленно она призывала к себе тварь Ифрита. Зверь приблизился. Она увидела, как тот возвышается над головой отца, как внутри вытянутой плоти вокруг его рта бьются вены. Билл заметил отражение зверя в ее глазах, повернулся, и за мгновение до того, как она потеряла сознание, его хватка ослабла. Она вырвалась из его рук и соскользнула вниз по стене, хватая ртом воздух.

Больной Смехун склонился над ее отцом. Из отверстого рта прямо ему в лицо стекала слюна. Вероятно, она была жгучей, поскольку Билл выругался, а затем выпустил в Смехуна свои стрелы с серебристыми наконечниками. Когда они вонзились в зверя, он свернулся и рассыпался, словно дым, но вернул себе форму, как только стрелы пролетели сквозь него.

— Как ты посмела притащить эту заразу в священное место! — заорал он.

Повернувшись лицом к миражу, он пускал в него стрелу за стрелой. Из-за частоты этих выстрелов образ не мог поддерживать свою форму. Отверстий в Смехуне становилось все больше, вещество, из которого он состоял, истончалось и, наконец, полностью рассеялось. Некоторое время все приходили в себя. Не дожидаясь, пока отец вновь на нее нападет, Кэнди заторопилась к дверям.

— Выхода нет! — прокричал он ей в спину.

Она видела, как Билл захлопнул дверь перед Нормой Липник, но это не помешает ей открыть их и выбраться на улицу.

— *Да поймайте же ее, идиоты!* — заорал отец. — *Не выпускайте ее отсюда!*

Они видели, на что способен их преподобный, и из слепого страха сделали то, что он велел. Кэнди глядела в пол, но уголком глаза заметила, что люди ее отца приближаются к ней слева и справа. До дверей ей не успеть. Она заставляла свои ослабевшие ноги двигаться, пока те не заболели, но скорости все равно не хватало.

— Тащите ее сюда! — кричал Билл. — Первый, кто ее схватит, получит долю из чаши ее силы. После меня, конечно.

Отец, собиравшийся раздать ее по частям другим так, будто она была его собственностью? Это уж слишком! Она остановилась и развернулась к нему лицом.

— Ты прав! — закричала она через всю церковь. — Я не твоя дочь! Ты меня не знаешь! Никогда не знал и никогда не узнаешь! Я принадлежу…

— … Абарату, — закончила Кэнди во сне.

— Да, она такая, — тихо произнес Шалопуто.

— Это, конечно, прекрасно, — пробормотал Джон Хват, — но я надеюсь, что это не ее последние слова!

Кэнди не стала возвращаться к алтарю. Она знала, что туда ей не добраться. Люди преподобного находились всего в нескольких шагах от нее. Она подняла руки ладонями вверх.

— Если хотите меня взять, — сказала она, глядя на них с

откровенным презрением, — то вперед. Но осторожнее. Я кусаюсь.

— Не обращайте внимания! — рявкнул Билл. — У нее нет настоящей силы!

Пятеро из его людей послушались своего пастуха и бросились, чтобы ее схватить. В эту секунду двери содрогнулись, и болты, которыми удерживались на месте металлические задвижки, вылетели из своих гнезд. Через секунду то же произошло с засовами.

Пятеро смельчаков, попытавшихся схватить ее, передумали. Лишь отец Деборы Хакбарт (которая когда-то была подругой Кэнди, а позже стала грозой всей школьной площадки) выступил вперед, чтобы сделать то, от чего отказались остальные. В школе его дочь всегда хвасталась благородным происхождением; отсюда, говорила она, ее изящная фигура и великолепные манеры. Однако если все это у нее и было, то унаследовала она их не у толстого отца, который теперь больно вцепился Кэнди в руку.

Она почувствовала на лице движение воздуха, и знакомый голос произнес:

— Немедленно отпусти ее.

Кэнди посмотрела на дверь, откуда шел голос. Хотя она была закрыта, сквозь нее прошли Диаманда и Генри Мракитт, стоявшие теперь внутри церкви.

— Я сказала, отпусти, — повторила Диаманда. — Не вынуждай меня заставлять.

— Хотел бы я на это посмотреть, — хохотнул отец Деборы.

— Как скажешь.

Она начала шептать; произнесенные слова образовали перед ее лицом клубящееся облако, которое набросилось на Хакбарта по едва заметному движению ее указательного пальца. Через секунду слова уже были на нем, кружась у головы. Свободной рукой он пытался от них отмахнуться, но это не помогло: они жалили его, вызвав у Хакбарта взрыв ругани. Он отпустил Кэнди и начал обеими руками их прогонять.

— Ты должна проснуться! — сказала Диаманда.

— А мама? Я не могу…

— Я о ней позабочусь. Возвращайся в Абарат. *Немедленно!* Ты нужна там.

Кэнди начала пробуждаться. Она слышала, как Диаманда говорит ей вдогонку:

— Защити их, дитя! Ты единственная, кто может ее остановить.

— Остановить кого? — пробормотала она.

— Войну. Войну между Ночью и…

Кэнди открыла глаза, и последнее слово Диаманды — «Днем», — упало на ничейную землю между снами и пробуждением. Она огляделась и увидела своих друзей — Шалопуто, братьев Джонов, Женеву и Тома.

— Все в порядке, — сказала она. — Я вернулась.

Глава 23
Больше не чужой

Конечно, у всех немедленно возникли вопросы. Где Кэнди побывала? Кто (или что) встретился ей на пути? С чем она так отчаянно боролась в своем сне?

— Это непросто объяснить, — сказала Кэнди. — И я хочу есть. Может, мы где-нибудь поедим, и я вам всё расскажу?

Предложение было поддержано единогласно. Проголодались все.

— Мы пойдем вперед, — сказал Хват, — поищем, где остановиться. Восемь пар глаз лучше, чем одна.

С этими словами он и его братья спустились по трапу на пристань, а остальные неторопливо последовали за ними. Кэнди поразила стоявшая в гавани странная тишина. Хотя пристань не была пустой — на лодках у причала трудились рыбаки, а улицы, что вели в город, заполняли люди, — все говорили очень тихо. Не слышалось ни криков, ни ругани рыбаков, ни смеха и болтовни женщин на рынке. Помалкивали даже большие абаратские чайки, гораздо более шумные, чем их родственницы в Иноземье. На самом деле их, за исключением самых старых, едва ли способных летать, в гавани не было вообще. Они пропали, и единственным указателем на их количество в прошлом являлись белые пятна, усеявшие дамбу там, где они когда-то сидели.

Кэнди незаметно тронула Шалопуто за руку.

— По-моему, здесь что-то не то.

— Я тоже так думаю, — ответил он тихо. — Но что?

В поисках ответа Кэнди внимательно осматривала улицы города, выстроенного на крутом склоне высокого холма. Вдоль извилистых улочек стояли аккуратные побеленные дома. Многие окна были закрыты, занавески опущены. Жители города не хотели даже смотреть наружу, тем более выходить.

— О нет, — пробормотал Шалопуто.

— Что?

Она посмотрела на него. Тот поднял голову к небу, и она сделала то же самое.

Наверху дул ветер, неся в северном направлении огромную флотилию облаков. Однако взгляд Шалопуто был прикован не к облакам. Среди них летели птицы. Это была массовая миграция: мигрировали не только морские птицы, населявшие гавань, а сотни и даже тысячи видов, облик которых нередко подвергал сомнению само определение птиц. Одна стая походила на

крылатых кабанов, другая — на оперенных стрекоз. Их величину трудно было определить с земли, но если кабаны были размером со свиней, то стрекозы — не меньше чаек. Гиганты в этой беспорядочной стае, создания величиной с самолет, держались выше всех и обладали похожими раздутыми телами, выпускавшими за собой потоки мерцающих щупалец, вроде хвостов бесчисленных змеев, переплетенных с гирляндами елочных огней в четверть мили длиной.

— Их так много, — в изумлении проговорила Женева. Затем мрачно добавила:

— Куда они летят?

— Вы такое раньше видели? — спросила Кэнди.

— Нет, никогда, — ответил Шалопуто. — Даже в детстве.

— И я тоже.

Все вокруг отрицательно покачали головами.

— Вдоль гавани много мест, где можно поесть, — объявил вернувшийся Хват с братьями.

— Там в основном рыба, — сказал Джон Хнык.

— Только рыба, — поправил Джон Филей.

— Крабы и кальмары, — сказал Джон Ворчун.

— Все равно рыба, — возразил Джон Филей.

— Краб — не рыба, — сказал Джон Соня.

— Давайте просто поедим, — прервал их Том.

Кэнди посмотрела на Шалопуто. Огромная мигрирующая стая птиц исчезла. Они пролетели, и больше обсуждать было нечего.

— Согласна, — сказала Кэнди.

Они бродили вдоль маленьких кафе и ресторанов, расположенных у гавани, оценивая вывешенные на улице меню. Но к ним быстро выходили встревоженные владельцы заведений, сообщая плохие новости. Обед сегодня будет позже. Ничего не поджарено, не сварено и не выпотрошено, поскольку никто пока не доставил свой улов. Все пытались сделать вид, что подобная задержка незначительна, что это обычное дело. Но Кэнди было не обмануть.

— Где они ловят рыбу? — спросила она одного из хозяев.

— К западу отсюда, — ответил хозяин, — в проливах между Гномоном и Горгоссиумом.

Запад, подумала Кэнди. *Оттуда эти птицы и летят. Что происходит? Скорее всего, что-то на Горгоссиуме.*

Поскольку рестораны у гавани не могли ничего им предложить, они решили подняться в город и поискать что-нибудь еще. Крутые вымощенные булыжниками улицы затрудняли подъем. Но наградой им служил смех играющих детей. Рыночная улица была полна народу, однако даже в такой

толпе трудно было не заметить возвышавшегося над ней зеленокожего человека с пронзительными глазами. Это выглядело странно, поскольку зеленый человек был весьма невысокого роста.

— Вы посмотрите, кто здесь, — сказала Кэнди с улыбкой. — Это же Эдди Профи!

— Где? — спросил Шалопуто.

— Да вот же, прямо перед нами. И он стоит на плечах Бетти Гром.

— Эдди и Бетти? — сказал Двупалый Том. — Ты это придумала?

— Они актеры, — объяснил Шалопуто. — Когда-то они поставили о нас пьесу. Было очень смешно.

— Я никого не вижу, — сказал Джон Хват, самый низкий из братьев.

Том приподнялся на цыпочки и кивнул.

— Ага, вижу. Вы только гляньте. Она роскошна. Все эти блестки. А мышцы какие!

Они появились из толпы, и теперь все могли видеть, что их сопровождает приятель-сценарист, пятифутовая обезьяна Клайд, махавший им рукой.

— Так-так-так, — сказал Эдди Профи. — Да это Квэнди Крокенвдуш и ее приятель Капуто!

Кроме Кэнди и Шалопуто, никто ничего не понял.

— Как я люблю воссоединения! — сказала Кэнди и начала всех друг другу представлять.

Перезнакомившись, они решили, что следующим в списке их дел стоит обед, и направились вверх по улицам Смеха-До-Упаду. Одна из них заканчивалась рынком со всевозможными товарами. Здесь продавались плоды Часа, одаренного солнцем и дождями, бесконечные ароматы утра поздней весны и даже некоторые фрукты, названия которых Кэнди были известны — абаратские виды вроде тантаренты, гнилушек доэманны и кутури, — однако гораздо больше на прилавках было того, чего она не знала.

— Запретные плоды, — сказал Эдди Профи и взял один фрукт весьма пышных форм. — Это большая девочка, — добавил он с хитрой усмешкой. — Похожа на тебя, Бетти.

Фрукт действительно напоминал весьма соблазнительную женскую фигуру. Бетти не обиделась.

— Если это я, то я его и возьму, — сказала она.

— Это лучшие морианы из всех, что у нас были за долгое время, — сообщил торговец.

— А в чем подвох? — спросила Кэнди.

— Скажи ей, — ответила Бетти, откусив голову морианы, а

затем и верхнюю часть фрукта. Запах его розовой мякоти был такой вкусный, что от удовольствия у Кэнди закружилась голова.

— Ух ты! — сказала она.

— Отличные, правда? Но я тебе не дам. Попроси Эдди, пусть он купит тебе другой, — сказала Бетти.

— Почему я должен…

— Ты купил *мне,* — сказала Бетти.

— И я за это должен платить?

— Кстати, где деньги? — спросил древозубый торговец.

— Я заплачу за один, — и Эдди показал торговцу один крючковатый зеленый палец.

— Одна мориана стоит семь патерземов.

— Семь! — воскликнула Кэнди. — Ничего себе!

— Ты где была? — хмыкнул торговец. — Сейчас патерзем стоит меньше, чем раньше.

Пока Эдди платил за фрукт Бетти, Кэнди шарила по карманам. У нее оказалось всего два патерзема и мелочь.

— Где Шалопуто? — спросила она себя вслух. — У него вся наша наличность.

Сказав, что она идет искать Шалопуто, Кэнди отправилась вдоль ряда прилавков, решив, что он где-то впереди. Она удивилась, не обнаружив его поблизости — вероятно, он ушел исследовать более интересные места. Кроме того, зная Шалопуто, можно было предположить, что он смотрит представление театра марионеток, выступавшего перед детьми и взрослыми в самом конце улицы. Она начала пробираться сквозь толпу к театру кукол, то и дело поднимаясь на цыпочки или подпрыгивая в надежде его увидеть.

Подпрыгнув в третий раз, она его заметила. Однако он был не на улице. Когда их с Кэнди разделили в Балаганиуме, ему сильно не поздоровилось. Это его напугало, и в толпе он чувствовал себя неуютно, поэтому, вероятно, решил на время выбраться из давки. Теперь он стоял в тенистом узком переулке и махал ей рукой.

— Вот ты где! — крикнула она и направилась к нему через улицу. Оказавшись на другой стороне, она осторожно проскользнула между двумя прилавками, заваленными всякой снедью, и вышла с яркой, шумной улицы в тихую тенистую аллею.

— Я была уверена, что ты смотришь кукольное представление, — сказала Кэнди.

— Я немного посмотрел, — ответил Шалопуто. — Но там все одно и то же. Ты понимаешь…

— Не очень, — ответила Кэнди, немного сбитая с толку.

— Понимаешь. Любовь и Смерть. Всегда Любовь и Смерть. Хотя, если это куклы, ты, по крайней мере, видишь вещи такими, какие они есть — что всех дергают за свои ниточки.

Обычно Шалопуто не шутил. Кэнди рассмеялась, хотя ей показалось, что в его замечании имеется глубина, которую трудно связать с Шалопуто и его жизнью.

— Ты от меня что-то скрываешь? — спросила она.

Теперь рассмеялся Шалопуто; с эхом в этом переулке происходило что-то такое, что делало звук темнее и глубже, чем он должен быть. Кэнди замедлила шаг. Потом остановилась.

— Какие у меня могут быть тайны? — спросил Шалопуто. — Тем более от тебя.

— Не знаю, — сказала Кэнди.

— Тогда почему ты спрашиваешь?

— Ты говорил о любви.

— А, — тихо сказал он. — Да, я говорил так, словно действительно ее испытывал. Да. Как будто знал, что это такое — кого-то любить. Слышать от них обещания верности. Что они будут любить тебя вечно, если ты дашь им… — Он поежился. — Ну не знаю. Что-нибудь неважное.

Кэнди почувствовала, как по спине бегут холодные мурашки. Это был не Шалопуто.

— Прости, — сказала она, изо всех сил стараясь, чтобы голос не выдал ее страха. — Ты не тот, за кого я тебя приняла.

— Нет нужды извиняться, Кэнди, — молвила фигура в тенях. — Ты не сделала ничего плохого.

— Приятно слышать, — ответила она, все еще пытаясь говорить так, словно ничего серьезного не произошло, обычное недоразумение. — Мне пора идти. Там друзья… они меня ждут. — Она попыталась оглянуться, но ее взгляд все равно остался прикован к чужаку.

Правда, чужаком он не был.

— Я думала, ты умер, — очень тихо сказала она.

— Я тоже, — ответил Кристофер Тлен.

Глава 34
Незавершенность

— Я бы умер, — продолжил он, — если б не знал, что ты еще здесь, принцесса. Полагаю, именно это не позволило мне сдаться окончательно. Мысль о том, чтобы тебя найти. Ну и, разумеется, мои кошмары.

Пока он это говорил, два нитевидных создания выскользнули из укрытия в лохмотьях, что были на нем надеты, и обернулись вокруг шеи. Хотя их прежняя яркость исчезла, света было достаточно, чтобы она увидела лицо Тлена. Он выглядел как человек, только что вытащенный из грязи и экскрементов; глаза казались колодцами, на дне которых мерцали щели света; губы напоминали полосы грязи в окружении жил, не способных скрыть его костяной оскал.

— Не смотри на меня, принцесса, — сказал он и отвернулся, пытаясь скрыть свое жалкое состояние, но сделал это слишком быстро, и ноги его подвели. Он споткнулся и упал бы в грязь, если б не успел протянуть руку и вцепиться пальцами, не утратившими своей силы, в гниющую штукатурку и сколотый камень стены.

— Мне стыдно, что ты видишь меня таким. Но я должен был придти к тебе, пусть ненадолго. Когда мы встретимся в следующий раз…

— Ее здесь нет, — сказала Кэнди.

— Что?

— Мы разошлись.

— Ты ее выгнала?

— Не сама. Мне потребовалась помощь, чтобы все сделать правильно. Но она ушла. Посмотри сам. Загляни в меня. — Она подошла к его согбенной фигуре и протянула руку. — Давай. Делай, что нужно. Я больше тебя не боюсь.

Так оно и было. Хрупкая тень, стоявшая перед ней теперь, совсем не походила на Повелителя Полуночи, преследовавшего ее в Доме Мертвеца. Он рассматривал ее лицо, и его жесткие черты кривились в подозрении. Затем он поднял руку и коснулся кончиков ее пальцев своими. Она ощутила в себе его изучающее присутствие, похожее на ледяную воду, проглоченную в жаркий день.

— Она тебя использовала, — сказала Кэнди. — И ушла.

Ей послышалось, как он зовет свою принцессу у нее в голове. Одно лишь имя. Никаких нежностей. Никаких ласковых прозвищ.

Только горестный зов.

— Ты ее любил, да? — спросила Кэнди. — Ты до сих пор ее любишь.

Тлен поднял голову и взглянул на нее. На его изломанном лице было глубокое отчаяние и не менее глубокий гнев, смешанные друг с другом.

— Да, я ее люблю, — сказал он. — Конечно, люблю.

— А она обещала, что будет любить тебя, если ты дашь ей то, что она хочет.

Тлен едва заметно кивнул.

— И это была…

— Магия, разумеется. Поначалу ничего особенного — она лишь хотела разобраться, есть ли у нее способности.

— И они у нее были.

— Да. Потом, конечно, она захотела большего.

— Когда это было? Задолго до того, как я родилась?

— Конечно, за многие годы до этого. Такие вещи быстро не происходят.

— Что ты хочешь сказать — *такие вещи*?

— Я хочу сказать, что я ее полюбил. Она была очень сильной. Но это случилось задолго до твоего рождения, Кэнди. Я был очень молод. Я не мог перед ней устоять. Я дал ей доступ к Абаратарабе. Думаю, она немедленно начала похищать из нее секреты. Множество секретов. Я разрешал ей воровать все, что она хотела, доказывая тем самым свою любовь. Я даже построил ей укрытие, где она могла практиковаться.

— И где это?

— На острове Черного Яйца. Постройка этого дома стала моей первой большой ошибкой. Она сказала мне, что ей нужно уединенное место, а я могу приходить только если она меня приглашает. А приглашала она редко. Иногда я ждал по два-три месяца, прежде чем она назначала встречу.

— Но ты с этим смирился.

— Я любил ее без всяких условий.

— И она это знала…

— Знала.

Прежде, чем Тлен ответил, Кэнди услышала, как ее зовет Джон Хват. Затем Соня. Змей. Она обернулась и посмотрела в сторону рынка. Никого не было видно. Но скоро сюда кто-нибудь заглянет — это лишь вопрос времени.

— Нам пора прощаться, Тлен. Если кто-нибудь из моих друзей тебя увидит, они решат худшее, и тебе не поздоровится.

— Разве тебе не все равно?

— Думаю… нет, не все равно. И не должно быть все равно.

По-моему, тебе уже и так сильно досталось.

— В свое время я забрал много жизней. Не думаю, что тебя это удивляет.

— Не удивляет.

— Но ты все равно не желаешь мне зла? Это кажется… необычным, по меньшей мере. Ты не сентиментальная девушка.

— Я уже один раз видела, как ты умер, — сказала Кэнди. — Этого достаточно. Никто не заслуживает таких страданий дважды.

— Одна жизнь, одна смерть?

— Да.

— Если бы только эти вещи были равноценны.

— А разве нет? Ты живешь, потом умираешь. Вот и всё.

— Нет, Кэнди, не всё. По пути к последней смерти каждый из нас умирает тысячами маленьких смертей. Мы умираем от стыда и унижения. Мы угасаем от отчаяния. И конечно, мы умираем от… — Он посмотрел на усыпанную мусором землю, не в силах произнести последнее слово.

Кэнди произнесла это слово за него.

— От любви.

Он кивнул, все еще глядя вниз.

— Ничто не ранит так глубоко и так непоправимо. Ничто так не лишает нас надежды, как нелюбовь того, кого мы любим.

— Почему ты не можешь ее отпустить?

— Потому что если я это сделаю, у меня не будет причин жить.

— Да ладно, — сказала Кэнди с улыбкой. — Не может же все быть так плохо.

— Ты когда-нибудь любила, а потом теряла возлюбленного?

— Нет.

— Тогда вспомни наш разговор, когда дела изменятся.

Кэнди вновь услышала, как ее зовут.

— Тебя кто-то ищет? — спросил Тлен.

— Да. Я здесь с друзьями. Они скоро меня найдут.

— И…

— И… они не… — Она пыталась подыскать слова. — Я не могу… в смысле, что мы…

— Что мы?

— У нас странная…

— Говори. Скажи, что собиралась.

— Дружба. У нас странная дружба.

— Это точно, — сказал он. — Ты ее стыдишься? Стыдишься меня?

— Нет. Но когда люди о тебе говорят…

— Можешь не продолжать. Я знаю свою репутацию. В конце концов, я ее заслужил.

— Пожалуйста, — сказала Кэнди, — иди. Мне пора возвращаться…

— Подожди. Прежде, чем ты уйдешь, тебе надо кое-что узнать.

— Тогда говори скорее.

— Возвращайся в Иноземье. Сейчас же. Не медли. Возьми с собой своих друзей, если хочешь спасти им жизнь.

— Почему?

Тлен вздохнул.

— Почему ты просто не можешь принять мои слова?

— Я — это я. Я задаю вопросы. И пытаюсь сделать так, чтобы тебя не убили.

— А сейчас я делаю ответный шаг.

— Хочешь сказать, если я останусь в Абарате, меня убьют?

— Не только тебя. Большая часть Абарата скоро изменится навсегда.

— Как? Почему?

Тлен сделал болезненный вдох и произнес:

— Полагаю, тебе можно узнать, если это убедит тебя покинуть острова. — Он вновь вздохнул, на этот раз глубже. Затем ответил на ее вопрос. — Я связался с несколькими своими шпионами. Я платил им за сведения о моей бабке. В рукаве у старой ведьмы несколько тузов. Она создала нечто под названием *буреход*.

— Мне не нравится, как это звучит.

— И не должно. Кроме того, она собрала армию заплаточников. Вполне достаточно, чтобы «вознить нож в сердце каждого», как сказал мой осведомитель.

— С ума сойти, — прошептала Кэнди.

— И…

— Еще что-то есть?

— Есть. Абсолютная Полночь, Кэнди. Так называет это моя бабка. Она хочет затмить весь свет. Ни лун, ни солнц, ни звезд. Небо над морем и сушей станет черным. И будет *холодно*.

У Кэнди закружилась голова. За эти несколько минут она получила слишком много информации.

— У нее хватит сил, чтобы затмить солнце?

— Лично у нее — нет. Но она выпустит живую тьму. Существ, имя которым расплод. Много лет они росли и размножались. Сейчас их миллионы. Вполне достаточно, чтобы закрыть небеса от одного края Абарата до другого.

— Ты принимал в этом участие?

— Она растила меня для того, чтобы я их выпустил. Мне она могла доверять. После пожара осталось только двое — я и она. Всем, что у меня было, я обязан ей, начиная с самой жизни. И она никогда не позволяла мне об этом забывать.

— Значит, расплод закроет небо? Не будет света, тепла… это как конец мира?

— Именно.

— Но они не смогут оставаться там вечно.

— Нет. Через какое-то время они погибнут. Но нескольких дней тьмы будет вполне достаточно, чтобы начались настоящие неприятности. На всех Часах обитают враги, ждущие наступления Полуночи. Враги света, мечтающие о победе над теми, кто любит солнце, луну и звезды. Эти враги — чудовища самых разных мастей, но всех их объединяет ненависть. Это изгои, парии, злодеи, избежавшие виселицы или гильотины и желающие отомстить. Упыри, злые колдуны, некроманты, бабелиты… пятьдесят видов чудовищ, которым ты сможешь найти название, и трижды больше, имени которым нет. Все они долго скрывались, живя с мертвецами, в грозовых тучах, в местах, где воды Изабеллы жестоки и губительны. Они прятались. Ждали. Ждали. Ждали Полуночи, когда, у них, наконец, появится шанс убить все, что пахнет счастьем.

— Такой план трудно сохранить в тайне. Как же Совет? Или люди, которые видят будущее?

— Если кто-то видел истину и говорил о ней, им приходил конец. Моей бабке не требуется закон, чтобы вершить суд. Она сама — судья, а ее швеи — палачи. Игла в глаз, или нож…

— Ясно, — сказала Кэнди. — Я поняла. Жаль, что у тебя нет репутации лжеца.

— Я говорю правду.

— Да. Ты говоришь правду. Они идут с запада?

— Откуда ты знаешь? — спросил Тлен.

— Птицы, — ответила Кэнди.

Ответ был кратким, но Тлен все понял.

— Что ж, это больше не тайна. Можно оставить осторожность, и новости разнесутся быстро.

— Что же делать? Как можно себя защитить?

— Об этом я и пытаюсь тебе сказать. Защиты нет, Кэнди. Возвращайся домой, пока можешь. И будь благодарна, что у тебя есть Цыптаун, куда можно вернуться.

— Назад в Цыптаун? Ну нет. Я люблю Абарат. Я просто так не сдамся.

— Тогда люби его издалека. Иногда это лучше.

— Вот ты где!

Она обернулась к началу переулка. В ее сторону направлялись братья Джоны.

— Уходи, — прошептала она Тлену.

— Кто это там с тобой? — спросил Джон Соня.

Тлен бросил на нее последний озадаченный взгляд и поплелся по переулку. Она смотрела, как он удаляется, а потом повернулась к братьям.

— Кто это был? — спросил Хват.

— Неважно, по крайней мере сейчас. У нас возникли более срочные проблемы. Где все?

Половина братьев все еще смотрела в тени, куда скрылся таинственный друг Кэнди, а вторая половина попыталась идти за ней, и возникла абсурдная ситуация, когда они не двигались ни туда, ни сюда.

— Хват, собери своих братьев. Нам надо подготовиться.

— К чему? — спросил Хват.

— К концу света, — ответила она.

Глава 35
Похищение

Кэнди знала, что есть времена, когда лучше говорить правду. Но не всегда. Иногда эта правда — вся правда и ничего кроме правды, — могла навлечь одни неприятности. Правда, как и ложь, часто все только ухудшает. Сейчас Кэнди была именно в такой ситуации.

Появившись из переулка после разговора с Тленом и вернувшись к своим друзьям, она немедленно поделилась информацией, которую от него узнала. Приближалась Полночь, тьма, что была создана для погибели всего на своем пути. Она понимала, что после таких новостей им непременно захочется узнать, откуда у нее такие сведения. Они обязательно начнут задавать вопросы. И их трудно за это винить. Услышав подобные вести, она бы тоже хотела об этом знать. Однако ей придется сказать неправду.

Если она ответит, что последние несколько минут общалась с Кристофером Тленом, они начнут спорить, можно ли ему доверять, до тех пор, пока не придет Полночь и не закроет все небо. Поэтому она рассказала историю, которую поведал Тлен, но объяснила, что информация получена от одной из женщин Фантомайя. Было трудно сообщать такие странные новости прямо посреди рынка, и она старалась говорить так, чтобы ее голос можно было расслышать среди гама торговцев, громко выкрикивавших свои цены. Кэнди рассказала только о расплоде. Джон Змей поверил сразу. Остальные решили, что женщина Фантомайя либо сошла с ума, либо самозванец.

— Я ей не верю, — заявил Джон Хват. — Невозможно заполнить весь мир темнотой. Это слишком невероятно.

— Почему? — спросила Кэнди. — Потому что этого еще никогда не было?

— Ты доверяешь этим женщинам? — спросила Бетти Гром.

— Да. То, что я вам сказала, правда. И вряд ли имеет смысл, — она взглянула на Хвата, — говорить, что это невероятно, потому что это уже происходит. Прямо сейчас. По крайней мере, это объясняет птиц.

— Точно, — пробормотал Шалопуто. — Птицы.

Сомнения начали рассеиваться.

— Мы тоже их видели, — сказал Эдди Профи. — Все летят на восток…

— Подальше от расплода, — сказал Том. — В этом есть

смысл. Я никогда раньше не видел такой миграции.

— Потому что ее никогда не было, — ответил Шалопуто.

— Ну хорошо, — проговорил Джон Хват. — Допустим, так оно и есть. И что нам делать?

— Хотя мне крайне неприятно об этом говорить, полагаю, нам надо на Веббу Гаснущий День, — сказала Кэнди. — К Совету, который так меня ненавидит.

— Моя мать живет на Балаганиуме, — сказала Бетти. — Я поеду к ней.

— И я с тобой, — сказал Том. — Там мой Маки. Если миру суждено погибнуть, мы должны быть вместе.

— Думаю, Балаганиум уже во тьме, — сказала Кэнди.

По щекам Бетти побежали молчаливые слезы. Клайд обнял ее.

— Неважно, — сказал он. — Мы все равно туда отправимся. Все трое.

— Почему Бабуля Ветошь это делает? — спросил Том.

— Потому что она ядовитая тварь, — сказал Джон Змей. — Я знаю, что человек по имени Змей не должен бросаться такими словами, но у меня еще много чего есть на ее счет. Она злобное, отвратительное, ненавидящее жизнь чудовище. Я голосую за то, чтобы отправиться не на Веббу Гаснущий День, а прямо на Горгоссиум и вызвать ее из башни.

— И что мы будем делать, когда она выйдет? — спросил Джон Хнык.

Змей не ответил.

— Пока мы говорим, нам надо идти в гавань, — предложила Кэнди. — Поищем лодку.

— Понадобится три лодки, — сказала Женева. — Я отправляюсь на остров Частного Случая и найду Финнегана.

Они ушли с рынка и теперь спускались по тихой улице, которая вела обратно к гавани. Теперь они говорили более естественно, хотя Кэнди, убавив голос до шепота, поделилась информацией относительно планов Бабули Ветоши — той их части, что касалась чудовищ.

— Ого, — сказала Женева. — Это плохие новости.

— А новости о тьме были хорошие? — спросил Хват.

— В темноте прячется много созданий? — спросил Том.

— О да, — ответил Эдди.

— Откуда ты знаешь? — спросила Кэнди.

— Я не всегда был великим актером, — сказал Эдди. — Прежде, чем я вышел на сцену, я занимался поисками Зиавейнов и помогал им отправиться на тот свет.

— Зиа-кого? — переспросила Кэнди.

— Зиавейнов. Это восемь династий злодеев и убийц.

— Все хуже и хуже, — сказал Джон Соня, побледнев.

— Говоришь, ты отправлял их на тот свет? — спросил Хват.

— Я работал с братьями, — ответил Эдди. — Да, мы их убивали, когда могли. Конечно, цена этого была высока. А в конце — даже слишком высока. Наше дело стоило моим братьям жизни.

Воцарилась тяжелая тишина.

— Как жаль, — наконец, сказала Кэнди. — Это ужасно.

— Они были замечательными, храбрыми людьми. Но Восемь династий очень сильны. Они могут долго скрываться, но это не значит, что они умерли. Они восстанут. На это и рассчитывает Бабуля Ветошь.

— Она была не одна, — заметил Джон Хват. — Ей помогал этот ее кошмарный внук.

— Что ж, по крайней мере он умер, — сказала Женева.

Кэнди больше не могла скрывать правду от людей, которые столько для нее сделали.

— Вообще-то, — сказала она, — он жив.

— Ты точно это знаешь?

Кэнди кивнула.

— Откуда?

— Сложно объяснить, — ответила она.

— Что сложного говорить о человеке, который живет в аквариуме, где плавают его собственные кошмары? — воскликнул Хват. — И который несколько раз чуть тебя не убил? Он просто грязь, отстой и *дерьмо.*

Кэнди вспомнила момент, когда впервые увидела его в переулке. Тогда она подумала нечто очень похожее, что Тлен действительно был создан из грязи. Но такова судьба всей плоти. Все разлагается, возвращается в грязь, в землю. Однако это не конец. Люди не просто ходячие мешки мяса. В отличие от Тлена, она начала понимать, что в каждом — возможно, *во всем,* — есть вечное, *глубинное.* Если угодно, душа, которая, даже когда время затуманит ей зрение и притупит воспоминания, будет пылать так же ярко, как горит сейчас.

Если однажды ее воспоминания погаснут, если сладость и горечь жизни исчезнут из плоти ее ума, душа все равно будет знать, как добраться до сети воспоминаний, наброшенных на ее жизнь и то, чего она коснулась, возвращая детали каждого момента. Сеть наброшена всегда и везде, на весь бесконечный мир. Эти мысли роились на заднем плане ее сознания, поскольку на переднем была та ее часть, которая говорила с друзьями. Если в ее жизни и было время, когда ей требовался покой, возникающий от веры в Вечное, то оно было Здесь и Сейчас. Она

стала частью битвы, старой, как жизнь — битвы между Светом и Тьмой.

Она была уверена, что находится в компании любящих друзей. Здесь, в мире, который так любила и в будущем которого играла свою роль. Она не понимала и не слишком задумывалась о том, как стала участником близящейся битвы. Но все, что она делала с момента своего появления здесь — ее встреча с Шалопуто, с Захолустом, визит во Время вне Времени, ее исследование собственной скрытой истории, которую она собирала из многих источников, ее странные отношения с Тленом и окончательное освобождение от принцессы Боа, — все это было подготовкой, обучением, чтобы оказаться живой в этот самый момент.

— О чем ты думаешь? — спросил Шалопуто.

— Обо всем, — ответила Кэнди.

Атмосфера в гавани, которая была странной, когда они прибыли сюда на пароме, сейчас стала еще необычней. Некоторые морские птицы все еще оставались здесь, сидя молчаливыми рядами, словно уставшие судьи, ожидающие начала суда. Большинство людей ушло, а остальные собрались вокруг самодельной кафедры, с которой вещал безумного вида священник с длинными седыми волосами и одним торчащим крылом.

Кэнди услышала, как он говорит, что праведники найдут путь к свету, а остальные сгинут во тьме, и больше не смогла выдержать. Она отключила внимание от этого голоса и посмотрела в противоположном направлении, увидев, что оставшиеся птицы тоже нашли себе духовного лидера. Покинув насест на стене гавани, они собрались перед одним из закрытых ресторанов, обратив черные глаза-бусины на крупную и очень старую птицу, похожую на грифа-альбиноса с примесью крови птеродактиля. Он обращался к своим прихожанам, каркая и чирикая, и этот язык казался гораздо сложнее и даже красноречивее обычных криков чаек.

Что до капитанов и команд маленьких рыбацких лодок, привязанных вдоль пристани, все они ушли, чтобы в это тревожное время побыть со своими домашними или напиться в одиночестве.

— И что мы будем делать? — спросил Шалопуто, рассматривая опустевший док.

— Выберем заправленные лодки покрепче и отправимся, — сказал Эдди.

— Просто заберем?

— Да! Сейчас не время обсуждать моральные стороны

вопроса. Все равно не с кем торговаться.

— А нам действительно нужны лодки? — спросил Клайд. — Может, наколдуете глиф?

— Думаю, все вместе мы бы смогли создать глиф, но поверьте, нам лучше не быть в воздухе рядом с теми существами, которые там сейчас находятся.

— На воде безопаснее, — сказал Том.

— Я доверяю маме Изабелле, — кивнула Кэнди. — Она не боится тьмы. Значит, возьмем лодки? Мы можем извиниться, когда свет вернется вновь!

— Хотелось бы, конечно, добыть еще оружия, — заметила Женева.

— Может, гарпуны? — предложил Эдди.

— Стоит посмотреть, — сказала Женева. — Возьму все, что смогу найти. Мы не знаем, с чем столкнемся.

— С худшим из худшего, — мрачно сказал Эдди. С тех пор, как он признался в своем прошлом убийцы и рассказал о мрачной цене, которую его братьям пришлось заплатить за это занятие, Кэнди поняла, что Эдди нечего терять. Видя его боль, она взяла слово.

— Мы все идем в разных направлениях, — сказала она, — и кто знает, где свидимся. И свидимся ли вообще. Поэтому я хочу сказать вам всем, что я вас люблю. И невероятно горжусь, что мне довелось с вами познакомиться. Я хочу, чтоб вы знали — вы лучшие друзья, какие только могут быть.

Она переводила взгляд с одного лица на другое, даже не пытаясь улыбаться. Если она правильно поняла Тлена, эта Полночь означает конец Абарата, каким его знали до сих пор. И что останется? Архипелаг, которым управляет безжалостная императрица Бабуля Ветошь? Или пустоши, возникшие из-за ядовитой работы врагов, которых выпустит наружу тьма?

Пока Шалопуто и Клайд искали оружие, остальные выбирали лодки. Женева, отправлявшаяся искать Финнегана, остановилась на маленьком обтекаемом судне, предназначенном скорее для развлечения, нежели для коммерческой рыбалки. Оно звалось «Одиночка». Двупалый Том встал за штурвал лодки, называвшейся просто — «Большая лодка». Ее он с Бетти и Клайдом выбрали за размер, поскольку собирались эвакуировать людей. Кэнди из сентиментальных соображений выбрала лодку, напомнившую ей об ужасном путешествии на «Паррото Паррото»; Шалопуто, Эдди Профи и Джоны отправлялись вместе с ней. Джона Хвата его братья немедленно выбрали капитаном.

С мачт всех лодок свисали фонари, имевшиеся и на карнизах рулевых рубок, но по совету Кэнди путешественники побывали на

нескольких соседних суднах и забрали фонари и там. Если на их пути действительно возникнет волна тьмы, им понадобится столько света, сколько получится унести. Они заспорили, не сходить ли им на рынок за провизией, но не успели придти к выводу, как события повернули совсем в другое русло, ибо шесть или семь слушателей толстого проповедника заметили Кэнди и ее друзей. Они выскочили из толпы с криками:

— Воры! А ну пошли прочь от лодок!

— Я уплываю, — быстро сказала Женева. — Увидимся позже. Берегите себя.

С этими словами она завела свою лодку и устремилась прочь от пристани.

«Большая лодка» под командованием Тома с Бетти и Клайдом на борту последовала за ней. Отбытие третьей лодки, «Трубача», задержал спор братьев Джонов, обсуждавших то, кто будет помощником капитана.

— У нас нет на это времени! — закричала Кэнди. — Быстрее же! *Вперед!*

Ее вмешательство возымело мгновенный эффект. Братья схватили штурвал и приготовились.

Самым быстрым из слушателей проповедника оказался молодой человек с пятнистой фиолетово-белой кожей и яростным выражением лица. Не дожидаясь других, он прыгнул на палубу «Трубача» и набросился на Шалопуто, пытавшегося отвязать веревку, что держала лодку у пристани. Кэнди отреагировала мгновенно, вцепившись в воротник его рубашки и рванув назад. Он был с ней одного роста, стройным и сильным, и хотя он пытался остановить их, в его глазах она увидела…

Молодой человек вывернулся и набросился на Кэнди:

— *Прекрати! Немедленно остановись!*

— *Нет времени!* — крикнула Кэнди, стряхнув с себя то, что ощутила всего миг назад. — *И выбора тоже нет!*

Тем временем остальные слушатели проповедника бежали по пристани.

— Мы идем, Газза! — кричал один. — *Держи их крепче!*

Через несколько секунд все будет потеряно. Они не смогут уплыть.

— *Хват!* — заорала она.

В этот миг «Трубач» вздрогнул, двигатель завелся, и лодка рванула вперед с такой силой, что Шалопуто, пятнистый Газза и Кэнди повалились на кучу сетей и разбросанный по палубе мусор. Эдди, который был гораздо ниже, а значит, устойчивее, оказался единственным, кто удержался на ногах. Он где-то подобрал большой мачете и, держа его перед собой, помчался на корму

«Трубача», где веревка все еще не отпускала лодку в море. Кэнди села, сбрасывая с себя сеть, воняющую рыбой, и увидела, что Профи со всей силы рубанул по веревке, действуя мачете как человек, делавший это много раз.

Он не потерял ни секунды. Их преследователи были в шаге от края пристани и готовились прыгнуть на палубу. Только один из них попытался это сделать, как Эдди перерубил веревку. «Трубач» ринулся вперед, а прыгун свалился в воду.

Они сбежали! Единственной проблемой оказался лишний пассажир, молодой человек по имени Газза. Он все еще был в ярости.

— *Ты!* — рявкнул он, указывая пятнистым пальцем на Кэнди. — Я знаю, кто ты такая! Девчонка из Иноземья!

— Кэнди Кво…

— Плевать мне, как тебя зовут. Я требую, чтобы ты приказала своим бандитам повернуть лодку назад.

— Мы не можем, — ответила Кэнди. — Если хочешь сойти, прыгай в воду и плыви.

Из ножен, висевших на поясе, Газза вытащил короткий нож.

— Я не плаваю, — сказал он.

— А мы не повернем.

— Ну, это мы еще увидим, — сказал Газза, оттолкнул Кэнди в сторону и с ножом в руке побежал в рубку.

Шалопуто закричал, предупреждая Хвата, но его заглушил рев двигателя. Газза распахнул дверь рубки и вломился бы туда с ножом наперевес, если бы Кэнди не прыгнула на него, ухватив рукой за шею и ударив кулаком по руке, что держала нож. Однако он его не выронил. Ей удалось оттащить его от двери, и в этот момент по чистой случайности лодка покинула гавань, оказавшись на мощных волнах открытого моря. На секунду она взлетела в воздух, поднимаясь на первую большую волну, и бросила Кэнди, все еще державшую шею Газзы, на палубу. Он упал вместе с ней. А точнее, прямо на нее.

На этот раз он выронил нож. К тому времени, когда закончилась свалка, смущение, проклятия и попытки встать на ноги, Шалопуто забрал оружие, а Эдди, в тот момент гораздо более серьезный и даже опасный, чем зеленый коротышка-комедиант, когда-то встреченный Кэнди, направлял похищенный мачете в живот Газзы.

— Я вам выпущу кишки, сэр, — произнес он, обнаружив свое актерство в последнем слове, — если вы изволите вновь попытаться причинить нам вред. Я не шучу. Я сделаю это без труда. Теперь, мисс Квокенбуш, вы можете от него избавиться. Если, конечно, у вас нет причин его оставить, которых лично я не

представляю.

Кэнди быстро посмотрела в глаза Газзе.

— Нет, — сказала она, отвернувшись и испытывая смущение, хотя не очень понимая его причину. — Он… вроде ничего. Он не будет глупить, если мы всё объясним.

— Оставь свои объяснения. Я хочу, чтобы лодка вернулась назад, — сказал Газза.

Фиолетовые пятна на его лице превратились в светло-голубые, а из глаз с золотистыми крапинками исчезла злость.

— Прыгай за борт и плыви обратно.

— Я не умею плавать.

— У нас нет на это времени, — нетерпеливо произнес Эдди. — У нас полно дел.

— Если он окажется в воде, — сказал Шалопуто, — то утонет. Не хочу, чтобы это было на моей совести.

— Чихал я на твою совесть. Скоро мир погрузится во тьму, а династии…

— Мы это уже слышали, Эдди, — проговорил Шалопуто.

— Я знаю их имена! Всех восьми: Тарва Зан, Вязальщица; Лаилало, своими песнями сгоняющая младенцев в могилу. Крылофей, Сказитель Лай, Откормыш, что сеет чуму…

— Как он себя чувствует? — спросил Газза, глядя на Кэнди, и цвет его глаз менялся с одного на другой.

— Так себе, — ответила она.

— … и Клодеус Гифи, который убил моего младшего брата. И Ого Фро, убивший моего старшего брата. Он наслал на него отчаяние, из которого тот не сумел выбраться. И, наконец, Ган Наг, который говорит с созданиями, живущими в воде глубоко под нами.

Из рубки появились Хват и братья послушать Эдди.

— Что происходит? — спросил Джон Соня.

Газза уставился на Хвата и братьев, и впервые за долгое время, что Кэнди знала Джонов, они сделали нечто удивительное и жутковатое. Все они синхронно посмотрели на Газзу. А потом все одновременно произнесли:

— Ты на что смотришь, малыш?

Это для Газзы было уже слишком. Он упал на колени, оказавшись легкой мишенью для низкорослого Эдди.

— Хорошо, — сказал он. — Я не буду драться. Не буду вам мешать. Я вам верю. Что бы вы ни сказали, я вам верю.

Кэнди засмеялась.

— Приятно слышать. Эдди, убери нож. Теперь мы знаем, что ему можно доверять.

— Мне? — переспросил Газза. — Ну разумеется. Целиком и

полностью. Я весь ваш.

Он посмотрел на нее бледно-желтыми глазами с синей радужкой, и от этого ее сердце начало биться сильнее.

Глава 36
Покров теней

Несмотря на течение, тормозящее «Крейматтазамар», возвращавший Бабулю Ветошь и ее спутников назад, на остров Полуночи, быстрее любого другого корабля в Абарате, и несмотря на скорость, с которой она перешла из гавани в круглую комнату на вершине Башни Иглы, покров теней расплода уже начал распространяться от пирамид во всех направлениях.

Жажда крови расплода, вырвавшегося на свободу ради смертоносных деяний, была столь глубока, что когда путь в небо заблокировали их собратья, они набросились друг на друга в своей бесконечной жестокости. Скоро пространство вокруг выходов из пирамид покрылось останками слабых и невезучих, погибших прежде, чем они увидели звездный свет, который были рождены затмить.

Но погибель закладывалась в них с самого начала. Они делали то, на что были запрограммированы. Они поднимались в воздух и разлетались по всему небу. Они отправлялись на восток, закрывая небо над Балаганиумом; на юго-восток, покрывая пустоши Гномона, в центре которого стоял Великий Зиккурат; и на северо-восток, к Окалине, где надвигающаяся тьма побудила гору Галигали воспламенить в своем чреве огонь и выбросить в беззвездное небо потоки жидкого камня. На севере они закрыли Пайон, но огни Коммексо светили так ярко, что апокалиптический эффект расплода там не ощущался. В других частях острова, в местах, далеких от цивилизации Пикслера, крестьяне сочли, что затмение звезд — всего лишь очередное шоу великого архитектора, и решили, наконец, оставить свою независимость, променяв ее на яркие улицы Коммексо, чтобы влиться в ряды попрошаек. Продвижение расплода на север закрыло небеса над Иджитом, где молнии, беспрестанно бившие из туч, стали еще яростнее, взбаламученные затмением небес. Наконец, облако расплода, устремившееся на запад, юго-запад и юг, закрыло луну и звезды над небесами острова Простофиль и Вздора, лишая яркого дневного солнца Гномон, где жило множество оракулов, способных предвидеть близящуюся катастрофу.

Независимо от своего самомнения, которое заставляло большинство из них молчать, некоторые имели глупость поделиться видениями. В течение часа все они оказались мертвы. Остальные, быстро смекнув, что раскрывать такое будущее

смертельно опасно, держали свое знание при себе или покинули Гномон, решив, что говорить о приближающемся апокалипсисе безопаснее в каком-нибудь другом месте. Но куда бы они не отправились: некоторые — на Веббу Гаснущий День, надеясь поговорить с Советом, другие — на Изиль или дальше, — это не изменило их будущего. Те, кто рассказывал о своих страхах, были убиты за час, а остальные могли выбирать, жить ли им в молчаливом ожидании конца света или покончить с собой до его наступления.

Таким образом, тайна Абсолютной Полночи была надежно скрыта. А когда в миллионах своих обличий появился расплод, шум их бесчисленных крыльев не походил ни на один звук, что слышали здесь прежде или услышат когда-либо еще. Они разлетались во все стороны, закрывая небо пеленой. Однако препятствием свету были не только их тела и крылья. Из своих желудков они выделяли густой расплодный сок, который превращался в плотную, жесткую, подобную раковине субстанцию, застывавшую в течение нескольких секунд. Поколение за поколением они настраивали себя на то, что однажды, оказавшись над водой и землей, полностью опустошат свои мешки с соком. Последствия? Все они станут беспомощными пленниками своих выделений; бесчисленные миллионы их насекомых мозгов слишком примитивны, чтобы понять — приказ избавиться от сока будет первым и последним действием, которое они выполнят в мире за пределами своих ульев.

Временами Бабуля Ветошь с трудом верила, что такое невероятное количество живых существ, сколь примитивным не было бы их мышление, слепо сделает то, на что запрограммировано. Тогда она отправлялась в тайное святилище, о котором никогда не говорила вслух. Оно называлось Заэль Маз'ир, и оттуда проистекали все ее темные благословения. Она купалась в них долгие годы, и когда придет время, то с радостью заплатит за это свою цену. Но пока ей было приятно слышать, как самые разные существа в панике взывали друг к другу, глядя в небо, по которому распространялась смертоносная тьма, стирая звезду за звездой, затмевая луны и поглощая солнца. Исчезли даже созвездия. Все звезды гасли, как свечи в ураган.

Люди молились божествам своих Часов, но гораздо больше молитв возносилось не богам и святым, а вездесущей силе, что даровала счастье в Абарате — Улыбчивому мальчику, Малышу Коммексо. Он был спасителем для тех бесчисленных, парализованных страхом душ, что обращались к нему, видя надвигавшийся саван тьмы, чьи слои из живого расплода и их расплодного сока покрывали некоторые места в два-три слоя.

Скоро в полной темноте оказался Вздор. За ним последовал остров Простофиль, Алисина вершина — один из Наиболее Выдающихся Утесов, — остров Частного Случая, остров Черного Яйца, Хафук, Шлем Орландо, Хлюстмазурик…

На островах, которые только начинали погружаться во тьму, усиливались крики ужаса и паники. Но на тех, что пали под тень расплода первыми, вопли страха сменялись новыми и вполне конкретными речами: обвинительными. Кто это сделал и почему? *Почему?* Кто-то должен был ответить за такое преступление, и в некоторых местах уже начались суды. От острова к острову, от Часа к Часу люди искали тех, кто был чем-то на них непохож, и за одни эти отличия обвиняли их в происходящем. Обычно эти странности были весьма просты — заячья губа, косой глаз, тик, заикание, — но все, что имело значение, это обвиняющие голоса, возбуждавшие толпу и заставлявшие ее поверить, будто эти несчастные каким-то образом несли ответственность за наступивший ужас.

Бабуля Ветошь наблюдала за этими сценами с жадным удовольствием. Ей передавали их Сумеречницы, швеи, чьи глаза были достаточно остры, чтобы пронзать самую густую тьму. На Гномоне толпа из трех сотен человек зажгла костры, чтобы озарить ими древнее судилище, где, охваченная массовым безумием, начала разбираться с теми, кого решила обвинить в гибели света.

Предводителем этой толпы был невысокий человечек с примесью крови скизмутов. Его звали Дайер Мер, и он назначил себя председателем суда, проходящего среди деревьев. Он велел пленникам толпы — двум сестрам Джуп и Намене Чантамик и бывшему налоговому инспектору Теополису Калапао, — признать свою вину. Обе сестры плакали и не могли сказать ничего внятного, поэтому выступать перед толпой выпало Теополису.

Все здесь его знают, напомнил он. Разве они не уважали его за то, как он делает свою работу? Разве он не обладал чувством справедливости? Откуда ему знать о чудовищных силах, затмивших небеса? Он — жертва этой катастрофы, как и все остальные. Увы, налоговый инспектор Теополис заикался, и чем яснее он понимал, что в споре со своими обвинителями ему не победить, тем сильнее было заикание, и в итоге слов в его собственную защиту, какими бы разумными они ни были, стало вообще не разобрать.

Толпа не слушала. Смерть Теополиса и сестер была скорой.

— Виновные мертвы, — заявил Дайер Мер, — и скоро их заклятье рассеется. Конечно, если среди нас нет зачинщиков, которых мы еще не обнаружили.

К тому времени тьма достигла восточных границ Абарата, расширяясь на север и на юг. Казалось, Абарат превратился в огромный гроб, а расплод стал его крышкой. Но когда Бабуля Ветошь обращала свой взор к пирамидам, она видела, что из ульев продолжает вылетать расплод, извиваясь, словно черная змея; число особей не уменьшалось, и они взлетали ввысь, закрывая последний свет с такой мощной целеустремленностью и столь великим голодом, что ничуть не заботились о своих собратьях, появившихся часом ранее и уже образовавших свод из тел и застывающего сока. Все, что имело значение — цель, к которой они стремились. К любому другому событию, даже к страданиям собственного вида (которые они вскорости должны были разделить), они были слепы, как абаратцы на островах внизу.

За сорок минут число невинно обвиненных в призыве тьмы и повешенных за свое злодейство возросло с трех до восьмидесяти пяти. Среди них оказался и сам Дайер Мер, видевший казнь своей жены и пасынка, после чего перст подозрений указал на него. Теперь он был мертв. Висел на той же ветке, что и его первая жертва, заикавшийся налоговый инспектор Теополис Калапао.

Схожее безумие охватило толпы испуганных людей на каждом острове. Просчитывая, как повернутся события после наступления Полуночи, Бабуля Ветошь не предвидела, что паника быстро превратится в суд и убийство. Но то, что последовало позже, она предвидеть смогла: появление Зиавейнов. Восемь семей чудовищ и их порочные гибриды, прятавшиеся по островам, копили ненависть и ждали давно обещанной тьмы, что распространится по Абарату. Теперь они выходили из своих укрывищ.

Многие годы старуха налаживала с ними отношения, по возможности лично, отыскивая их в мрачных святилищах, спрятанных от света и его слуг. Она знала многих демонических созданий, которые восставали, чтобы сеять хаос среди племен, охотившихся на них в те годы, когда их священные луны и солнца стояли высоко и обладали силой. Теперь же небеса были черны, источники света исчезли. В темноте охотники превращались в жертву.

Среди этих многочисленных созданий пробуждались и те, чей возраст был сравним с возрастом стихий. Крылофеи, чьи тела представляли собой костяные клетки, наполненные стаями горящих птиц: их головы были черными железными котлами, в которых кипело отвратное рагу из яда, скорби ангелов и человеческого мяса; горелые мышцы конечностей скреплялись волосами и крюками и были усажены кинжальными пальцами.

Это были не демоны. Абарат не знал ада. Подобно другим семи Зиавейнам, от которых вели свою генеалогию все виды ночных испорченных тварей, Крылофеи родились из энергии жестокости, боли и одиночества, существующих на любом Часе.

Наблюдая за островами, старуха увидела всех Врагов, которых надеялась отыскать. На Окалине она нашла первого палача Абарата, Сказителя Лая, уже занимавшегося своей кровавой работой. На Утехе Плоти Лаилало, Королева Убийственной Песни, вела за собой целый хор крошечных Пульчинелл. Вязальщица Тарва Зан, которая оборачивала сердца своих жертв огнем, шла по пустынной улице Балаганиума. Ган Наг стоял на высочайшей точке Великой Головы, призывая все больше ужасов. У его ног находилось девять служителей-жрецов, с обожанием глядевших на него. Клодеус Гифи в одиночестве сидел на лодке, вокруг которой расстилались кроваво-красные воды Изабеллы; Откормыш — разносчик чумы, — рассеивал болезни на полях острова Частного Случая, а на Хафуке среди толпы блуждающих в ночи Бабуля Ветошь заметила Ого Фро, воплощение энтропии и безразличия.

Это был триумф тьмы. Восемь Великих Врагов поднялись и показали свои лица. А если *они* были здесь, то скоро появятся их дети. И дети их детей. И так далее. Никто из них не будет столь сильным, как их легендарные предки, но все же они обладали талантом устрашения. Матриарх была счастлива — настолько, насколько она вообще знала, что это такое. Она отмечала праздник в честь тьмы, на который собрались все гости, которых она хотела видеть.

Однако Двадцать Пятый час оказался расплоду не по зубам. Остров не только защищал себя на уровне моря, без труда отгоняя тьму, пытавшуюся коснуться берегов, но и окружил небо над собой щитом, достигавшим стратосферы, который мгновенно сжигал расплод, в своем бездумном стремлении пытавшийся закрыть Двадцать Пятый час, как и любой другой. Этого он сделать не мог. Законы физики в месте, лишенном времени, менялись.

Воздух, который должен был стать темным, сиял бледно-желтым, а звезды, остававшиеся на месте или падавшие, светили черным на светлом фоне. Двадцать Пятый час не позволял расплоду затмевать свой священный воздух. Хотя окружавшие остров силы набрасывались на него волна за волной, мощь, которой обладал этот Час, была слишком непредсказуемой, чтобы ее можно было победить. Наконец, расплод понял, что эту битву ему не выиграть, и оставил свои попытки, двинувшись к новым победам: одни отправились на далекий север Внешних Островов,

другие повернули на восток.

Раздраженной Бабули Ветоши Двадцать Пятый час не сдался.

— Слушай, как я даю обет, Маратиен, — произнесла она, узнав, что попытки расплода захватить остров провалились. — Пройдет совсем немного времени, и ты последуешь за мной, когда я пройду от берега в самое сердце Двадцать Пятого часа. И я встану там, как его хозяйка, и потоплю его, если таковым станет мое решение.

— Будет ли так же с Коммексо? — спросила Маратиен.

Бабуля Ветошь презрительно хмыкнула, подошла к мозаике острова Пайон и наступила ногой на место, где Роджо Пикслер построил свой город.

— Звезды над Пайоном больше не светят, — сказала она, — но город все такой же яркий.

— А Пикслер там?

— Где же ему быть?

— Он ведь спускался в Изабеллу.

— Действительно. Странное совпадение. Нечто глобальное происходит на небесах, а Пикслер опускается в глубины…

— Я кое-что слышала, — сказала Маратиен.

— Говори.

— Что он вернулся, но теперь не в себе.

— Неужели?

— Да. Говорят, он отправился на поиски реквий. Но ведь на самом деле их не существует?

— На какой-то глубине существует всё, Маратиен.

— Всё?

— Да. Всё, — ответила ведьма. — Возможно, он вернулся, страдая безумием бездны. — Она вытянула из своего платья одну иглу; эти иглы испускали холодные огни, которые были призваны самим святилищем Заэль Маз'ир. Она отдала иглу Маратиен. — Отнеси это генералу Аксиетте. Ты знаешь, кто она?

— Лысая, с родимым пятном.

— Верно.

— Она очень красивая, — заметила Маратиен.

— Отнеси ей это в знак того, что приказы исходят от меня.

Маратиен взяла иглу.

— Что за приказы, госпожа? — спросила девушка.

— Пусть возьмет четыре военных корабля с шестью легионами заплаточников на каждом. Пусть отправляется прямо на Пайон. Происходит слишком много всего, чтобы наш гений Пикслер ожидал нападения с моря. Когда она возьмет город, то может его уничтожить, если вдруг ей того захочется. Мне все равно. Но есть две вещи, которые она обязана сделать, и промахи

исключены.

— Да, госпожа?

— Во-первых, она должна уничтожить в этом чертовом городе все огни. А во-вторых, пусть лично принесет мне головы Роджо Пикслера и мальчишки.

— Мальчишки?

— Малыша Коммексо.

— Разве он живой человек?

— Мы не узнаем этого, пока не увидим его голову, — сказала Бабуля Ветошь. — Иди. Я хочу, чтобы Коммексо погрузился во тьму через два часа.

Глава 37
Любовь и война

Бабуля Ветошь была не единственной, кто имел возможность детально наблюдать за расплодом, скрывавшим под собой Абарат. В самое сердце компании Коммексо, в ее Круглый зал, поступали сведения от бесчисленных механических шпионов, идеальных копий живых существ, начиная с крошечной тигровой вши и заканчивая гигантским рашамассом (напоминавшим помесь кита и многоножки). Их не программировали выискивать величайшие события. Но шпионов Пикслера было так много, что один из них непременно становился свидетелем трагедии или радости, если таковые были.

Однако за все эти годы, что доктор Щипцоверн — чей гений, обращенный к абаратским технологиям, отвечал за реализацию визионерских мечтаний Роджо Пикслера, — наматывал огромные круги на одном из своих антигравитационных дисков, которые несли его, куда бы он ни пожелал, не было ничего столь масштабного, как те события, которые разворачивались сейчас перед ним на экранах. Он наблюдал, как пирамиды Ксуксуса раскрылись, потрясенный, хотя никогда бы этого не признал, силой запрятанных там двигателей. Но это открытие было лишь первым действием спектакля. За ним последовало нечто еще более невероятное: излияние жизненных форм, которых Щипцоверн никогда не видел, которые были скрыты в гробницах, а теперь, словно шесть черных рек, текли к небесам, где сливались в единое море тьмы, затмевая созвездия над Ксуксусом и направляясь оттуда во все стороны: на восток к Балаганиуму, на юг к Гномону, на запад к Вздору, и на север к острову Пайон, где, разумеется, стоял город Коммексо.

Несколько минут Щипцоверн наблюдал за этим, пытаясь разобраться, что же он видит, а потом подозвал ассистентку Каттаз.

— Как себя чувствует мистер Пикслер? — спросил он.

— Я только что от него, — ответила Каттаз. — Он говорит, что после «проблемы» чувствует себя хорошо. Так он это назвал, сэр. Небольшая проблема с батискафом.

Щипцоверн покачал головой.

— Воистину этот человек бесстрашен. Мы едва его не потеряли. — Он вновь взглянул на ширящуюся тьму. — Я собираюсь сообщить ему об этом… об этом явлении. Я был хотел, чтобы мистер Пикслер увидел его своими глазами, когда

почувствует себя лучше. Скажи ему, что у нас есть срочная проблема. Минут через десять эта… тьма собирается закрыть город.

— А что это? — спросила Каттаз.

— Судя по моим записям, это вид живых существ — полагаю, расплод. Они возникли до Времени, а значит, до этих островов. Но то, что мы узнали о них из ископаемых останков, указывает на значительно меньшие размеры, чем величина созданий, которых мы видим сейчас.

— Генетические изменения?

— Полагаю, да.

— С помощью науки? Магии?

— Возможно, и так, и так. Взгляни на них!

Он указал Каттаз на экран, расположенный позади нее. Одно из созданий, снимающих этот катаклизм — надувная лиса, — поднялась опасно близко к расплоду, рискуя собой ради запечатления каждой детали увиденного. Расплод воплощал разнообразие: в нем не было двух похожих друг на друга существ. Их головы украшали черные бесчувственные глаза, иногда собранные блестящими кучками, словно зрелые фрукты. У одних были огромные зубастые челюсти, у других — сложные мандибулы. У третьих наблюдались головы обычных мух Иноземья, которые быстро размножились в Абарате, путешествуя между мирами в период взаимной торговли.

— О, ради Малыша! Только взгляните, доктор Щипцоверн! Эта… эта несет яйца! Как отвратительно. Посмотрите вот на тех… на них кучи личинок… Это какой-то кошмар.

— Ты правда так думаешь? — спросил Щипцоверн, с отстраненным любопытством глядя на изображение. — Это ведь просто жизнь. Мы не можем судить ее. По крайней мере, я не могу.

— Простите, доктор. Возможно, вы правы. Это всего лишь другие виды живых существ.

Она собиралась сказать что-то еще, но тут дверь в личные покои Роджо Пикслера отворилась, и вошел великий архитектор.

— Что происходит, Щипцоверн?

— Я как раз собирался предупредить вас, сэр.

— Нет нужды. За тобой тоже следят, помнишь?

— Я не знал…

— Не знал, что некоторые экраны, на которые ты смотришь, смотрят на тебя?

— Да.

— Ну так теперь знай.

Он закрыл дверь в свою комнату, медленно переставляя

усталые ноги, ступил на один из дисков и принял свою обычную позу: сложил руки за спиной, левую в правую, и позволил диску прокатить его по всему залу, исследуя в это время экраны.

Зал был таким огромным, а количество экранов столь велико, что ему потребовалось несколько минут, чтобы пролететь мимо них и вернуться на место, где оставались Щипцоверн и Каттаз. Когда Щипцоверн получил возможность взглянуть на своего наставника вблизи, он забеспокоился. Пикслер выглядел гораздо хуже, чем когда спускался в глубины Изабеллы. Его кожа побледнела, на ней выступили капли пота. Влажные волосы прилипли к черепу.

— Позвольте мне осмотреть вас, сэр. Провести краткий анализ.

— Я же сказал тебе, Щипцоверн. Я в порядке. Никогда не чувствовал себя лучше.

— Но ведь вы были в батискафе, когда его захватили реквии.

— Да, и я находился ближе к смерти, чем когда бы то ни было. Но реквия — древнее создание, Щипцоверн. Ей не интересно, живет человек или умирает.

— Вы не просто человек, сэр. Вы Роджо Пикслер. Отец Малыша Коммексо.

— Да. Да. И я не собираюсь умирать. Ни сейчас, ни потом.

— *Никогда,* сэр?

— Ты меня слышал, Щипцоверн. *Никогда.* Будущее принадлежит мне. И это яркое будущее, полное возможностей. Я не могу позволить себе умереть.

— Хотелось бы верить вам, сэр…

— Но?

— Но расплод, сэр…

— Это и есть они? — равнодушно спросил Пикслер. — Потрясающе.

— Наши записи говорят…

— Забудь о записях. Они ничего не стоят.

— Но сэр, ведь это вы их создали.

— Нет, Щипцоверн. Когда я это писал, я был другим человеком. Тот человек ушел.

— Ушел, сэр?

— Да, Щипцоверн, ушел. Отчалил. Покинул здание. *Умер.*

— Вы выглядите больным, сэр, — сказал Щипцоверн медленно, будто говоря с идиотом. — Но… *вы не мертвы.* Поверьте мне.

— Ну нет. Большое спасибо, конечно, но лучше я не буду тебе верить. У меня теперь есть советники получше.

— Сэр?

— Они поняли, что наши соседи на Горгоссиуме, особенно эта тварь Ветошь… — при этих словах его черты охватила поднимающаяся волна конвульсий, мышцы начали дергаться, и было ясно, что действуют они самопроизвольно, а не по его приказу. — Она собирается отрезать острова от естественного света.

— Откуда вы знаете, сэр? — спросил Шипцоверн.

— Я смотрю на экраны, доктор. Вся эта масса кишащего расплода закрывает небеса. Будет радикальное, даже катастрофическое падение температуры. Метели на островах, где раньше не выпадало ни снежинки. Посевы на полях погибнут. Скот замерзнет. В сельских общинах начнется гибель людей…

— Люди могут зажечь костры, — сказала Каттаз.

Пикслер посмотрел на женщину с откровенным презрением.

— Прочь, — сказал он. — Ты меня оскорбляешь.

— Почему?

— Мне не нужны причины. Просто уходи.

— Мистер Пикслер, прошу вас.

— Не хнычь, Щипцоверн. Я знаю, что между вами происходит. Я наблюдал, как ты вьешься вокруг нее. Разве ты не понимаешь, что из-за любви ты выглядишь нелепо? — Он посмотрел на Каттаз. — Ты все еще здесь? Я же сказал — прочь.

Каттаз посмотрела на Щипцоверна, надеясь на помощь, но его лицо было непроницаемым, эмоции оставались скрыты. Она так и не дождалась, что он за нее вступится. Делать этого он явно не собирался.

— Простите, что оскорбила вас… сэр, — монотонно произнесла она и ушла.

— Значит, Бабуля Ветошь создала себе армию, — продолжил Пикслер, как будто ничего не произошло.

— Разве? — спросил Щипцоверн. Его взгляд застыл на экранах, где был один только расплод.

— Прекрати таращиться на чертовых насекомых. Они — лишь часть ее замысла. Лучше посмотри сюда.

Он указал на несколько экранов, где показывались записи с легионами заплаточников, маршировавших пугающе четким шагом и поднимавшихся на борт военного корабля, а также живые съемки с тех самых судов, что пробивались сквозь темные воды Изабеллы. Единственный свет, который у них был — лампы на носу кораблей, подобные сверкающим глазам, и множество малых воздушных огоньков холодного сине-белого цвета, летящих рядом, над и позади эскадры.

— Вы имеете в виду этих тупиц? — спросил Щипцоверн. — Это же заплаточники. Тряпье и грязь! У них нет мозгов. Она

могла научить их маршировать, но вряд ли они умеют что-то еще.

— Думаю, она дает тебе увидеть клоунов, которых ты никогда не примешь за солдат. Матриарх в своем роде очень умна, — сказал Пикслер.

— Матриарх? Так они ее называют? Хм. Она — психованный пережиток дней империи. Сомнительно, что она знает, какой сейчас год.

— Возможно, она действительно тронута безумием, Щипцоверн. С другой стороны, это может быть всего лишь представление, чтобы ты поверил в ее безобидное сумасшествие.

— В здравом она уме или нет, — ответил доктор, — реальная сила — не она. С самого начала это был Тлен.

— Никогда не стоит недооценивать женщину. В конце концов, Матриарх убедила встать в ее ряды некоторых очень могущественных сторонников. А это силы, назвать которые не осмелюсь даже я. Они не видят мир так, как его видим мы, поделенным на Ночь и День, Черное и Белое.

— Добро и Зло?

— Они сочли бы эту идею абсурдной.

— Значит, эти создания — ее сторонники?

— Так она считает.

— А вы — нет.

— Думаю, сейчас она им полезна. Они потакают ее мечтам об основании имперской династии.

— А она не старовата, чтобы рожать детей?

— Нет нужды рожать детей в мире тайн, где обитает эта женщина.

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Вообще ничего.

— Нет, нет. Не понимаю.

— Отлично! — весело произнес Пикслер и положил ему на плечо липкую, холодную руку — руку мертвеца, подумал Щипцоверн.

— Ты все еще способен признать свое невежество. Значит, надежда есть, Щипцоверн. Веселей, доктор!

— Я не могу. То есть, конечно, если вы захотите…

Он попытался выдавить из себя улыбку, но зрелище это оказалось довольно жалким.

— Забудь, — сказал Пикслер.

Улыбка Щипцоверна тут же погасла, и он заговорил вновь:

— Наш город в опасности?

— Спроси себя: что наши источники говорят о ее планах?

— Что она хочет погрузить Абарат во тьму. Но… огни Коммексо все еще сияют.

— Верно.

— Может, нам следует ее умиротворить? Притушить их, например, процентов на пятьдесят, пока она не повернет свои военные корабли обратно.

— Это ее не обманет. Мы должны стоять на своем, или она разрушит город и все, чем он может стать.

— А чем…

— Этот разговор для вечера без военных кораблей, Щипцоверн. Иди в спальню. Поговори с той женщиной, у которой молоко и печенье.

— Миссис Любовь.

Пикслер пришел в ужас.

— Во имя всего, какой извращенец так ее назвал?

— …мм…

— Из твоего тупого выражения лица можно сделать вывод, что это был я.

— Да.

— Ладно, мы это исправим, когда закончится Последняя Великая Война, и мы выиграем мир.

— Вы в этом так уверены, сэр…

— А есть причины сомневаться?

— Войны очень непредсказуемы, сэр. Еще несколько минут назад мы не знали, что у Бабули Ветоши есть армия заплаточников. И… эти ее союзники.

— Высшие Силы, — подсказал Пикслер.

— Мы понятия не имеем, кто они, да?

— Можно и так сказать. Если б я о них что-то знал, я бы тебе сказал. Конечно, не сами сведения, а только то, что я о них знаю.

— Вы мне больше не доверяете?

— Щипцоверн, я тебе *никогда* не доверял.

— Как? *Почему?*

— Потому что ты слишком много думаешь и слишком мало чувствуешь. А это может погубить империю.

Довольно долго Щипцоверн изучал пол у своих огромных ног.

— Если мне будет позволено высказаться, сэр…

— Высказывайся.

— Мне нравится Каттаз. Это самые настоящие чувства. По крайней мере, я так думаю. Может показаться глупым, что одноглазый ученый средних лет с навязчивым неврозом надеется на ответную преданность, но если это глупо, пусть так оно и будет. Я настаиваю на своих чувствах, каким бы нелепым я не казался.

— Хм.

Теперь архитектор смотрел в сторону, глядя на экраны и не

видя их. Когда он взглянул на Щипцоверна, с его чертами что-то произошло. Хотя он все еще был Роджо Пикслером, в нем появилось нечто иное — возможно, та же сила, что вызывала подергивание его лица. Она сочилась сквозь его поры, и в каждой капле пота имелось крошечное количество черной жидкости, что украшала его бледные черты, подобно совершенным черным алмазам.

Или, подумал Щипцоверн, глазам расплода.

— Знаешь, а ведь несколько минут назад я подумал, что пришло время с тобой покончить, Щипцоверн.

— Покончить? Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что собирался тебя убить. Точнее, отправить тебя на смерть.

— *Сэр?* Я не знал, что вы такого плохого мнения о моей работе.

— А я знал. Но теперь я передумал. Любовь спасла твою шкуру, Щипцоверн. Если б ты в этом не признался, я бы приказал тебя арестовать, и через две минуты ты был бы мертв. — Он с отстраненным любопытством изучал Щипцоверна. — Скажи, что ты сейчас чувствуешь? — спросил он. — Только говори правду. Ничего особенного не требуется.

— Думаю, я испытываю благодарность. Я дурак.

Судя по всему, Пикслера это удовлетворило.

— Есть, конечно, вещи и похуже, — сказал он, очевидно опираясь на глубину своих знаний. — Гораздо хуже. А теперь иди и скажи миссис Любовь, чтобы она разбудила Малыша. *Живо.*

Силой мысли доктор включил свой диск, оторвавшись от больших экранов, на который смотрели они с Пикслером, и услышал, спускаясь:

— Скажи спасибо, что ты дурак, Щипцоверн! Ты проживешь еще одну ночь.

Глава 38
Старый трюк

Братья Джоны стояли у штурвала «Трубача», и гавань Тацмагора вскоре скрылась из виду, стертая морскими брызгами мамы Изабеллы. Зайдя в рубку, Кэнди просмотрела на старинные карты, которые были сплошь покрыты заметками о том, где владелец лодки сумел найти стаи нинок, рыб-глупышей и даже трехклювых десятищупальцевых безглавов.

— Знаешь, что, — сказал Джон Филей.

— Нет, а что? — спросил Джон Ворчун.

— Думаю, наш славный лидер положил глаз на новичка, — ответил Джон Филей.

Кэнди не спускала глаз с карты, хотя толку от всей этой информации было мало.

— Не знаю, о чем ты говоришь, Филей, — сказала она.

— Не только Филей так считает, — сказал Джон Хнык.

— Мы все это заметили, — продолжил Джон Удалец.

— От братьев Джонов ничего не скроется, — заявил Джон Соня.

— Это не ваше дело, — сказала Кэнди.

— Ну извини, — сказал Джон Хват.

— Вы такие сплетники.

— Дело в том… — начал Хват.

— Дело в другом: вы ошибаетесь. Этот парень чуть вас не зарезал.

— И ты остановила его, заключив в объятья, — сказал Джон Змей. — Мы все видели.

— Я больше не собираюсь это обсуждать.

Она замолчала и повернулась, глядя на то, что до сих пор видела лишь краем глаза. «Трубач» нырял в плотный туман, где оканчивался один Час и начинался другой. Свет продолжал гаснуть, но тьма не была черна. В ней возникали меняющиеся пятна синего и фиолетового цвета.

— Скоро мы выйдем с другой стороны, — сказал Хват.

Братья вернулись к штурвалу, и улыбки с их лиц исчезли. Шутки кончились. Кэнди подошла к окну рубки в ожидании знаков приближающегося Часа. Окна здесь были грязными, на них скапливалась соль и птичий помет.

— Есть какие-то признаки Гигантской Головы? — спросил Губошлеп.

— Ничего не вижу. Но я смотрю. И вот еще что. На будущее:

держите свои сплетни при себе.

— Значит, мы ошиблись? — спросил Хват с ухмылкой. — Он тебе не нравится?

Кэнди молча покинула рубку.

Поднявшись по лестнице, она забралась на крышу рубки, где встала у перил, которые, по счастью, там имелись. Волны росли одна за другой. Лодка трещала и перекатывалась с волны на волну.

— Ничего, если я к тебе присоединюсь? — крикнул снизу Шалопуто.

— Конечно, — ответила Кэнди. — Забирайся!

Через несколько секунд Шалопуто стоял по правую руку от нее, крепко вцепившись в железный поручень.

— Если мы на правильном пути, то должны подойти к Гигантской Голове сзади, — сказал он.

— В каком направлении?

— Надеюсь, прямо по курсу.

— Ничего не вижу.

— И я. Но туман, кажется, рассеивается.

— Да, ты прав. Я ее вижу, Шалопуто! — Она засмеялась. — Я боялась худшего, но она все еще стоит! — Кэнди крикнула Хвату. — Я ее вижу! По левому борту!

Хват выключил двигатель «Трубача», полагая, что всем захочется побыть в тишине и подумать о том, что их ожидает. На границе тумана и сумрака, окружавших Гигантскую Голову, встречались мощные течения. Даже сзади она была невероятна: башни, венчавшие ее череп, выглядели столь изощренно, что казались природными образованиями в его структуре.

На вершине самой высокой из них пылал огонь. И это не было естественное пламя. Фиолетовые и серебристые языки поднимались на достаточную высоту, где начинали создавать решетки и другие геометрические фигуры, которые вспыхивали и сверкали, ненадолго отпечатываясь на фоне сумеречного неба. Кэнди наблюдала за пламенем, не моргая, словно зачарованная.

— Думаю, это сообщение, — сказал с палубы Эдди. — Вроде предложений, написанных в воздухе.

— Неужели? — спросил Шалопуто.

— Возможно, он прав, — Кэнди пристальнее вгляделась в пламя. — Погодите… Смотрите!

Она указала мимо Головы. Вдоль горизонта на них катилось черное облако; его тень стирала все, что находилось внизу, двигаясь над залитым лунным светом морем. Извивающиеся пальцы тьмы уже касались лика луны, полной на две трети. И конечно, Гигантской Головы с ее огромными, простыми

очертаниями — по крайней мере, сзади, — стоической и недвижимой. Это была ее сила и слабость одновременно. Она не сдвинется с места, она не может двигаться, и поэтому, когда тьма уйдет, она все еще будет здесь. Но ее жителям не хватало веры Кэнди. Рядом с Головой виднелось порядка сорока лодок, собиравшихся отплыть прочь.

— Что делают эти идиоты? — спросил Шалопуто.

— И куда собираются бежать? — недоумевала Кэнди.

Отправлявшиеся видели надвигающееся облако, и это заставило их пересмотреть свои планы. Несколько лодок, многие из которых были перегружены, повернули обратно или хотя бы попытались это сделать. Последствия таких маневров были неизбежны. Лодки закачались и опрокинулись, вывалив живой груз в воду.

Послышались панические крики и мольбы о помощи. Были и другие голоса, которые не отражали творившегося кошмара и хаоса. Они не кричали, а пели: великое множество людей исполняло песню на старом абаратском. Кэнди не понимала слов, но это было неважно. Величественное спокойствие мелодии утешало, как ее любимый рождественский гимн «Тихая ночь». Она подумала, знают ли эти люди историю любви, рожденной в хлеву, в окружении пастухов и королей, историю яркой звезды, сверкавшей высоко в небе, указывая на то место; на долю секунды она оказалась не посреди чужого моря, которое скрывалось под волнами живой тьмы, затмевающей луну. Она вернулась на Последовательную улицу, в ту давнюю ночь, когда еще не научилась бояться пивного запаха, исходящего от ее отца.

— Луна почти исчезла, — произнес Шалопуто без всякого выражения.

— Похоже, тебя это не очень волнует, — сказала Кэнди.

— А что я могу сделать? На нас летит огромное облако, а я всего лишь тылкрыс с ножом для потрошения рыбы, который забрал у нашего безбилетника и которым даже не умею пользоваться. Надо его отдать.

— Нет, — твердо сказала Кэнди. — Держи нож при себе. В самое ближайшее время он может тебе понадобиться.

— В ближайшее время? Не будет никакого ближайшего времени.

— Будет, будет, — сказал Джон Хват. Он забрался на крышу вслед за ними, чтобы осмотреть окрестности. — Облака приходят и уходят. Таков их образ жизни. На них нельзя полагаться. Они слишком…

— Летучие? — предложил Джон Ворчун.

— Отличное слово! — похвалил Джон Хнык.

— Не все так просто. Это не обычное облако. Его не унесет простым порывом ветра. Оно живое, — возразила Кэнди.

— Откуда ты знаешь?

— Она становится шаманом, — сказал Джон Соня.

И только Кэнди собралась ответить, что ей совсем не нравится, когда о ней говорят так, словно ее рядом нет, как услышала свое имя. Ее звал женский голос. На секунду она испугалась. *Боа?* Нет. Не может быть. Она оглянулась в поисках говорившей. Тем временем братья продолжили обсуждать шаманский потенциал Кэнди так, словно ее действительно здесь не было, и спор постепенно становился все горячее.

— Если она шаман, — заявил Хнык, — то я — единственный ребенок.

— Он прав, — сказал Филей. — Девчонка наполовину сумасшедшая…

— Только наполовину? — спросил Хнык.

— Вы ее недооцениваете, — возразил Джон Хват. — Да, она слегка непредсказуема, но именно это нам и нужно, чтобы спасти Абарат.

— Она знает больше, чем следует знать…

— Больше, чем она знает, что знает…

Кэнди, иди сюда.

Тем временем спор разгорался.

— Филей прав!

— Она замечательная девушка…

— Но эта сила…

— Она не может с ней справиться…

— А что если ты ошибаешься?

Не обращай внимания на их болтовню, Кэнди, — произнес голос.

Ты ведь не Боа? — спросила она, зная, что достаточно сформулировать мысль, и голос ее услышит.

Нет.

С ума сойти…

Пожалуйста, Кэнди. У нас очень мало времени. Отойди от них на пару минут.

Отойти? Вы шутите? — ответила Кэнди. — *Я в лодке.*

Мы знаем, — произнес другой голос. — *Мы тебя видим.*

Услышав второй голос, Кэнди поняла, кто с ней говорит. Она оглядела море в поисках женщин Фантомайя.

Оставь своих болтливых друзей. Иди и поговори с нами.

Где вы?

В четырнадцати шагах от кормы. Спускайся, Кэнди. Быстрее. Нас преследуют швеи Бабули Ветоши. У них колеса лихорадки, и

они двигаются очень быстро.

Что еще за колеса лихорадки?

Узнаешь, когда увидишь, а если нет, радуйся, что этого не произошло.

Теперь, когда Кэнди знала, куда смотреть, она действительно увидела Джефи и Меспу. Они стояли на воде, озаренные светом, который усиливался и слабел, следуя ритму волн. Даже на этом расстоянии Кэнди видела, что путешествие лишило их сил. Одежды были грязными и рваными, лица и руки в крови.

Иди же, — сказала Джефи, маня Кэнди.

Я не умею ходить по воде.

Умеешь, — возразила Меспа. — *Верь в себя.*

Я утону.

Верь. Быстрее!

Кэнди повернулась к Шалопуто и братьям Джонам.

— Я скоро вернусь.

И спустилась по лестнице на палубу. Эдди Профи наблюдал за странным огнем, пылающим на вершине Гигантской Головы.

— Там стоит один из них, — сказал он.

— Из кого?

— Один из восьмерки. Ган Наг!

Он вытянул руку. Кэнди посмотрела на Голову и увидела, что на ней действительно находится создание в элегантной одежде с высокой прической; его рептильные крылья ярко освещались огнем, который он сам поддерживал.

— И что он делает? — спросила Кэнди, перебираясь через борт «Трубача» и стараясь говорить обыкновенным тоном.

— Наверное, кого-нибудь зовет, — ответил Эдди. — Из глубин.

— Стой! Стой! — крикнул Газза. — Ты что делаешь? Куда собралась?

Она посмотрела на него. Свет качающихся фонарей создавал иллюзию, будто его лицо движется, и единственной неподвижной частью оставались только глубокие золотистые глаза.

— Мне надо поговорить с друзьями.

Газза посмотрел на Изабеллу.

— Эти женщины *идут* по воде?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Да.

— Ведьмы?

— Можно сказать и так.

— А ты — одна из них?

— Не совсем. Я учусь, но…

Ты идешь? — перебила ее Джефи. — *Или так и будешь флиртовать с мальчишкой?*

— Они говорят, что ты мальчишка.

— Эти ведьмы?

— Да.

— Если вы хотите поговорить с Кэнди, — заорал он, и эхо его голоса отразилось от Гигантской Головы, — поднимайтесь в лодку!

Давай, Кэнди. Или мальчишка уже успел завоевать твое сердце? Просто решись.

— Иду, — пробормотала она и коснулась ногой воды.

Она попыталась наступить на пенистые барашки. Дела были плохи.

Моя нога проваливается!

— Ты утонешь! — крикнул Газза. — Возвращайся!

Ты сняла обувь? — спросила Меспа.

Нет, вы же ничего не говорили.

Разве это не очевидно? По воде идешь ты, а не твои ботинки.

Хорошо! Сейчас сниму.

Она посмотрела на Газзу.

— Держи меня за руку.

— Наконец-то разумная мысль, — сказал он.

— Не слишком радуйся. Я просто сниму обувь. Держи.

— Я тебя не отпущу.

— Ты только посмотри. Они пререкаются, как муж и жена, — сказал Эдди.

— Ладно. Я просто… должна… должна…

Она то и дело запиналась, пытаясь стащить ботинки с ног и одновременно не потерять их. Ей нравились эти ботинки. Они были абаратскими, переливающегося синего цвета, с маленькими животными, разгрывающими цирковое представление. Но ей было очень неудобно держать Газзу за руку и одновременно забираться пальцами под ботинок, чтобы…

Ее левый ботинок соскользнул и с тихим плеском упал в воду. Он мгновенно ушел ко дну. Другой стянулся легче, и через несколько секунд последний луч исчезающей луны коснулся животных, танцующих на чистом синем фоне, который не снился даже небесам. Она бросила его на палубу.

— Ну вот, — сказала она Газзе. — Я готова.

Тогда вперед, — произнесла Меспа.

Кэнди отпустила руку Газзы и вернулась к лестнице, несмотря на его возражения. Она поставила босую левую ногу в воду. Нет, не в воду, а на нее. Поверхность была не совсем плотной, но смогла ее выдержать. Она посмотрела вверх. За ней наблюдал Шалопуто.

— Только не говори, что собираешься идти!

— Плаваю я ужасно, — сказала Кэнди, — так что… да.

— Ты с ума сошла.

— Именно это я и говорю, — кивнул Газза.

Внезапно она почувствовала, что вода, которая до сих пор удерживала ее ногу, стала податливее.

Никаких сомнений, Кэнди, — сказала Джефи. — *Все великие вещи парадоксальны.*

— Не волнуйся, — сказала она Шалопуто, глубоко вздохнула и отвернулась от сомнений, написанных у него на лице.

— Я не утону, Шалопуто. Не утону!

— Ты можешь вернуться.

— Нет, не могу, Шалопуто. Ты знаешь, что не могу. Я готовилась к этому испытанию с тех пор, как прибыла сюда… нет, с тех пор, как родилась.

— Совершенно сбрендила. Она… — пробормотал Хват, вместе с братьями и Шалопуто наблюдая эту сцену.

— Я слышала, — сказала Кэнди.

Забудь о них, — произнесла Меспа. — *Сейчас ты должна доказать свое право вершить историю или утонуть в воде, по которой собираешься идти. Ты можешь. Ты отвечаешь только перед своим собственным Я, а оно отвечает только перед Творением.*

Она посмотрела на ногу, которая собиралась сделать шаг. Если Ведьму необходимо сместить с трона Империи Полуночи, то у Кэнди в этой игре была своя роль. Она это понимала. А если она собиралась ее исполнить, то должна была пройти по воде, что и собиралась сделать.

— Я… — Вода удержала ее. — Собираюсь… — Да! У нее получилось! — Идти!

Это не сон. Это не реальность. Это твой ум и Творение, мыслящие вместе. Идущие вместе.

Послушать вас, так все просто, — сказала Кэнди.

Это легче, чем утонуть, — ответила Джефи.

Я не собираюсь тонуть.

Тогда что?

Я пойду!

И она пошла. Это было не так сложно, как ей представлялось. То и дело она чувствовала, как под ее пяткой движется водоворот, и это несколько ее тревожило, но в остальном она шла словно по песчаным дюнам: мягкие подъемы, крутые спуски. Она не сводила глаз с Меспы и Джефи и очень скоро, оказавшись достаточно близко, увидела, что женщины стоят в центре большой спирали из рыб со светящимися внутренностями: одни были синими, другие — алыми, третьи — бирюзовыми или

золотистыми.

Чем ближе подходила Кэнди, тем выше и плотнее становились изгибы спирали, а самые маленькие рыбы описывали сложные кривые прямо под ногами женщин, демонстрируя Фантомайя свою преданность, и спускались по центру зиккурата к свету, сиявшему глубоко внизу, который пульсировал, словно большое кружевное сердце.

— Итак, — сказала Кэнди, — какие новости?

Глава 39
Глядя вперед, глядя назад

— Новостей много, — проговорила Джефи, — а времени мало. Нам совсем не хочется, чтобы швеи выследили нас вместе с тобой.

— Тогда почему вы пришли сюда лично? — спросила Кэнди. — Вы общались со мной мысленно, когда я была в лодке. Разве нельзя делать это на расстоянии?

— Поверь, мы пытались, — ответила Меспа. С тех пор, как Кэнди видела женщину в последний раз, ее короткие волосы отросли, а жесткие черты лица смягчила глубокая печаль. — Но твои мысли были заняты сном.

— Простите. У меня возникли некоторые семейные проблемы.

— С твоим отцом? — спросила Джефи.

— Да, — ответила Кэнди.

— *Отец,* — сказала Джефи. — Конечно. Отец.

Кажется, слова Кэнди дали ответ на какую-то волновавшую их проблему.

— Почему мы не подумали о нем раньше?

— Потому что он пьяный идиот, — резко ответила Меспа.

— Вы пришли поговорить со мной об отце?

— Раз уж ты затронула эту тему, да. Мы пытаемся составить общую картину и не очень в этом преуспели. Возможно, твой отец важен.

— Для кого?

— Для будущего, — ответила Меспа.

— А вы уверены, что оно вообще есть?

— Почему ты в этом сомневаешься?

— Потому что Тлен сказал…

— Погоди, — перебила Джефи. — С тобой говорил Кристофер Тлен?

— Да. Он оказался в Тацмагоре, когда там были и мы. Он сказал, что мне надо уходить, пока все не стало еще хуже.

— Какой вид он принял?

— Он был в ужасном состоянии.

— Он мертв?

— Нет, он жив. Но едва держится. Он сказал, что его спасли кошмары. Наверное, они успели в последнюю минуту, потому что я никогда не видела, чтобы кто-то выглядел настолько плохо и *сломленно*.

— Ну, хоть на том спасибо, — сказала Джефи.

Она посмотрела на Кэнди, ожидая реакции, но Кэнди не могла радоваться из-за жалкого состояния Тлена. Обе женщины отметили ее молчание.

— О, *Джанда, Джанда,* — проговорила Джефи, запустив пальцы в длинные мокрые рыжие волосы и убирая их от лица. — *Б'етта, Б'йоммо. Катакут, Мониурр…*

— Успокойся, сестра.

— Ты говоришь *успокойся,* словно наша проблема — какой-нибудь загоревшийся дом. Мы видим падение Абарата, Меспа!

— И всеми силами стараемся его спасти, — ответила Меспа. Ее взгляд вернулся к Кэнди. — С единственным оружием, которое у нас есть.

— Оружие против чего? Против кого?

— Для начала, против Кристофера Тлена.

Кэнди отвернулась от женщин и посмотрела на спираль, которая заканчивалась между ними. Крошечная светящаяся рыбка выпрыгнула из воды, проделала в воздухе три сальто, после чего плюхнулась обратно и начала долгий спуск.

— Вы ошибаетесь насчет Тлена, — сказала Кэнди. — Он не опасен. Он пытался вернуть меня в Иноземье. Он за меня волновался.

— У вас двоих всегда были странные отношения, — заметила Меспа.

— У нас *троих,* — ответила Кэнди. — Он любил ее. А она его использовала.

— Тлен не способен любить.

— Вы снова ошиблись, — сказала Кэнди. Внезапно ее охватил гнев, слишком сильный, чтобы его утихомирить. — Вы очень быстро судите, но не всегда правы. — Женщины молчали, чем Кэнди и воспользовалась. — Боа — вот настоящий монстр, — продолжила она. — Но этого вы не видели. Вы слишком хотели обвинить Плохого Мужчину. Бедная принцесска — ведь женщина не может быть злой, верно?

— Это такое *убогое упрощение,* — сказала Джефи.

— Да. Так оно и есть, — ответила Кэнди. — *Вы* должны были лучше разбираться.

— Это не…

— Это правда. Я знаю. Вы вселили в меня эту злобную тварь и оставили наедине с ней.

— Мы за тобой присматривали, — сказала Меспа. — И видели, что ты несчастна. Но в твоем несчастье не было ничего, что отличало бы его от несчастья других твоих сверстников.

— Кстати, где твои остальные друзья? — спросила Джефи.

— Бетти, Клайд и Том отправились на Балаганиум. Женева собирается разыскать Финнегана Фея. Он где-то на острове Частного Случая.

— Он там не задержится, — сказала Меспа. — Мы видели, как он отправлялся на Хафук с…

— Принцессой Боа, — уныло сказала Кэнди.

— Значит, это правда?

— Что мы разошлись? Да. Я выкинула ее, раз и навсегда.

Прежде, чем женщины успели ответить, со стороны Гигантской Головы раздались новые крики и молитвы.

— В чем там дело? — спросила Кэнди, глядя мимо Меспы и Джефи на корабли у пристани. Воды бурлили и пенились, и их движение было столь яростным, что многие лодки перевернулись.

— Это его работа! — сказала Кэнди, указав на фигуру, стоявшую на вершине самой высокой башни. — Ган Наг!

— Откуда ты его знаешь?

Не успела она договорить, как из взбаламученных вод появились щупальца чудовища левиафанских размеров. Их огромные кольца развернулись и начали крушить Гигантскую Голову.

— О нет, — пробормотала Меспа. — Эти люди…

— Нам пора, — сказала Джефи. — Спасем, кого сможем.

— Идемте вместе, — предложила Кэнди.

— Нет, — ответила Меспа. — Хочешь быть полезной — останови Боа.

— Как?

— Используй свои знания, — ответила Джефи. — А то, чего не знаешь, учи.

Щупальца быстро обвились вокруг башен, короной украшавших Голову, и потащили их вниз. До них долетел громкий гул разрушения, словно огромная волна, накатившая на берег, смывала в море камни и людей. Бежать было бесполезно. Лодки, которые не перевернулись бурными водами, оказались теперь под градом камней. Никто не выжил.

Море вокруг Веббы Гаснущий День быстро покрылось остатками лодок и их пассажиров, перекатывавшихся в кровавом приливе, пока их осыпал каменный дождь. Что касается Ган Нага, который призвал это чудовище, он и его сверхъестественный огонь все еще находились наверху, объятые тьмой, в том самом месте, где они были, когда башня под ними еще существовала.

— О нет, — прошептала Кэнди. — Здесь жила моя знакомая женщина и двое ее детей.

Гигантская Голова продолжала разрушаться; щупальца зверя метались по камням, но гигантский размер не умалял их

жестокой аккуратности. Они осторожно приподнимали камни и вытаскивали из-под них тех несчастных, что пытались спастись.

Внезапно Меспа подняла голову.

— Возвращайся в лодку! — крикнула она. — Беги. Беги!

— Что случилось?

— Швеи! Они здесь.

Она оттолкнула от себя Кэнди.

— *Беги же!* — крикнули обе женщины Фантомайя и припустились в противоположном направлении.

Кэнди обернулась к «Трубачу». Она видела Шалопуто, Эдди и Газзу у висевших на носу ламп. Шалопуто махал ей рукой, Газза начал делать то же самое. Кэнди обернулась, собираясь попрощаться с Фантомайя, но те уже исчезли. Единственным указанием на них стали преследовательницы — пятеро женщин с развевающимися длинными волосами, что стояли на могучих машинах из раскаленного железа, в три раза выше собственных водителей. Перегоняя друг друга, они преследовали по Изабелле свою невидимую добычу. Кэнди смотрела на них не дольше пары секунд, а потом побежала к лодке.

Во всех направлениях от обломков Гигантской Головы распространялось все то же яростное послание. Вода под ногами Кэнди дрожала, и колебания были столь мощными, что она опасалась, как бы ей не провалиться в море. Такую дрожь вызывало разрушение Гигантской Головы, но она не смотрела на эти ужасы. Она сосредоточилась на «Трубаче». Ей кричали Шалопуто и Газза. Голос Газзы был громче шума падающих камней.

— *Давай!* Не смотри назад! Смотри на меня! — Он тянулся к ней так, словно мог ухватить ее теми самыми руками, которые недавно ее отпустили. — *Беги, Кэнди!*

Она услышала другой звук, заглушавший голос Газзы, шум погибели и разрушения. Нарастающий стон колеса лихорадки и безумный крик чудовища, которое им управляло.

Газза прав. Ей нельзя оглядываться. Но она все-таки совершила эту ошибку.

Кэнди едва разглядела колесо, но этого было достаточно, чтобы понять, в какой беде она оказалась. Колесо лихорадки летело в десяти метрах позади нее, и от его приближения каждая кость в ее теле вибрировала. У швеи, которая им управляла, было искаженное злобой лицо, черный провал кричащего рта и развевающиеся волосы, словно белая краска, брошенная в беззвездное небо.

— Беги! Беги! — кричал Газза.

Кэнди вложила в свой последний рывок все, что у нее было:

всю свою силу, весь свой гнев, даже страх за то, что это окажется бесполезным, и она никогда не коснется рук тех, кто ее любил, и не скажет Газзе, что она чувствовала, но не знала, как выразить.

Это глупо и жестоко. Увидеть лицо человека, приснившегося в каком-то другом сне, сне о любви, но так и не сказать ему: *Я тебя знаю. Я всегда тебя знала.*

Она никогда ему не скажет.

Колесо ее убьет. Брызги обжигающей воды коснулись ее шеи. Было больно. Но совсем не так, как мысль о том, что она…

Никогда…

Мимо нее пролетели разматывающиеся огненные веревки, взорвав воду в месте своего соприкосновения с ней, мигом вскипятив и вознеся к небу колонны пара…

Никогда…

Теперь к охватившему ее ужасу добавился крик швеи. В нем были фрагменты слов, которые она слышала или даже использовала, растворенные в яростном вихре воплей воительницы:

— Шшшаанаммаасхинигаджаямданаммандасига-фифшинууррефриддиаджардадчаладжикфлоатакаиемамами…

Слышать эти гласные и согласные было невыносимо, как будто в голову Кэнди вонзались иглы, и все, что она могла сделать, чтобы не добавить к этой какофонии свой собственный крик…

— Никогда!

Это произнес Газза.

В отчаянии Кэнди посмотрела на «Трубач» и увидела, что он поднял Эдди себе на плечи.

— НИКОГДА! — сказал он снова.

А потом Эдди бросил мачете. Из его руки словно вылетел луч света, мигом исчезнув в тени, и все, что она уловила — лишь звук, когда он летел к ней, быстрый вздох, странным образом заглушивший все остальные звуки, — а потом мачете появился вновь, пронесясь у нее над головой.

Она не могла не посмотреть, куда он полетел, развернувшись в тот самый миг, когда выражение лица швеи изменилось — она поняла, навстречу чему так стремится. Мачете попал ей в шею, и ее голова взлетела к темным небесам, омытая алой волной.

Кэнди не стала дожидаться, пока она упадет. Хотя колесо потеряло своего водителя, оно все еще было на ходу.

Вновь она сосредоточилась на «Трубаче» — вернее, на одном из тех, кто там стоял, — и помчалась вперед. Колесо взвизнуло, затем рухнуло, перевернувшись. Кэнди почувствовала, как ее спину омывает волна ледяной воды. Она не стала оборачиваться,

чтобы взглянуть, действительно ли колесо больше не опасно. Задыхаясь, она бежала и бежала до тех пор, пока не оказалась у лодки. Она увидела, как первыми к ней потянулись руки, что совсем недавно ее отпустили — они вновь подхватили ее и обняли крепче, чем кто-либо, державший ее прежде.

Глава 40
Кости и смех

С тех самых пор, как погибла его принцесса, Финнеган искал это место. Сейчас он целый день бродил по острову Частного Случая. Наконец, он нашел его в глубинах горного массива этого Часа — место, куда, по легендам драконьих семей, отправлялись провести последние часы своей жизни их умирающие собратья. Там они угасали, оставляя гнить свои тела среди бесчисленных скелетов других червей, столетиями приходивших умирать в эти пещеры.

Теперь он стоял в самом тайном из всех тайных мест, которое благодаря гению воды и камня превратилось в подобие собора, столь большого, что в него три или четыре раза мог бы поместиться Коммексо. Его освещали флуоресцентные грибы, разраставшиеся на костях мертвецов. Они вырастали по углам этих пещер, придавая воздуху серую бледность, которая добавляла пространству величия. Но этого огромного собора едва хватало, чтобы хранить в себе невероятное количество драконьих костей, скапливавшихся здесь в течение столетий; некоторые попадали сюда благодаря скорбящим, что приносили тела королей-драконов или обыкновенных солдат; другие были оставлены убийцами, украсившими их последний путь рубленым мясом и чешуей, словно для того, чтобы потерять среди останков ушедших прежде.

Местами они были навалены друг на друга, как пятнистые сугробы на фоне стен в сотню футов вышиной, а в других местах просто рассыпаны по полу: кости, превращенные временем в осколки, осколки — в крошево, крошево — в пыль.

— Приятный вид, — пробормотал Финнеган.

— Разве в этом дело, Фей? — раздался старый, полный боли голос. Нарушив гнетующую тишину, его вибрации произвели среди костей едва заметные перемены. Из глазниц драконов, умерших в материнских утробах, поднялась пыль.

— Дита Маас? — произнес Финнеган. Он вытащил свой меч и кинжал. — Покажись.

— Я здесь, — произнес древний голос. — Взгляни.

Действительно, прямо перед ним двигалось нечто. Оно шло невероятно медленно, и Финнегану потребовалось несколько секунд, чтобы различить форму. Когда он ее обнаружил, то сразу понял, что видит создание, которое, подобно ему, являлось плодом запретного союза. Финнеган родился у отца Дня и матери

Ночи. Но Дита Маас, хранитель этого склепа, был рожден в гораздо более странном браке: союзе дракона и человека. Шестнадцать лет Финнеган убивал представителей народа Драконов, но всегда давал Маасу понять: в глубине души он знает, что забирает жизни невинных. Позволяя ему отыскать и принести сюда их тела, он примирялся с этим фактом.

Некогда Маас мог производить устрашающее впечатление. Он достигал почти четырех метров в высоту, даже когда сутулился. Его грозная голова сочетала в себе черты адской рептилии — длинный череп, узкие глаза, золотисто-зеленая чешуя, ядовитые зубы, рядами выстроенные в гниющих деснах, — и человекообразные части, наиболее заметной из которых была его вертикальная поза на изогнутых задних конечностях. При ходьбе он использовал примитивный костыль из костей, связанных лентами ткани, на который опирался всем своим весом, приближаясь с величайшим трудом. Каждый шаг причинял ему боль. Имелись и другие, менее заметные признаки его человеческой природы: места, где чешуя пропадала, обнажая полупрозрачную кожу с сетью темно-синих вен, пульсирующих на бледно-фиолетовых мышцах; грязные белые волосы, отросшие до пояса; то тут, то там на его лице виднелась борода, в столь же плачевном состоянии выраставшая из фрагментов плоти между чешуей.

— Мне казалось, ты моложе, — произнес Финнеган.

— Я жив, — ответил Дита Маас. — И в некотором роде это победа. Мне, должно быть, сто тринадцать лет. А теперь, я полагаю, ты пришел сделать так, чтобы я не увидел сто четырнадцатого.

— Ты меня сюда позвал, — напомнил ему Финнеган.

— Да. Мы возвращаемся на шестнадцать лет назад, Финнеган. Я подумал, что из-за происходящего на небесах у нас не будет другой возможности встретиться лицом к лицу. Поэтому я воспользовался предложением, пока оно было, так сказать, здесь, во прахе.

— Каким предложением?

— Истинного отправителя послания, которое я передал тебе.

— Если не ты, то кто? — спросил Финнеган, поднимая меч. Это был тяжелый клинок, которым было непросто работать. Гораздо более крепкие, сильные и мощные воины, нежели Финнеган, пытались использовать его, но решили, что драться им почти невозможно. Однако Финнеган научился. В бою меч позволял ему чувствовать себя легче и быстрее двигаться.

Если, как он подозревал, это приглашение Дита Мааса было последней попыткой выживших драконов его убить, он так легко

не сдастся. В конце концов, наступала ночь империи Полуночи. По пути сюда он видел, как исчезли все звезды. Если это не станет концом мира, он удивится — на самом деле даже разочаруется. Он хотел прекратить свое одиночество и свою ярость. Если концу мира суждено произойти, где его встретить, как не здесь? А кто сумеет излечить его от жизни, как не одно из тех созданий, которое лишило его надежды и счастья? Последняя битва до смерти — на этот раз его собственной.

— Я готов, — сказал он Маасу.

— Сомневаюсь, — ответил тот.

— Смерти я не боюсь, — ответил Финнеган.

— Я не сомневался в этом ни на секунду. Но здесь тебя ожидает не смерть.

— Что же?

— Твоя любовь.

— У меня нет любви!

Звонкий, чистый смех раздался из-за кучи костей и разнесся по склепу. Из теней выступила элегантно одетая женщина. Поднятый меч Финнегана опустился на землю под собственным невероятным весом.

— Привет, Финн, — улыбнулась Боа.

Глава 41
Прах дракона

— Ты не можешь быть ею, — произнес Финнеган. Его голос дрожал. — Она умерла. Я держал ее в своих руках.

— Знаю. Я была там.

— Нет!

— Мне казалось, ты будешь счастлив…

— Если бы ты была настоящей…

— Помнишь письмо, которые ты нашел? Оно было написано твоим дедом с поля битвы на острове Частного Случая, во время последней войны. Письмо твоей бабушке. Ты читал мне из него отрывок.

— Продолжай, — ответил Финнеган тише.

— Там была часть, которая тебя злила: в ней твой дед рассказывал, что происходит после смерти. Ты считал, что он ошибается. Ты говорил, что это эгоистичное письмо, и твой дед не думал, как эти слова повлияют на того, кто его прочтет. Ты был такой злой и хотел, чтобы дед узнал, что ты чувствуешь.

— Да. Помню. Но я не мог ему сказать, поскольку он был мертв.

На лицо Боа вернулась улыбка, сияющая, как всегда.

— Ты пытаешься обмануть меня, Финнеган Фей. Хочешь меня поймать, верно?

— Не понимаю, каким образом.

— Ты знаешь, что он не был мертв. Когда ты читал мне письмо, он был еще жив.

Оба слушателя, человек и дракон, пораженно смотрели на нее.

— Ладно, — сказал Финн. — Это ты. Хотя не знаю, как такое возможно.

— Я думала, ты будешь рад меня увидеть.

— Ну… понимаешь ли… ты была мертва. Я жил, уверенный, что ты умерла и похоронена в королевском мавзолее на острове. А ты, оказывается, жива-здорова.

— Нет. Я была пленницей. Но я сбежала. — Ее улыбка превратилась в смех. — Я сбежала, Финн! И вернулась, чтобы любить тебя.

Финнеган попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло.

— Просто это кажется невозможным.

— Конечно, кажется. Но вчера тебе бы и в голову не пришло, что наступит день, когда небо почернеет, и все звезды исчезнут.

— Поэтому ты здесь? Это ты сотворила?

— Уничтожила звезды? — переспросила она. При этих словах в самом ее существе произошли какие-то изменения. В ней зажегся огонь, отбросивший ослепительный свет. Он появился на ее коже, в ее глазах, в горле. — Думаешь, я на такое способна, Финн? Погрузить мир во тьму? — Она склонила голову, словно дикое животное, готовящееся к прыжку. — Ты… действительно так считаешь?

— Я не знаю, на что ты способна, — ответил Финнеган. — Откуда мне знать?

— Потому что я — твоя принцесса.

— Перестань так говорить.

— Но это правда. Взгляни на меня, Финн! *Да посмотри же!* Разве я — не та самая женщина, на которой ты собирался жениться?

— Слишком та, — ответил он, немного отвернувшись и глядя на нее искоса, как будто желая разрушить притяжение совершенства и увидеть то, что скрывается за ее красотой. Но это не помогало. Он был вынужден спросить:

— Как я могу верить в то, что вижу, если не понимаю, как это случилось?

— Прикоснись ко мне, Финн, и я тебе скажу. — Она улыбнулась шаловливой улыбкой. — Обещаю, что не превращусь в чудовище, когда ты до меня дотронешься. — Она направилась к нему, поднимая руку и протягивая ладонь. — Пожалуйста, Финн. Я тебя умоляю. Я так долго ждала.

— Где ждала? Кто держал тебя в плену?

— Коснись меня, и я тебе все объясню. *Давай.* Я вернулась, чтобы быть с тобой, Финн. Разве одно прикосновение способно навредить?

— Не знаю.

— Нет, не способно, — сказала она. — Вот, смотри. — Она взяла его за руку. — Я настоящая. Живая.

Наконец, Финн улыбнулся и провел рукой по ее ладони; большой палец нежно коснулся косточки ее запястья. Он почувствовал, как в ее венах пульсирует кровь. И тогда, как и обещала, Боа рассказала ему все, насколько это было возможно. Пока гости на свадьбе наблюдали за битвой между Финнеганом и драконом, женщины Фантомайя приблизились к ее мертвому телу, завладели душой, перенесли ее через границу между Абаратом и Иноземьем и спрятали в утробе женщины, которая вот-вот должна была родить.

— Значит, все это было спланировано? — спросил Финнеган.

— По правде сказать, я и сама не знаю. Не понимаю, как

такое можно спланировать. Фантомайя хотели защитить мою душу и увидели возможность спрятать ее там, где никто из Абарата не станет искать. Через несколько часов родился ребенок. Но большую часть из этого ты уже понял, — сказала Боа. — Я несколько раз видела замешательство на твоем лице. Ты что-то чувствовал к этой девушке, но не знал, почему. Я права? — Она сделала маленький шаг и коснулась ладонью его лица. — Не вини себя за это, — произнесла она. — Ты видел не ее. Сквозь нее ты видел меня. Я была ее пленницей. И не могла себя защитить. Я оставалась заперта в ее голове, год за годом наблюдая за ее жалкой жизнью. Думая о том, что происходит здесь. Всегда, всегда думая о тебе. О том, женился ли ты после моей смерти.

— Финн, все это ложь, — произнес Маас.

— Но эта ложь не может причинить мне вред, — ответил Финнеган.

— Будь осторожен в своих привязанностях, Финнеган Фей. Рядом с тобой находится порочность куда более значительная, чем любые преступления существ, чьи кости нас окружают. Некоторые из них были слабы. Другие — глупы. У кого-то имелись хозяева, которые требовали от них совершения ужасных вещей. Но среди них были и невинные. Ты знаешь это, Финнеган.

— Ты прав. Я это признаю. Я убивал во гневе. Я убивал от одиночества. Я примирюсь с духами, которые здесь обитают. Но не сейчас. Сейчас у нас другие проблемы.

— Под другими проблемами ты имеешь в виду Империю Полуночи? — спросил Маас.

— С каких это пор она стала Империей?

Маас пожал плечами.

— Не знаю, была ли она ею когда-нибудь. Но так говорит Бабуля Ветошь. Собирается тьма. И это ее работа. Если у нее все получится, она станет императрицей островов.

— Тьма настолько ужасна?

— Да, эта тьма такова. И она разносится подобно чуме. Полагаю, женщина с твоими талантами может об этом кое-что знать, — произнес Маас, поворачиваясь к Боа.

— Не слушай его, Финн. Он делает именно то, что я говорила. Он пытается отравить наше счастье.

— Какие таланты, Маас? — спросил Финнеган. — О чем ты говоришь? Если тебе есть что сказать…

— Нечего ему сказать, — быстро перебила Боа. — Всё это драконья слизь, которой он хочет меня покрыть. Я уже бывала в их челюстях, Финн. И знаю, как они воняют. Ближе всего к реальной человечности он оказывается, когда ужинает людьми.

— Превосходно, принцесса, — сказал Маас с угрюмым

одобрением. — Воспламени его ярость речами о драконах, и он, быть может, забудет, что на самом деле не доверяет тебе.

— Хватит, Маас, — резко произнес Финнеган. — То, что мы не видим звезд, и мир, возможно, катится во тьму, не означает, что я прощу любые твои слова. Оскорбление есть оскорбление. Поверь мне, Маас, еще одно слово против моей принцессы, и твоя голова упадет быстрее, чем звезда с неба.

То ли из страха за свою жизнь, то ли из искреннего раскаяния, Маас сложил свои когтистые лапы у сердца, правую на левую.

— Прости меня, Финнеган Фей, — сказал он, склоняя свою тяжелую голову. — Я слишком долго оставался в обществе мертвецов. Я позабыл о простой вежливости.

— Этого недостаточно, — сказала Боа.

Она взяла Финнегана за руку, и он ощутил поток холодной силы, двигавшийся по ее руке, вливаясь в него через ладонь. Казалось, его мышечная масса растет, и он был этому рад. В Империи Полуночи будут враги, вернувшиеся при этих благоприятных обстоятельствах, и ему понадобится вся сила, чтобы защитить от них Боа. Будет нелегко, но с ее помощью он сумеет загнать их в безопасное место, если таковое существует.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Боа.

— Хорошо. — Он потряс руку так, словно всю жизнь она спала, а теперь просыпалась.

— По-моему, она стала гораздо сильнее, чем раньше… что именно ты сделала?

— Убрала камень, лежавший между тобой и тем, что всегда в тебе было. Возьми меч.

Он поднял меч; выскользнув из ножен, клинок издал звук, подобный перезвону великолепного колокола.

— Никогда раньше он не казался таким легким.

— И он никогда не был таким острым, — сказала Боа, проведя рукой над мечом. Вдоль лезвия пробежал яркий отблеск. — А теперь, — продолжила она тихо, — используй его.

— Для чего?

— Для того, к чему он предназначен. Убей.

— Мааса?

— Конечно.

— Он совершенно безвреден, моя леди.

— А я говорю, что это не так. Финнеган, поверь. Убей его. Тогда нам больше не придется об этом думать.

Пока решалась его судьба, Маас не двигался. Он просто ждал, прижав руки к груди.

— *Давай!* — сказала Боа.

— Он нам не угрожает, принцесса. Посмотри на него.

— Я и забыла, каким упрямым ты можешь быть, — ответила она. — Ты никогда не видел того, что находилось прямо перед тобой.

— Прямо передо мной ты, принцесса. И сейчас тебя непросто увидеть. Я пытаюсь. Изо всех сил. Но есть что-то…

— Разумеется, — сказала она с усталым раздражением. — Во мне всегда будет что-то новое. Иначе станет скучно.

Он раскрыл рот, чтобы ответить, но Боа его опередила.

— Хочешь сказать, сейчас не время для игр, потому что «миру вот-вот настанет конец», а я тебе говорю, что если он действительно настанет, имеет смысл немного повеселиться.

— Согласен.

— Хорошо. Тогда развлеки меня.

— Как?

— Закончи свое дело!

— Вы оба сошли с ума… — произнес Маас, и его слова разнеслись по пещере, набирая силу с каждым эхом.

— Весьма вероятно, — сказал Финнеган.

— Ты так думаешь? — спросила Боа. — Годы плена. Годы горя. Они сводили меня с ума. Да, я знаю, что такое безумие. У меня его более чем достаточно.

— Но все закончилось.

— Почти.

— Нет, закончилось. Что бы ни было там, снаружи, вместе мы с этим справимся.

— Финн, ты должен завершить то, что мы здесь делаем.

— Все завершено.

— Но у этого дракона до сих пор голова на плечах.

— Я не стану его убивать, Боа.

— Ладно. Тогда его убью я.

— Хочешь, чтобы его кровь была на твоих руках?

— Не говори мне, чего я хочу, — ответила она.

— Это могущественные духи, Боа.

— Боишься призраков? — спросила она, и презрение в ее словах отравило атмосферу между ними.

— Не боюсь. Уважаю.

— Кого? Мааса? — Она посмотрела туда, где стоял Дита Маас, однако теперь он сошел с места.

— *Иди сюда, червяк!* — произнесла она. Ее голос не стал громче, но в нем чувствовалась невероятная сила, и он мгновенно разнесся по склепу, долетев до каждого уголка. — *Я! Все равно! Заполучу! Твою! Голову!*

Маас исчез.

С каждым словом голос Боа становился все сильнее, и когда она дошла до пятого слова, мелкие кости, покрывавшие груды больших, начали дрожать, освобождаясь и скатываясь вниз, словно толпы, собирающиеся во всех частях склепа. Кости не просто скользили вниз. Они прыгали, вращались, переворачивались и крутились. Их движение не останавливалось, даже когда они достигали подножия костяных холмов.

Они скакали среди осколков и праха, распространяя вокруг принесенное с собой возбуждение. По мере того, как во тьме вырастали облака пыли, они начали образовывать ясные формы, возникавшие из памяти праха существ, которыми они когда-то были. Драконы возвращались! Неважно, сколь велики они были или сколь сложны оказывались их формы и цвета — все они оставались зашифрованы в каждой пылинке собственного праха. Каждый дракон был запечатлен в любой частице, некогда составлявшей его тело; в каждой из них они находились во всей своей полноте. Их величественные формы возникали во всех пещерах: переливающаяся чешуя, красота золотистых глаз, фиолетовые, красные, зеленые оттенки массивных крыльев.

— *Маас!* — закричала Боа. — *Зачем ты это делаешь? Я требую, чтобы ты прикончил этих тварей!*

— Он не может убить то, что уже мертво, принцесса, — сказал Финнеган.

— Это драконья магия. Мне это не нравится. *Маас!*

— Я здесь, — ответил жрец, хотя теперь разобрать направление, откуда шел его голос, было гораздо сложнее.

— Покажись, *Маас.* Финнеган тебя не тронет. — И тут же добавила шепотом, обращаясь к Финнегану. — Отруби верх его головы. Он опасен.

— Ты ведь так не думаешь.

— Если ты слишком слаб, чтобы это сделать…

Она подняла левую руку, в которой держала сверкающий клинок.

— Маас! — крикнула она. — Где ты?

Внезапно на середине слова она замолчала, ее глаза остекленели. Рот больше не мог удерживать слова, которые она собиралась произнести, а рука не могла удерживать клинок. Он выпал у нее из пальцев, и в этот миг Финнеган поймал смазанный образ Диты Мааса, стоявшего позади принцессы, чуть справа. Он положил руку ей на шею, коснувшись какого-то важного места и передав магический приказ замолчать.

— Прошу, не надо, — проговорил Финнеган.

— Не надо что? Выпотрошить ее точно так же, как она собиралась выпотрошить меня? Именно это она и хотела сделать.

Ты был слишком слаб. Она хотела все сделать быстро. «Он опасен». Так она обо мне говорила. Разве ты не удивился? Не думал, *почему* я так опасен?

— Отпусти ее, Маас. Я тебя не трону.

— Разве ты не хочешь знать ее тайн, Финнеган?

— Не от тебя. Отпусти.

— Тогда ты увидишь это сам.

— Что увижу?

— Ее маленькое убежище на Хафуке.

— На Хафуке? Она никогда…

— Вы оба можете идти, и благодарите силы этого места. — Призрачные драконы продолжали возникать, их образы вырастали со всех сторон. — Думаю, мертвые должны желать твоего прощения. Они глядят на тебя с жалостью, Финнеган, поскольку тебе предстоит страдать. Ты думаешь, что страдания закончены, ибо она к тебе вернулась, но ты ошибаешься. Страдания только начинаются.

— Отпусти ее, Маас.

— *На Хафук, оба!*

Финнеган почувствовал, как воздух вокруг него содрогается, и пещерные драконы начали удаляться.

— *Маас!* — взревел Финнеган.

А потом пещера исчезла; он оказался во тьме другого острова, другого Часа. В этой тьме существовал лишь один источник света, исходивший из щели под дверью неподалеку от места, где стоял Финнеган.

Воздух вновь задрожал, и рядом с ним оказалась его принцесса.

— Нож, — произнесла она, глядя вниз. — Он был у меня в руке!

— Боа, мы на Хафуке. Он сказал, что ты сюда приходила. — Он смотрел на нее, но здесь было слишком темно, чтобы разглядеть выражение ее лица. — Это правда?

Боа огляделась и поняла, что Финнеган прав. Она вздохнула.

— Да, любимый. Это правда. Думаю, рано или поздно ты бы об этом узнал. Идем. Я покажу тебе свои тайны.

Вместе они прошли сквозь темноту к двери, из-за которой лился свет. Вокруг стояла тишина. Никакого движения. Никаких песен. Здесь были только они двое.

— Ничего не трогай, — велела она и первой вошла внутрь.

Глава 42
Враги

В комнате с картой-мозаикой на вершине Башни Иглы Бабуля Ветошь обозревала свое творение и была довольна тем, что видит. Империя Полуночи, создание которой она планировала, ради которой трудилась, ради которой жила, ныне охватывала Абарат от горизонта до горизонта, исключая Двадцать Пятый Час, хотя, как ей казалось, это был лишь вопрос времени, когда самый извращенный Час падет к ее ногам. Куда бы Бабуля Ветошь не кинула свой удаленный взор, она наблюдала все ту же победоносную историю опустошения. Там, где некогда был покой, ныне бурлили хаос и насилие. Там, где жила радость, распространялись паника и ужас.

На нескольких островах она видела отчаянные попытки добыть свет, чтобы прогнать тьму. Многие, к ее удовольствию, заканчивались катастрофой.

На Хлюстмазурике шаман племени амуррузов вместе со своими воинами попытался подняться к удушливой тьме над головой, намереваясь прорубить дыру к звездам. Но расплод был угрожающе агрессивен, несмотря на то, что они составляли мозаику из собственных переплетенных тел и затвердевавших выделений. После краткой и шумной стычки на повернутые к небу лица амуррузов выпал дождь из останков, возвестив жестокий конец этого храброго, но глупого поступка.

На острове Черного Яйца глава племени ялапемото приказал зажечь яму со взрывоопасным маслом каизаф, которое в течение нескольких часов давало успокаивающее тепло и свет. А потом топливо в неглубокой яме полностью выгорело. Голодное пламя последовало по течению масла к отверстию, питавшему яму, которое разделялось, ветвилось и распространялось по всему плато. Через полчаса в земле начали появляться трещины, за ними последовали провалы, откуда вырвался огонь, унося тысячи жизней народа ялапемото.

И пока эти невероятные глупцы игрались, из своих убежищ выходили враги. Бабуля Ветошь не могла видеть появления их всех, но заметила достаточно. Из своих нор выбирались самые разные создания — звероподобные, гротескные, безумные, инфернальные. Некоторых она знала по именам, записанным в гримуарах: чудовищные потомки Восьми Зол, которые первыми ходили по абаратским пространствам. Поглотители руин Ваиками, фантом Лорд Хед; многоязыкое создание Морровен;

существо с черепом вместо головы, называемое Депотик; яростное чудовище с раскрытой пастью, чье имя было просто Владыка.

Но на каждое создание, имя которого ей было известно, приходилось двадцать, которых она видела впервые: извращения природы, веками прятавшиеся в сложных системах пещер и переходов, лежащих под Часами, или в ямах и могильниках, погребенные теми, кто с ними сражался и решил, что они мертвы. Многие столетиями обитали во тьме и одиночестве, лелея свою ненависть и появляясь только тогда, когда голод доводил их до крайности, рискуя собственным обнаружением и смертью; другие веками размножались и теперь появлялись из своих святилищ в сопровождении неисчислимого потомства, чья причудливость умножалась с течением поколений. Некоторые жили довольно неплохо: в тайных храмах им поклонялись абаратцы, считавшие их первичной материей, из которой были созданы божества. Эти враги, ставшие за годы такого поклонения высокомерными, выступали теперь с легионами своих последователей, обыкновенными людьми с островов, тайно поклонявшимися этим суровым божествам.

Почти всюду, куда падал блуждающий взгляд Бабули Ветоши, она видела то, что отвратило бы и огорчило тех, кто способен испытывать сочувствие, но ее эти сцены наполняли мстительной радостью. Были и другие наблюдатели того, как разворачивался ее план по подчинению Абарата: глаза древних и ненасытных существ, чье присутствие она замечала лишь на краткий миг в виде грандиозной, бесконечной тени, брошенной *сквозь* или *за* то, что не было ни пространством, ни веществом, ни присутствием, ни отсутствием. Однажды, очень скоро, они себя покажут. Они покинут свою тайную обитель и появятся здесь, в Абарате. И в этот день ее вознесут на высочайший трон за те услуги, которые она им оказала.

Были у нее и другие дела, за которыми надлежало следить — аресты. Легионы заплаточников уже достигли многих островов. Бабуля Ветошь видела, как они арестовывают сотни тех, кто мог бы породить протесты и бунты. Она видела эти возможности в образах, подаренных ей Сущими Силами, и поклялась уберечь свою империю от такого будущего. Много недель назад на темной стороне Окалины она велела выстроить лагерь для агитаторов и зачинщиков беспорядков. Это было примитивно оборудованное место. Наскоро выстроенные бараки для арестантов, которых при регистрации избавляли от всех личных вещей — украшений, кошельков, дорогой обуви, — не уберегали от холодных ветров, постоянно дувших неподалеку от Края Мира. В лагере не хватало питьевой воды, а продуктов, выделявшихся заключенным, чтобы

сварить суп, было до смешного мало, однако Бабуля Ветошь не видела смысла предоставлять удобства и переводить продукты на тех, от кого она собиралась избавиться в течение нескольких часов.

Число арестованных продолжало расти. Каждого аутсайдера, каждого радикала, каждого распространителя видений и надежд — короче говоря, всякого, кто выступал против нее словом или делом, или кто, по ее подозрениям, мог бы однажды это сделать, — без объяснений вытаскивали из дома, отрывали от семьи и переправляли в лагерь на Окалине.

Ведьма была очень довольна.

Глава 43
Темные воды

Спасение тех, кто выжил в бурных водах вокруг Гигантской Головы, быстро превратилось в хаос. Люди сплывались к «Трубачу» со всех сторон и пытались забраться на борт. Через пару минут после прибытия к месту крушений на «Трубаче» оказалось уже столько пассажиров, что он начал опасно крениться на правый борт.

— Кэнди, отсюда пора убираться! — сказал Эдди. — У нас перегрузка. Они нас потопят! Ты меня слышишь?

Кэнди стояла, замерев на месте.

— Ладно, хорошо. Тогда я пойду и скажу утонувшим, что скоро мы к ним присоединимся.

Кэнди продолжала стоять, глядя в беззвездное, безлунное, лишенное облаков небо, и все ее тело сотрясала мелкая дрожь.

— Шалопуто! — заорал Эдди. — По-моему, с Кэнди что-то случилось. У нее то ли видение, то ли припадок! Иди сюда живо! — Крошечной ногой он пнул в ожесточенное лицо того самого человека, которого скинул в воду всего несколько секунд назад. — Ты что, намеков не понимаешь? — рявкнул он. — *Мест нет!* — И вложил в удар всю свою силу, чтобы на этот раз тот остался внизу. — Кто за штурвалом?

— Мы! — раздался из рубки хор братьев Джонов.

— Пора отсюда убираться! — крикнул Эдди.

— Он прав! — поддержал его Газза. — Еще немного, и мы перевернемся.

— Давай, заводи эту трухлявую посудину, — велел Эдди.

— Но в воде вокруг нас люди, — ответил Хват.

— Они уберутся, когда увидят, что мы идем прямо на них, — крикнул Эдди.

— Мы не можем…

— *Газза!* Иди в рубку и убери оттуда это стадо идиотских голов, которых на нашу общую беду какая-то недоразвитая женщина доносила до трагедии рождения.

— Ты просто ничтожество, — сказал Джон Хват. — Никто не назначал тебя главным. Ты просто актер.

— О нет, это всего лишь роль, которую я играл! — ответил Эдди. — Я — человек действия. Я совершаю поступки. А ты и все твои братья только болтаете языками. Без конца. Одна сплошная болтовня.

Братья Джоны ничего не сказали. Кроме Змея, разумеется,

который не смог сдержаться.

— Ничего, придет и твое время, — пробормотал он, обращаясь к Эдди.

— Ну что? — крикнул тот.

— Я в рубке! — ответил Газза. — Они ушли от штурвала.

— Отлично, — сказал Эдди. — А теперь выводи нас отсюда.

— Пытаюсь.

— Как Кэнди? — спросил он у Шалопуто.

Но ответил ей не Шалопуто, а сама Кэнди.

— Она все еще со мной!

— Кто? — спросил Шалопуто.

— Боа, кто же еще?

— Она здесь? В твоей голове?

— Нет, но каким-то образом мы до сих пор связаны. Она втянула меня в свое сознание. Вряд ли она это собиралась это делать. Но несколько секунд я видела ее глазами. Она была в каком-то месте, где лежали груды костей. Потом… не знаю как, но мы переместились.

— Кто — мы?

— Она с Финнеганом, — сказала Кэнди и положила руку на голову. — Я видела его рядом с собой. Нет, не с собой. С ней. Я все перепутала.

— Ты говорила, они куда-то переместились?

— Да.

— И куда?

— Не знаю.

— Попробуй догадаться.

Кэнди прикрыла глаза.

— Тлен выстроил ей место для игр…

— Игр?

— Магических игр. А, это Хафук!

— И ты думаешь, она взяла с собой Финнегана?

Прежде, чем Кэнди успела ответить, двигатель «Трубача» низко взревел, и лодка рванула вперед, преодолев расстояние в две своих длины, после чего двигатель взревел вторично, еще менее убедительно, и судно резко встало.

— Нет! — крикнул Эдди. — Нет, нет, НЕТ! Сейчас не время, чтобы глушить мотор, Газза! Заводи эту свинскую посудину!

— Прекрати на нас ругаться, — сказал Джон Хват, — и сделай что-нибудь полезное. Со штурвалом все в порядке. Двигатель работает. Но что-то держит винт. Газза, можешь посмотреть, в чем там дело?

Газза быстро ответил: «Есть, капитан» и помчался к винту. Взглянув на воду, он ответил:

— На винт намотался какой-то мусор. Я его обрежу, и…

Лодка накренилась. Сперва на левый борт, потом на правый, затем опять на левый, на этот раз так глубоко, что коснулась воды. Все несчастные, от которых они пытались избавиться, поплыли к ним и вместе с сотней других ухватились за «Трубача».

Теперь спасти корабль было невозможно. Он собирался тонуть, забирая всех, кто был на его борту, на корм рыбам.

Глава 44
Пария

«Трубач» играл свою последнюю мелодию. Его доски трещали и скрипели, когда один за другим отчаявшиеся люди пытались выбраться из бурлящих кровавых вод Изабеллы. В море было полно тел погибших при разрушении Гигантской Головы, жертв бесчисленных хищников, поднявшихся из глубин вместе с реквиями. От ужаса пловцы обезумели и беспощадно расталкивали друг друга, стремясь забраться на борт, хотя лодка раскачивалась из стороны в сторону.

— Это конец, — произнес Шалопуто. — Прости, Кэнди. Так не должно было закончиться. Что я говорю? Это *вообще* не должно было закончиться! Я думал, мы всегда будем вместе.

— Ничего еще не кончилось! — воскликнул Газза. — Смотрите! *Смотрите вверх!*

Все подняли головы. Высоко над «Трубачом» кружили девять или десять крылатых конструкций, похожих на скелеты огромных птиц. Их широкие черепа были увенчаны изысканно сплетенными зиккуратами сверкающих костей, а шестиметровые крылья искрились огнями.

Внутри нескольких костяных тел этих невероятных механизмов, вдоль срединной оси, лежали пилоты. Одним из них оказалась Женева.

— *Кэнди!* Готовься!

— *Женева?*

— Ну конечно!

— Как здорово!

Кэнди не верила своим глазам, но это была она, Женева Персиковое Дерево, которая управляла сейчас костяным самолетом из длинной кабины-клетки.

— Я не могла тебя оставить! — крикнула Женева. — Но мне понадобится помощь!

— Вы там поскорее! — заорал Газза. — Мы вовсю тонем!

— Женева, осторожнее, — воскликнула Кэнди. — Не опускайся слишком низко. Эти люди…

— Сперва те, кто помельче, — велела Женева. — Шалопуто, бери Эдди.

— Сейчас?

— *Сейчас!*

Все, что случилось потом, было настолько невероятным и произошло так быстро, что Кэнди едва могла поверить в

происходящее. Двое летчиков спланировали к «Трубачу», Шалопуто поднял протестующего Эдди…

— Поставь меня на место!

… сперва на плечи, а потом…

— Мне не нужна помощь, тылкрыс!

Сказать больше он не успел. Между летательными аппаратами был натянут гамак, который поймал Эдди, словно рыбу в сеть, и поднял в воздух. Легкий груз не помешал им набрать высоту вместе со своим уловом.

— Теперь ты, Кэнди! — крикнула Женева.

— Нет, сперва заберите Газзу! Я без него никуда не пойду.

У Женевы не было времени спорить, и она даже не стала пытаться.

— Тогда Газза, — сказала она.

— Нет, погодите! — возразил тот. — Я не собираюсь…

— Возражения?

— Да!

— Не принимаются. У тебя только один шанс!

Следующие летчики устремились к «Трубачу». На этот раз им пришлось опуститься ниже, но не потому, что Газзу никто не подсаживал, а потому, что через три десятка секунд после спасения Эдди лодка еще ниже погрузилась в воду.

— Теперь ты! — сказал Шалопуто Кэнди.

— Нет, я не…

— Это мы уже слышали, — отрезал Джон Змей. — Не будь такой эгоисткой, Кэнди.

— Что?

Впервые она увидела, что на нее смотрят все братья.

— Если мы утонем, будет просто жаль. Если утонешь ты, случится трагедия. И ты это прекрасно знаешь. О Шалопуто мы позаботимся, не беспокойся.

В это мгновение в руинах Гигантской Головы ослепительно вспыхнуло какое-то взрывоопасное вещество, и его свет озарил лицо Джона Змея.

— Иди, — сказал он.

Она кивнула.

— *Я готова!* — крикнула она Женеве. Едва эти слова успели сорваться с ее губ, как третья пара летчиков спикировала вниз, и ее подняли на безопасную высоту, где летали костяные планеры.

Спустя некоторое время, когда всех пассажиров «Трубача» переправили на залитый огнями северо-восточный берег острова Простофиль, Кэнди обнаружила, что ее ожидает множество старых друзей и знакомых. Там была Изарис вместе со своими двумя детьми — первый житель Абарата, проявивший к ней

гостеприимство. Там же оказался обезьян по имени Утиль, встреченный ею в Сумеречном Дворце, и племя Тотемикс. Все эти люди, с которыми она встречалась во время своих странствий по Абарату, собрались здесь неслучайно.

— Мы наблюдали за тобой с того самого момента, как ты появилась в Абарате, — объяснила ей Женева.

— Говоря «мы», ты имеешь в виду…

— Всех нас. Калифи.

— Но это не только мы, — сказала Изарис.

— Хотя нас не так уж много, — тихо добавила Женева.

— Как это ни грустно, — сказал один из племени Тотемикс. — Мы знали, что рано или поздно Полночь настанет. Мы читали пророчества.

— И начали собирать силы.

— Лучшие из лучших, — сказал Утиль, засунув пальцы глубоко в ноздри.

— Внешний вид бывает обманчив, — произнесла Женева, заметив выражение лица Кэнди при виде ковырявшего в носу Утиля.

— Калифи — это нарушители спокойствия. Повстанцы, — объяснила Изарис. — Но мы не сможем сделать ничего такого, что способно бросить вызов Бабуле Ветоши. Она умна.

— Или мы слишком глупы, — сказал Утиль. — А может, и так, и так.

Все больше знакомых выходило из теней под свет фонаря: Джимоти, предводитель кошек тарри, и некоторые люди, которых она помнила еще со времен многолюдных улиц Балаганиума.

— Почему Мазататт за мной следили? — спросила Кэнди Женеву.

— Мы думали, ты работаешь на нее. На Ведьму.

— Почему?

— Ты явилась из ниоткуда, но у тебя была сила, — ответила Изарис. — Неслучайно я пригласила тебя в дом. У меня был шанс рассмотреть тебя повнимательней.

— И?

— Мы сразу поняли, что ты на нее не работаешь. От зла разит за три мили, но от тебя — нет.

— Спасибо.

— Однако у нас все равно были вопросы, — продолжала Женева. — Мы должны были сложить все элементы загадки. Мы знали, что Фантомайя поработали над твоим сознанием еще до твоего рождения.

— Каким образом? — спросила Кэнди.

— Ничего такого, что оказалось бы важно, — произнесла

Меспа, также вышедшая из теней вместе с Джефи. — Мы хотели, чтобы ты скрывалась от своей жительницы, а она — от тебя. Но этот план был создан наспех, а магия оказалась несовершенной.

— Мы были слишком самоуверенными, — горько добавила Джефи. — Думали, что наше сестринство не ошибается. Ха. — Она покачала головой. — Мне до сих пор стыдно.

— Что вы имеете в виду — не ошибается?

— Плохая была идея. А все из-за высокомерия.

— Мы думали, твоя жизнь находится под нашим контролем, — сказала Джефи. — Но…

— Я изменилась, — ответила Кэнди.

— Да. И еще как. Ты очень изменилась. То, что ты решила вернуться на этой маленькой лодке на Веббу Гаснущий День, понимая, что тебя почти наверняка ждет верная смерть… Мы ошибались.

— Отсюда эта встреча с теми, кто тайно боролся с Ведьмой и за все эти годы практически ничего не добился.

— И погиб, — тихо сказала Женева. — Погиб так, как мог замыслить только извращенный ум Ведьмы.

— Из-за нее мы сомневались в магии. Мы решили, что она извращает все, чего коснется. Посмотри, что она сделала с твоим народом, Кэнди.

— С моим народом?

— С человеками.

— Это *так* вы нас называете?

— И это еще вежливо.

По компании пронесся тихий смех.

— А какую магию вы использовали на нас?

— Дали вам силу, которой вы не смогли управлять.

— Ясно. Я видела кое-что из нее.

— Ты имеешь в виду жестокость твоего отца?

— Да.

— Если ты сумеешь найти в себе жалость к нему…

Кэнди немного подумала.

— Нет, — ответила она. — Не сумею.

— Это честно.

— У него всегда были способности к видениям?

— У моего папы? К видениям? Ха! Вы шутите? Он любит пиво, журналы с женщинами, мультики, пиво, жестокости и пиво. Он ни во что не верит.

— Но он, кажется, основал свою религию.

— И вы называете это религией? Как там? *Церковь Холодной Пиццы?* — Слушатели непонимающе смотрели на нее. — Неважно. Шутка человеков.

— Мы называем ее Церковью Полной Пустоты, — сказала Женева. Некоторые засмеялись. — Абаратская шутка.

— Я в ней не состою, — сообщил Газза.

— Придет время для каждого… — ровно проговорила Женева.

— Ты теперь миссионерствуешь в пользу Церкви Полной Пустоты? — спросил Эдди.

— Нет. Но у нее есть своя притягательность. Никаких снов, которые надо оберегать. Ничего, что ты боишься потерять, поскольку очень сильно любишь. Не так уж это и плохо.

— Это смерть, — сказала Кэнди.

— А разве она ужасна?

— Да, — сказала Кэнди. — Конечно, она ужасна. Я только что избежала смерти не для того, чтобы пойти и все отдать, лишь бы угодить какому-то проповеднику. Мы еще помним свет. Мы помним счастье. Разве нет?

— По-твоему, все очень просто, — сказала Женева.

— Для меня — да. Я хочу, чтобы Абарат выжил в этой тьме и стал сильнее, чем прежде. Но мне надо сказать вам кое-что важное.

— И что же? — спросила Меспа.

— На «Трубаче» я поняла, что у меня все еще сохранилась связь с принцессой Боа. Я видела ее глазами.

— О нет, — проговорил Джон Хват. — Значит, она может видеть твоими? А вдруг она смотрит на нас прямо сейчас?..

— Вряд ли.

— Если смотрит, то знает, где мы находимся! — сказал Эдди.

— Эдди, успокойся.

— Почему ты ничего не говорила раньше?

— Это ощущение пришло и ушло. Оно продолжалось всего несколько секунд. А кроме того, я думала, что умру. Не знаю.

— Даже если это ощущение ушло, — сказала Женева, — Эдди прав. Ты обязана была сказать, когда у тебя была такая возможность! Ты ведь даже не должна на меня смотреть. Ни на кого из нас! Поверить не могу, что ты настолько глупа, что подвергаешь опасности все наше дело!

— Ладно, ладно, — сказала Кэнди.

Она отвернулась от них и уставилась в пустое небо.

— Нет необходимости относиться ко мне как к прокаженной, — негромко произнесла она. — Я же говорю — Боа появилась всего на несколько секунд. Не знаю, почему. Так или иначе, больше я ее присутствия не ощущаю.

— Что абсолютно ничего не доказывает, — ответила Женева. — Ты ведь знаешь, какая она изворотливая. Она может

прямо сейчас смотреть на нас твоими глазами, и ты даже не будешь об этом знать.

— Она не смотрит.

— Кэнди, подумай. Откуда ты знаешь, смотрит она или нет?

— Потому что я не та бестолковая девчонка, какой была в Цыптауне. Я избавилась от Боа, и если во мне остался какой-то ее отголосок, это не значит, что она все еще мной обладает. Но я поняла. Боа заронила в вас семена сомнений, и я это признаю. — Она подняла руки, словно сдаваясь. — Я не буду на вас смотреть. Я пойду к морю и подумаю. А если вдруг она посмотрит моими глазами, то увидит одну лишь черноту. Рады?

И сказав это, она отправилась вниз, к воде, глядя во тьму и думая, не глядит ли тьма на нее.

ЧАСТЬ 5
Буреход

Человек всегда
Попадается на крючок
Своего высшего Я,
Какие бы бурные воды
Оно не насылало.

— Аноним

Глава 45
Дела Империи

Несколько сотен швей, которым Бабуля Ветошь доверяла и считала самыми опытными, вели по островам Отряды Смерти, забирая зачинщиков беспорядков, которые могли бы использовать воцарившийся хаос, чтобы отщипнуть себе кусок ее Империи. Посланницей Бабули Ветоши стала Маратиен.

С момента, когда расплод был освобожден, прошло двадцать два часа. За это время Маратиен отлично изучила внутренние залы башни, нося по ее лестницам послания. В ее руках побывали письма-прошения и письма о капитуляции от тех властителей Часов, которые, наконец, поняли, что потеряют и свою территорию, и свою жизнь, если не проявят уважения к женщине, которую некогда называли Безумной Каргой Горгоссиума.

Бабуля Ветошь просила Маратиен зачитывать вслух эти мольбы и своекорыстные просьбы, но у нее редко хватало терпения выслушать больше, чем один абзац.

— Довольно, — говорила она.

И Маратиен делала то, что приказывала ей госпожа, избавляясь от оскорбительных прошений у одного из окон, где порывы ветра уносили их прочь. В нескольких случаях Ветошь сама расправлялась с письмами. Они были от колдунов и волшебников, утверждавших, что имели с ней романтические отношения. К ним она относилась с особым презрением, выхватывала из рук Маратиен и рвала в клочки прежде, чем выбросить на ветер.

В конце концов, ни одно из этих утверждений — ни властное, ни религиозное, ни сентиментальное, — не имело веса.

Но было три письма, на которые Матриарх обратила внимание. Первое пришло от одной из преданных швей Бабули Ветоши: та сообщала о слухах, якобы некто, очень напоминавший пропавшего внука Матриарха Кристофера Тлена, был замечен на трех островах: острове Черного Яйца, Хафуке и острове Простофиль.

«Я слышала, госпожа, что вы полагаете, будто ваш внук покинул этот мир навсегда. Если вы в этом убеждены, моя информация вряд ли станет вам полезна. Однако я все же осмелюсь…»

Это письмо Бабуля Ветошь оставила себе, никак не прокомментировав его содержание. То же она сделала с письмом от доверенной швеи, входившей в ее внутренний круг, которая

писала, что с оптимизмом смотрит на возможность арестовать бунтарку Кэнди Квокенбуш, и спрашивала, следует ли привезти девушку на Горгоссиум или отправить в лагерь на Окалине, предназначенный для остальных приговоренных? На это Бабуля Ветошь продиктовала ответ, а Маратиен его отправила.

Бабуля Ветошь считала, что когда преступницу Кэнди Квокенбуш удастся схватить, ее должно услать на Окалину, обращаться с ней так же, как со всеми остальными преступниками, и так же, как их, казнить.

Третье письмо, которое Ведьма внимательно изучила, пришло от капитана отряда воинов-заплаточников, которых называли черепоглавами. Он сообщал, что на улицах Коммексо черепоглавы, в нитях которых была зашита война с момента их создания, наголову разбивали силы защитников города. Но, писал капитан, архитектор бросил им на подмогу силу, о существовании которой Матриарху не было известно.

«У него есть целые легионы идентичных подобий этого инфернального ребенка — Малыша Коммексо. Все они являются идеальной копией оригинала (если таковой существует, в чем я лично сомневаюсь). Эти легионы шли на нас толпами, не имея никакого оружия, кроме собственного числа, а оно, как я опасаюсь, бесконечно. Зная важность, которой вы наделяете уничтожение огней города, я пишу в надежде, что вы каким-то образом распространите свою силу на преданные вам легионы. Боюсь, что ваша победа, которую вы заслуживаете по праву, не будет достигнута, пока равновесие сил не склонится в нашу пользу, и я не вижу никакого иного способа сделать это, кроме как вмешаться вам лично. Смею надеяться, что вы не замедлите оказаться здесь, на поле боя, ради уничтожения города и повешения его архитектора Роджо Пикслера на фонарном столбе».

Это письмо заставило Бабулю Ветошь действовать мгновенно. Она написала порядка пятидесяти писем, наколдовала для каждого ветер, который должен был его доставить, а затем отправила их своими путями. Приказав Маратиен следовать за ней, она вызвала воздушную лестницу, которая вела из выложенной мозаикой комнаты на крышу Башни Иглы.

— Будь рядом, дитя, — велела Матриарх. — Я собираюсь выпустить такие силы, на пути которых мне бы не хотелось тебя увидеть.

— Они могут мне навредить?

— Они могут убить тебя, Маратиен. Возьмись за край моего платья. Почему ты медлишь?

— Куклы, госпожа.

— Души. Это души. Враги нашей могучей воли. Они боятся,

что ты их заберешь. Не бойся, держись крепче. Еще крепче. Вот так. Теперь не шевелись.

— Не буду.

— Хорошо. Доверься мне. Ты в безопасности. И прими видения, что скоро придут.

— Я готова, госпожа.

— Ты должна быть смелой и целиком испить то зрелище, которое я собираюсь тебе представить. Оно возникнет лишь раз. После моей Полуночи оно исчезнет. Поскольку никогда прежде не было ничего подобного, и никогда не будет потом.

Сказав это, она оттянула воротник платья и обнажила ключицу. На ней было столь мало плоти, что изящные кости четко выделялись под кожей желтоватого оттенка. С внезапной скоростью она вонзила пальцы в собственное тело, схватила кость и выдернула ее, очевидно не испытав при этом никакой боли. В воздухе распространился металлический запах, запах магии, который притянул из воздуха множество оттенков тьмы.

— Что происходит? — спросила Маратиен голосом, дрожащим больше от потрясения, чем от страха.

— Я призываю девять частей своего драгоценного смертоносного корабля Буреход, над которым трудилась сотню лет и еще десяток, и все эти труды прошли в тайне.

— Почему так долго?

— Ты поймешь, когда его увидишь, — сказала Бабуля Ветошь. — Терпение, дитя. Части встают уже сейчас, когда мы говорим.

Это была правда. Как только она подняла в воздух вырванную ключицу, ее приказы разнеслись по всему Абарату, достигнув девяти мест на разных островах, где были пустыни и дикие земли, где никто не жил, а потому не мог узнать скрытые под поверхностью секреты. Теперь погребенные тайны перекатывались в своих земляных и каменных гробницах, а почва над ними трескалась и раскрывалась. В воздух начали медленно подниматься девять огромных безжалостных форм не меньше собора каждая (а в основном гораздо больше).

Две из девяти частей Бурехода двигались навстречу друг другу, как их программировали перед погребением; массивные формы вращались, сливались, тщательно подгонялись друг под друга и становились единым целым. Слияние породило огромный двигатель, гром работы которого разнесся по всему небосводу. Когда придет время, его будут сопровождать молнии, вырываясь из трюма три четверти мили длиной. Это был тот самый Буреход, о котором говорил Кристофер Тлен, и назван он так, поскольку передвигался на ногах из молний.

Бабуля Ветошь вызвала видения оставшихся семи частей, которые воскрешали себя, отбрасывали земляные одеяла и поднимались, приветствуя первое утро Ночи. Она с удовольствием наблюдала за приближением всех частей корабля. Только она знала, какой гений породил это судно. Только она знала те топки, в которых плавились металлы, сплавы столь черные, что Полночь по сравнению с ними выглядела полуденным сиянием, и огонь этих топок был зажжен не в Абарате, да и не мог быть в нем зажжен. Только она знала, что умы, помогавшие ей планировать и конструировать корабль, принадлежали существам, находившимся дальше от островов, чем сами звезды. Нефаури. *Они* были из места или состояния ума, которое называлось Заэль Маз'ир. Оно и они существовали за пределами звезд.

Но никто в ее маленькой Империи не должен был об этом знать. Как наступило время, чтобы выдернуть ключицу и призвать смертоносный корабль, так придет момент, когда она объявит тех, кому служит на самом деле. Чужие разумы, жившие за пределами мавзолеев реальности, доверили ей свои знания, чтобы она вымостила для них кровавую дорогу, и они воссели на троне диктовать природу магии отсюда и до конца миров.

Таковым по сути и был заключенный между ними договор. Нефаури предложили свой технический гений для создания Бурехода вместе со всем его вооружением и военными механизмами. Технология Нефаури решала исход битвы ради сохранения тьмы, пока она не сделает свою мрачную работу, и она же принесет рассвет. Владея островами, императрица отдаст свой долг. Пока она ввергала Абарат в Эру Крови и Золота, Нефаури готовились отдернуть полог, скрывавший то, что находилось за пределами звезд. Имея здесь свою императрицу, они будут защищены механизмами от любого вреда и смогут безнаказанно приходить и уходить с островов.

Повинуясь воле императрицы, жители Абарата не увидят их чудовищного присутствия. Но год за годом будет вестись работа: земля — оставаться невспаханной, посевы — собираться во время жатвы. А с этой жатвой наступит конец глупой игры под названием жизнь. Последний сезон плодородия, после которого Время исчезнет. Исчезнет Жизнь. И воплотится Смерть, улыбаясь в тишине.

Глава 46
Говоря о тайнах

Почти час Кэнди смотрела в темноту небес и моря, выискивая в своих мыслях малейший знак присутствия Боа. Она ничего не нашла. Но это не означало, что ее сознание полностью очистилось от заразы. Они прожили вместе почти шестнадцать лет, и до последнего времени Кэнди была убеждена, что она — Кэнди Квокенбуш и никто больше, не догадываясь, что в ее голове находится еще один разум. Как она может с абсолютной уверенностью утверждать, что сейчас это не так?

Конечно, она не может. В этом заключалась неприятная истина. Она не могла точно знать, что какая-то нить Боа, пытавшаяся пробудиться, когда жизнь Кэнди висела на волоске, до сих пор не находится внутри нее.

А потом с берега за ее спиной донесся нарастающий шум голосов. Что случилось? Наверняка что-то серьезное. В земле возникли болезненные вибрации. Ее лица коснулись колебания воздуха, а камешки у ног начали постукивать друг о друга.

Если бы она столь долго не всматривалась в тьму небес и воды, то не сумела бы ничего увидеть, поскольку ее глаза не отличили бы одну тьму от другой. Но теперь они стали гораздо более тонкими инструментами, и в этой тьме, одна — внизу, другая — наверху, она к своему ужасу заметила третью, двигавшуюся на фоне остальных. Ее силуэт был загадочен. Чем являлось это создание?

Огромная форма двигалась по небу, едва касаясь горизонта. Хотя она была совершенно черной и не раскрывала своей истинной структуры, в ее медленном, неумолимом движении было нечто, указывавшее Кэнди на исполинские размеры: размеры города, как минимум. Огромная штука вращалась, поворачиваясь к наблюдателям разными гранями. Когда Кэнди попыталась ее представить, воображение сформировало образ, напоминающий гигантскую геометрическую головоломку. Ее проход вдоль горизонта оказывал влияние на все окружающее. Воздух дрожал. Галька подпрыгивала все выше и гремела все громче. Но мама Изабелла лежала гладкая и блестящая — ее волны и рябь не подчинялись движению этого невероятного путешественника.

Люди за спиной Кэнди задавали тот же вопрос, который задавала себе она. Хотя эта структура уходила из поля зрения, люди говорили о ней испуганным шепотом.

— Что это такое?

— Я не слышу двигателей. Штука такого размера должна шуметь.

— Она не шумела.

— Тогда она не из Абарата.

— Куда она направляется?

На этот вопрос ответила Женева.

— На юго-юго-запад, — сказала она. — К Горгоссиуму.

Послышалась целая буря ответов тех, кто стоял вблизи Женевы. Но один голос прозвучал отчетливее остальных. Это был не тот голос, который Кэнди хотелось услышать, однако его присутствию она не удивилась.

Персиковое Дерево права, — сказала принцесса в голове у Кэнди. — *Чем бы это ни было, оно идет к Горгоссиуму.*

Секунду Кэнди размышляла, не притвориться ли ей, что она ничего не заметила, но какой в этом смысл? Боа знала, что она ее слышит. Не обращать внимания — пустая трата важного времени.

Я думала, мы разбежались, — мысленно произнесла Кэнди.

Ты думала, что вышвырнула меня, — ответила Боа. — *Ты хотела, чтобы я ушла. Не возражай. Все эти годы я сидела у тебя в голове, и ты хотела, чтобы мы разделились.*

Ты права. Хотела. И до сих пор хочу.

Правда? А тебе не одиноко? Мне ты можешь признаться. Тебе гораздо более одиноко, чем ты думала.

Я не собираюсь приглашать тебя обратно, если ты об этом.

Я задала тебе вопрос.

Да, тут слегка пустовато.

Она почувствовала, что Боа довольно улыбнулась.

Ну конечно, для тебя нет ничего лучше, чем несчастья других.

Разве не у всех так? Они просто не признаются.

Чего тебе надо?

Ничего. Я просто проверяла. Хочу сохранить между нами связь. Однажды наше прежнее единство может мне понадобиться.

Не могу представить, чтобы такое произошло.

Кто знает. Мы обе — в ловушке ослепляющего течения линейного времени. Неизвестно, что готовит нам будущее.

Как поживает Финнеган?

А что?

Он ведь с тобой?

Даже если так…

Не причиняй ему боль.

На это ответа не последовало.

Боа? — позвала Кэнди.

Может, сменим тему?

Он шестнадцать лет мстил за твое убийство.

Да, он говорил мне это, и не один раз.

Он тебя любит.

Нет, Кэнди. Он любит кого-то, кого считалмной.

Тогда отпусти его, если ты его не любишь. Но не причиняй ему боль.

Почему? Неужели маленькая ведьма влюбилась в сына дня и ночи?

Не в том смысле, который ты имеешь в виду. Я в него не влюблена. Но не хочу, чтобы он пострадал.

Пустые угрозы, Кэнди. Однако не волнуйся. Со мной его сердце в полной безопасности.

Ну да, конечно.

Итак… ты видела в небе нечто.

Ты знаешь, что это? — спросила Кэнди.

Во время их разговора темная громада достигла края горизонта и почти скрылась из виду.

Точно не знаю, но Тлен как-то раз говорил мне о небесном корабле Буреходе. Он передвигается на ногах из молний, отсюда и название.

Да, он и мне об этом рассказывал. Но я не вижу здесь никаких ног.

Он рассказывал? Хм. Возможно, это лишь часть корабля. Он состоит из нескольких частей, спрятанных в разных местах Абарата. И старуха может сделать то, что, как я полагаю, она сейчас и делает.

Созывает их вместе…

Ее корабль-убийца может ходить по буре. Я не знаю точно…

Внезапно Кэнди на секунду увидела Финнегана, глядя на него сквозь сознание Боа. Воссоединившись со своей возлюбленной, он вовсе не выглядел счастливым. Напротив. Его одежда была изорвана и окровавлена, лицо казалось пустым. Кэнди видела его не дольше пары секунд, но на краткий миг он поднял глаза, и хотя в тайной комнате, где он был гостем или пленником, не имелось ни единого признака ее присутствия, в этот момент он посмотрел на Кэнди. *Посмотрел и увидел ее.*

Финнеган… подумала она, полагая, что его измученный облик, возможно, очередная манипуляция Боа.

А потом Боа исчезла, и обширное пространство сознания Кэнди вновь принадлежало ей и только ей.

Глава 47
Слияние

— Она была здесь?

Кэнди не повернулась к Шалопуто. Она продолжала смотреть в темноту моря и небес.

— Откуда ты знаешь?

— Твое тело. Когда вы общаетесь, оно какое-то другое. А я привык видеть тебя как тебя. Просто Кэнди.

— А когда приходит она…

— Не знаю, как это описать. Но разговор, судя по всему, был не особо радостным.

— Мне надо на Хафук, Шалопуто.

— Зачем? Что там?

— Там она держит Финнегана. И мне кажется, он не слишком счастлив в ее компании. Совсем наоборот.

— И как мы туда доберемся?

— Не мы. Я.

— Нет никакого *я*, Кэнди. Только *мы.*

— Ох, — пробормотала она дрогнувшим голосом. — Почему ты так говоришь?

— Потому что это правда. Ты спасла меня от Захолуста…

— И теперь ты собираешься спасать меня от всего мира.

— Если понадобится.

— Ты не хочешь сказать другим? — спросила Кэнди. — Я знаю, они меня подозревают, и у них есть на то причины. Скажи им, что мы видели часть корабля-убийцы. Боа назвала его Буреход. Он не меньше двух миль в длину.

— Двух миль? Такого не может быть.

— Но мы же видели его часть.

— И что это?

— Боа назвала его кораблем-убийцей.

— Миленько.

— Не знаю, интересует ли здесь кого-нибудь мое мнение, но я считаю, что лучше нам залечь на дно. Здесь начинают происходить ужасные вещи.

— Уверен.

— Но они не будут длиться вечно. Об этом надо помнить. Расплод мертв или погибает. Скоро он начнет разлагаться, и на нас посыпется дождь из их тел.

— Будем ждать, — сухо сказал Шалопуто. — Тогда сквозь эти бреши начнут проглядывать звезды.

— Да. Будет здорово. Но на земле станет мрачно и грязно, есть свет или нет. — Она глубоко вздохнула. — Я собираюсь немного прогуляться по пляжу. Сделаю глиф.

— Я поговорю с остальными.

— Скажи им, что Боа не собирается причинять неприятностей. Она ушла и вряд ли вернется.

— Знаменитые последние слова.

— Очень надеюсь.

— Надейся, — ответил Шалопуто. — Только так и больше никак.

Части Бурехода соединялись на Горгоссиуме, как девять огромных проклятий, вырезанных из блестящего черного разрушения. Они свели Изабеллу с ума, направляясь к острову и возмущая ее воды до тех пор, пока они не побелели. Наполненный тенями воздух, сквозь который они проходили, бесновался, и его частицы связывались, порождая триллионы крошечных огоньков.

На вершине Башни Иглы Бабуля Ветошь повернула свою ключицу, черная полированная поверхность которой была безошибочным отголоском девяти частей, остановившихся по периметру острова. Подобно воздуху вокруг Иглы и самой Игле, Маратиен дрожала от ужаса.

— О чем ты думаешь, дитя? — спросила Матриарх.

— Они огромны… как они остаются в небе?

— Их сотворила не абаратская магия, — сказала Бабуля Ветошь. — И не она двигает их. Это технология Тех, Кто Ходит За Пределами Звезд. — Она посмотрела на Маратиен. — В следующий раз, когда я к ним пойду, ты пойдешь со мной.

— За пределами звезд? — пробормотала Маратиен, словно проверяя эти слова на истинность.

— Смотри, — сказала Ведьма, поднимая над головой черную ключицу.

Она пробормотала приказ на языке, который Маратиен никогда не слышала. Внутри кости что-то вспыхнуло, и из тончайших трещин во всех направлениях разнеслись осколки мерцающего света. Маратиен показалось, что время замедлило бег. Воля к дыханию угасла. Ритм сердца стал реже, и за его ударами пробуждался шум, подобный тысяче тысяч громов; один звук переходил в другой, превращаясь в единый сплошной рев с постоянно возрастающей громкостью.

Она знала, что слышит звук двигателей Бурехода. В девяти частях корабля загорались огни: ряды крошечных окон в одном месте, большая печать в другом, столь же чуждая для Маратиен,

как и слова, произнесенные Бабулей Ветошью. Были и другие указатели на чужеродность этих машин. По мере работы двигателей огни сближавшихся частей умножались и становились ярче, проливая свет на элементы огромных механизмов, которые до сих пор были невидимы. То, что издалека казалось простой черной поверхностью, теперь обнаружило свое истинное лицо. Механизмы были покрыты сложными деталями, черными на черном.

Она не представляла, на что смотрит: был ли это внешний облик двигателей Бурехода или могущественное олицетворение разрушения? Ее инстинкты подсказывали, что слова Матриарха относительно происхождения этого массивного творения верны. Маратиен родилась в семье колдунов, и ее с младенчества окружали книги, посвященные истории абаратской магии. Но ни на одной из десятков тысяч страниц, многие из которых были иллюстрированы художниками древности, она не видела ничего даже отдаленно напоминающего те масштабы тайны, что собирались сейчас вокруг Горгоссиума. Хотя они не пересекали невидимую границу между морем и сушей, ни одна из этих частей не была полностью спокойна: каждая в своей манере готовилась к окончательному слиянию.

Им не пришлось долго ждать сигнала. Нутро черной кости вновь воспламенилось, и из нее рванули лучи, направляясь к гигантским частям. Рев двигателей вырос в сотни раз, и они начали сближаться. Бабуля Ветошь повернула черную ключицу к небесам, и из кости вырвался десятый луч света. Маратиен проследовала за ним взглядом, и через пару секунд свет достиг цели.

Буреход состоял не из девяти частей. Их было десять.

Десятая лежала над островом на фоне черного неба; ее узкая структура напоминала хребет, вдоль которого собралось не менее пятидесяти пар суставчатых ног. Конечности слева были идеальным отражением конечностей справа, и по этой симметричной свирепой конструкции то тут, то там пробегали тики и дрожь. Сигнал костей не избавил хребет от возбуждения. За несколько секунд десятая часть сменила величественное спокойствие с лунатичными подергиваниями на череду сложных сдвигов и раскрытий, которые с каждой секундой умножались стократно и тысячекратно.

— Оно меня видит… — тихо произнесла Маратиен.

— Возможно, — ответила Бабуля Ветошь. — Но если и видит, то что-то крайне незначительное. Частицу живой глины, вцепившуюся в ее Создателя. Не думай — никогда не думай, что сможешь это понять. Тебе не дано. Ты не сумеешь даже осмыслить

это, поскольку не знаешь умов, которые его создали.

Десятая часть начала величественный спуск, а другие в это время набирали скорость, продолжая приспосабливать свою конструкцию так, чтобы максимально точно состыковаться с остальными.

За ревом многочисленных невидимых двигателей появился еще один звук. Это был нараставший вой, который становился все резче и жестче по мере соединения частей, и между ними и десятой частью возникли арки ярко-алых молний: пылающая сеть энергий, связующая их воедино.

Под ними Бабуля Ветошь сжимала в руке кость-маяк. Старуха смотрела вверх, наблюдая за слиянием. Но в тот момент, когда Маратиен заткнула уши и закрыла глаза, она отвлеклась.

— Что ты делаешь? Я привела тебя сюда не для того, чтобы ты хныкала, как побитый ребенок.

— Это слишком.

— *Слишком? Это?* — Ее пальцы внезапно стали пугающе длинными, и она протянула руку, вцепившись в волосы девушки. — *Открой глаза!* — взвизгнула она. — Или я отрежу тебе веки, и ты больше никогда не сможешь их закрыть.

— Пожалуйста, госпожа! Я просто испугалась!

— Я говорю, ОТКРОЙ ГЛАЗА!

— Прошу вас! Я не могу, не заставляйте меня.

Бабуля Ветошь смотрела на девушку, которая прятала лицо в пришитые к ее платью души.

— Так значит, *там* ты хочешь быть, Маратиен? Хочешь оказаться в том месте, где всегда будешь в безопасности?

Маратиен не открывала глаз. Она просто кивнула и всхлипнула.

Бабуля Ветошь смотрела на нее с выражением полного отвращения.

— Ты меня разочаровала, — сказала Матриарх. — Ты утомительна, занудна и уныла. Но если дитя чего-то хочет, кто я, чтобы его переубеждать?

— Спасибо, — сказала Маратиен. — Спасибо, спасибо, спасибо.

— Не благодари меня слишком быстро, — ответила старуха. — Сперва подожди сотню лет.

Пальцы Матриарха крепко впились в голову Маратиен и начали забираться в мысли и воспоминания, проникая все глубже, ища то, чем она обладала — ее душу.

— Нет, госпожа, пожалуйста! Я не это имела в виду. Нет, нет, нет!..

Когда пальцы Бабули Ветоши обнаружили ее сущность и

сомкнулись вокруг нее, слова превратились в непрекращающийся крик. В отчаянии Маратиен попыталась схватить ее руку, но прежде, чем она успела это сделать, воля покинула ее, и в ту же секунду ее покинула душа.

Из головы девушки Матриарх вытащила ее последний свет и вложила его в одну из бесчисленных кукольных голов, пришитых к ее платью и пока еще пустых в ожидании душ.

Бабуля Ветошь вернулась к происходившему на небесах слиянию, позволив руке задержаться на голове Маратиен лишь для того, чтобы приподнять безвольное тело, а затем отпустить. Остальное довершило притяжение. Тело перевернулось и полетело с крыши Башни Иглы.

В тот момент, когда десять частей Бурехода столкнулись друг с другом и слились воедино, тело Маратиен упало на землю. Оно раскололось, и его резкий запах сообщил падальщикам во всей округе, что они могут придти и пировать, пока оно не остыло.

Глава 48
Улыбки

— Куда ты собралась? — спросил Газза. Он появился на вершине песчаной дюны, за которой Кэнди призывала небольшой двухместный глиф.

— Тебя здесь быть не должно, — сказала она. — Я не должна даже смотреть на тебя.

— Но я здесь, и ты смотришь.

— Да, смотрю.

— Так куда ты собралась? Я знаю, что ты делаешь. Хоть я и рыбак, но не глупец.

— Я не говорила, что ты глупец.

— Ты делаешь глиф. Ты куда-то улетаешь и оставляешь меня…

— Я тебя не оставляю. Я собираюсь найти Финнегана.

— Отлично. Могу я с тобой?

— Нет. Я не говорила…

— Ты только что сказала, что не оставляешь меня.

— Где Шалопуто?

— Хорошо, если ты должна лететь, покажи, как делать глиф. Я сделаю все, что угодно, если очень захочу.

— Уверена в этом.

— А я хочу быть там же, где и ты.

— Газ…

— Это плохо?

— Нет. Это не плохо. Просто время неподходящее.

— Ты показала Шалопуто. Он сказал мне. *Так покажи мне!*

— *Нет!*

Он сбежал вниз по склону дюны, и в свете затвердевающего глифа его пестрая кожа стала яркой от злости.

— Думаешь, я такой же, как все?

— Я не хочу с тобой пререкаться, у нас нет на это времени, Газ.

Она повернулась к нему спиной.

— Я — нет, — сказал он.

Кэнди смотрела в землю, пытаясь вспомнить, на каком призыве глифа она остановилась. Она устала, и ее усталость начала влиять на способность создавать предметы.

— Что — нет?

— Не такой, как остальные. — Он подошел к другой стороне глифа, чтобы она была вынуждена посмотреть на него. — Я не

жду чудесной Кэнди К, которая придет и даст все ответы…

— Это хорошо, потому что у меня их нет! Иногда я думаю, что у меня нет ничего, кроме… кроме… в общем, ты не виноват. — Кэнди посмотрела на него сквозь скелет глифа, чьи линии с каждой секундой становились все плотнее.

— Такое впечатление, что сейчас ты меня ненавидишь, — сказал он.

— Нет, — ответила Кэнди. — Не ненавижу. Просто… почему сейчас?

— Что почему сейчас?

— Ты знаешь.

— Правда?

— Прекрати.

— Скажи.

— Что сказать?

— Что ты чувствуешь. Что *мы* чувствуем.

— Значит, я это не придумала?

— Нет, — сказал он, взмахнув руками. Она не знала, на кого он злится. И злится ли вообще. — *Нет.* Ты это не придумала.

— Значит, ты… — сказала она.

— Ну… — ответил он.

— *Потому что я — да.*

— Ха!

На его лице возникло огромное облегчение. Он ухмыльнулся самой широкой ухмылкой.

— Видела бы ты сейчас свое лицо, — сказал он ей.

— *Мое* лицо? А твое?

Пока они стояли, обмениваясь улыбками, глиф закончил себя создавать. Она почувствовала спокойствие аппарата. И он тоже.

— Твоя магия завершилась.

— Знаю.

— Хочешь, чтобы я нашел Шалопуто?

— Через минуту.

— У нас не так много…

— Полминуты.

— Нет, пусть будет минута.

Прежде, чем стать смертельными врагами, Кэнди и Дебора Хакбарт были подругами. Два года назад, в первый школьный день после летних каникул, они шли домой, рассказывая, чем занимались летом, и Дебора поделилась с ней одной важной историей. Его звали какой-то там Уэйн, и она встретила его во Флориде, где гостила у бабушки. Уэйн был *Единственным*, сказала Дебора. Она чувствовала это, говоря о нем без остановки

на всем пути до дома, и Кэнди знала, что придет время, разговор на секунду прервется, и ее лучшая подруга посеет семена их будущей вражды своим непосредственным: «А что *ты* делала летом, Кэнди?»

Как изменились времена! Улицы Цыптауна пережили наводнение Изабеллы, и сейчас, возможно, там тоже были девочки, делившиеся своими тайнами по дороге из школы домой, но Кэнди никогда об этом не узнает. Не потому, что всепоглощающая тьма Бабули Ветоши доберется до нее, хотя это было возможно. А потому, что теперь ей все равно. Она не хотела возвращаться. Она может жить и умереть здесь, под этими тревожными небесами, возможно, даже глядя в обеспокоенное лицо по ту сторону глифа.

А потом раздался первый выстрел. Снаряд направлялся с запада и вылетел из орудия такой мощи, что преодолел расстояние между Часами, прежде чем ударить в цель. Огненный след, оставленный им в небе, все еще распадался, когда пушка послала второй снаряд; на этот раз он летел гораздо ниже первого, едва не касаясь берега, и с ревом промчался над головой.

Когда он поразил цель, сила взрыва была столь мощной, что Кэнди упала на землю. Она вскочила, задыхаясь, и побежала на вершину дюны. К ее облегчению, Шалопуто вместе с остальными беженцами спрятался среди камней.

Она сложила руки у рта и позвала его:

— Шалопуто!

Ответа не было; пейзаж вновь осветила вспышка, когда мимо них с визгом пролетел третий снаряд, на этот раз так низко, что задел холм за берегом и поднял тучи мусора.

— Мне надо идти, Шалопуто! — крикнула Кэнди. — Будь осторожен.

Когда она вернулась к глифу, внутри уже сидел Газза.

— Полетим вместе, — сказал он.

У нее не было ни времени, ни желания спорить. Им надо было улетать. Немедленно. Она вскочила в глиф, но в эту секунду из морского тумана, который наползал на песчаный берег, появился недавно стрелявший в них маленький обтекаемый боевой корабль.

Позади него Кэнди увидела судно раз в тридцать больше; наблюдательные башни и единообразные щиты четко указывали на его предназначение. Это был корабль-тюрьма, направленный за беженцами. Кэнди велела глифу двигаться, но когда он поднялся в воздух, с запада прилетел четвертый снаряд. Он поразил цель, и все исчезло.

Глава 49
О Тех, Кто Ходят За Пределами Звезд

Хотя Матриарх не знала, когда и для какой цели ей понадобится Буреход, она строила тщательные и детальные планы, как в этом случае будут разворачиваться события. На корабле была команда из трехсот пятидесяти заплаточников, и еще четыре тысячи находились в трюме: легионы мощных воинов, готовых в любую минуту броситься в бой. Они не были простым тупым пушечным мясом. Напротив. Они обладали яростью и разумом и были созданы для войны столь страшной, что второй такой уже не бывать, поскольку память о ее ужасах будет слишком тяжела.

Кроме них, на борту обитал один представитель того вида, что ходили за пределами звезд. Его имя составляло девяносто одну букву, но он откликался на Нефаури. Физическая форма, которую он ей представил, была иллюзией: тонкая извивающаяся полоса, дымная тень в три раза выше ее роста. О его истинной форме она не знала ничего. Однажды она совершила ошибку, потребовав от Нефаури показать свое настоящее лицо, и этот опыт едва не заставил ее выцарапать себе глаза. Видение было столь травмирующим, что она не запомнила ничего, однако знала: в нескольких слоях за этой тенью обитало существо такое злобное, отвратительное, лишенное красоты и благородства, что ни один ум не мог бы его засвидетельствовать и остаться здравым. Это было воплощение отчаяния и ненависти.

Матриарха это вполне устраивало. Ей не было нужды в сострадании или мягкости. Она посвятила себя служению тьме и отчаянию в тот день, когда подожгла дом со своей семьей, убив всех, кроме малыша Кристофера, которого воспитала в собственной нечестивой манере, обучив безрадостной мудрости ее испорченного сердца.

Но уроки прошли впустую. Он влюбился Боа, как тупой подросток, и отдал ей самые мощные работы по абаратской магии в знак неумирающей преданности. Если бы Бабуля Ветошь не была такой сильной, она бы тяжело восприняла это предательство ее доверия. Но Те, Кто Ходят За Пределами Звезд, дали ей доступ к силам, по сравнению с которыми абаратская магия казалась ребячеством. Их музой была сила, древняя, как сама Смерть. И лучшее доказательство вдохновения такой силы — судно, в котором ныне путешествовала Бабуля Ветошь. Буреход был наполнен свидетельствами смертоносного гения Нефаури. Одно

такое свидетельство представляло собой огромное изображение архипелага, плавающее перед ней в воздухе, с видимыми внутренними системами и структурами каждого Часа; если бы она решила полностью разрушить какой-то остров, карты показали бы ей все слабые места и точно бы знали, куда направить снаряды.

Сейчас она изучала полотно тридцати футов в длину, похожее на картину, написанную в тумане светящейся пастелью. Темные создания были лишь частью того, что предлагала карта. Кроме них, она раскрывала, какие эмоции преобладали на Часах. Простая бумага могла показать ей форму острова, но никогда — чувства тех, кто на нем жил. Сейчас на карте наблюдались радостные новости: острова тонули в панике и ужасе. На руинах того, что некогда было местами покоя и радости, властвовали враги.

По улицам Балаганиума бродили чудовища. По ненаселенным пустошам острова Черного Яйца передвигался Легендарный Город Тысячи Врагов в полмили высотой, дом для десяти сотен монстров. На юго-западе Великая Голова превратилась в кучу обломков, разрушенная чудовищным существом, призванным из глубин Изабеллы. Члены Совета, которые встречались в ее башнях и писали законы для островов, чтобы те жили в мире, утонули или были погребены среди камней.

Все это время отряды Бабули Ветоши продолжали арестовывать тех, кто находился в списке Врагов Императрицы (а там были тысячи имен). Они направляли их в лагерь за горой Галигали, где создавался другой механизм, изобретенный Нефаури: Великий Стиратель Душ, который должен был прикончить каждого, кто когда-либо поднимал против нее голос или собирался сделать это в будущем, о чем говорили ее швеи-пророки.

В теле Бабули Ветоши оставалось всего два шипа, с которыми она, ее легионы и Буреход должны были разобраться. Одним был кричащий абсурд города Коммексо, где бесился Малыш. Другим — Двадцать Пятый Час.

Время Без Времени она оставила напоследок.

— В Коммексо, — пробормотала она.

Буреход услышал ее приказ. Передвигаясь на ногах из молний, опалявших землю дочерна или превращавших воды Изабеллы в пар, если он ставил их на морскую поверхность, корабль всей своей мощью развернулся к Пайону, где во мраке Полуночи вызывающе сиял огнями город Коммексо.

Глава 50
Из глубин

— Мистер Пикслер! Мистер Пикслер!

Щипцоверн постучал в дверь комнат Роджо Пикслера, сперва осторожно, а потом громко, костяшками всех пальцев.

— *Пожалуйста*, мистер Пикслер! *Это срочно!*

Он услышал, как за дверью по полированному мраморному полу передвигается что-то тяжелое. Наконец, из этого странного звука возник голос драгоценного гения Щипцоверна, творца изначального Малыша Коммексо Роджо Пикслера.

— Я прекрасно знаю о ситуации на улицах, Щипцоверн. Я выслал легионы Малышей-вояк, которые отважно там сражаются. Но требуется нечто более примитивное…

— Там огромный корабль длиной в милю, клянусь!

— Буреход? Да. Я вижу его на экранах.

— Это Бабуля Ветошь, мистер Пикслер. Она называет себя Императрицей всех островов.

До Щипцоверна доносился звук репортажей с улиц Коммексо, которые смотрел сейчас великий архитектор. Пикслер построил город благодаря богатству, полученному с помощью Малыша. Это стало работой истинного визионера — создание города вечных огней на Часе, чья тьма была глубока. Город стоял на трех ночи, но никто из живших на его ярких улицах ее не боялся. До сих пор.

— Вас не волнует, что эта женщина прибыла сюда на корабле, способном разрушить город?

— Она не станет этого делать.

— Она может убить все, что вы…

— И Малыша.

— Да.

— Не забывай о Малыше.

— Но до Малыша были *вы*, мистер Пикслер. Вы — создатель.

— Разве?

— Да… — сказал Щипцоверн, на этот раз не так уверенно. — Конечно, вы. Без вас… без вас ничего бы этого не было.

— А Малыш?

— Сэр. Вы были *до* Малыша. Отец приходит прежде сына.

— Да…

— Так что насчет города, сэр?

— Город, — казалось, он вспоминал слова, в которые раньше безоговорочно верил.

— Город Коммексо принадлежит Духу Малыша и всегда

будет ему принадлежать.

— Хорошо, — с облегчением сказал Щипцоверн, поскольку гений, на которого он работал, не утратил понимания порядка вещей. — Так что же нам делать с Буреходом, сэр? Он висит над нами, и все его орудия смотрят на город. Вы ведь не хотите причинить Духу Малыша еще больший урон?

— Конечно, нет. Этот город должен стоять как завет мечтам о Малыше Коммексо.

— Хорошо, мистер Пикслер. И что мне делать?

— А что ты посоветуешь?

— Я?

— Да, доктор. Что бы ты посоветовал сделать ради города Малыша?

— Не думаю, что у нас есть выбор. Мы будем либо разрушены, либо сдадимся.

— Полагаешь, если я сдамся этой императрице, она может ко мне придти?

— Простите, сэр. О чем вы говорите?

— Я говорю, что если она хочет тотального владычества, для нее это будет удачный маневр, разве не так? Мое бесценное тело в обмен на безопасность города.

— Вы хотите предложить ей это, сэр?

— *Я принимаю,* — произнесла Бабуля Ветошь.

— Это она? — спросил Пикслер удивленным тоном.

— Да, сэр, — сказал Щипцоверн. — Это она.

— Как она смогла вмешаться в нашу засекреченную линию связи?

— Она не на линии, сэр. Она здесь. Со мной.

— Что?

— Простите, сэр. У меня не было выбора.

— Почему ты мне не сказал?

— Она запретила, сэр.

— И как любой разумный трус, — продолжила Бабуля Ветошь, — он предпочел сохранить свой глаз, чем сказать тебе правду.

— Я его не виню, — ответил Пикслер. — Наверняка он думает, что его жалкая жизнь — это все, что у него есть. И ее потеря значит для него гораздо больше, чем если бы он знал правду.

— Что это ты там бормочешь, Пикслер? — спросила Бабуля Ветошь.

— Когда мы окажемся свидетелями великой неоспоримости Высших Миров и Глубинных Миров, когда познаем абсолютную тьму и дыхание истинного света, то все остальное, как и сама

жизнь, перестанут иметь значение.

— Ты городишь чушь.

— Разве? В таком случае, это целиком моя вина, госпожа. Боюсь, я болен. Странная инфекция, которую я подхватил, спустившись в воды Изабеллы.

— Ты не запугаешь меня историями о глубоководной чуме, Пикслер. Я не боюсь ничего и никого.

— Императрица, это невероятно! Ничего не бояться! Я бы хотел посмотреть вам в глаза и сам это увидеть. Щипцоверн!

— Сэр?

— Проводи Императрицу в библиотеку.

— Конечно, сэр.

— Я буду там через минуту, Императрица.

Связь прервалась и стихла.

— Он отключился, — сказал Щипцоверн. — Раньше он никогда так не поступал. Он всегда слушает.

— Не сегодня, доктор. Иначе он бы понял, что я здесь. Веди меня к нему.

— Я могу дойти только до двери. Я никогда не входил в святилище. Это его личные покои.

— Сегодня ты сопровождаешь меня, Щипцоверн. Я — твоя Императрица. Служи мне, и я всегда буду с тобой.

— Тогда я, разумеется, повинуюсь.

Щипцоверн вел ее по тускло освещенным комнатам. Единственным постоянным источником света являлись лампы, крепившиеся к стенам над картинами.

— У Пикслера весьма эклектичный вкус, Щипцоверн.

— Вы имеете в виду эти картины?

Бабуля Ветошь помедлила, разглядывая одну из них: очень яркое полотно, изображавшее простой белый дом, несколько деревьев, небольшую беседку и одну-единственную звезду.

— Щипцоверн?

— Да?

— Что это за кошмар?

— Насколько я помню, это называется «Утро Рождества Христова».

— Декаданс. Только взгляни на цвета. Меня от них тошнит.

— Я ее уберу.

— Нет нужды, — сказала Бабуля Ветошь.

Она подняла руку, и полотно поглотил невидимый огонь: яркие цвета потускнели, почернели, вспучились, и скоро исчезла последняя искра цвета, оставив лишь древнюю позолоченную раму вокруг того, что представляла собой сейчас почти любая точка в Абарате.

В нескольких шагах висела еще одна картина, чей стиль и тематика были настолько же нервными и жестокими, насколько мирным и спокойным был стиль первой. На ней изображалось тело, висевшее на сети из колючей проволоки, однако разобрать конкретные детали было сложно. Карающая рука поднялась вновь, и Щипцоверн моргнул. Однако Бабуля Ветошь просто указывала.

— А вот эта, — сказала она, — мне нравится. — Она посмотрела на Щипцоверна. — Ладно. На сегодня картин достаточно.

Больше она не задержалась ни у одного полотна, следуя за Щипцоверном к большой комнате в конце коридора.

— У тебя проблемы с канализацией, Пикслер, — сказала она, входя внутрь.

— И со светом, — ответил Пикслер из темноты. — Боюсь, здесь всё ломается. Ваши… ваши силы, Императрица… пожинают… свои плоды. Мой идеальный город больше не идеален.

— Забудь о городе. Я хочу тебя видеть. Здесь вообще нет огней? — В ее голосе возникло нечто большее, чем простое подозрение. — В комнате должно быть окно, доктор. Свет горящего города…

— Свет, — ответил Пикслер, — не покажет вам ничего, что ваши глаза хотели бы увидеть.

— Ты мне запрещаешь?

— Нет. Конечно нннет. Как я могу. Вы — Императриииииица.

— Тогда что здесь происходит? Я хочу немедленно знать.

— Если Императрица того желает…

— Желает.

— Тогда смотриииии.

Внезапно в комнате возник свет, но исходил он не от лампы. Источником холодного света был сам Роджо Пикслер, хотя теперь его человеческая анатомия была просто хрупкой сердцевиной живой формы, которая занимала всю комнату, представляя собой сложное кружевное переплетение тканей, покрывавших стены и в вялом разложении свисавших с потолка. Отвратительная вонь исходила от слоев гниющей плоти, которая то тут, то там образовывала комки, формируя неповоротливое создание, крепившееся пульсирующими нитями вещества к телу самого Пикслера.

Бабуля Ветошь схватила Щипцоверна, так глубоко впившись пальцами в его тело, что он вскрикнул от боли.

— Примитивная ловушка, доктор.

— Я понятия об этом не имел, Императрица! — возразил

Щипцоверн.

— Она… не *Императрица,* — ответил Пикслер, и в его искаженном голосе слышалось явное презрение.

Он встал, хотя было ясно, что это движение запустили не его собственные ноги. Его подняло создание, в теле которого он находился.

— Яааа… теперь… часть чего-то большего, — сказал Пикслер. — И я не… боюсссь твоей ТЬМЫ, ведьма. — Свет в переплетеной ткани замерцал. — Я… провел эпохи во тьме более черной, чем твоя серая Полночь.

Свет вновь замерцал. Но это не погрузило комнату во мрак. Словно под извращенными рентгеновскими лучами, в ней обнажилась единая обширная анатомия человека и чудовища, демонстрируя с отвратительной ясностью, как кости Пикслера сливаются со зловонной субстанцией его нынешнего обладателя. Роджо Пикслер, великий архитектор, стал частью чего-то существовавшего во всей своей непознаваемой невероятности в глубинах Моря Изабеллы.

Он поднялся с пола на веерах трепещущей, переливающейся ткани. Ряды обрамленных влагой клапанов поворачивались и исторгали из себя жидкость, мягкие выступы превращались в скопления зловещих шипов, а через прозрачные каналы от одного тела к другому шли всплески энергии, время от времени шумно изливая на мраморный пол соки существа.

— *Реквия,* — произнесла Бабуля Ветошь, и ее губы скривились от отвращения. — Неудивительно, что тут воняет, как на берегу в прилив.

— А каков… *твой* запах, Ведьма? — спросил Пикслер-Реквия. К этому моменту тело архитектора находилось в десяти футах над полом, освещаясь снизу вспышками холодной люминисценции, которая разливалась по слоям разросшейся ткани.

— Скажи своему хозяину, чтобы он следил за словами, Щипцоверн, или я вырву его грязный язык.

Щипцоверн попытался сформулировать какой-то ответ, но ее хватка убивала его, и он утратил контроль над телом. Язык бессмысленно шевелился во рту, не в силах произнести ни единого слова. Тело лишалось жизненной силы и было теперь настолько слабым, что если бы Императрица его не держала, глубоко вонзив пальцы в плечо, он бы упал на пол и умер на месте.

Но она держала его и трясла, словно маленькую одноглазую куклу.

— *Скажи ему, идиот!* — В отчаянии и ужасе Щипцоверн мог

только качать головой. — Ты собирался заманить меня в ловушку? К этой… *рыбе?*

Щипцоверн вновь закачал головой, но с каждой секундой его контроль над телом слабел.

— Чего ты хочешь, рыба! — произнесла Матриарх. — Ты висишь там, чтобы меня запугать? Даже не надейся! Что бы ты там собой не представляла, ты ничто. Поклонись. *Слышишь меня?* Поклонись Императрице Абарата!

Говоря это, она опустила свободную руку ладонью к полу. Этот простой жест позволил ей взмыть в воздух вместе с доктором Щипцоверном, чье тело теперь дергалось, словно в эпилептическом припадке.

В комнату вошли другие, наблюдая за этой гротескной сценой — помощники Щипцоверна из Круглого Зала, несколько швей, — но никто не попытался вмешаться в происходящее. Шла битва Высших Сил, и все видевшие ее понимали: любой, кто попытается это сделать, будет немедленно убит. Они оставались поближе к дверям на случай, если дела пойдут совсем худо, и наблюдали издалека.

— Поклонись! — вновь велела Бабуля Ветошь, поднимаясь над полом. — Лицо к земле!

Сперва Пикслер-Реквия не отвечал. Потом, очень медленно, создание начало качать головой. Вес мозга великого архитектора исказил форму мягких костей; его рот открылся, и оттуда потоком вытекла жидкость, напоминающая черную патоку. Стоявшая в комнате вонь усилилась, став такой резкой и жестокой, что три члена команды Щипцоверна развернулись и выбежали в коридор, едва сдерживая рвотные позывы.

Но Бабуля Ветошь знавала запахи и похуже. Это представление ее не смутило. Она замерла в воздухе на той же самой высоте, что и архитектор, и подняла руку, указывая ладонью на врага.

— У тебя последний шанс склониться передо мной. Иначе я заставлю тебя сделать это, даже если мне придется переломать все твои кости. Выбирай, рыба. *Склонись, или я сломаю тебя*.

Качание головы замедлилось, потом прекратилось. Пикслер вытер последние капли зловонной жижи, остававшиеся вокруг рта. Когда создание заговорило вновь, его речь больше не искажалась. Теперь голос Реквии звучал так, словно Пикслер вернул себе контроль и произносил каждое слово почти с абсурдной точностью.

— Сложно будет ломать мягкие кости, — ответило существо. Оно подняло над головой правую руку, взялось за запястье левой и повернуло вокруг своей оси, словно они были сделаны из

резины. — Течения несут меня, но никогда не ломают.

— Вот и возвращайся в свои течения, рыба.

— Да будет тебе известно, женщина, что я не рыба, — ответило создание. — *Я РЕКВИЯ!*

Глава 51
Отец и сын

Не успев договорить последнее слово, создание бросилось на Бабулю Ветошь. Она предвидела это, и как только оно к ней потянулось, перед Матриархом раскрылось нечто, напоминающее веер фиолетовых и золотых оттенков. Она подула на него — легкий выдох, и пятна фиолетового и золотистого окружили голову Пикслера-Реквии.

Оружие, которое она призвала на службу, могло показаться невинным, но такое впечатление было ложным. Оно являлось одним из самых смертоносных в ее арсенале, обладая способностью уничтожать все, что оказывалось на его пути. Фиолетовые и золотистые пылинки прорвали кожу Пикслера-Реквии, словно крошечные искры огня. Он отшатнулся, и пронзенная ткань, тонкие переплетенные шнуры темной материи, вылетели из многочисленных ран, достигнув потолка. Вниз, как грубые хлопья снега, посыпались куски штукатурки. Но они предвещали гораздо более странное падение. Узлы темной материи взорвались, будто перезревшие плоды. Из разорванной кожи полил дождь вещества, из которого была создана Реквия — морской ил, находившийся внутри ее сложной сети. Как только вещество упало на Бабулю Ветошь, оно начало распространяться, подобно лозам, обезумевшим от собственной плодовитости, пересекая ее тело во всех направлениях. Безымянное вещество оплетало ее, образуя зловонную сеть.

Пикслер-Реквия постарался взять под контроль лицо Матриарха, оплетая череп в пяти-шести направлениях сразу.

— *Тупая рыба!* — воскликнула она. — Я ведь тебя предупреждала. Почему ты не слушаешь?

Она схватила живую сеть ила, которая закрыла уже две трети ее лица. Одно ее прикосновение высосало из хаотично распространяющегося вещества весь цвет. Затем она разорвала его и отбросила прочь. На место порванных фрагментов пришли новые, но тоже были разорваны, и так продолжалось до тех пор, пока в комнате не раздался высокий, пронзительный детский голос:

— *Папа?*

Остатки сознания Роджо Пикслера внутри Реквии очнулись от своего кошмара одержимости и к собственному ужасу увидели на пороге то единственное существо, которое он когда-то любил — Малыша, *его* Малыша.

— Не сейчас, сын! — крикнул он.

— Что происходит?

— Ничего, о чем тебе следует знать. А теперь беги отсюда!

— Какой же урок трусости ты подаешь своему ребенку, — сказала Бабуля Ветошь. Она выпустила Щипцоверна, чье тело больше не шевелилось, и потянулась к Малышу. — Иди сюда, Малыш. Я ничего тебе не сделаю. Ты последний из оставшихся?

— Нет. *Я первый*. Оригинал. *Малыш Малышей*.

Пикслер застонал, услышав, как его собственное дитя предает себя, но было поздно.

— Полагаю, ты пригодишься мне при Имперском дворе.

— Извините. Я не могу отсюда уйти. Я должен быть с папой.

— Боюсь, твой бедный отец ушел от нас навсегда.

Фирменная улыбка исчезла с лица Малыша.

— Нет, — тихо сказал он. — Мой папа будет жить вечно.

— Не будет. В глубоких трещинах Изабеллы твоим отцом овладело нечто чужое.

— Не слушай ее, — сказал Пикслер-Реквия. — Она — лжец. Всегда была им. И всегда будет.

Бабуля Ветошь указала свободной рукой на мальчика.

— Иди сюда, — произнесла она сладким, бархатным голосом.

Однако ее руки рассказывали совсем другую историю. Рука, тянувшаяся к Малышу Коммексо, стала неестественно длинной, пальцы выросли, и новая призрачная длина превратила их в черные указки.

— *Беги, Малыш!*

— *Папа! Помоги!*

— Просто *беги!*

Малыш бросился к дверям. Но рука Бабули Ветоши схватила его за волосы; ее пальцы продолжали расти, умножая суставы. Малыш потерял равновесие и упал на спину, дав Императрице возможность потащить его к себе. Он визжал, умоляя отца вмешаться.

— Папа, останови ее! Она меня схватила! ПАПА!

Но ответил ему не отец. Точнее, *не только* отец. Гибридное создание, сочетавшее в себе Роджо Пикслера и Реквию, говорило не с Малышом. Оно обратилось к женщине.

— Сперва ты убила несчастного глупого Щипцоверна, который не сделал тебе ничего плохого. А теперь схватила моего *первенца?*

Комната задрожала, на мраморном полу появились трещины, и через них начала выливаться вода с резким и чистым соленым запахом. Море бурлило в вонючей комнате Пикслера, поднимаясь с такой силой, что перевернуло несколько мраморных плит.

Ничто из этого не отвлекло Императрицу. Длиннопалая рука сомкнулась на лице Малыша, давно уже не улыбавшегося, и он закричал прямо в ее ладонь:

— *Не отдавай меня этой плохой женщине, папа!*

У тех, кто переступил порог, чтобы посмотреть на столкновение, не осталось другого выбора, кроме как ретироваться в коридор и закрыть дверь. Либо остаться и утонуть. Морская вода прибывала очень быстро, разрушая своей яростью само пространство комнаты. Враги дрались силами, которые с каждой секундой изобретали все новые безумные проявления. Части бесцветного мертвого вещества опали с лица Бабули Ветоши, подобно фрагментам маски из папье-маше, но за головой Императрицы уже возникала новая мутировавшая форма Реквии, черная волна, которая сворачивалась, готовясь ударить.

Она слишком сосредоточилась на том, чтобы подтащить к себе Малыша. Возможно, она даже заметила растущую волну, но в своем невероятном высокомерии не восприняла угрозу серьезно. Так или иначе, ее взгляд и внимание были обращены на Малыша. Невероятно длинная рука напоминала ветвь без листвы, а не конечность из плоти и крови. Но сила ее не уменьшалась. Продолжая закрывать его лицо, она подняла Малыша, и его тонкие ноги в крошечных ботинках коснулись морской воды, которая продолжала наполнять комнату, накатываясь на стены и подбираясь к висевшим там картинам.

Вода не щадила ни их, ни все остальное: античную мебель разламывало в щепки, стены трескались, вещи втягивало в спираль пенной силы.

Малыш в этом хаосе уцелел, но Бабуля Ветошь знала: пока она держит кричащего ребенка, продолжавшего молить о помощи своего отца, Пикслер-Реквия не станет действовать против нее. Одно движение, и его первенец окажется в водовороте. Каким бы крепким не сделали ребенка технологии Пикслера, в бурных водах он долго не проживет.

— *Прими меня,* — сказала она. — *Или твой первенец выпадет из моей руки.*

Она отняла от головы ребенка указательный палец, держа его теперь только четырьмя.

Малыш знал, что его жизнь висит на волоске.

— *Пожалуйста, папа, помоги мне! Не дай ей…*

— Он всего лишь ребенок, — сказал Пикслер.

— Он не ребенок! — ответила Бабуля Ветошь. — Он — раскрашенный пластик, или из чего ты там делаешь свои игрушки.

— Он не игрушка. У него полностью функциональный мозг.

Он способен чувствовать любовь. И *страх*.

— Хочешь сказать, эти крики — настоящие?

Она отняла от лица Малыша средний палец.

— Не борись, Малыш, — сказал Пикслер. — Будь спокоен. Пожалуйста. Очень, очень…

И прежде, чем он вновь сказал *спокоен,* из воды под Малышом вырвалось нечто. Часть Реквии, принявшая форму огромной руки с двумя пальцами, поднялась из водоворота и ухватила ребенка. Визг Малыша достиг такой резкости, что ни один ребенок, возникший в утробе матери, не смог бы сотворить подобный звук. Он явно принадлежал машине.

Этот внезапный крик был таким резким, что Императрица ослабила хватку. Двупалая рука Реквии сомкнулась вокруг тела мальчика и мигом унесла его прочь, удерживая над яростными водами.

— *Открыть дверь!* — закричал Пикслер, и его голос во всей своей внезапной, абсолютной ясности был голосом человека, привыкшего, чтобы ему подчинялись.

И ему подчинились. Двери мигом распахнулись, и уровень воды в комнате стал стремительно убывать. Яростный поток выплеснулся на всех, кто следил за столкновением, сбил их с ног и унес в коридор. У воды было достаточно напора, чтобы смыть со стен «Распятие» и «Утро Рождества Христова», добавив их в тот же пенистый бульон, в котором теперь находились свидетели схватки.

Отовсюду слышались крики ужаса и грохот разрушения; воды Изабеллы несли коллег Щипцоверна по коридору, нещадно переворачивая их и сталкивая с предметами. Самые слабые из заплаточников Бабули Ветоши были разорваны силой потока, остальных уволокло прочь. Команда погибшего доктора кричала и молила о пощаде, но воды не внимали ничьим мольбам.

— *Какой шум!* — пожаловалась Бабуля Ветошь с оскорбленным видом благородной дамы, которая никогда в своей жизни не слышала криков страдания. — *Хватит. Хватит!* — Она бросила взгляд на двери. — Закройтесь обе.

Двери сделали, как им велели. Это было непросто, однако они смогли преодолеть напор воды. Затем, без каких-то явных дополнительных команд, магия Императрицы начала плавить замок, от которого пошел едкий дым. Работа была сделана. Замок заварен, комната оказалась крепко запечатана.

Императрица собралась с духом. Затем сказала:

— А теперь давай покончим с этим раз и навсегда.

Глава 52
Злодеяния

Если бы некий путешественник забрел на полуразрушенные улицы города Коммексо, его было бы трудно винить за мысль, что он ошибся дорогой и оказался в плену кошмара. Хотя многочисленные красивые и причудливые здания вдоль ярко освещенных бульваров поглощали пожары, никто не пытался их тушить. На улицах и тротуарах лежали тела, и некоторые из них были когда-то жителями этого благородного города, безоружные, одетые для чего угодно, но только не для внезапной смерти, убитые шрапнелью или пулями и оставленные лежать там, где их настигла смерть.

Имелись и более ужасные сцены, которые мог наблюдать этот блуждающий путник, но отвернуться от них не было никакой возможности, поскольку эти ужасы казались бесчисленными. И хотя он мог попытаться закрыть глаза, вся сцена и та трагическая история, которая осталась недорассказанной, навсегда запечатлелась бы в его памяти, и даже в конце жизни, когда он больше не мог отличить своих детей от дерева, он помнил бы город Коммексо, гигантский корабль, закрывающий пол-неба, и жужжание бесчисленных мух.

Внутри здания Коммексо был другой вид, не менее впечатляющий. Утонувшие лежали там, где их оставили отступающие воды. Швеи Императрицы ожидали в комнате, лениво наблюдая за событиями, которые разворачивались по всему Абарату. Швеи были хорошо знакомы со всем пугающим и отвратительным. Матриарх выбрала их для похода в Коммексо, поскольку каждая из этих швей доказала свою порочность и жажду жестокости, ни разу в жизни ни в чем не раскаявшись. Или почти ни разу. Но даже они, знавшие всех чудовищ изнутри так же хорошо, как и снаружи, онемели от потрясения, глядя на беспощадную победу, которую Полночь их Императрицы представила этим темным небесам.

Некоторые из сцен были швеям знакомы: они относились к детским страхам. В их категорию входила и Королева Инфликсия Зверокож — легендарная чудовищная королева Ифрита, которая ухаживала за своим кровавым садом, веками пытаясь вырастить отсутствующие у нее части тела, чтобы заполнить пустую клетку собственного организма. Но больше она не была пугалом для детей. Она стала реальностью. И там, на экранах, раскрывалось все ее ужасное великолепие.

На другом экране дерево Бракзет, слывшее самым старым деревом архипелага, превратилось в виселицу для сотен простых людей. И сделала это не какая-то злобная демоническая сила. Палачами были соседи повешенных.

Случай с Бракзет был не единственным. На всех островах ужас заставлял обычных людей совершать чудовищные поступки. Одна из швей, переходя от экрана к экрану, каждый раз полагала, что нашла самый худший кошмар, но скоро обнаруживала нечто еще более ужасное. В конце концов она произнесла:

— Это конец всему.

Ее поправила Бабуля Ветошь.

— Это конец *их* мира. Конец тех бессмысленных созданий, которые хотят жить только своей жизнью. Их время вышло. Наступила Полночь. Из тайных мест выходят Наследники Темного Часа. Смотри! Они идут взять этот разрушенный, окровавленный мир и править во имя меня.

На экранах из своих святилищ появлялись существа, которых женщина никогда прежде не видела: чудовищные создания, отсутствовавшие в бестиариях Часов и не имевшие желания там появляться. Теперь у них был целый мир, и они собирались управлять им по законам хаоса. На скользком валуне лежал слизень с красным языком и шипами вместо рук; двуногий зверь в сопровождении четвероногого шли на Обадайе, где падал огненный ливень; две птицы с человеческими головами сидели на мертвой ветке, обсуждая погоду…

Внезапно из запечатанной комнаты донеслась команда Императрицы:

— *Женщины, ко мне!*

Удар, а после…

— *ЖИВО!*

Швеи создавали прекрасную иллюзию равнодушия ради штурмующих войск Пикслера, но к этому моменту они были готовы.

Восемь из них, действуя так, словно ими управлял единый разум, прошли по замусоренному коридору и направили свою коллективную волю на запечатанные двери. Жесткий уплотнитель с внутренней стороны потрескался, и двери широко распахнулись под напором воды. Женщины с готовностью встретили ее мощь, выбросив вокруг себя покрывало невидимых заплат, сшитых ими самими. Это была ткань, как и любая другая, но ее решетчатая структура заключала в себе силу, выходящую за пределы возможностей того вещества, из которого она была сделана. Двери ударились о покрывало и сломались.

Войдя в комнату, швеи увидели, к чему привел бой между их

Императрицей и Пикслером-Реквией. Бойцы висели в воздухе над рваной дырой в полу, через которую продолжала прибывать вода Изабеллы, и их запал не иссякал. Императрица стояла на колонне извивающейся тьмы, а хрупкая форма Роджо Пикслера висела на нитях постоянно регенерирующей анатомии Реквии, которая бесконечно растягивалась переплетениями воды. Внутри каждого шнура содержалось вещество, через которое передавались стремления ее сознания. Но одно желание Реквии было сильнее всех других — увидеть чудовищную женщину, стоящую перед ней в темноте, мертвой. Она была врагом, хоть и не величайшим из всех. Другое зло, более масштабное, использовало ее, чтобы достичь силы во Времени. Этого не должно произойти! Она должна быть повержена. Сверкающие морские веревки Пикслера-Реквии обернулись вокруг пьедестала теней, на котором она стояла, поднялись по складкам ее платья, украшенного чужими душами, и образовали вокруг нее сеть.

— *Убери! Это! От меня!* — взвизгнула Императрица, пораженная подобным насилием.

Произнести остальные слова ей уже не удалось. Водяные веревки забрались по ее телу, одна из них обернулась вокруг шеи и начала затягиваться.

— Нет! — сказала она и подняла руку с острыми темными пальцами, в которой когда-то держала Щипцоверна. На этот раз они вонзились в ее собственную плоть, скользя вниз между горлом и петлей. Она сумела оттянуть водную веревку и произнесла два других слова.

— Освободите… меня…

Швеи уже поднимали руки, говоря на старом абаратском Шесть Имен Создательницы, призывая силы для освобождения Императрицы.

— Джиатакат.

— Джут и Джуннтак.

— Кизазафлит.

— Энотху и Эйджо.

— Еготонин.

— Ют.

— Ют.

— Ют.

Еще до того, как были сказаны все восемь имен, в руках швей зажглись искры огня, образовав жестокие инструменты, гораздо более эффективные, чем любой нож. Они не говорили друг с другом. Они и так знали свое дело. Приблизившись к колонне тьмы, на которой стояла их госпожа, они начали резать серебристо-зеленую водяную плоть Пикслера и Реквии.

Инструменты, дар Создательницы, были не только действенными, но и странными. Они резали воду, как убийцы режут горло. Туда-сюда. Вверх-вниз. Разрезанные нити падали в бурлящие волны, которые их создавали.

Пикслер-Реквия взревел от возмущения.

— Вы не должны участвовать в этой битве, — закричал он. — Для вас это означает смерть.

Вода продолжала изливаться из-под пола, сплетая новые веревки вместо разрезанных. Внезапно поднялись две из них, во много раз толще остальных, которые оборачивали колонну. Их не интересовало оружие женщин. Эти веревки собирались расправиться с ними самими.

Веревки не задумывались, какую женщину выбрать — они просто схватили первых двух швей и утопили. Оставшиеся были слишком заняты резкой, чтобы заметить их исчезновение. Однако Императрица все видела.

— Сестры! Осторожнее! — крикнула она. Смысл ее слов остался неясен. Утопив двоих, веревки поднялись за двумя другими.

— *Нет, Пикслер!* — закричала Бабуля Ветошь, и частота ее голоса была слышна только живой воде. — *Это ведь просто женщины!*

Пикслер был человеком, не лишенным сострадания. Его дух, оказавшийся в холодных объятиях Реквии, видел, что швеи действительно всего лишь женщины. Они выпустили из рук свои инструменты. Они хотели только одного — жить.

Мы должны пощадить их, — сказал Пикслер Реквии.

Пощадить? — спросила Реквия, ища в сети своего разума значение этого слова. Но ее разум был подобен кости или огню. В своем существовании она не нуждалась в пощаде. — *Я ничего не чувствую, Пикслер.*

Нет?

Нет.

Вряд ли он мог осуждать ее за то, чего она никогда не знала и что ей не требовалось знать. Ведь это он, оказавшись в глубинах моря, приманил ее своими огнями и биением сердца. Он сделал так, что Реквия поднялась и увидела небеса. Она не знала пощады. Такова была ее природа.

— *Отпусти моих сестер!* — вновь закричала Императрица.

На этот раз Пикслер и Реквия ответили в унисон.

— *Это Абсолютная Полночь,* — сказали они. — *И в ее тьме твои сестры должны умереть.*

ЧАСТЬ 6
Без будущего

Тьма окутывает мое сердце
И сокрушает скорбью.
Так давай же утешимся
Мимолетностью наших жизней.

— Аноним

Глава 53
Прощение

Кэнди проснулась, как просыпалась не раз за месяцы своего путешествия по Абарату, сперва не понимая, где находится, не помня, как она здесь очутилась, сознавая это медленно и пытаясь разобраться в окружающих ее видах и звуках.

Это был корабль-тюрьма. Она находилась в трюме вместе со множеством — не меньше тысячи, — других арестантов. Здесь было слишком мало света, чтобы подробно разглядеть, кто эти люди: трюм освещали две тусклые лампы, висевшие высоко над сгрудившимися заключенными и качаясь в такт движению корабля. Волнение было сильным, корабль трещал и перекатывался с гребня на гребень, что в свою очередь вызывало немалые страдания у сидящих вокруг Кэнди людей.

Она слышала их мысли, наполненные страхом и болью; в израненных головах роились немые, безответные вопросы.

Куда они меня везут?

Что такого я сделал?

Меня собираются судить?

Ей захотелось успокоить их страхи.

— Все будет хорошо, — пробормотала она.

Кто там?

Кто это?

Я слышал, как кто-то говорил…

— Я зажгу свет, — сказала Кэнди.

О чем она?

Здесь нет света.

Она сошла с ума.

— Просто *доверьтесь* мне, — сказала она. А затем очень тихо произнесла слово, призывающее свет:

— Оназаваар.

В воздухе вокруг ее головы возник слабый свет, не ярче пары свечей. Она мягко отослала его прочь, и он начал распространяться, словно тягучий туман, зажигая собой воздух. Она старалась его сдерживать. Вокруг было столько боли, что люди не очень хотели встречаться лицом к лицу с бесспорной реальностью, как бы мягко она себя ни проявляла. Теперь она слышала мысли тех несчастных, кто не имел ни малейшего желания видеть то, что им раскрывал спокойный свет.

Уберите! Уберите его!

Я сплю, неужели не ясно?

Уберите!

Это она. Девчонка из Иноземья. Она зажгла свет.

Убери его!

— Нет, — раздался твердый голос, первый, который она здесь услышала. — Пусть свет остаётся.

Кэнди поискала говорившего и без труда нашла его. У него была большая рыжая шевелюра с проседью, квадратная борода того же сочетания алого и белого, желтовато-зеленая кожа. По контрасту с яркими чертами лица его голос был лишен эмоций, даже бесцветен.

— Не бойтесь ничего, что, как кажется вашим глазам, они видят, — произнес он. Его слова разнеслись дальше, чем позволяла их первоначальная громкость; этот эффект Кэнди не раз наблюдала у тех, кто обладал способностью к магии. — Ничто из окружающего не является реальностью. Я обещаю вам это.

Он говорил со своей паствой так, словно они были младенцами, и какой-то человек рядом с ней прошептал его имя.

— Это отец Паррдар! Пророк из Катакомб Мапа.

— Я не ваш отец. Я такое же дитя, как и вы. И так же, как вы, боюсь. Испытываю ужас, подобно некоторым. — Среди пленников пронесся шепот согласия. — Успокойтесь, дети. Наш Отец в Иноземье слышит наши молитвы. Очень скоро Церковь Детей Эдема придет, чтобы нас пробудить.

Кэнди не могла поверить своим ушам. Пленники вновь зашептались. Однако теперь это был шепот испуганных людей, которым дали необходимое успокоение.

— Все это не настоящее. Как может быть иначе? — продолжал Паррдар. — Какой смысл может крыться в подобном страдании?

Неудивительно, что люди реагировали одобрительно.

— Да, отче, да! Мы страдаем в этом кошмаре!

Паррдар продолжал говорить так, словно все вокруг молчали, но по растущей силе, с которой он вещал, Кэнди понимала: возгласы его паствы были услышаны.

— Преподобный слышит наш плач. Преподобный страдает так же, как страдаем мы!

Кэнди больше не могла это терпеть.

— Нет никакого Преподобного, — громко заявила она.

— Замолчи, — сказала сидевшая рядом женщина. Кровь морских прыгунов придавала ее глазам тот же серебристый блеск, который Кэнди видела во взгляде Изарис. — Говорит отец Паррдар!

— Мне все равно, — ответила Кэнди, заставив себя очнуться от дремотной расслабленности. — Ложь есть ложь, кто бы ее не

говорил.

— Он не лжет, — донесся из сумрака голос другого пленника.

— Ладно, тогда он ошибается, — сказала Кэнди. — В любом случае, то, что он говорит, неправда.

— Откуда ты знаешь? — спросил третий голос.

Кэнди разглядела, что говоривший был крупным мужчиной. Этого оказалось достаточно, чтобы ее встревожить. Следовало быть внимательней. Она устала, ослабла и была уязвима. Сейчас не время спорить. Кроме того, разве они не в одной лодке? Все они — пленники темного корабля под все еще беззвездным небом.

Она сделала примирительный жест, подняв ладони и говоря тем самым, что больше не хочет спорить. Но человек в темноте, у которого, как видела Кэнди, волосы над головой образовывали маленький вопросительный знак, не собирался спускать с рук ее возражения.

— Я задал тебе вопрос, — сказал Вопросительный Знак.

— Да, я слышала, — ответила Кэнди, стараясь говорить спокойно и вежливо.

— Тогда отвечай.

— Священник имеет полное право на свое мнение, — ответила Кэнди. Здесь ей следовало остановиться. Однако она продолжила. — И все равно он ошибается.

Ей подумалось, что своенравная часть, которую так просто было не заткнуть, может являться вкладом Боа, однако нет — это была сама Кэнди.

— Он *не* ошибается, — сказал Вопросительный Знак.

Он начал вставать, и Кэнди увидела, насколько велик тот спор, в который она себя втянула. Человек поднимался, поднимался и поднимался, разворачиваясь, словно огромный аккордеон. В ширину он был таким же, как в высоту. И он вставал, расширялся, вставал и расширялся, все это время произнося Завет Вопросительного Знака.

Который был очень прост.

— Отец прав. Всегда. Он знает Истину и Он выражает ее так, чтобы мы ее поняли. Прими Его мудрость и моли Его о прощении.

В этот момент в спор вмешался сам Паррдар.

— Я уверен, что она… — начал он.

— ПРИМИ ЕГО МУДРОСТЬ И МОЛИ О ПРОЩЕНИИ! — вновь проговорил Вопросительный Знак.

Кэнди тоже встала. Она чувствовала качку корабля не только как пассажир, но и как эмпат, с помощью магии разделяя его состояние, как она разделяла чувства этих людей. Она ощущала, как о борта корабля бьются волны, подобно грубым словам

Вопросительного Знака, бьющим ее по лицу. Она чувствовала ритм этих волн и взгляды людей, тесно сгрудившихся в трюме. Слышала шепот их мыслей, вспененных, словно вода.

— Мы здесь все вместе, — произнесла она, пожимая плечами. — Мы все — пленники Бабули Ветоши. Я не хочу ни с кем спорить. — Она глубоко вздохнула, проглотив свою гордость, и сказала:

— Я принимаю мудрость отца Паррдара и прошу его о прощении.

Но даже сейчас она не удержалась и завела руки за спину, скрестив пальцы. Это была детская уловка — обещание, сделанное со скрещенными пальцами, не считалось, — однако она ничего не могла с собой поделать. Она не принимала мудрость Паррдара и не просила его о прощении, однако подошла к ситуации практично. И всё это тоже была Кэнди.

— Я прощаю тебя, дитя, — сказал священник.

— Очень мило с вашей стороны, — ответила она и подумала: это уже перебор, священник поймет, что ее вежливость — только маска, скрывавшая совсем другую Кэнди.

Но отец Паррдар купался в той власти, которой она его наделила, и не сомневался, что услышал правду.

Он просто сказал:

— Свет.

— Хотите, чтобы я его убрала? — спросила она.

— Нет необходимости, — ответил он. — Ты можешь им управлять?

— Немного.

— Тогда отправь его туда, где он сможет принести пользу.

Кэнди потребовалось несколько секунд, чтобы понять суть его фразы. Затем, стараясь продемонстрировать, что занятие это весьма непростое, она собрала распространявшийся вокруг нее свет и послала его туда, где, по мнению отца Паррдара, он был наиболее полезен — то есть к нему самому.

— Так-то лучше, — сказал он, когда его окружил свет. — Думаю, мы с тобой поладим, дитя.

Кэнди начала отвечать, но священник уже пустился рассказывать об их Отце в Иноземье, который придет вместе со своей церковью и спасет их от ужасов и кошмаров.

— Даже сейчас, — говорил отец Паррдар, — он идет, чтобы нас пробудить. Даже сейчас.

Глава 54
Императрица во славе

За свою долгую, запятнанную кровью жизнь Бабуля Ветошь была известна под многими именами. Ее называли Матриархом, Ведьмой Горгоссиума, Каргой. Но она не перечила судьбе. Она выжидала, зная, что когда наступит Полночь, у нее будет лишь один титул, тот, за который она боролась: Тант Эйла Тлен, Императрица Абарата. В ее первом указе говорилось о мести городу Коммексо за те проблемы, которые он создал у нее своим неповиновением.

Она была беспощадна.

Казни стали зрелищем, которое никто из переживших эти темные времена не забудет до конца своих дней. Первые два часа после распространения своего указа и последовавших за ним смертных казней Императрица оставалась в Круглом зале, восстанавливая энергию, которой она лишилась во время битвы с Пикслером-Реквией. Расправившись со швеями, Пикслер-Реквия вернулся в глубины Изабеллы, оставив Империю Ведьме. И когда она утомилась разглядывать изображения на светящихся экранах Пикслера (какой смысл насаждать страх, если ты не можешь почуять кислую вонь испуганных?), она взошла на серо-голубую мумифицированную руку, свой привычный транспорт, и отправилась на улицы.

Это путешествие по сдавшемуся городу было первой и последней возможностью для большинства жителей Коммексо увидеть женщину, которая почти разрушила их мир, во плоти. Граждане Коммексо не без причин считали себя весьма искушенными, и вид Императрицы, о которой они слышали столько пугающих историй, на удивление утешал. С их культурной точки зрения эта женщина выглядела словно пришелец из какой-нибудь древней книги сказок. Она совершенно нелепа, шептали они, прикрыв рукой рот. Она была старой, неряшливой и походила на сумасшедшую.

В последнем они не ошиблись. Матриарх действительно была безумна. Но это было не беспомощное безумие. Даже ее мысли о видах разрушенного города, которые улавливались Спиралью Слухов, двигавшихся вокруг нее, несли в себе мудрость. Она остановилась, чтобы рассмотреть руины, и заметила среди камней и мусора плачущего осиротевшего младенца.

— О, моя добродетель! — пробормотала она. — За каждым углом — новое отчаяние. Счастье — лишь краткий миг, но о нем

слышали все. А боль — это целый мир. — Закончив свою спонтанную элегию, она повернулась к ближайшему черепоглаву и позвала: — Эй, солдат!

— Я, Императрица?

— Да, ты. Как твое имя?

— Хемош, сшит швеей Мезбади, госпожа.

— И где же твоя мать?

— Мертва, Императрица. Погибла на «Полыни».

— А. Ну что ж, Хемош, сын Мезбади. Видишь то несчастное создание у двери?

— Ребенка, госпожа?

— Да. Принеси его мне. Его страдания причиняют мне боль.

— Вы хотите… взять ребенка, госпожа?

— А что тебя удивляет? Прежде, чем стать императрицей, я была матерью, Хемош. И буду матерью после того, как умру, поскольку в моей утробе станут рождаться черви.

— Без вас мне жизни нет, госпожа. Ваши слова разбивают мне сердце.

— У тебя нет сердца, Хемош. Ты лишь грязь, живая грязь.

Хемош выглядел смущенным.

— Не понимаю, императрица. Если у меня нет сердца, то почему меня так тревожит звук детского плача?

— Не знаю, и мне все равно. Я — Императрица, а ты — ничто. Повинуйся.

Хемош кивнул и положил копье на землю. Он сделал пять шагов назад, склонив голову, затем развернулся и начал карабкаться по мусору к двери, где хныкал ребенок.

Звук, который он издавал, очень напоминал человеческий. Но младенец не был человеком. Его глаза располагались друг над другом, рот сместился вбок. Голова была длинной, узкой и выглядела еще длиннее из-за высоких и острых, как у настороженного кролика, ушей.

— Тихо, малыш, — сказал Хемош, поднимая ребенка. Оказавшись на руках, младенец заплакал чуть тише. Хемош мягко покачал его, и плач смолк.

— Вот.

Повернувшись, он собрался вернуться по руинам к дороге, но Императрица проговорила:

— Не трудись нести его сюда. Убей его там, где стоишь.

— Убить его? — переспросил Хемош.

— Да, солдат. Убить.

— Почему?

— Потому что я так сказала.

— Но ведь он уже замолчал.

— Ты споришь со мной, солдат?

— Нет. Я только хотел…

— Да! Ты споришь!

Императрицу охватила внезапная ярость.

Она спустилась с руки; ее платье было столь плотно увешано куклами, что когда она оказалась на земле, трон с высокой спинкой перевернулся. Она посмотрела на копье Хемоша, и то мгновенно откликнулось на ее молчаливый приказ. Поднявшись в воздух, оно повернулось и указало своим острием на заплаточника с младенцем, который все еще плакал в его тени.

— Госпожа, прошу. Я не хотел вас оскорбить. Я лишь…

Больше он сказать не успел. Копье пронзило его и младенца, и оба они тотчас замолчали.

Смерть заплаточника по имени Хемош и безымянного ребенка не прошла незамеченной. Руку окружали одиннадцать заплаточников, восемь из которых видели эту сцену. Но видели ее и многие жители Коммексо, которые пришли, чтобы своими глазами посмотреть на разрушительницу их города. По мере распространения слухов росло и число тех, кто утверждал, что своими глазами видел, как копье убило младенца и солдата. Некоторые из этих новых «свидетелей» приукрасили жестокость и злобность Императрицы. Один утверждал, что та призвала к себе душу младенца и заточила ее в куклу, пришитую к платью. Впрочем, эти добавления были еще в пределах достоверности. Но слухи ширились, становясь все более невероятными. Ходили истории о том, что легионы Императрицы восстали против нее. До гигантских размеров выросли рассказы о том, что мертвый солдат вернулся в мир живых. Однако свидетелей этих чудес, разумеется, не было.

Подобные слухи плодили новых врагов Императрицы. Теперь ее враги были повсюду. От них необходимо было избавиться. Пришло время казнить те несколько тысяч, кого она уже арестовала. Если эти ее враги смолкнут раз и навсегда, она вполне может ожидать, что Те, Кто Ходит За Пределами Звезд, будут довольны. В конце концов, разве она не достигла всего, чего хотела? Теперь она была Императрицей всех Часов, и Абарат лежал у нее под ногами.

Стоя у своего драгоценного трона среди разрушенных улиц Коммексо, Императрица разогнула большой палец и мизинец левой руки — едва заметный жест, который, тем не менее, был увиден и понят наблюдателем на корабле, висевшем высоко у нее над головой. В брюхе огромной машины открылась шестигранная дверь, и из нее пролился яркий свет. Она почувствовала силу этого света, который начал поднимать ее вверх. Хотя она редко

получала удовольствие от передачи силы кому-то другому, это было исключением. Находиться в захвате Подъемного Луча было крайне приятно. На несколько секунд она с удовольствием вручила ему свое тело, раскрыла руки и повернула ладони к небесам, пока Луч поднимал ее к Буреходу.

Находясь в паре метров от внутренностей корабля, она услышала идущий снизу крик. Она не сомневалась, что крик должен был привлечь ее внимание. Ничто столь необычное и странное не могло не иметь целей или намерений. Он быстро превратился в нечто большее, чем просто единый возглас — в литанию множества криков, дробное бормотание причитаний, перешедших в возмущенный вопль.

Понять его смысл было нетрудно. Граждане Коммексо хотели, чтобы она запомнила: пусть их город теперь во тьме, его жители собираются выжить в это смутное время, ни о чем не забывая и храня свою ярость. Их крики означали, что они найдут ее и закончат то мрачное дело, которое она начала.

На случай, если криков было недостаточно, они продемонстрировали последнее доказательство своей злости. Из темноты выступило две сотни человек, появившись в небольшом круге света, где своей очереди на подъем дожидалась мумифицированная рука. И прежде, чем он начался, люди набросились на трон Бабули Ветоши, собираясь окончательно добить то, что уже было мертво.

Глава 55
Внизу

Кэнди погрузилась в сон. Сделав долгий, медленный выдох, она позволила своему сновидческому телу выскользнуть вместе с дыханием и через слои досок и смолы проникнуть во внешний слой корабельной краски. Разумеется, корабль был красным, и как это здорово — быть красным! Быть цвета огня, крови, маков и заходящего солнца.

Она выплыла из корабля-тюрьмы со сновидческой легкостью, освободившись от всех телесных ограничений, и в этой свободе воссоединилась со всем самым важным, что в ней было. Всем истинным, настоящим и правильным.

Она в последний раз посмотрела на корабль-тюрьму, где ее возвращения дожидалась вторая тюрьма — тело. Ближайший остров был едва заметен, и на его берег накатывали волны с яркими белыми барашками.

Корабль-тюрьма приближался к своей цели. На северо-восточной стороне Окалины была построена временная гавань, освещенная рядами кислотных огней, едва не гаснувших под резкими порывами ветра. Там стояло еще два корабля, как две капли воды похожих на тот, который Кэнди только что покинула. Корабли использовали примитивные приспособления гавани. Она видела ряды заключенных, с которыми явно не церемонились: одни из них прихрамывали, другим помогали более крепкие товарищи, а заплаточники Императрицы били их дубинками, чтобы те пошевеливались; жестокость наслаивалась на жестокость, и пленники молили о суде Высших Сил, которые, по мнению Кэнди, вряд ли собирались вмешиваться.

Она бросила свою ярость в воздух, где та метнулась вправо, влево, словно ссорящиеся птицы, и упала назад в Изабеллу, которая подхватила ее и унесла вниз. Внизу было темно, однако ее присутствие привлекло миллионы светящихся существ; крошечные живые огоньки притягивались к ее бесформенной анатомии и создавали яркий покров, который уходил в лишенные света глубины, словно усыпанный драгоценными камнями плащ.

Спуск требовал от нее усилий, но это оказалось нетрудно, когда альтернативой было увиденное на Окалине. Конечно, она туда вернется. Но не сейчас… Позже.

Мама, прошу, еще десять минут, прежде чем ты велишь мне уйти. Всего десять.

Море ей не перечило, и она увлекала свое светящееся

одеяние все ниже и ниже.

Здесь такой свет был редкостью и привлекал любопытных. Многих из этих существ она видела в своей тарелке или на рыночных прилавках. Но виды, которых она ела, скоро уступили место другим, которые с удовольствием сами бы ей закусили; многие из них были родичами тех, кто водился в Иноземье, хотя воды, где они обитали теперь, изменили их облик. Акула-молот стала меньше похожа на молот и больше на топор; величаво проплывший под ней кит был окружен яркими стаями маленьких рыбешек, которые, казалось, подталкивали его вперед.

А она продолжала свой спуск, все отчетливее понимая, что скоро ей придется вернуться на корабль, в свое тело.

Еще хотя бы пару минут, умоляла она.

Внизу виднелись коралловые рифы; они казались мертвыми, побелев от пепла, вырывавшегося из отверстий — внешних жерл горы Галигали. И в этот момент, за секунды до того, как ей надо было возвращаться на корабль, Кэнди явилось видение. Перед ее мысленным взором возникло дерево, отгоняющее сумрак — живое дерево с лимонно-белыми цветами и идеально голубым пологом листьев. Однажды она слышала о нем стихотворение.

Жизнь, как… что-то
С пробитым трюмом…

Нет, нет!

Жизнь как миг,
Кратка, угрюма.
Тонет бриг
С пробитым трюмом.
Но! Но!
Как светел и прекрасен
Моря лик!

Ей очень хотелось нырнуть глубже. Она подумала: как далеко ей надо подстегнуть свои мысли, чтобы добраться до легендарной Реквии?

Диаманда, вспомнила Кэнди, называла их «*врагами любви, врагами жизни. Неописуемо злобными*».

Кэнди спросила, где они живут, и Джефи ответила, что реквии обитают в глубинах Изабеллы, и там, как она надеялась, и останутся. Диаманда усомнилась, что все так просто. Она слышала, что реквии куда-то перемещаются.

«… *некоторые говорят, что когда они поднимутся на поверхность, наступит конец знакомого нам мира*».

Что ж, это уже случилось. Значит, зловещие создания собирались выходить на острова? Она должна была их увидеть. Хоть разок, краем глаза. Как выглядит враг жизни и любви? У нее может не оказаться другого шанса.

Она послала свои мысли вниз, во тьму, что была темнее любой темноты, которую ей доводилось прежде видеть.

Она знала — внизу что-то есть. Она чувствовала, как под ней разворачивается нечто огромное, как его конечности, или языки, или и то, и другое, стремятся к ее мыслям, касаются их с обманчивой мягкостью. И когда они ее коснулись, ей вдруг вспомнился еще один разговор. Его темой была не Реквия. Речь шла о том, что повсюду распространилась магия.

«*Понадобится много времени, чтобы с корнем вырвать всю магию на этих островах,* — слышался ей голос. — *Придется сжечь множество книг, сломать множество душ…*»

А затем, очень медленно, щупальца выпустили ее, и прямо под ней оказался человек, произнесший эти слова, хотя с момента их последней встречи он сильно изменился.

— Ну здравствуй, — сказал Роджо Пикслер.

Глава 56
Рука в огне

— Вверх! — закричала Императрица привратнику и его команде. — Быстро, *быстро!* Они собираются уничтожить руку!

Привратник, мистер Громадиан, торопился встретить Императрицу у широкого трапа, который автоматически занимал нужное положение. С воздуха она сошла прямо на трап. Но при первом же взгляде на нее привратник стер с лица приветственную улыбку. Прежде, чем он успел вымолвить хоть слово, она проговорила:

— Пошли туда своих солдат, Громадиан. *Немедленно!*

— Да, госпожа. — И он закричал капитану стражи:

— Ты слышал приказ, Кожедёр!

Капитан Кожедёр, огромный черепоглав в форме, которая едва сходилась на его шестируком теле, был тут как тут.

— Так точно, сэр!

Несколькими резкими командами он вызвал к себе троих заплаточников и прыгнул в Подъемный Луч. За ним последовали его солдаты.

— Кто нападает? — спросил Громадиан.

— Повстанцы! Радикалы! Они собираются сломать трон! Я хочу видеть их живыми, Громадиан. Хочу лично добиться от них правды.

— Я уверен в способностях капитана Кожедёра, госпожа. Он знает…

С земли донеслось мягкое *бум,* и в основании руки возник яркий желтоватый свет.

— Будь они *прокляты!* — вскрикнула Императрица. — Я не хочу потерять и его!

Громадиан не знал, что она имеет в виду, но отлично помнил о мудрости молчания. Кроме того, Императрица не нуждалась в его словах. С точки зрения уважительного привратника, Императрица находилась на грани безумия. Хотя ее голова была направлена вниз, к земле, глаза метались туда-сюда, не вглядываясь в расстилавшийся под кораблем вид. Впрочем, если она испытывала к руке, на которой так часто выезжала, какую-то привязанность, неудивительно, что ей не хотелось на нее смотреть. Громадиан отвернулся и не понимал, что Императрица отдает ему приказ, пока ее слова не начали хлестать его по лицу, словно удары колючей ветвью.

— *Подними ее!* — кричала она.

— На корабль? — спросил привратник, устрашенный такой идеей.

— Да! Конечно на корабль! Живо! Ты понимаешь, что тебе говорят, кретин? Если он умрет, умрешь и ты! Сгоришь, как горит он!

— Госпожа, нет…

— Тогда спаси его, идиот!

В мгновение ока привратник ударил кулаком по большой желтой кнопке, и по всему кораблю разнеслись панические звуки тревожного сигнала. Громадиан начал отдавать четкие команды.

— Все пожарные — к подъемному модулю. У нас *срочная задача!* — Затем он крикнул Кожедёру:

— Потуши огонь, как можешь, Кожедёр! Слышишь меня?

Кожедёр закричал что-то в ответ, но из-за треска огня его не было слышно.

— *ПОДНИМИ ЕГО НАВЕРХ!* — вновь потребовала Императрица. — Ты понял мой приказ, Громадиан?

— Понял, госпожа, — ответил привратник. — Ваш… э… он уже на пути сюда, госпожа.

Двигатели Бурехода работали вовсю, подавая энергию в Подъемный Луч, который втягивал горящую руку с земли в недра Бурехода. Рука, вращавшаяся внутри луча, распространяла вонючие волны гари. Включенная Громадианом тревога быстро принесла свои плоды. Заплаточники подключили насосы и направили многочисленные шланги на огромный горящий трон.

— Лей воду! — закричал Громадиан.

Только он это сказал, как шланги раздулись, и из их носов вырвалась вспененная вода. Послышалось резкое шипение, и в Подъемном Луче возникли облака пара — огонь угасал. Когда рука оказалась внутри корабля, привратник приказал закрыть отверстие и выключить луч, позволив пожарным точнее сосредоточить шланги на руке. Пламя быстро стихло. Но повреждение, нанесенное трону, оказалось катастрофическим. Огонь настолько его ослабил, что он едва мог стоять на кончиках пальцев. Словно большой младенец, рука покачивалась под струями воды.

— *Хватит!* — закричала Бабуля Ветошь. — Ты меня слышишь, Громадиан?

— Есть, госпожа, — ответил привратник.

Воду перекрыли. Потоки стали меньше и вскоре полностью иссякли. Даже без бьющейся о нее воды руке было трудно удерживать вертикальное положение. Ее мертвая плоть шла пузырями, а в некоторых местах обгорела полностью, до почерневшей кости.

— Оставьте нас, — тихо сказала Матриарх.

Привратнику не нравилась мысль о том, чтобы оставить Матриарха в столь непредсказуемой компании.

— Может, мне остаться у дверей?

— *Вон!* — крикнула она. Затем добавила тихим голосом:

— Я не хочу, чтобы на него смотрели, когда он так страдает. Ясно?

— Разумеется, — ответил Громадиан. — Капитан Кожедёр, вы и ваши люди…

— Есть, сэр, — ответил капитан. По кивку командира пожарные покинули помещение. Кожедёр дождался привратника, и когда тот к нему присоединился, они ушли.

— Я все сделаю быстро, — сказала Бабуля Ветошь. — Ты хорошо мне служил. Мне жаль, что я не смогла сделать то же для тебя. Будь свободен.

Она обошла вокруг руки против часовой стрелки. Неровная окружность, обрисованная на полу ее шагами, породила волну черной энергии, которая скрыла внутри себя руку. Она знала, что от нее требуется, и сделала это.

— Иди, — сказала Ведьма.

Рука приняла подаренный ей покой. Пальцы сложились под ладонью, она наклонилась и упала в грязную воду. Части горелой плоти отвалились, разлетевшись к стенам комнаты. Рука дернулась, и обитавшая в ней много лет сверхъестественная жизненная сила покинула ее навсегда.

Императрица не собиралась задерживаться в компании дважды мертвого. Она отправилась прямиком на мостик, чтобы вести корабль к Окалине. Туда, где находились враги ее Империи, ожидавшие казни.

Глава 57
Нож в каждое сердце

Глаза Кэнди открылись. Она была на суше, и это радовало. Последнее, что она помнила — мелькнувший в глубинах Изабеллы Роджо Пикслер, или нечто, когда-то бывшее им. Оно улыбалось голодной улыбкой и тянуло к ней длинные щупальца.

Кэнди была рада, что ей не удалось досмотреть видение.

— Что это за остров? — пробормотала она, надеясь, что рядом окажется кто-нибудь, способный ответить.

Так оно и оказалось. В поле ее зрения возникло сияющее от счастья лицо Шалопуто.

— Шалопуто?

— Ты очнулась! Я думал, на этот раз ты вообще не вернешься.

Кэнди улыбнулась в ответ — по крайней мере, попыталась это сделать. Она чувствовала себя настолько оторванной от тела, что не знала, действительно ли оно выполняет то, что от него требуется. Веки все еще были тяжелыми, и несмотря на удовольствие от встречи с Шалопуто, ей хотелось вновь ощутить объятия сна, унестись в места более теплые и времена более добрые.

— Нет! — воскликнул Шалопуто. — Пожалуйста, не уходи. Ты мне нужна. Ты нам всем нужна!

— Всем?

Он отвернулся, и Кэнди, заинтересовавшись, на что Шалопуто смотрит, оттолкнулась от земли и села.

— Ничего себе, — пробормотала она.

Они были не одни. Рядом стояли и сидели сотни людей, в большинстве своем молчаливые и одинокие, и все они находились в едином вытянутом пространстве, огороженном колючей проволокой.

— Насколько я понял, здесь примерно семь тысяч человек, — откуда-то из-за спины сказал Газза.

Она обернулась. Он забрался на вершину валуна, а за ним, к удивлению Кэнди, следовала Бетти Гром. Кэнди еще раз посмотрела по сторонам.

— Как получилось, что мы сидим на единственной скале? — спросила она.

— Ты знаменита, — ответила Газза. — Так мы получили скалу.

— А кто эти люди?

— Все мы — пленники Императрицы.

— Нас только четверо?

— Нет. Здесь Эдди и братья Джоны, — ответил Газза.

— А Женева? Том? Клайд?

Бетти грустно пожала плечами.

— Мы их ищем, — сказал Шалопуто. — Этим занимаются Эдди и Джоны. И еще они пытаются разобраться, почему нас собрали в одном месте. Что у всех нас общего.

— Мы ей не нравимся, — ответила Кэнди. — Какая еще нужна причина? Она теперь Императрица. И ни перед кем не отвечает.

— Все отвечают перед кем-нибудь, — сказал Газза.

Кэнди пожала плечами и встала, чтобы рассмотреть толпу. По всему лагерю горели костры. В их свете она видела, что толпа вокруг столь же разнообразна, как и на улицах Балаганиума. Хотя это были пленники, а не искатели развлечений, здесь тоже наблюдалось знакомое буйство абаратской жизни: те же яркие, нереальные цвета, которым не было названий, те же изысканные сочетания гребней, перьев и пушистых хвостов, глаза, похожие на тлеющие угли, кольца, украшенные созвездиями золотистых глаз. Единственная разница была в шуме, или, точнее, в его отсутствии. Под сумеречными небесами Балаганиума праздная публика болтала, кричала и шумела, словно призывая небо к ней присоединиться. А здесь криков не было. Не было здесь и слез. Только разговоры шепотом и редкие тихие молитвы.

— Они все смотрят в небо, — сказала Кэнди. — Следят, как образуются трещины.

— Разве это не здорово? — спросил Шалопуто. — Я недавно видел звезду. Посмотри, вон там еще одна.

— Она знала, что это произойдет, — сказала Кэнди.

— Знала, что тьма не останется?

— Конечно. — На мгновение Кэнди забыла, что держала в тайне разговор с Тленом, и быстро добавила, защищаясь:

— В смысле, как ей не знать? Она понимает, что существа, которых она выпустила, не будут жить вечно. Иначе зачем она собрала здесь всех зачинщиков? Это имеет смысл.

— И что с нами будет? — спросил Шалопуто.

— Мы отсюда выберемся, — ответила Кэнди. — Раньше, чем сюда доберется Бабуля Ветошь.

— Почему ты думаешь, что она сюда придет? — спросил Газза.

— Она очень постаралась собрать всех своих врагов в одном месте. Она сможет уничтожить их сразу, одновременно.

— Что? Да нас здесь тысячи! — возразил Шалопуто.

— Тысячи. И мы сидим у подножия вулкана на самом краю

мира! Никто даже не узнает, что нас убили. Но она захочет сделать это быстро, прежде, чем в жизнь вернется хоть какой-то порядок.

— Почему ты в этом так уверена? — спросила Бетти.

— Просто знаю. Мне кажется, я начинаю ее немного понимать.

— Не представляю, как мы шестеро отсюда выберемся, — сказала Бетти. — Может, вы с Шалопуто…

— *Нет,* — ответила Кэнди.

— Что значит «нет»? Шесть — это слишком много?

— Когда я говорю — все, — произнесла Кэнди, глядя на огороженную территорию и заключенных людей, — это означает все. *Все мы.*

— Кэнди, здесь повсюду заплаточники, — сказал Газза.

— И она приведет с собой еще.

— С ума сойти, — пробормотал Шалопуто.

— Еще — это сколько? — спросил Газза.

— Какая разница?

— Мне надо знать, с чем мы столкнемся, — ответил он.

— У меня нет точных цифр, Газ. Хотела бы я объяснить лучше, но не могу. Я только знаю, что она все ближе, и что для каждого сердца у нее припасен нож.

Не успела она закончить свой мрачный ответ, как в толпе возникло движение. Кэнди оторвала взгляд от друзей.

— Что там еще? — спросила она.

Она оказалась у края скалы как раз в тот момент, когда из толпы вышел слепой человек.

— Кэнди Квокенбуш? — спросил он.

— Мы знакомы?

— Нет, — сказал слепец. — Я Зефарио Тлен. Полагаю, ты знаешь моего сына.

Глава 58
Сейчас, потому что

Кэнди соскользнула с валуна. Ее собеседник стоял спиной к одному из костров, и его фигура была почти силуэтом на его фоне, кроме глаз, которые, несмотря на слепоту, каким-то образом вбирали в себя свет, источаемый редкими проглядывающими звездами. Холод или усталость вызывали в теле старика дрожь. И только звездный свет оставался постоянным.

— Не понимаю, — сказала Кэнди. — Чего вы хотите?

Зефарио сунул руку в карман просторной куртки.

— Я зарабатывал деньги, занимаясь вот этим.

Кэнди взяла то, что он ей протянул.

— Это карты Таро?

— Абаратская колода. Свою старую я давным-давно пустил по ветру. Но нашел новую.

— Они не похожи на те, которые я видела в Цыптауне.

— Да. В Абаратской колоде восемьдесят восемь, а не семьдесят восемь карт. И не такие изображения. Хотя не все. Некоторые лица есть даже здесь.

Там, где стояла Кэнди, иллюстрации на картах были почти не видны — слишком мало света. Но она чувствовала эти видения, их вибрации двигались сквозь кончики пальцев и рождали желание разглядеть их подробнее. Она вышла из тени слепого старика и повернула карты вниз от себя, чтобы их осветило пламя. Теперь она их видела, и неудивительно, что ее пальцы чувствовали силу. Какие картины! Некоторые образы были прекрасными, другие — пугающими, третьи рождали в голове печальную музыку, как утраченные песни о вещах, которые никогда не появятся ни в этом мире, ни в любом другом.

Она долго не могла отвести взгляд от потока образов и не смотрела на слепого, но тот не возражал.

— Утрачены навсегда, — сказала она себе.

— Не очень понимаю…

— Просто раньше я думала, что на самом деле ничего не теряется.

— Ах, если бы.

— Значит… вы видели здесь меня? В одной из этих карт?

— Не в одной. У тебя будет много лиц.

— Я себя здесь не вижу.

— Это хорошо. Так может думать только глупец.

— Значит, вы отец Кристофера?

— Да, — ответил он со странным спокойствием. — Кристофер… о, мой Кристофер… он был когда-то таким малышом…

Зефарио поднял руки и сложил их, чтобы показать, каким маленьким был когда-то его любимый сын. Кэнди воспользовалась возможностью и протянула ему карты.

— Вот, возьмите, — сказала она.

— Прошу, оставь их себе. Используй. В них уже есть то, чему я научился. Теперь добавь к моему путешествию свое, и это станет частью Нити.

— Частью чего?

— Нити. Ты о ней не знаешь?

— Нет. Но я верю, что в Часах есть какая-то структура, тайная связь, которая раскроет высший порядок вещей, когда наступит время.

— А, — сказал Зефарио, — ты мудра. Я хочу, чтобы ты жила, Кэнди. Чтобы ты узнала высший порядок и, если захочешь, передала его мне, и те, кто сейчас с мертвыми, кто потерян — а таких много, — найдут свой путь в Объятия Всего.

— Всего… ведь это довольно условно, разве нет?

— Да, но либо так, либо никак. Это Эра Абсолютов.

— И что будет после этой Эры?

— Понятия не имею. Откуда мне знать?

— Вы должны спросить карты, как все закончится.

— Карты не предсказывают будущего. Оно еще не произошло. Мы на что-то надеемся, но появление этого не гарантировано. Мы можем хотеть определенного будущего, а получить что-то совсем иное. Мои дочери пели одну песенку. Несмотря на все эти годы, я слышу ее до сих пор.

Завтра нет,
И никогда
— Не было его,

— сказала Кэнди, тут же узнав стихотворение.

— Клянчи и воруй сейчас
Потому что
Завтра нет
И никогда не было его.
Клянчи и воруй сейчас
Потому…

— Мы тоже ее пели, — сказала Кэнди. — Почему вы мне об этом рассказываете?

— Потому что есть только сейчас. И потому что ты тоже *ее* чувствуешь, — сказал он.

— А, — сказала Кэнди.

— Она не одна?

— Конечно, нет. С ней по меньшей мере семь тысяч заплаточников. Так сказал мне Кристофер.

— Он сейчас с ней?

— Сомневаюсь. Она считает, что он умер. Утонул на улицах Цыптауна.

— Но он не утонул? Я пришел к тебе, чтобы ты смогла нас помирить. Я хочу увидеть своего сына в последний раз перед тем, как умру. Он все, что у меня есть. Все, что мне осталось любить.

— Вам будет довольно трудно полюбить его. Он не святой.

— Как и я. Когда он родился, я был одним из самых опасных людей Абарата. Я думал, этим можно гордиться… что за глупец. Я гордился тем, что сжигал поля, которые были засеяны не мной, разрушал башни, которые не я построил. Когда я думаю о нанесенном мною вреде… — Он сделал паузу и прерывисто вздохнул. Какие бы воспоминания его не посетили, они вызвали у него на глазах слезы. — Мой сын не может сделать еще хуже. Мне было всего сорок два, когда огонь уничтожил мой дом. Жена погибла, погибли все дети, кроме Кристофера. Сорок два! Это ничто. Но даже это небольшое время я сумел наполнить такими позорными вещами… такими ужасными. Я лишь хотел сказать Кристоферу, что время еще есть…

— Время для чего? — спросила Кэнди.

— Для того, чтобы исцелить тех, кому он нанес боль, — сказал Зефарио.

— Невозможно исцелить мертвых.

— Ты довольно откровенна.

— Но это правда.

— Я не сомневаюсь. Мой сын сделал множество ужасных вещей. Я вижу следы, которые он оставляет за собой на всем, чего касается. Даже на тебе.

Кэнди почувствовала, что на нее словно вылили ушат холодной воды. Насколько заметным должен быть этот след, чтобы его увидел слепой?

— Но вы же знаете, что он хотел не меня. Он хотел принцессу Боа. Всю мою жизнь она сидела во мне. Я не знала, что она там, пока… пока не нашла Абарат. Или пока он не нашел меня.

— Ты уверена?

— В чем?

— Что Кристофер хотел Боа, а не тебя.

— Да. Я это знаю, — ответила Кэнди, кивая.

— Однажды я видел тебя, когда раскладывал карты. Я не знал, кто ты, но ты говорила с Кристофером, который лежал, едва в состоянии поднять голову…

— Это было в Цыптауне. Да. Он был очень слаб. Мне тогда казалось, что он умрет. Он хотел поговорить с Боа, и я, конечно, ему позволила.

— Чего он от нее хотел?

— Он хотел, чтобы они умерли вместе.

— А она была на это готова?

— Нет, вряд ли. Точно не знаю…

— У вас было общее сознание?

— Я не всегда могла ее найти. Она от меня пряталась. Даже в моей собственной голове. А какая разница?

— Он знает, что вы с принцессой…

— Больше не вместе? Да, знает. Я видела его в Тацмагоре. Он пришел ко мне… точнее, к *ней,* но в итоге встретил только меня. Он хотел предупредить одну из нас о том, что грядет.

Напряжение, которое до сей поры Кэнди не замечала на лице слепого, внезапно исчезло.

— Ты в этом уверена?

— В чем? Что он хотел спасти мою жизнь? Или ее? Да. Да, я в этом уверена. А что? Это имеет значение?

— Имеет ли значение, что в нем есть крупица доброты? Что он заботится о ком-то, даже рискуя навредить себе? Конечно, это очень важно. Возможно, только для меня. Но я единственный, кто должен жить с этим знанием.

— Со знанием чего?

— Всего того ужасного, что он совершил. Семьи, которые он разрушил. Любовь, которую уничтожил. До этого пожара, Кэнди, я был плохим человеком. Я признаю это. Но я не учил его убивать людей их собственными кошмарами. Это сделала моя мать. Безумная Карга Горгоссиума… а сейчас Императрица и палач. Она там, — он указал на колоду, лежавшую в руках Кэнди. Во время разговора та перемешивала ее, и одна из карт привлекла внимание слепца. — Моя мать, — сказал он.

Изображение на карте пугало до смерти. В пустой комнате, где не было ни элементарного уюта, ни украшений, находился единственный обитатель: маленькая голая фигура у окна, заполнявшего левую сторону картины. Через окно на него смотрело огромное бескровное лицо пожирателя со сверкающими зубами.

— Вряд ли это ваша мать, — сказала Кэнди.

— Это символ, не подобие, — ответил Зефарио. — Разница есть. Это существо в окне представляет силу, позволяющую моей матери делать то, что она делает. Нефаури. Один из Тех, Кто Ходит За Пределами Звезд.

Кэнди почувствовала холодные эманации, исходящие от изображения на карте. В голове у нее начало пульсировать.

— Она имеет в своем распоряжении магию Нефаури. Поэтому она способна наносить такой огромный урон. Я молю, чтобы мой сын не заключил с ними ту же сделку.

— Почему?

— Потому что цена этой силы огромна, и оплатить ее едва ли возможно. Если я смогу с ним поговорить, то попытаюсь убедить его отвернуться от Нефаури.

— Тогда поговорите.

— Для этого мне нужна твоя помощь.

— Ничего подобного я не планировала.

— Не хочу ставить тебя в опасное положение…

— Меня не это беспокоит.

— И денег у меня нет…

— Мне не нужны деньги, даже если б они у вас были, — ответила Кэнди.

— Тогда чего ты хочешь?

— Мы должны покинуть остров, Зефарио.

— Это несложно. У тебя достаточно сил, чтобы создать глиф?

— Достаточно. И это будет очень необычный глиф.

Глава 59
Шепот бесконечности

Императрица Тант Эйла Тлен стояла у пятидесятифутового окна Бурехода и с невероятным наслаждением и удовольствием взирала на Церемониальное собрание Имперских палачей. Все проходило в надлежащем порядке. Здесь было восемь батальонов заплаточников-палачей, и каждый был силен, как тысяча простых солдат. Избыток ножей по сравнению с сердцами был намеренным: такая предосторожность принималась на случай, если приговоренных окажется больше ожидаемого, или если некоторым заплаточникам не удастся убить. Симметричные командиры были сшиты из остатков качественной ткани и побеленной кожи чешуйчатых рептилий.

Императрица наслаждалась работой своих швей, когда непрошенный голос прервал ее задумчивость.

— Здравствуй, бабушка.

Старуха ощетинилась.

— Кристофер. — Она не обернулась. Не было нужды. Она видела его отражение в окне, когда он вышел из тени. — Это…

— Неожиданно? Да. У меня новые шрамы. Но ты об этом знаешь. Потому что эти раны нанесла мне ты.

В тот миг он ощутил частицу старой злости, той ярости, что вырвалась из него на палубе «Полыни». Кошмары поймали ее энергию и еще ярче засияли лилово-синим светом.

— Я чувствую, ты до сих пор хранишь на меня обиду, — сказала Императрица, поворачиваясь лицом к внуку.

Сейчас он ничем не напоминал то отчаявшееся, брошенное существо, которое Кэнди Квокенбуш встретила в переулке за рынком в Тацмагоре. Теперь на нем была хорошая одежда из нового белого льна, способного прекрасно отражать свет зиккурата на Окалине. Кошмары в новом воротнике отбрасывали на его лицо свое собственное свечение.

— Разве сложно понять мои причины, леди? — спросил Тлен. — Ты могла спасти меня всего несколькими словами.

— Ты страдал. И я тоже. Но мы исцелились. Мы все еще можем планировать будущее. — Сквозь переплетенные нити кошмаров она встретила сверкающий взгляд внука. — А теперь ты должен уйти.

— Я не собираюсь уходить, бабушка. Я хочу узнать, почему ты не возвращаешься домой, на Горгоссиум. Я слышал, ты разрушила мою башню…

— Я разрушила все эти уродливые строения.

— Почему?

— Прошу, дорогой мой, не злись из-за башни. Я думала, ты мертв.

— Ничего такого ты не думала. Ты знала, что я жив, как знала то, что душа моей принцессы прячется в Кэнди Квокенбуш. Ты видишь только то, что хочешь видеть, и отбрасываешь остальное.

На это Императрица не ответила. Прошло полминуты, если не больше. Она постучала пальцем по стеклу, наблюдая за своей армией, и, наконец, произнесла:

— Можешь взять мою башню!

Тлен был искренне потрясен этим предложением.

— Я… могу ее взять?

— Она твоя. Я велю, чтобы тебя отвезли на Горгоссиум.

Тлен рассмеялся в свои кошмары.

— О, ты *очень* умна. Но тебе не удастся так легко увильнуть. Я хочу посмотреть, что ты прячешь на Окалине.

— Врагов, Кристофер. Просто старых врагов. Через час они все будут мертвы. Все до последнего.

— А. Теперь понятно. *Нож в каждое сердце*.

Матриарх кивнула, ощутив на плечах тяжесть всех своих лет, преступлений и предательств.

— Да. *Нож в каждое сердце,* — призналась она. — Теперь ты счастлив? Я собираюсь начать последнее и самое кровавое дело этих кровавых времен. Тебе не нужно это видеть.

— Нет, но я все равно увижу. Можешь оставить свою башню себе, леди. Я хочу увидеть все от начала до конца. Так ты не сможешь отрицать мое право на часть добычи. Поскольку мои руки будут в крови, как и твои.

— Тогда идем, — сказала она. — Но они все умрут. Ты должен это понимать. Все, без исключения.

— Конечно, леди, — сказал он, словно покладистый ученик, изучающий методы управления Империей. — Что должно быть сделано, то пусть свершится.

— Ты хочешь посадить всех в *один глиф?* — спросил Зефарио.

— Другого способа нет. Здесь тысячи людей.

— Это невозможно.

— Возможно.

— Такого никогда не делали.

— Это не значит, что это невозможно. Если мы с вами будем работать вместе…

— Я не колдун, — сказал он.

— Тогда почему я чувствую в вас энергию силы?

— Возможно, из-за карт.

— Карты у меня, мистер Тлен, так что подумайте еще раз. У нас очень мало времени. Расскажите мне об Абаратарабе.

— Что ты о ней знаешь?

— Не очень много, — ответила Кэнди. — Я знаю, чем она *не* является. Она не похожа на «Альменак». Это не руководство по магии. Может, это сама магия и есть? Я права?

— До некоторой степени. Там, где находится Абаратараба, там и есть магия. Много магии.

— Этого «много» достаточно?

— Достаточно ли ее для того, чтобы создать глиф и унести всех этих людей от их палачей? Если бы у меня была вся книга, ответ был бы «да». Более чем достаточно.

— Но у вас ее нет.

— Нет, — сказал Зефарио. — Нет.

— У вас часть?

— Часть страницы.

На лице Кэнди проступило разочарование.

— У вас часть *одной* страницы?

— Я знаю, это кажется очень мало, но это не так. В каждой книге было восемь страниц. Каждая страница была квадратной и разделена на восемь вертикалей и восемь горизонталей.

— Шестьдесят четыре квадрата на каждой из восьми страниц. Это… — Она закрыла глаза, мысленно считая. — … шестьдесят раз по восемь… это четыреста восемьдесят, плюс восемь раз по четыре… тридцать два… значит… *пятьсот двенадцать*. И что это означает?

— Это возвращает нас к восьми.

— Как?

— Пять плюс один плюс два.

— Равно восьми. Ладно. И что с этой восьмеркой связано?

— Если перевернуть цифру набок, получится знак бесконечности.

— А, тот изогнутый значок. Думаю, это более-менее восьмерка. И к чему это нас приводит?

— У меня лишь малая часть. Но это часть бесконечности. Значит, она тоже бесконечна. По крайней мере, в теории.

— Ваш кусок бумаги — что в нем говорится?

— Ничего. В Абаратарабе нет слов.

— А что есть?

— Квадраты. Множество квадратов, наполненных цветом. И в энергии между квадратами берет начало магия.

— Я хочу на это посмотреть.

— Не уверен, что тебе следует.

— Что? Вы не хотите мне ее показывать?

— Она непредсказуема.

— Пусть так, но у нас мало времени. С этим мы оба согласны?

— Да.

— И пока вы…

— Хорошо, хорошо, — сказал Зефарио. — Только не говори, что я тебя не предупреждал. Надеюсь, в ней не больше магии, чем ты можешь выдержать.

Он сунул руку в куртку, вытащил конверт из грубо сплетенной ткани и вложил его в руки Кэнди. Между ними возник странный, неловкий момент, когда ей казалось, что голова велит рукам взять конверт, а они отказываются это делать.

— Плоть ее боится, — сказал Зефарио.

— Почему?

— Потому что Абаратараба меняет все, к чему прикасается.

— Я не боюсь изменений, — сказала Кэнди, и голос ее не подвел.

— Тогда прими магию с мудростью и ни о чем не жалей.

Это оказалось хорошим советом даже для нерешительных рук Кэнди. Они приняли конверт и теперь, готовые смириться с последствиями, какими бы они ни были, открыли его.

Внутри лежал квадрат из толстой бумаги со стороной примерно четыре дюйма. Сперва она увидела красное — ярче, чем корпус любого корабля, какой ходил по водам Изабеллы. Его пересек синий поток, и он ударился об одну из сторон, разделившись на синий и зеленый. Не один синий, а сотни, и сотни зеленых оттенков: каждая частица краски, что когда-либо бывала на кисти, являлась вариацией изначального цвета.

— Будь осторожна, — услышала она Зефарио.

Она посмотрела на него, но не сумела сосредоточиться на лице. Взгляд соскользнул с его плеча, прошел свозь толпу пленников до самой ограды, проник сквозь петли колючей проволоки, идущей поверху, и отправился наружу, в пустошь, лежавшую между лагерем и склонами горы Галигали. За секунду он поднялся по крутому склону. Кэнди не интересовали бесплодные вершины. Ее внимание привлекло нечто над вулканом.

Там собиралась буря — огромная и неотвратимая, она двигалась с неумолимостью жестокой армии. В ней гремел гром, но это не был природный гром, который раскатывался по небесам и пропадал, бормоча свои жалобы. Нет, то был рокочущий грохот смертоносной машины, похоронный марш для тех, кто скоро

должен был умереть. Он не рокотал, не жаловался, он просто нарастал по мере приближения его источника.

— Ого, — тихо сказала Кэнди.

— Что ты видишь?

— Самое большое грозовое облако. Просто невероятно, какое оно огромное. И гром.

— Это не гром, — сказал Газза, спустившись с валуна. Остальная группа следовала по пятам.

— Кто это? — быстро спросил Зефарио.

— Все в порядке, — сказала Кэнди. — Здесь мои друзья.

— Никто не в порядке. По крайней мере, не рядом с такой силой.

— Уже поздно.

Газза смотрел на Абаратарабу.

— Какая красота, — сказал он.

— Видишь? — сказал Зефарио Кэнди. — Что я тебе говорил? Верни ее.

— Дай мне посмотреть, — потребовал Газза.

— *Нет,* — сказала Кэнди. — Нам надо торопиться. Видишь тучу? Где-то там — Ветошь. Вместе с заплаточниками, которые собираются убить нас.

— Мать… — прошептал Зефарио.

Этим словом он привлек к себе всеобщее молчаливое внимание. Первым тишину нарушил Шалопуто.

— Мы можем ему доверять? — спросил он. Его ноздри чуть расширились, с подозрением вдыхая запах Тлена Старшего. — У меня с Тленами как-то не заладилось.

— Моя мать за многое должна ответить, — сказал Зефарио. — И ты обязана сделать так, чтобы она не смогла сохранить свою Империю. Ради нее она убила слишком много невинных.

— Мы поговорим о будущем, когда оно окажется у нас в руках, — сказала Кэнди.

— А что нам делать сейчас? — спросил Шалопуто.

— Глиф, — уверенно ответила она.

— Глиф? И как мы удержим всех этих людей от глупых вопросов? Они будут нам только мешать.

— Почему они будут нам мешать?

— Потому что они никогда раньше не делали глиф, а у нас нет времени их учить.

— То, что они не делали этого раньше, не значит, что это невозможно. Нам только надо быстро распространить информацию. Очень быстро.

Кэнди посмотрела на Зефарио, который, должно быть,

почувствовал ее взгляд, потому что сказал:

— Давай. У тебя получится.

— Мистер Тлен дал мне часть магической вещи. И мы используем ее, чтобы разнести весть о глифе. Либо будем просто ждать палачей.

— Выбор невелик, — ответил Газза. — Давай разносить весть.

Глава 60
Абаратараба

На дальнем конце лагеря, поблизости от ограды, идущей вдоль его северной стороны, Джон Хнык, чья голова находилась у вершины левого рога Хвата, а значит, имела наилучший обзор, сказал:

— У скалы что-то происходит.

— Я же говорил, что не надо нам так далеко заходить, — ответил Джон Филей. — Эдди, слышишь, что сказал Хнык? Где Эдди?

— Оно распространяется, — пробормотал Джон Хнык.

— *Что* распространяется? — спросил Хват.

— Эдди! — закричал Филей.

— Прошу, — сказал Змей, — нет нужды об этом беспокоиться. Эдди вполне способен…

— Кто-нибудь обратил внимание на грозовые облака? — спросил Джон Губошлеп.

— Я за ними слежу.

— В нем-то и проблема. В этом облаке.

— Губошлеп, оно на дальней стороне Галигали.

— Кто-нибудь видел Эдди?

— Нет.

— Я вас предупреждаю, — проговорил Губошлеп. — Это какая-то ненормальная туча. Она расширяется. *Смотрите!* Даже за последние минуты…

— Оно растет, — сказал Джон Хнык.

— *Что* растет? — спросил Джон Филей.

— Кэнди сидит на скале и раздает… Не знаю, что. Что-то яркое. И оно передается от человек к человеку. Похоже на огонь. Который…

— Распространяется.

— Да.

— Мы должны туда добраться и все увидеть сами, — сказал Хват.

— Ты слишком благоразумен, Джон. Не делай этого. Все веселье нам испортишь, — с насмешкой сказал Джон Соня.

— Мы не можем никуда пойти, пока не найдем Эдди, — ответил Филей.

— Я его вижу! — воскликнул Джон Губошлеп. — Он разыгрывает сцену из «Миффита освобожденного».

— Откуда ты знаешь, что это «Миффит»?

— Он стоит в ведре.

— О-о, — хором сказали братья.

Абаратараба начинала работать. Хотя между камнем, где сидела Кэнди, и местом, где спорили братья Джоны, находилось почти две сотни человек, Кэнди довольно ясно слышала их разговор. Слышала она и то, как Эдди произносил монолог из «Миффита освобожденного»:

> — Мир будет жить без меня,
> Это верно, как дважды два.
> А если ты мне не веришь,
> Я ухожу и закрываю двери.

Если бы она ясно слышала эти голоса, несмотря на разделяющее их пространство и наполнявших его людей, это было бы уже замечательно. Но здесь крылось нечто большее. Гораздо большее. С невероятной ясностью она слышала голоса всех людей, сидевших между ними. Ей не только удавалось расслышать их разговоры так, словно она стояла рядом, но и различить каждый отдельный голос, будто ее сознание превратилось в толпу внимательных Кэнди, уделяя часть себя каждому говорившему — ему и только ему одному.

Кроме многочисленных слушающих «я» была еще одна Кэнди, которая слышала их всех, различая в словах модель, и мягко, как ветер, своими порывами лепивший облако, двигала каждого из них туда, куда ей требовалось, а они о ее существовании не знали.

Занималась она этим не одна. Шалопуто, уже создававшему с ней глиф, она дала задание руководить Газзой, Бетти и Джонами, а Зефарио Тлена оставила подле себя. Он мог оказаться их лучшим союзником или же настоящей обузой. Но Кэнди распространяла видение, которое Тлен довольно отчетливо наблюдал прежде, чем она отошла от скалы. Они работали вместе, создавая глиф достаточно большой, чтобы он сумел увезти их прочь из этого места смерти раньше, чем появится корабль Бабули Ветоши. Для сомнений или слабости времени не было. Подобно всем конструкциям, глиф для беглецов мог быть настолько сильным, насколько силен был его слабейший создатель. Кэнди должна была зарядить энергией этих печальных, сломленных людей, показать им, что есть жизнь и после Полуночи.

В качестве пробного камня она отдавала им часть Абаратарабы, чтобы они смогли держаться за то видение, которым она делилась.

Но даже имея часть силы Абаратарабы, им было сложно не поддаться отчаянию. Повсюду, куда Кэнди направляла свое внимание, она слышала одно и то же — предположение, почему лагерь построили именно здесь. Дело не в том, что Императрица хотела скрыть свои жестокости за горой Галигали. Все было гораздо хуже. В трех четвертях мили от лагеря находился Край Мира. Воды моря Изабеллы переливались через край Абарата и падали в Забвение. Туда, в эти бурлящие воды, а затем через край, в Пустоту, отправятся все убитые враги Бабули Ветоши и унесутся морскими водами в молчаливую Бездну.

Здесь заканчивались карты Абарата. За этим краем не было ничего известного. В тусклом поднебесье отсутствовали другие миры. Ни солнц, ни лун.

Даже Кэнди не могла полностью избавиться от силы этого образа, от понимания того, что если она не сумеет сделать глиф, ее тело отправится прочь вместе с телами тех, кто будет здесь убит, и все, что она видела в реальности или во сне, отправится вместе с ней вниз, в беспощадную пустоту, и навсегда исчезнет.

Все *должно* сработать. Только так она обязана думать.

И у нее была причина надеяться: робкая воздушная дрожь заклинаний, когда ее видение побега коснулось первых людей, с крошечной, но значимой поддержкой их сил фрагментом Абаратарабы, превратилась в знаки над головой тех, кто пробудил их к жизни. Она пустила свою мысль к ближайшему знаку, откуда та зачерпнула силы и двинулась к следующему; переходя от одного знака к другому, видение становилось яснее и четче, соединяя людей друг с другом. Путь ее первой мысли был теперь установлен и больше в ней не нуждался, питаясь идеями тех, кто уже встретился на ее пути.

Она обернулась и послала вторую мысль, на этот раз к кораблю, на создание которого ее вдохновили видение и страсть, выстроенному из сочетания двух видов магии. Одна была древней и внешней. Она коренилась в сущности вещей: была ли вещь красной, синей или золотой? Была ли это земля, небеса или вода? Была ли она живой, мертвой или чем-то средним, ожидая определения? Такой являлась изначальная сила Абаратарабы. Вторая магия коренилась в безграничных особенностях живых существ, несших свои надежды, сомнения и ярость в топку, где возникал корабль их спасения.

Такова была тайна творения, рождавшаяся среди грязи и отчаяния. Кэнди видела эту тайну. Все происходило вокруг нее. Из простой земли живых существ, хрупких и испуганных, рождались невероятные формы глифа, выходящие за пределы любого единичного ума. Она слышала, как ее товарищи по

заключению отваживались выражать свою надежду вслух; один шептал другому, двое шептали третьему, четвертому и пятому: *Я грезил это…*

Мы еще не мертвы.
И мы
НЕ
СОБИРАЕМСЯ
УМИРАТЬ.

— Ответ на *как* — просто *делать,* — сказала Кэнди. — В этом вся суть. Мы — не отдельные части. Мы — единая надежда, единая воля, единая мечта.

Абаратараба светилась, обладая теперь собственным телом, отбрасывая сотни светящихся посланий, каждое из которых тянуло за собой нить света, набрасывая ими облик глифа на фоне небес. Этот облик был еще грубым, но уже показывал масштабы замысла тех, кто собрался внизу. Несмотря на приблизительность, в хаосе чертежа чувствовалась мощь. Глиф был кораблем, созданным для того, чтобы вместить в себя все, к чему взывало желание свободы, будь то цвет, форма, знак или смысл. Какими бы несопоставимыми ни были видения, глиф привлекал их энергию для достижения своей цели.

Некоторые видения были написаны цветами, имевшими ясность мифа: их голубые оттенки были яркими, как небеса рая, а красные — краснее любой кроваво-алой любви, когда-либо расцветавшей в этом мире. Другие были безымянными: взрывы одного цвета следовали за другим, переливы и свечения, пятна и искажения, в которых глиф находил фантомы тех форм, что раскрывали мечты своих создателей. Двуглавый топор, связанный веревками дыма; другой, схваченный потоками воды. Храм резных божеств, каждое из которых было окрашено новым неизвестным цветом, и чьи головы покрывали гирлянды подвижных растений и колючих облаков.

Кэнди чувствовала, как сквозь цвета, которые она удерживала, дует ветер, разбрасывая их, словно угли в древнем очаге, и поражалась тому, что вместе с ними уходит часть ее души, становясь не только формой ветра и огня, но и третьей формой — формой их древности.

Как и любая священная работа, эта была мимолетной и вечной одновременно. Сплетение мыслей узников напоминало ветви сновидческих деревьев; закручивающиеся молитвы отбрасывали свои прошения к любым небесам, способным придти им на помощь; крошечные искры, взявшие частицу души Кэнди для топлива, отправились искать Зажигателя всех огней, Начало всех ветров, Возлюбленного всех душ, и несли назад Его

священную песнь, чтобы поднять сверкающий корабль с помощью ее музыки.

Она превратилась в созвездие; части ее души неслись в поисках Божества, а знаки ее плоти, костей и ума поднимались к управлению глифом и элегантно размещались в огромной структуре, где сходились все основные линии. Она знала, что должна сделать. Несмотря на огромный интеллект, корабль нуждался в пилоте, и этим пилотом должна была стать Кэнди.

— Леди?

Она была не одна; слева стоял Шалопуто, справа — Газза. А позади них, позади нее и перед ней — остальные создатели огромного корабля, возникавшего в центре; их общий вклад управлял последующими добавлениями, словно само их присутствие вызывало у системы судороги блаженства, превращая в восторг каждую мысль, дыхание и каплю пота.

Одна часть Кэнди — нетерпеливая, сомневающая, человеческая, — хотела, чтобы глиф скорее завершил свое создание и унес их прежде, чем сюда прибудут палачи. Но другая ее часть, более тихая и спокойная, которая вполне была готова умереть, если смерть — часть просветления, получала удовольствие от созерцания сияния в самом сердце корабля, не позволяя страху придти и похитить все, свидетелем чему она являлась.

— Все на борту, — доложил Газза.

И в эту секунду, словно по сигналу, первый слепящий разряд молнии превратил Галигали в черную пирамиду на фоне безупречно белых небес.

— О нет, — пробормотал Шалопуто. — Мы опоздали. Карга уже здесь.

ЧАСТЬ 7
Зов забвения

Пространство — Где,
Вопросы — Как,
Часы — Когда.
Сейчас — Всегда.

— Надпись на стене заброшенной лечебницы на Горгоссиуме.

Глава 61
Пропажа

— Бабушка?

Бабуля Ветошь приложила ладонь к окну металлической рубки. Хотя ее голова была склонена, Тлен видел отражение ее искаженного лица в стекле, испачканном копотью.

— Что… что у них *есть?* — спросила она.

— Не понимаю, о чем ты, — сказал Тлен.

Она медленно обернулась и взглянула на него. На ее лице было написано неприкрытое отвращение — то ли к ее собственной непредусмотрительности, то ли к глупости ее внука, а может, ко всему сразу.

— Ты не чувствуешь, как кожу царапают шипы?

Тлен обдумал вопрос, разглядывая свои руки, словно мысленно к ним обращаясь.

— Нет, — наконец, сказал он. — Я ничего не чувствую.

Затем его глаза опустились к стеклянному воротнику. Оставшиеся в нем кошмары выглядели странно. Обычно в зависимости от обстоятельств им было свойственно два вида поведения. Чувствуя себя умиротворенными, они медленно плавали, лениво изучая мир за пределами воротника хозяина. Когда они становились возбуждены от злости или желания защитить своего создателя, то извивались и бились, словно электрические плети, а жидкость, которой они дышали, вспенивалась и приобретала молочный цвет. Сейчас они вели себя так, как никогда раньше. Они были совершенно спокойны, всей длиной тела плотно прижавшись к стеклу.

— Что бы ты ни ощущала, мои дети тоже это чувствуют.

— Твои *дети?* — переспросила Бабуля Ветошь, и выражение отвращения на ее лице дополнилось презрением.

— Да, моя дорогая бабушка. Знаю, своих детей и внуков ты предпочитаешь сжигать, но общество моих я люблю.

— Полагаю, ты помнишь, что был единственным, кого я спасла из огня.

— Эта мысль никогда меня не покидает, — ответил Тлен. — Правда. Я знаю, что обязан тебе жизнью. — При этих словах лицо Императрицы просветлело. — Как и своими шрамами. — И быстро потемнело вновь. — А также своей целью. Смыслом моей жизни.

— И какова же эта цель?

— Служить тебе, леди, — ответил Тлен.

Он встретился с ней взглядом, подняв на нее глаза цвета полуденного моря — сверкающей, сияющей голубизны, которая скрывала неизмеримые глубины: черноту, мрак и темень.

Все его дети, кроме одного, который удалился во внутреннее пространство воротника, отлипли от стекла и теперь смотрели на нее. Понимали ли они смысл разговора между старухой и их хозяином? Чувствовали ли они ее презрение и его насмешку? Судя по всему, да. Когда он оторвал от нее взгляд, они тоже отвернулись, вернувшись к созерцанию новой формы за окном.

Корабль выбросил очередную конечность в виде молнии, устремив ее вниз, на тусклый склон горы Галигали. От силы этого удара в воздух поднялось облако испаренного камня; в его центре рушился град лавовых камней, которые в корабле менее крепком, чем Буреход, наверняка пробили бы дыры. Несколько из них ударились в окно палубы, но при всей чувствительности Императрицы к нюансам окружающей среды град расколотых камней нимало ее не беспокоил. Не мигая, она смотрела на клубы испарившегося камня, что бились в окно корабля.

— *Вызови командующих,* — велела она Тлену. — *Живо!*

На этот раз Кэнди знала, что после молнии будет гром. Но не раскаты и рев горящего воздуха, а орудийные залпы.

Бабуля Ветошь не собиралась позволять своим пленникам бежать без боя.

— *Кэнди? Кэнди!*

Понять, кто это говорит, было нетрудно — к ней обращался Зефарио. Гораздо сложнее было разобрать, где он стоит. Она потеряла его, когда структура глифа разрасталась, и, увлекшись, едва не забыла о договоре, который с ним заключила. Он дал ей средство для побега в обмен на помощь в том, чтобы привести его к потерянному ребенку. Свое обещание он сдержал; теперь настал ее черед. Необходимо было сделать это *немедленно.* Другого момента не будет.

— Газза, — сказала она. — Оставляю тебя за главного. Уводи глиф и всех, кто в нем находится, подальше от Бабули Ветоши. Делай для этого все, что должен.

— А ты куда?

— Сдержать слово.

— Ты с ума сошла? — спросил Газза.

— Слово есть слово.

— Даже если ты даешь его *Тлену?*

— Вообще-то он тебя слышит.

— Мне все равно, — сказал Газза. — Он ведет тебя к смерти. А я… — проворчал он, сдвинув брови. — Почему я не могу… я

ведь не могу?

— Нам пора, — сказала Кэнди.

— Я должен тебе кое-что сказать.

— Тогда говори.

— Я тебя люблю, — произнес Зефарио.

— О, — сказала Кэнди. — Какая неожиданность.

— Я говорю от лица твоего юного друга.

— А, — сказала Кэнди как ни в чем не бывало. А потом осознала сказанное.

— Это правда? — спросила она у Газзы.

— Да, — вновь ответил Зефарио. — Он любит тебя до глубины своей души.

Газза уверенно улыбнулся.

— И кое-что еще.

— На *еще* нет времени, — сказал Зефарио.

Уверенность с лица Газзы исчезла. Его глаза смотрели на Кэнди, стыдясь того молодого человека, который находился за ними, не в силах вымолвить ни слова.

— Мы с Зефарио должны уходить, — сказала Кэнди.

Газза кивнул.

— Со мной все будет в порядке. — Они посмотрели друг на друга. — Мне жаль, что так вышло, — сказала она, отвечая на его печаль своей. — Понимаешь, что я имею в виду?

— Да.

Его понимания было достаточно. Возможно, настанет другое время, когда все будет иначе. Но сейчас…

— Мы скоро увидимся, — произнесла Кэнди, и в ту же секунду глиф выпустил ее, выдвинув из своей структуры трап двадцати футов длиной и позволив безопасно спуститься на дрожащий склон горы Галигали.

Императрица начала отдавать приказы. Время поджимало, и ее подчиненные должны были это знать. Как и то, что работу следовало выполнить безупречно.

— Через несколько минут, — сказала она своим командующим, — Буреход выйдет из облака вулканической пыли, возникшего от молнии и временно ослепившего корабль. В этот момент, — продолжила она, — у меня должна быть четкая картина места казни. Мы можем ожидать незначительного сопротивления. Эти глупцы пытались жить по собственным законам, отказываясь подчиняться правилам тех, кто стоит выше. Ни одна Империя не потерпит присутствия бунтарей. Они…

— Сбегут прежде, чем появятся их палачи? — предположил Тлен.

— Считаешь, это смешно?

— Нет, бабушка, твои слова абсолютно справедливы, и бунтари должны быть казнены. Но…

— Никакого *«но».* Нож в каждое сердце — помнишь?

— Разумеется.

— И?

— Я понимаю, что у тебя есть ножи. Но увы, сердца уже довольно далеко.

— Это невозможно.

Корабль выходил из облака дыма, и то, что мог видеть Тлен, становилось видно растущему числу солдат. Лагерь был пуст. Пленники исчезли.

— Где они? — шепотом проговорила она. Затем ее голос стал громче:

— Они были здесь! Шесть тысяч шестьсот девяносто один заключенный! Ворота закрыты. ОНИ БЫЛИ ЗДЕСЬ!

— Двое из них все еще там, — заметил один из командующих, невысокий серокожий заплаточник по имени Хрящщ.

— Территория лагеря пуста.

— Они не в лагере, госпожа, — сказал Хрящщ. — Они на склоне Галигали. — Заплаточник указал на покрытый камнями склон. — Видите?

— Это Кэнди Квокенбуш, — сказал Тлен.

— Ну разумеется, это она, — произнесла Императрица. — Она непременно должна быть замешана в любом бардаке.

— А с ней кто?

— Неважно. Кем бы он ни был, ему не следовало к ней приближаться. Это смертельно опасно. Мне нужен стрелок! — потребовала она.

Не успела она это сказала, как вперед выступил один заплаточник:

— Императрица, у меня есть готовый стрелок, и она уже на носу. Цель на мушке.

— Стрелок! — крикнула Императрица.

Появилось изображение стрелка.

— Здесь, моя Императрица, — ответила она.

— Цели, — сказал Кристофер.

— Так вот вы где, — проговорила Императрица. — Два глупых животных на нашем пути. Спасибо, Кристофер.

— Пожалуйста, Императрица. Это мой долг. Может, их убить мне?

В Окне возник образ Кэнди Квокенбуш и ее спутника. Он был покрыт жестокими шрамами, его лицо больше походило на

застывшую маску из бесформенной ткани, смотревшую на мир слепыми глазами. Несмотря на увечья, что-то в облике этого человека заставило Бабулю Ветошь отложить приказ.

— Вижу цели, Императрица. Стрелять?

— Погоди…

Она приблизила Окно, чтобы лучше изучить маску шрамов, ища в них намек на лицо, которое было там прежде, чем его разрушил…

— Огонь, — пробормотала она.

Это была простая и глупая ошибка. Стрелка Г'ниматту учили реагировать на приказ без промедления. Слово, произнесенное Императрицей, было едва слышно, но она отреагировала на него, мигом спустив курок.

Невозможно было не изумиться скорости, с которой девушка из Иноземья и слепец рядом с ней исчезли за вспышками света, когда заряды нашли свою цель.

Глава 62
Вулкан и пустота

Сидя на высоком склоне горы Галигали, Кэнди смотрела на гигантский корпус Бурехода, медленно проплывавший над ее головой. Огромная машина была так близко, что протяни руку, и ты ее коснешься. Из-за нутряного гула массивных двигателей камешки на склоне приплясывали в безумном танце.

— Время пришло. Отведи меня к сыну. — Когда Зефарио произнес эти слова, на него смотрела Бабуля Ветошь.

Он был прав — время пришло. Принц Полуночи находился внутри Бурехода со своей бабкой; разве было иное место, где он мог оставаться в эту ночь ночей, когда выяснялась истинная преданность? Кэнди должна была поднять их обоих в огромную, метающую молнии машину прежде, чем Буреход их уничтожит.

В тот момент из ее бессознательной памяти на язык выскочило слово на старом абаратском. У него был надежный источник. Кэнди взяла его из спящего сознания принцессы Боа в те дни, когда использовала ее как живое хранилище магии. Боа в свою очередь выучила это слово у человека, который был ей нужен для властвования и заклинаний, молитв и некромантии — у преданного ей Кристофера Тлена. А кто был источником знаний Тлена? В этом Кэнди не сомневалась ни на секунду. Тлен выучил слово у Бабули Ветоши, которая находилась на Буреходе высоко над ее головой.

Каким-то образом это подтвердило правильность слова, которое она собиралась произнести. Она замкнула круг и вернула заклинание Ведьме Горгоссиума.

Она даже не знала, что это слово означает. Но она знала, что его нужно произнести именно сейчас. В нем было четыре слога:

— *Йе-*

— *та-*

— *си-*

— *ха.*

— Вы готовы? — спросила она Зефарио.

— К чему?

— Не знаю, но по-моему сейчас тут появится лестница из дыма, и мы должны будем по ней забраться.

— Тогда я готов.

В этот момент, хотя Кэнди об этом не знала, Императрица Абарата изучала их в Окно; нет, не их, только Зефарио, пытаясь понять, что в его обгоревшем лице так ее заинтересовало.

— *Йе…* — начала Кэнди.

«*Магические слова надо произносить очень осторожно,* — сказал ей однажды Шалопуто, цитируя то, что вычитал в книгах Захолуста. — *Их следует говорить четко, чтобы силы, которые ты призываешь, точно знали, что им выполнять*».

Когда Кэнди произнесла второй слог — *та* — Императрица, смотревшая в Окно, внезапно поняла, какая стихия произвела такую ужасную трансформацию с лицом человека внизу на склоне.

— Огонь, — сказала она.

Стрелок Г'ниматта решила, что слышит приказ Императрицы. Она не целилась ни в одну из фигур, а собиралась выстрелить в камень между ними. Ракета проделает в скале дыру, вызвав обрушение склона, что унесет их обоих навстречу смерти.

— *Си…*

Г'ниматта нажала на курок. В пусковом устройстве вспыхнул заряд.

— *Ха.*

Взрывной заряд ударил о вышибную пластину в основании ракеты.

Феноменальная мощь оружия, которое совсем недавно появилось на Буреходе, и у стрелка не было возможности его испытать, полностью ослепила ее. Орудие содрогнулось так сильно, что Г'ниматту в артиллерийской башне отбросило назад, и ее шея сломалась в ту же секунду, как ракета ударила в склон горы Галигали.

Сила взрыва была такова, что его отголоски разнеслись по всему Буреходу. Он завибрировал и покачнулся. Когда колебания стихли, Императрица вызвала еще пять окон, чтобы изучить последствия пуска ракеты.

— Что ты видишь? — спросил ее Кристофер.

— Дыру в склоне Галигали, пыль и мертвый камень.

— Значит, они погибли?

— Конечно. Под ними просела земля, и они отправились вниз. В огонь.

— В какой огонь? — спросил Кристофер, глядя в сторону окна. — На Галигали ничего не горит.

— Я могла убить Кэнди Квокенбуш, но я воскресила Галигали. — Бабуля Ветошь развернулась и посмотрела на вулкан. — Так много воскресений. Сперва Боа, потом ты, теперь Галигали.

— Я не умирал, леди, — ответил он. — Если б я умер, то остался бы мертв. С большим удовольствием.

Он не смотрел на нее. Он продолжал смотреть на

умножающиеся потоки магмы, которые струились по склону вулкана.

— Прекрати сходить с ума по девчонке! Неужели она действительно что-то для тебя значила?

— Да. Она напоминала мне о том, что когда-то я был влюблен. И, возможно, тоже заслуживал любви. — Он смотрел мимо своей бабки на пустоши, видимые сквозь оконные стекла наблюдательного пункта корабля. — Она была интересным созданием. Смотри! Вон там! Ее последнее чудо. Она создала для них глиф. На нем они сумели бежать. Она сделала глиф настолько большой, что он унес всех пленников.

— Это невозможно, — сказала Императрица.

— Я на него *смотрю,* — ответил Кристофер, показывая мимо нее.

Императрица обернулась, следуя направлению его пальца, и тоже взглянула в окно.

Позади опустевшего лагеря расстилалась покрытая валунами равнина, а за ней — Пустота. Тьма, в которую направлялся огромный глиф, созданный с помощью Кэнди.

— Они направляются к Краю Мира, — заметил один из заплаточников-командующих.

— Воистину, — ответила Императрица.

— Там им наступит конец, — сказал второй заплаточник. — Их ничто не удержит. Они будут падать вечно.

— Как она это сделала? — проговорила Бабуля Ветошь.

— Разве это важно? — спросил Тлен. — Она мертва. Больше она ничего такого не сотворит.

Императрица продолжила, словно не слыша его слов.

— Количество *силы,* которое для этого нужно — откуда она ее взяла? — Она говорила очень тихо, почти про себя.

— Не похоже, что они падают, — сказал Тлен. — Ты уверена, что это Край Мира?

В рубке уже был экземпляр «Альменака», и заплаточники тщательно его изучали. Кристофер подошел к командующим и выхватил у них из рук книгу, чтобы рассмотреть самому.

— Разумеется, в этом жалком «Альменаке» нет никакой достоверной информации, — произнес он. К северу от Окалины море Изабеллы падало в бесформенную тьму, вдоль которой было написано: «*Это Край Мира*». На черном фоне стояло семь больших белых букв:

ПУСТОТА

— Они упадут, — сказал один из командующих.

— И будут падать вечно, — сказала Бабуля Ветошь.

— Мы должны подойти к самому краю, — сказал Тлен. Теперь он улыбался, искренне радуясь такой перспективе. — Хочу посмотреть, на что похожа эта Пустота.

— Я уже отдала приказ, — ответила Императрица. — Мы будем ждать их, если они попытаются вернуться назад.

Буреход сделал один шаг и был готов сделать второй, с невероятной скоростью двигая свой двухмильный корпус над опустевшим лагерем к Краю Абарата.

— Не вижу никаких признаков того, что ее глиф падает, — сказал Тлен.

— Он упадет, — ответила его бабка. — Его ничто не удержит. Взгляни сам. — Она направила внимание Кристофера к левому борту Бурехода. Там, за языками затвердевшей лавы, Изабелла устремлялась к краю мира, где падала вниз, поднимая клубящиеся облака брызг.

— Впечатляет, — сказал Тлен.

— И все же ее глиф продолжает лететь, — проворчала Ведьма. — *Как?* Откуда такая сила? — Она покосилась на внука. — Она когда-нибудь говорила с тобой об этих силах?

— Девчонка? Нет. Но у меня есть теория, — ответил он с напускной скромностью.

— Я слушаю.

— Тот слепой человек, который с ней был… Мне кажется, я его знал. Не в лицо, конечно. От лица ничего не осталось. Но глаза. Что-то в его глазах…

— Хватит увиливать. Продолжай!

— Это странно, — сказал он, — но… я помню их из сна. Я был ребенком, и они смотрели на меня. А он что-то мне шептал.

— *Что говорил этот человек?*

На секунду взгляд Тлена скользнул в направлении его бабки. Потом отвернулся.

— Он смотрел на меня и говорил: «Я люблю тебя, малыш».

Глава 63
Свиньи

— ЙЕТАСИХА!

Лестница из тумана прекрасно понимала всю срочность Кэнди и Зефарио. Едва возникнув у них под ногами, она мгновенно сжалась, как аккордеон, вознеся их к Буреходу и доставив в его недра через открытую дверь, которая тут же закрылась, защитив пассажиров от взрыва, когда в днище ударилось множество мелких каменных осколков, бивших, словно пули.

Они выжили. Задыхаясь после подъема, они очутились гораздо ближе к Карге Горгоссиума, чем хотел бы любой из них, но все же они остались живы.

— Ну и словечко, — сказала Кэнди. — Никогда раньше не создавала ничего, что двигалось бы так быстро…

Она замолчала, услышав двух солдат-заплаточников, которые что-то активно обсуждали, в тот момент открывая железную дверь в эту часть трюма. Судя по болтовне, швеи Ведьмы не утруждали себя созданием их интеллекта.

— На этом корабле полно болотных клещей. Клянусь.

— Ты уже достал своими болотными клещами, Сбритень, — сказал другой заплаточник и принюхался. Звук его голоса внезапно изменился. — Хм. Ты прав. Ты прав.

— Ага! Ты их тоже чуешь? — возбужденно произнес Сбритень. — Это Ловек. Я же говорил, что знаю, Простун.

— Откуда тебе знать, как пахнет Ловек? — спросил Простун.

— Я был на «Полынье», когда она ходила в Иноземье.

— Ты видел Цаптаун?

— Ага. И видел, как он потонул.

— Страшно было?

— А то. Мерзко! — искренне ответил Сбритень. — Меня выкинуло с корабля, и я оказался… забыл. Но у меня есть бумага! — Кэнди услышала, как заплаточник в чем-то копается. — Ну-ка, подержи мой нож, — сказал он.

Возможно, сейчас самое время посмотреть на врага, подумала Кэнди. Она выглянула из-за покрытых брезентом ящиков, где прятались они с Зефарио, и рассмотрела заплаточников лучше, чем когда бы то ни было. Пусть не в речах, но в их поведении была разумность, которую она не ожидала увидеть у мешков ходячей грязи. Она заметила, что грязь не просто наполняет мешок, как делала бы это обычная земля, а выдавливается из

маленьких отверстий, находясь в беспрерывном процессе самовоссоздания. В плетении мешка было то, что расползлось по всей поверхности заплаточников и чинило любые крупные прорывы грубыми стежками нити. Очевидно, что они, как и сама она когда-то, представляли собой Два в Одном: то, что было внутри, и то, внутри чего это было.

Оба заплаточника были аляповатыми, асимметричными созданиями. Рука одного из них заканчивалась не пальцами, а клешней, словно у краба, а второй, благодаря причуде его швеи, имел четыре кисти на одной руке — две пары, повернутые друг к другу ладонью, — и ни одной кисти на другой.

Клешня, судя по всему, был Сбритенем, поскольку вытаскивал сейчас мятый клочок бумаги из покрытой кровью и грязью куртки своей униформы. Затем он вытащил очки с разбитыми стеклами и уставился в карту.

— Вот это местечко, — гордо сказал он. — Тута я свалился с «Полыньи».

— Ну надо же! — с недоверием произнес Простун. — Откуда тебе знать? Там что, знак стоит какой-нибудь?

— Знак? Тут написано «*Во Отдох*»!

Если б не обстоятельства, Кэнди ощутила бы некую иронию в ошибке заплаточника. В его руках была реклама гостиницы «Древо Отдохновения».

— Там были бои? — спросил Простун.

— Были ли там бои? *Были ли там бои?* Девять Смотрящих убило за один присест! И весь этот кошмар затеяли Ловеки. Я вообще ничего не делал. Я просто… ну… чуял их.

— И сейчас ты их тоже чуешь. Так ты об них и узнал.

— Ну да.

Они оба сделали вдох.

— И верно, — сказал Простун. — Я тоже их чую.

— Отдай мне нож, — потребовал Сбритень. — Вот я их сейчас нарежу.

Его нож на поверку оказался мачете. Он взялся за рукоять, и даже в тенях трюма Кэнди увидела на его лице отвратительную довольную улыбку. Он пользовался этим оружием. Она это знала. Доказательство было у него на лице.

— Готов? — спросил он Простуна.

— Всегда готов, — самодовольно ответил тот.

— Наверняка они сразу на нас выскочат. Они злобные твари, эти…

Его замечание неожиданно прервало хрюканье свиньи. Очень большой свиньи, чьи звуки пробудили ее соседок.

— О! Свинки-поросятки! — воскликнул Сбритень. — Ты

только глянь на них. — Он подтолкнул Простуна. — Хочу посмотреть на поросяток, хочу, хочу!

— Ты что это? — спросил Простун.

— Хочу обнять свиняток. А потом, может, и укусить. Всего один укус.

— Глупый ты дурак! Это не твои свинятки, чтобы их обнимать и кусать. Это свинки Императрицы.

— Да ей все равно, сколько у нее свиней. Думаешь, она приходит сюда каждое утро и пересчитывает их? — ответил Сбритень, открывая дверцу клетки. Он протянул руку. — Иди, иди сюда. Какая ты вкуснятина! — Он говорил со свиньей напевно, так, как мог бы говорить с ребенком. — Иди ко мне, свинюшка. Милая симпатяжка. — Такое отношение долго не продержалось. Когда свинья не отреагировала на его просьбу, он потерял терпение. — *Иди сюда, грязная ты порося!* — заорал он, распахнув дверь клетки. — *Я хочу набить желудок! Двигай ко мне! А ну!*

Он вытянул обе руки и попытался ухватить свинью. Когда заплаточник поднял ее в воздух, та начала визжать. Свинья была крупной, ее оранжевое тело покрывали синие полосы, а голова оставалась белой, как у альбиноса — слепяще-бледная плоть и красные глаза с длинными белыми ресницами. Несмотря на пятачок, голова была не такой вытянутой, как у обычной свиньи, из-за чего животное походило на человека.

— Ах, какая ты *замечательная.* Вкуснятина! Я могу… могу…

Оголодавший Сбритень раскрыл рот, усаженный рядами острых, как кинжалы, зубов, и вцепился животному в шею. Визг свиньи стал еще пронзительнее. Кэнди продолжала наблюдать за битвой между обедом и обедающим. До катастрофы оставались секунды. Свинья была очень сильной, а заплаточник чересчур озаботился пустотой своего желудка. Не сводя глаз с двух едоков, она ухватила Зефарио за руку и потянула за собой, давая знать, что время побега близко.

Но прежде, чем Кэнди успела сказать хоть слово, из загона вырвались остальные визжащие свиньи.

— Назад! Назад! Идиотские свинятины! — закричал глупец.

— Только глянь, что ты натворил! — взревел Простун.

— Нам пора. Сейчас, — сказала Кэнди.

— Хорошо, — ответил Зефарио.

Свиньи прыгали, протискиваясь между ними и пытаясь освободиться из рук обоих заплаточников. Хаос был только на пользу. Он отвлекал их, и Кэнди с Зефарио успели добежать до двери. Однако их везение быстро кончилось. В последнюю секунду Сбритень махнул своей клешней и случайно запутался ею

в волосах Кэнди. Заплаточник обернулся посмотреть, во что угодила рука, и его лицо вытянулось.

— Ловеки! — проговорил заплаточник.

Он развернул к себе Кэнди, и она впервые увидела заплаточника вблизи. Он представлял собой сочетание мастерства и грубости: швы были большими, неровными, но в движениях лица имелся жутковатый реализм. Это не было лицо животного. Грязь Тодо, образующая блестящие влажные глаза, несла в себе разум.

— Я тебя знаю, — сказал Сбритень. — Ты из Цаптауна. Кэнди Квокенбуш.

Он произнес ее имя с удивительной четкостью. Но едва слова успели слететь с его губ, как Кэнди почувствовала, что мимо нее, словно порыв ветра, пронеслась волна силы. Окружающий воздух на секунду вспыхнул, когда кольцо света и силы прошло, закрываясь, словно радужная оболочка. Оно ударило обоих заплаточников в грудь. Они обмякли от ярости и боли. Клешня Сбритеня ослабла, и он выпустил волосы Кэнди.

Она мигом повернулась к Зефарио.

— Вы в порядке? — спросила она.

Он лез рукой под куртку, что-то бормоча себе под нос.

— Я могу помочь? — спросила она, подходя.

Хотя ее пальцы не коснулись его, она почувствовала, как они были близки, и с виноватой поспешностью убрала руку.

— Эта волна силы, — сказала она. — Это были вы.

За ее спиной заорал Сбритень:

— *Кэнди Квокенбуш! Она тута!*

— Ну замечательно, — проворчала Кэнди.

— *Грузовой трюм девять! Грузовой трюм девять!* — кричал Простун.

— *Я ее зарублю!* — сказал Сбритень.

Он выпрямился, поднял мачете и помчался на Кэнди, размахивая им во все стороны.

Она увидела, как на нее опускается нож, и попыталась убраться с пути, выскочив через дверь в следующий трюм. Но порог между трюмами был ненормально высок, она споткнулась и наверняка сломала бы себе ногу, если б не ухватилась за дверную раму. Сбритень вновь замахнулся, и на этот раз она имела все шансы погибнуть, если б он не выпустил свой обед. В ту же секунду свинья вырвалась и опрокинула его, захватив с собой и Кэнди.

Ее швырнуло вбок от огромного заплаточника. Она выпустила дверную раму и упала на спину, очутившись среди свиней. Несколько секунд Кэнди видела только многочисленные

мокрые пятачки и розовые хвосты; потом она села и обнаружила, что Простун, шатаясь, идет прочь от Сбритеня, мачете которого глубоко вонзилось ему в голову — так глубоко, что клинок скрылся почти полностью, и виднелась только раскрашенная рукоять.

Сбритень поймал рукоятку мачете в тот момент, когда его товарищ начал заваливаться назад. У этого было два последствия. Во-первых, Простун перестал падать; он смог выпрямиться и простоял те несколько секунд, которые Сбритень вращал мачете туда-сюда, пытаясь его вытащить.

Кэнди наблюдала за выражением лица Сбритеня, когда он, наконец, освободил лезвие. Она видела, как выражение огорчения сменилось удовольствием — вот! лезвие освободилось! — и удивлением. Больше, чем удивлением. Страхом. И Кэнди знала, почему.

Обычный здравый смысл.

Она видела, что Сбритень пытается вернуть нож обратно в дыру, которую он только что проделал, как человек пытается запихнуть толстую пробку в узкое горло бутылки, из которой вылетают джинны. Это было бесполезно. Но все же он давил, и грязь из головы Простуна хлестала прямо на него. Быстро. Пугающе быстро! Щупальца, черные, как глаза заплаточника, несли в себе мазки яркого цвета, какого никогда не наблюдалось в серо-коричневой грязи, добытой на Горгоссиуме. Сбритень знал, что у него неприятности. Он выпустил мачете и свободной рукой попытался закрыть поток грязи.

— Простун! Сбритень звиняется! Случайно! Ой-ёй! Простун! Это она виновата! Она… — Он набрал полную грудь воздуха и заорал: — КЭНДИ КВОКЕНБУШ!

Грязь, которая еще недавно была Простуном, не интересовали его объяснения. Она продолжала растекаться по руке Сбритеня, просачиваясь сквозь пальцы, и когда Сбритень вновь сделал вдох, чтобы прокричать имя Кэнди, выплеснулась из открытого рта Простуна.

Кэнди стряхнула с себя зачарованность и повернулась к Зефарио.

— Нам надо идти… — начала она.

Но слепой уже исчез.

Глава 64
Без плана Б

— Почему мы не падаем? — спросил Газза.

— Может, потому, что еще движемся? — предположил Шалопуто, хотя в его голосе не было убедительности. — Как далеко мы залетели?

Газза посмотрел через плечо.

— Обалдеть, — сказал он.

— Что?

— Мы гораздо дальше от Окалины, чем я думал.

Шалопуто встал и обернулся, поглядев сквозь полупрозрачные стены глифа. Это было притягательное, захватывающее зрелище с многочисленными слоями фигур, чьи цвета мерцали и переливались до самой кормы глифа. Люди были везде: некоторые собирались группами, другие оставались в одиночестве. Но он не поддался искушению рассмотреть их вблизи. Он хотел сосредоточить внимание на северном побережье Окалины.

Газза был прав. Они действительно залетели гораздо дальше от острова, чем можно было подумать. Если прищуриться, становилась видна плоская поверхность, где располагался их лагерь, а за ней — гора Галигали, которая больше не была обыкновенной скалой, какой они знали ее всю свою жизнь. В ее склоне зияла огромная рана, и оттуда хлестала ослепительная магма, выбрасывая в небеса скрывавшийся внутри огонь.

— Галигали собирается взорваться, — сказал Шалопуто.

— А разве уже нет?

— Думаю, в ней гораздо больше разрушительной силы, чем в тех фейерверках, которые мы сейчас видим.

— Правда? Интересно, я чувствую себя сейчас как Галигали. Я тоже собираюсь взорваться. Но хорошим взрывом. Нет… *огромным* взрывом, — сказал Газза.

— Да? И что же его вызвало?

— Не что, Шалопуто, а *кто.*

— А, *она.* И что тебя так зацепило? Ее глаза, да? Синий, карий. Синий, карий.

— И каждый раз новый синий.

— И новый карий.

— Надо же, — сказал Газ.

Улыбка Шалопуто увяла, оставшись только в его глазах.

— Я не знал. Извини, — сказал Газ.

— За что извиняться? — спросил Шалопуто.

— Ты не очень-то счастлив. Я не знал…

— Мы, тылкрысы, всегда хотим больше, чем дает нам судьба.

— Так не только у тылкрыс.

— Нет?

— Нет. Когда тебе кто-то нравится… или даже если ты кого-то полюбишь…

— Даже если полюбишь…

— *Полюбишь.* Именно так. — С каждым словом его голос становился все громче. — Почему не использовать это слово?

— Может, чуть потише? — спросил Шалопуто.

— Почему? Она делает меня счастливым. *До безумия.* Я понимаю, что не должен так себя чувствовать, но она… не знаю… она гипнотизирует меня своими глазами. Синий, карий. Синий, карий.

— Ты и правда звучишь безумно. Осторожнее, — предупредил его Шалопуто. — Все слышат, что ты говоришь.

— Все равно, — ответил Газза. — Мне нечего скрывать. — Он повысил голос так, чтобы его услышали все, кто находился в глифе. — *Я люблю девушку*, которая свела всех нас вместе — Кэнди Квокенбуш. Никто из нас не был бы сейчас жив, если б не она, — напомнил Газ, и его голос вернулся к нему таинственным эхом, отразившись от сводчатых потолков и девятистенных комнат. — Но мы еще не спаслись. На Буреходе ждут, что мы вернемся: он больше, чем наш глиф, и в нем целая армия заплаточников — по одному на каждого из нас. *Нож в каждое сердце.* Именно это планировала для нас Бабуля Ветошь. Но мы свободны, и мы собираемся остаться свободными. Проблема в том, что есть семь тысяч ножей, которые все еще не использованы.

Отовсюду донесся шепот согласия — снизу и сверху, спереди и сзади.

— Кто-то хочет возразить? — закричал Газза.

На некоторое время воцарилась тишина, и любой несогласный мог высказать свое мнение. Но возражений не последовало. Кэнди была героиней Часа.

— Хорошо, — сказал он, улыбаясь. — Значит, все согласны. Мы должны вернуться. Мы…

— Подожди, — донесся женский голос от правого борта. — Прежде, чем мы повернем, есть то, что все должны знать. Корабль, на котором нас преследует Императрица, смертоносен. Он называется Буреход. Я видела копии планов его конструкции. Он собьет нас в мгновение ока.

Отовсюду послышался шепот сомнения:

Как она смогла увидеть планы?

На чьей она стороне?

— Я бы здесь не оказалась, если б не занимала правильную сторону, — сказала женщина. — Я хочу, чтобы Бабулю Ветошь судили за убийство. Моего брата Калту Мотрасса пытали и убили его швеи.

— За что?

— У нас нет времени… — начал Шалопуто, но вопрос был задан, и женщина уже отвечала:

— Меня зовут Джуна Мотрасс. Мой брат и его жена, Женева Персиковое Дерево…

— Жена? — тихо проговорил Шалопуто себе под нос.

С тех пор, как они познакомились благодаря Кэнди, он провел с Женевой много часов, но ни разу не слышал, чтобы она упоминала о своем муже, что казалось странным при любых обстоятельствах, но особенно в том случае, если муж, о котором шла речь, был одним из самых знаменитых революционеров Абарата. Шалопуто обязан убедиться, что эта женщина — именно та, за кого себя выдает.

— Джуна, — сказал он.

— Да?

— Вы хорошо знаете Женеву?

— Очень хорошо.

— Достаточно хорошо, чтобы ответить, какую книгу она помнит наизусть с начала до конца?

Непростой вопрос, который Шалопуто задал Джуне, вызвал среди беглецов одобрительный шепот, и разноцветные отсеки корабля перемешались: цвета соединялись с цветами, создавая оттенки, существовавшие только в эфирном измерении или в пространстве сверхвоображения.

— Разумеется, — без колебаний сказала Джуна Мотрасс. — «Завет Поттишаха». Оттуда ей известно каждое слово.

— Это правильный ответ? — спросил Газза.

— Ага, — кивнул Шалопуто. — Она действительно знает Женеву. Мы должны ее выслушать.

— Я знаю не очень много, — сказала Джуна. — Но могу с уверенностью сказать, что если мы попытаемся подойти к кораблю с любого борта, нас собьют.

— И что вы предлагаете? — спросил Газза. — Мы должны оставить Кэнди на острове? Взгляните! Только посмотрите!

По случайному совпадению он выбрал наиболее благоприятный момент, чтобы привлечь к Окалине всеобщее внимание, поскольку через две с половиной секунды вершина горы Галигали, чьи знакомые очертания в течение многих лет

использовалась на банкнотах в 500 патерземов без необходимости обозначать название, взорвалась. К небесам взлетел столб жидкого камня, вновь вернув им черноту, которая начинала исчезать, и сквозь отверстия в расплоде уже проглядывали звезды. Пламя сменилось масляно-черным дымом, который их затмил. Тем временем титанические комки дымящегося подземного шлака катились вниз по склону, так далеко выброшенные силой извержения, что некоторые из них упали на пляж, где оказались в воде, мгновенно выбросившей облака пара.

— Думаю, есть только один способ, — сказала Джуна.

— И какой же? — спросил Газза.

— *Мы пойдем прямо на Буреход.*

— То есть полетим прямо на эту штуку?

— Это верное самоубийство, — сказал кто-то.

— Наоборот. Думаю, это наш единственный шанс, потому что такой ход — последнее, чего она ожидает. Она думает, что мы ее боимся.

— А мы боимся, — сказал Джон Хнык.

— Нет, — сказал Газза. — Мы не боимся. Если мы признаемся в страхе, считай, мы проиграли.

— И что не даст нам в нее врезаться?

— Ничего. Мы *врежемся*! И оттолкнем назад, к жерлу вулкана.

— А глиф достаточно крепкий, чтобы пережить столкновение?

— Не знаю, — ответила Джуна. — Мы сильны настолько, насколько сильно наше желание выжить.

— Допустим, — осторожно сказал Газза. — Давайте назовем это планом А. У кого есть план Б?

Наступила долгая тишина, которую в конце концов прервал Шалопуто.

— Очевидно, плана Б нет, — сказал он.

— Что ж, это все упрощает, — ответил Газза. — Мы летим прямо на Буреход испытывать судьбу.

— Что они сделают? Что они сделают? — Императрица ходила взад-вперед перед окном, глядя на глиф. — Они не могут оставаться там вечно.

— Может, их там нет, — сказал ее внук.

— Что за чушь ты несешь? Я вижу их собственными глазами.

— Кто знает, что ты видишь на самом деле. Мы можем быть одним большим зеркалом. Мы можем смотреть на искаженное отражение самих себя.

— Никогда не слышала ничего более нелепого. У меня есть доступ ко всем формам абаратской магии. И я отправлялась в другие миры за новыми источниками силы.

— Ты продолжаешь хранить это в тайне, бабушка? А ведь тайны нет. Давно уже нет. Я следил за тобой до самой Звездной двери, что ведет в Заэль Маз'ир, еще годы назад.

— Нет, — холодно ответила Императрица. — Ты не мог.

— О, не тревожься. Дальше дверей я не пошел. Разве я бы посмел? Все эти выборы, двери с дверьми. А за каждой дверью — своя цель. Я ведь понятия не имел, какую ты выбрала, и разумеется, до смерти боялся ошибиться. Кто знает, где бы я оказался? Вдруг бы не нашел дорогу назад? Так что я вернулся к своим трудам и больше никогда…

— Тихо! — резко проговорила она.

— Что?

— У нас гости.

Монотонный голос, которым она сейчас говорила, Тлен научился презирать — нет, *страшиться.* Это было хуже гнева. У гнева имелись начало и конец. Он мог длиться неделями, но в конце концов его заряд кончался. Однако небытие, из которого возникал *этот* голос, являлось обычным состоянием его бабки. Она говорила из могилы, в которой родилась, о чем любила рассказывать — дыра в грязи, с червями и отчаянием, удел всех живых существ.

На этом жестоком, непрощающем законе вырос Тлен. И каждый раз, когда он видел на лице своей бабки такое выражение, слышал в ее голосе металлические ноты, жестокие уроки детства возникали в его памяти с такой ясностью, как будто игла только вчера пронзила его губы.

— *И?* — сказала она.

— Что — и?

— Ты идешь или нет?

Кристофер погрузился в свои воспоминания глубже, чем сознавал. Судя по всему, он пропустил часть разговора. С детства ему было хорошо известно, что врать ей не стоит.

— Я отвлекся. Воспоминания. Ничего важного. Теперь я весь внимание.

— Хорошо. Потому что у нас проблема, и ты должен ее решить. Я останусь здесь на случай, если они изменят курс.

— А что за проблема?

— Ты не чувствуешь?

— Нет.

— Смотри.

Она указала на землю и бросила одно из тех заклинаний,

которые он ненавидел. Одно из заклятий Нефаури, подозревал Тлен, нарушение геометрии и физики пространства. Не сделав ни шагу, он почувствовал, как под ним сдвигается пол. Опустив глаза, он понял, что больше не стоит на прочном мраморном покрытии. Все вокруг менялось. Место, где стоял Тлен, наклонилось, как и противоположная сторона, где на крутом склоне стояла его бабка, глядя в глубины Бурехода. Благодаря магии Нефаури этажи и стены между полом палубы и трюмом исчезли.

Внизу царил хаос. Повсюду с дикими воплями носились свиньи. А в середине этого бардака были два заплаточника. Один — тяжело раненый, с мачете, застрявшим в его голове. Из раны хлестала грязь, собираясь на груди второго заплаточника, который, распластавшись, лежал на полу.

Императрица сделала шаг вниз по искривленной стене ямы.

— *Ты!* — сказала она.

Ей не ответили ни Простун, ни Сбритень. В трюме было третье создание, сидевшее на груди Сбритеня; оно посмотрело вверх и заговорило. Его лицо продолжало создаваться: невидимые пальцы формировали черты вокруг двух глазниц, ниже возникала прорезь рта. Однако при всем его грубом виде существо умело произность слова.

— Чего *ты* хочешь? — спросило оно хриплым, резким голосом.

— Прежде всего, уважения к себе. Ты знаешь, с кем говоришь?

— Думаешь, мне не все равно? — ответила грязь.

— Тлен! — сказала Ведьма. — Спустись и добудь мне эту безкожую кучу. Тлен?

Только тогда она подняла глаза и посмотрела на место, где в последний раз видела своего внука. Его там не было.

— Тлен?

— *Тлен!*

— *ТЛЕН!*

Глава 65
Колыбельная

Во время своих поисков Кэнди не видела Зефарио, но инстинкты ей подсказывали — она на верном пути. Также они говорили, что надо двигаться быстрее, иначе она его потеряет, хотя он был слеп. К счастью, старик оставлял в воздухе следы, заряженные магией — похожие на меловую пыль разноцветные частицы одежды, падающие сквозь густой, тусклый воздух. Это было неслучайно. Они появлялись только там, где она могла выбрать неверное направление: повернуть направо, а не налево, остановиться перед несколькими дверьми.

Но даже несмотря на эти путеводные нити расстояние между ними продолжало расти. В конце концов она бы его потеряла, если б не помощь, пришедшая из совершенно неожиданного источника.

От Бабули Ветоши.

Кэнди услышала крик Ведьмы:

— Тлен? Тлен! *ТЛЕН!*

Кэнди на секунду замерла, ожидая, пока голос Ведьмы не отразится от окружающих стен. Когда он смолк, она услышала шаги. Она подумала, что это Зефарио: его бег замедлила усталость, но все равно он шел быстро. Он был недалеко, на уровень выше.

Рискуя всем, она позвала его.

— Подождите, Зефарио, — сказала она. — Я иду за вами. Подождите, пока я вас догоню.

Она обнаружила лестничный пролет, по которому он взбирался — пастельная пыль, которую Зефарио за собой оставлял, все еще висела в воздухе, медленно опадая на пол, и ей дважды или трижды пришлось подниматься по лестницам. На полпути она встретила облако дыма, пахнувшее пряностями и медом: оно катилось вниз, навстречу ей. Теперь Ведьма почуяла присутствие Кэнди. На ее захват высланы заплаточники, а учитывая незнание ею корабля и хорошее знакомство с ним заплаточников, вряд ли у нее были шансы избежать встречи.

Она добралась почти до вершины лестницы. Атмосфера наверху отличалась от того, что она видела внизу. Свет в трюме был похож на обычное освещение магазинов в Коммексо. Все было хорошо видно. Но свет, озарявший пространство на вершине лестницы, был иным: сине-золотистая дымка, лениво растекающаяся от свечей, которые образовывали нечто вроде

зиккурата в центре столь огромного зала, что тысячи или даже десятки тысяч огоньков не могли осветить его стен. Это место походило на алтарь. Место поклонения тому, что Кэнди не знала. Только там она поняла, каким огромным был корабль, где они оказались, и сколь непостижимо мощные силы держали его в воздухе.

— Зефарио? — сказала она; ее голос не достиг стен помещения, поскольку эхо не вернулось. — Зефарио, вы здесь?

— Я здесь, — сказал он, и ее глаза, следуя на звук голоса, обнаружили его в трех десятках метров; он так спокойно стоял в мерцающих огнях свечей храма, что ее взгляд несколько раз проходил мимо, так его и не заметив. — Но тебе не надо здесь оставаться, Кэнди. Ты привела меня сюда. Ты сделала то, что обещала.

— Я сказала, что приведу вас к нему, — ответила она.

— К кому? — спросил Кристофер Тлен.

Второй раз в этом месте ее взгляд последовал на голос Тлена. И второй раз нашел то, что искал, неподалеку. Кэнди не могла не заметить его поразительного преображения. Он был совершенно не похож на того гноящегося уличного оборванца, которого она встретила в Тацмагоре.

— Тебя не должно здесь быть, Кэнди. Это священное место. По крайней мере, так считает Ведьма.

— Кому оно посвящено? — спросил Зефарио.

— Тем, кто дал ей силу. Кто помог строить Буреход, — ответил Тлен. — Тем, Кто Ходит За Пределами Звезд.

— Нефаури? — тихо сказал Зефарио.

— Да… — ответил Тлен, и в его голосе прозвучало уважение к незнакомцу, обладающему таким знанием. — Вы тоже имели с ними дело?

Зефарио не ответил на вопрос. Вместо этого он сказал:

— Она действует вместе с Нефаури?

— Да. Какое это имеет для вас значение?

— Ты должен ее остановить. Нефаури? *Они* находятся в центре всего этого?

— Что? — спросил Тлен, начиная раздражаться. — О чем вы говорите? — Он не дал Зефарио времени ответить и посмотрел на Кэнди. — Ты знаешь, что он имеет в виду?

— Нет. Не очень.

— Но ведь ты его сюда привела.

— Да.

— Почему?

— Потому что он должен был тебя увидеть.

— Ладно. И *почему же?*

— Кристофер, он твой отец.

Настала долгая, жестокая тишина, когда во взгляде Тлена читалось всё, что были способны выразить глаза.

— Это невозможно, — сказал он. — Мой отец… он не… — Его речь начала замедляться. — Не…

— Не слепой, потрепанный жизнью старик в лохмотьях? — Зефарио вздохнул. — Признаюсь, я бы предпочел придти сюда в более приличном виде. Но мы имеем то, что нам дают, когда речь идет об одежде на плечах. Я полагал, в тебе достаточно сердца твоей матери, чтобы за внешним увидеть дух.

Он поднял руку, словно желая прикоснуться к лицу сына, хотя между ними было больше десятка шагов. Несмотря на расстояние, Тлен вздрогнул за стеной стекла и кружащими кошмарами, словно действительно почувствовал прикосновение.

Зефарио ощутил его реакцию.

— Ты злишься, — сказал он.

— Нет, — ответил Тлен. — Просто сомневаюсь.

— Я не привела бы его сюда, если б не была уверена, — сказала Кэнди.

Кристофер недобро посмотрел на нее.

— Кстати, как ты это сделала? Моя бабка считает, что ты погибла на Галигали. А я видел, как место, где ты стояла, через несколько секунд взорвалось. Почему ты не мертва?

Хотя Тлен задал вопрос Кэнди, на него ответил Зефарио.

— Мы покинули гору прежде, чем в нее врезался наш смертный приговор. Тебе не надо знать, как мы это сделали. Но будь уверен, что сила, которую она использовала, чтобы привести нас сюда, заимствована не от сделки с разрушителями миров вроде Нефаури.

— Откуда ты знаешь, что они делали, старик?

— Ты все еще мне не веришь.

— Что ты мой отец? Нет. Я бы тебя узнал. Даже после этих лет…

— Откуда? Ты никогда меня не видел. В огне выжило всего трое. Но ты был очень маленьким и так пострадал, оказавшись в центре всех этих смертей… от того, что слышал их. — Сила в его голосе начала угасать. Он сделал несколько быстрых, неглубоких вздохов, однако они не помогли ему справиться с теми ужасными истинами, которые он собирался произнести.

— Твои братья и сестры, твоя мать… все они сгорели заживо. — Его голос дрожал, как и все тело. Кэнди хотела помочь ему рассказать ужасную историю, но что она могла сделать? Эта тяжелая ноша была не ее. Она принадлежала злосчастному отцу, который мог лишь мучительно передавать ее своему уже

раненому сыну. — Иногда я думал, глядя на тебя: как, почему ты все еще цепляешься за жизнь? Почему?

— Стой! — сказал Тлен. — Теперь я знаю, что ты лжешь. Ты сказал, что я никогда тебя не видел. А сейчас говоришь, что ты на меня смотрел.

— О, я смотрел на тебя, дитя, — ответил Зефарио. — Много раз. Но только когда ты спал. Я хотел тобой любоваться, как этого хочет каждый отец.

— Огонь тебя не ослепил?

— Нет. Я сам ослепил себя, — сказал он. — Она — твоя бабка, — свела меня с ума, и я влил себе в глаза яд.

— Почему она свела тебя с ума?

— Однажды ночью она увидела меня в твоей спальне, когда я держал тебя на руках и пел.

— Никто никогда мне не пел.

— Колыбельную Лузаар Муру. Не помнишь?

Дрожащим голосом он начал:

— Куупани панни,
Куупани панни,
Лузаар Муру.
Копии юваси
Атемун езу.
Куупани панни,
Куупани панни
Лузаар Фачим.
Мендонна куаси
Веменде базу…

Кэнди не представляла, что значат эти слова, но не сомневалась, что слышит именно колыбельную. Простая мелодия, спетая даже таким голосом, все равно успокаивала.

Она осторожно скосила глаза на Кристофера. Триумф на его лице, который возник, когда он поймал Зефарио на лжи, исчез. Исчезло сомнение. И он тихо произнес то, что было двумя самыми важными словами, какие Кэнди от него слышала. Возможно, самыми важными из всех, что он когда-либо произносил.

— Я помню.

В нем происходили какие-то глубинные изменения, и главным свидетельством этого стало поведение кошмаров, которые больше не плавали вокруг его головы, а тихо лежали на дне воротника. Не мертвые, а просто лишенные какой-либо агрессии.

— Почему ты не показывался мне, отец? — спросил он. — Почему держал меня, только когда я спал?

— Поверь, я выглядел ужасно. Врачи сказали, что если ты увидишь меня, столь тяжело обожженного, это может оказаться для тебя тяжелым потрясением. Ты даже мог умереть. Поэтому я держал тебя, только когда ты спал. Но это прекратилось, как только она меня увидела. Больше я не мог петь своему малышу «Лузаар Муру». Той ночью я должен был уйти, потому что знал — она выиграет битву за твою душу. Она хотела воспитать истинного слугу своей воли, ум которого она бы знала так же хорошо, как свой собственный, поскольку сформировала его сама. И она не могла позволить, чтобы ее идеального ученика испортили. Поэтому она должна была от меня избавиться.

— Но ты знал…

— Конечно, знал.

— И все же ты не ушел.

— Ты — все, что у меня было. Все, что осталось после трагедии, которую, как мне представлялось, вызвал я. Мне никогда не приходило в голову, что моя собственная мать убьет своих внуков. Нет, я думал, что вина — моя. Всё я. И единственным прекрасным и священным, спасшимся от того, что я натворил, был ты. Как я мог тебя бросить? Как я мог не приходить и не держать тебя, когда ты спал? Я не мог. И хотя я знал, что рано или поздно она попытается забрать мою жизнь, чтобы обладать тобой до конца, я оставался рядом. И я был готов к тому, чтобы встретить ее убийцу. Я знал, как защитить себя от любого клинка, который она могла нанять. Но я не учел, что клинка может не быть. Что она медленно меня отравит. Зашьет в мою голову семена безумия, и убийцей, который едва меня не погубит, стану я сам.

Он смолк. Его голос стал едва слышен, почти неощутим, едва ли громче звука, исходящего от колонны свечей.

— Остальное ты знаешь, — сказал он.

— Как ты жил?

— Я нашел дорогу к себе самому, когда начал читать карты. Постепенно я собрал свои воспоминания, хотя позабыл почти всё.

— Даже меня?

Зефарио, наконец, приблизился к своему сыну, и на этот раз Тлен не отшатнулся. Он стоял на месте, ожидая, пока его отец подойдет.

Кэнди всматривалась в лицо Тлена, пытаясь понять, что он чувствует. Но либо он ничего не показывал, либо сам не знал, что испытывает. В любом случае, его лицо было спокойным, а глаза столь же пусты, как и глаза его отца.

Кэнди научилась сознавать, как менялись ощущения, когда работала магия, и сейчас магия действовала. Ее источником был Зефарио. Он обращался к той самой силе, которую использовал в те пугающие моменты на горе Галигали, когда помогал им избежать неминуемой смерти.

Но для чего он использовал ее сейчас? Какой цели служила его магия?

Она узнала ответ, когда Зефарио подошел к сыну и, подняв правую руку, коснулся воротника. Его пальцы не остановились при контакте со стеклом. Они прошли *сквозь* него, не задержавшись ни на миг, миновали преграду и оказались в таинственной жидкости, в которой обитал Тлен и его кошмары. При появлении пальцев кошмары подняли головы, но быстро поняли, что раз хозяин не видит в них вреда, им тоже не следует беспокоиться, и вновь опустились на дно.

Пальцы Зефарио коснулись щеки сына.

Кэнди показалось, что через это касание все беды, о которых говорил Зефарио, все потери, все мучения и все смерти, вылились из отца и вошли в сына. Воспоминания, которые Тлен годами прятал даже от себя, оказались на поверхности, и он вспомнил, как это — находиться в самом сердце огня…

Черты, которые еще секунду назад не выдавали ничего, внезапно наполнились теми страданиями, какие только может выражать человеческое лицо. Его рот искривился, брови изогнулись, вены на висках вздулись и запульсировали, мышцы челюстей напряглись.

— Отец… — произнес Тлен, — это *больно*…

— Я отпущу тебя, — сказал Зефарио.

Он прервал контакт и убрал руку из воротника, оставив место, где она в него проникла, а затем вышла, неповрежденным.

— Сейчас все это имеет смысл, — сказал Зефарио. — Я никогда не понимал, почему карты хотели, чтобы я позаботился о ребенке, который никогда обо мне не думал. Теперь я вижу, почему. Мысль о том, чтобы увидеть его вновь, укрепила мое сердце. Но не это было настоящей причиной, по которой я предпринял свое последнее путешествие. Ею стало то, что слепой человек может видеть ужасную прячущуюся тварь.

— Нефаури, — пробормотал Тлен.

— Ты всегда о них знал?

— Что она с ними работала? — Он смотрел на отца из лабиринта боли, которую тот открыл, и Кэнди знала, что Кристофер Тлен, который сейчас глядит на мир, никогда не смог бы вынести смысл из страхов своего отца, пока его не заставили вспомнить пожар. Сейчас он воссоединился с кошмаром горящего

дома Тленов во всех его ужасающих подробностях. Это не была древняя история о жестокости, имевшей место в жестокие времена. Это было живое воспоминание о смерти. Запах горящих волос, плоти и костей. Крики, смолкающие, когда кричавшие вдыхали огонь. Преступление, совершенное женщиной, которая учила его не чувствовать, не могло быть забыто и прощено.

Но то, что знал он, знала и она. Так всегда было между ними.

— Прости, отец, — сказал Кристофер.

— Тебе не за что извиняться, сын.

— Ты не понимаешь. Я не хотел, чтобы это услышала Ведьма. Но твоя боль — моя боль — была слишком сильна. Я чувствую, как она ускользает. Ведьма ее чувствует.

— Что это значит? — спросила Кэнди.

— Она знает, что он здесь, — сказал Кристофер. — Она знает, что я смотрю в лицо своего отца. И ей это *очень* не нравится.

Глава 66
Любовь, слишком поздно

Во всем глифе не прозвучало ни единого возражения. План был прост: указать кораблю направление и со всей возможной скоростью устремиться к Окалине.

— Как? — спросил Джон Хват.

— Хороший вопрос, — сказал Джон Хнык. — Как?

— Легко, — ответил Газ. — Мы будем *думать*.

— Мы должны просто думать, чтобы он подчинился? — спросил Шалопуто.

— Надеюсь…

Внезапно глиф отреагировал на приказы своих создателей. Он ускорил ход, еще сильнее углубился в Пустоту, а затем — возможно, почувствовав, как далеко он от Окалины, и ее больше не увидеть даже самому острому глазу, — повернул назад.

— Видели? — сказал Газза. — У нас получилось. Надеюсь, где бы Кэнди сейчас…

— Думаешь, она знает, что мы идем? — спросил Шалопуто.

— Да, — ответил Газза. — Она знает.

Кэнди чувствовала, что снаружи происходят грандиозные события. Но какие? Она *должна* была их увидеть.

— Окно. Окно. Окно, — проговорила Кэнди. — Тлен, мне нужно найти окно.

Потребовалось несколько секунд, чтобы пробиться через боль Зефарио. Кэнди была вынуждена повторить:

— Окно.

— Что — окно?

— Мне нужно окно.

Зефарио больше не тратил времени на вопросы. Он вытянул руку, раскрыл ладонь и коснулся стены.

— Я буду ждать *ее* вместе с Кристофером. А ты, Кэнди, иди. Ты больше ничего не можешь поделать. Иди. Я готов к встрече. Это будет то еще воссоединение.

Но Кэнди медлила. Она хотела быть здесь, когда Ведьма окажется лицом к лицу с двумя людьми, которых она почти уничтожила, но кто вопреки всем ожиданиям выжил. Однако Кэнди была здесь не для наблюдений, а для того, чтобы сделать что-то хорошее.

— Иди! — сказал Зефарио. — Я найду тебя, хотя и не знаю как. Если не в этой жизни, то в другой.

Ей не хотелось его покидать, но она должна была уходить. Она сделала, что могла — теперь у нее другие дела. Она не знала, какие именно, но инстинкты подсказывали: все будет ясно, если она сумеет посмотреть на остров. Возможно, они больше не над Окалиной, а плывут в сторону Пустоты.

Она добралась до вершины следующего пролета и оказалась в окружении серых металлических дверей без надписей. Она не знала, где именно в корабле находится, и могла полагаться лишь на свои инстинкты. Они хорошо служили ей раньше, и если ей повезет, послужат еще. Ей лишь надо было сосредоточиться…

Сказано — сделано. Дверь перед ней открылась, и она побежала вниз по коридору, крича на бегу:

— Давайте, окна. Давайте! Я тут! Где вы?

Коридор разделился. Она вновь выбрала. И вновь побежала.

— *Окна!* Давайте же! *Где вы*?

Вокруг нее рождались шумы: они проникали сквозь стены, шли от металлических решеток под ногами и на потолке — крики, рев, визги, вопли.

А за всем этим гремели и ревели двигатели, заряжавшие бурю, на ногах которой шел Буреход. Она могла бежать здесь вечно и никогда не найти…

Подождите! Окно! Она ощутила его присутствие, словно открытый глаз в замкнутой жестокой призме этого чудовищного места. Слева от нее была дверь. Она открыла ее и пробежала по коридору до второй двери. За ней оказался большой зал, наполненный тем, что походило на латы гигантов. Она прошла между ними и, наконец, увидела окно. Она смотрела в Пустоту.

Прямо под ней был край Абарата, граница реальности. Дальше — только Забвение: серое место, не имевшее ни глубины, ни деталей — просто бесконечное ничто.

— Должно быть другое окно… — пробормотала она. — Не это. Здесь не на что смотреть.

Она готовилась отвернуться, когда осознала свою ошибку. В этом ничто все-таки *что-то* было. И оно приближалось к кораблю с такой скоростью и по такой прямой траектории, что она едва его не пропустила.

Глиф выходил из Пустоты, идя на таран Бурехода. Ошибки не было. Ее друзья, наверняка решив, что она погибла, собирались встретить своих палачей лицом к лицу…

Бабуля Ветошь, увидев своего сына глазами Тлена, одновременно поняла две вещи: во-первых, Зефарио находился сейчас в священном Храме Нефаури, а во-вторых, что безумие, в которое она погрузила его после пожара (жалкие остатки

материнской любви, хоть и неуместной, остановили ее от того, чтобы попросту его убить), из него ушло. Она мигом поняла, чья это работа — его коснулась ведьма из Иноземья, будь она проклята. Каждый раз, когда Бабуля Ветошь сталкивалась с девчонкой, она находила еще одну причину испытывать к ней отвращение.

Неважно. Проблема решалась без труда. Наконец, она сделает то, что должна была сделать еще годы назад — убьет его. Ничего жестокого. Быстрая казнь, чтобы убрать его с дороги. Чистота этого решения ей понравилась. Она была у двери, уже представляя, как убьет его, когда услышала голос одного из заплаточников-командующих:

— Императрица?

— Не сейчас.

— *Императрица.*

— Я сказала *НЕ СЕЙЧАС!* — Ее голос в эту секунду был почти звериным.

Она обернулась, чтобы подкрепить свои слова, но ее глаза так и не встретились со взглядом командующего. Вместо этого они скользнули к окну или, скорее, в бесформенное Забвение, и уставились на огромный клинок, летевший оттуда прямо на них.

В ту секунду, глядя на глиф, мчавшийся к ее кораблю, Бабуля Ветошь получила порцию той каши, которую не пробовала с самого детства — полную беспомощность.

— Я тебя ненавижу… — проговорила она. — Тебя и все миры. — Но ее ненависти было недостаточно, чтобы остановить глиф. — Они собираются нас протаранить, — глухо сказала она.

— Глиф разломится, — ответил один из командующих.

— Невозможно сломать то, что не является плотным, идиот. Он создан из магии и надежды. Будь она проклята. *Будь она проклята.*

— Шалопуто! Газза! Я тебя люблю! Не делай этого! Ты меня слышишь? Это Кэнди! ПОЖАЛУЙСТА, СКАЖИ, ЧТО ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ! ОСТАНОВИ ГЛИФ, ИЛИ ВЫ ПОГИБНЕТЕ!

— Она сказала, что любит меня.

— Кто?

— А ты как думаешь, тылкрыс? *Она!* Кэнди! Я слышал, как она говорит, что любит меня.

— Я В БУРЕХОДЕ!

— Она говорит…

— Что она в Буреходе. Да, на этот раз и я ее услышал, — сказал Шалопуто.

— Она жива! — воскликнул Газза. — Она в Буреходе, и она

жива!

— Но ведь это ужасно! Она там погибнет!

— Нет. Только не моя Кэнди, — ответил Газза с безошибочной уверенностью в мудрости своей любимой. — Она умная. Она что-нибудь придумает.

В Храме Нефаури, где Кэнди оставила отца и сына, рев двигателей Бурехода затих в ту же секунду, когда корабль коснулся Пустоты. Храм был источником всей магии, которая держала Буреход над землей, и на несколько секунд храмом овладело состояние самого космоса — холодного, безмолвного, мертвого. Без воздуха, кормящего яркий свет, свечи быстро погасли, и все их огоньки потухли в одно и то же мгновение.

Хотя тьма и тишина были абсолютными, оба Тлена знали: что-то вошло в храм, то, что даже они, жившие среди кошмаров, не желали видеть и слышать. Один из Нефаури выбрался из своего укрытия за пределами звезд и был здесь, в этом месте.

Первобытный страх охватил отца и сына. Внезапно рев двигателей вернулся. Но за секунды своего отсутствия его обороты выросли на несколько порядков. И это оказался не только звук двигателей корабля — это был рев самого судна. Буреход дрожал.

— Газза, корабль трясется! — воскликнул Шалопуто.

— Я ничего не чувствую, — ответил Газза.

— Не глиф. Буреход. Посмотри на него, он весь качается. Как она это делает?

— Надо же… — сказал Газза. — Думаю, причина в нас. Мы толкаем перед собой часть Пустоты…

— Как пустота может иметь часть?

— Наверное, здесь не совсем пусто. Как в космосе. В нем же полно всего. Газ. Пыль. Всякие…

— Погоди! — сказал Шалопуто. — Ты это почувствовал? Теперь дрожим мы.

— Думаю, это колебания Пустоты, — ответил Газза. — Она отражается от Бурехода и летит обратно к нам.

Судя по всему, его теория была верна. Невидимые энергии бурлили в воздухе перед глифом. Мусор Забвения летел перед метлой корабля, разбиваясь о Буреход, как волна, и откатываясь назад.

— Что происходит? — спросил Шалопуто.

— Я знаю об этом столько же, сколько и ты, — ответил Газза. — Пути назад нет. Это точно. Через десять секунд мы столкнемся. И…

— И все умрем, — сказала Кэнди спокойным голосом.

Она не отошла от окна. Куда было идти? Она смотрела на Край Мира; впереди была Бездна, Забвение, а за спиной — плавящийся камень. Лучше оставаться здесь и смотреть на глиф, к созданию которого она имела прямое отношение. Это была машина свободы. Глиф ударит в Буреход Ведьмы так сильно, что оттолкнет машину смерти назад, откуда она пришла.

В Храме Нефаури, в компании невидимого Другого, Зефарио Тлен обнимал своего сына и тихо напевал ему колыбельную Лузаар Муру.

— Куупани панни,
Куупани панни,
Лузаар Муру.
Копии юваси
Атемун езу.
Куупани панни,
Куупани панни
Лузаар…

А потом два корабля столкнулись.

Глава 67
Ят Ют Я

Теория Газзы о том, что обломки Пустоты, мусор Забвения, каким-то образом скапливался перед глифом, летевшим на Окалину, получила свое подтверждение, когда глиф ударился в Буреход, двигая его к зияющей пустоте. Корабль Императрицы начал дрожать, и это незначительное поначалу движение быстро возросло, усилив воздействие обломков на Буреход. Темная броня местами потрескалась, некоторые куски вырывало прочь, а их падение с поверхности корабля влекло за собой скол новых частей.

— *Кэнди!* Где ты, Кэнди! — кричал Газза.

Он звал и звал, но ответа не было. Он мог лишь созерцать пугающий вид машины, оказавшейся в ловушке собственного распада. Он понимал, что быстро она не разрушится. Машина смерти была построена как утроба для бурь, которая не только вмещала их в себя, но использовала их силу и двигалась с помощью молний. Она не собиралась легко сдаваться.

Но все же она была *внутри.*

И не отвечала, хотя он ее звал.

— *Кэнди! Кэнди! Кэнди!*

Наблюдая у окна за столкновением, Императрица отложила визит в храм к своему гостю. Нефаури были обидчивы, и даже сейчас она должна была поспешить вниз, чтобы узнать, чего хотел тот, кто там находился. Но все же более актуальной была другая задача.

Кэнди Квокенбуш.

Поначалу девчонка из Цыптауна была никем и ничем. Обычный глупый подросток, который свалился из своего мира в Изабеллу и прибился к берегам Абарата. Ничего важного, думала она, пустое место; однажды она либо найдет свой путь назад в Иноземье, либо погибнет в мире, который не понимала.

Но она ошиблась. Девчонка оказалась тайной, скрытой внутри головоломки, полной невероятностей, сумасбродства и противоречий. И у нее имелась сверхъестественная способность к самосохранению, даже если обстоятельства были против: Отто Живорез, Крест-Накрест, один из самых успешных убийц Абарата, совершил ошибку и пал перед ней.

Больше никаких ошибок и неумелых попыток. Девчонка должна умереть, здесь и сейчас, в хаосе и смятении этой битвы.

Никто не узнает, как и почему она погибла. Не было сомнений в том, кто должен сделать эту работу. Она. Хотя ныне Матриарх была Императрицей, которая должна стоять выше подобных грязных дел, она единственный человек, кому здесь можно доверять. Глиф, состояние Бурехода и даже гость в храме — все это сейчас не имело значения. Главное — убить Кэнди Квокенбуш. Девчонка была мерзостью, уродом, и потому должна умереть. Только когда она взглянет в ее мертвое лицо, вкусит ее глаза, сердце и печень, можно будет с уверенностью сказать, что Первая Империя Полуночи пришла.

Комната, где стояла Кэнди, по причинам, известным только создателям Бурехода, ломалась снизу и сверху; металлические панели, из которых были сделаны стены, гнулись, словно куски фольги. Трещины бежали по окну слева и справа. Кэнди отошла подальше, опасаясь, что стекло разобьется, и направилась к дверям, осторожно ступая по полу, который постепенно проваливался вниз. Дверная рама потрескалась, дверь заклинило. Она потеряла почти десять секунд, пытаясь открыть ее, прежде чем поняла, что физическая сила здесь не поможет. Придется использовать магию.

Давным-давно ее любопытный ум выудил из личного гримуара Боа заклинание «Кри Наз Ат» и запомнил его по одной причине — оно было простым. В заклинании содержалось всего девять слогов, три из которых составляли его название.

Сосредоточив взгляд на искореженной двери, она произнесла:

— Кри Наз Ат

Бай Ту Ху

Ят

Ют

Я.

Слоги пробудили в ее сознании образ молота. Четыре звука для бойка, пять — для рукояти, которую она мысленно сжала, обхватив пальцами «Ту Ху Ят Ют Я».

Слова ударили в дверь, и на металлической поверхности возник неровный кратер четырех футов в диаметре. По рукам Кэнди прошла болезненная отдача, казавшаяся сильнее из-за полной неожиданности. Это было нечто совершенно новое: она создала оружие заклинанием и действовала им в реальности. Теперь, наконец, она понимала, что делает.

Крепче ухватившись за *Ят Ют Я,* она с силой ударила в дверь. На этот раз Кэнди подготовилась. Она полностью слилась с оружием мыслями, сухожилиями, кровью и плотью. Она стала мостом между слогами и той силой, которую они создавали. Она

превращала слова в действие, в мощь, которую нельзя было игнорировать.

И вновь она ударила в дверь заклинанием:

— *Кри Наз Ат Бай Ту Ху Ят Ют Я!*

И та отлетела прочь.

Бабуля Ветошь услышала шум ломающейся двери, но во всеобщей какофонии не обратила бы на него внимания, если б этот звук не сопровождался всплеском силы с нижнего уровня, магической подписью, которую она немедленно распознала. Девчонка была там, всего в нескольких перегородках от нее. Она ее звала. И если она знала, что Квокенбуш рядом, та в свою очередь знала, что Ведьма приближается.

— Я иду к тебе, — сказала Матриарх.

В Храме Нефаури Кристофер Тлен, опустошенный страхом, прошептал заклинание, породившее слабый свет. Это было слабое мерцание, но его оказалось достаточно, чтобы увидеть зиккурат погасших свечей.

— *Что ты делаешь?* — пробормотал Зефарио, и его шепот был услышан, несмотря на какофонию.

— *Я должен найти дверь.*

— Ты не захочешь видеть Нефаури, поверь мне.

Но было слишком поздно. Огонь умножался, перескакивая с фитиля на фитиль, поднимаясь по зиккурату, распространяясь вверх и наполняя храм желтовато-золотистым светом.

Краем глаза, в противоположном конце огромного храма, Кристофер увидел дверь, которая была приоткрыта и вела в темноту. Затем нечто, жившее в этом темном месте, распахнуло ее и вылетело наружу, мгновенно увеличившись в размере и превратившись с огромную бесформенную тень, лишенную признаков какой бы то ни было анатомии.

Взгляд на Нефаури мог убить, но в тот момент слепой решил действовать и сунул руку в карман куртки. Увидев переливчатость, которую вытащил Зефарио, Нефаури резко закричал, и из ушей, носа и рта слепого полилась кровь.

Он хотел то, что находилось в руках Зефарио — последний фрагмент Абаратарабы. И будучи тем, кем он являлся, Нефаури знал лишь один способ получить желаемое. Убить.

Даже слепой, Зефарио видел смерть.

Из бесформенной массы Нефаури вылетели горизонтальные стальные иглы. Дротики остановились на расстоянии нескольких сантиметров от лица Зефарио, затем изменили направление, сверкнули напоследок, разлетелись в разные стороны и исчезли.

Однако это не остановило Нефаури от мысли о захвате недостающего фрагмента Абаратарабы. Он издал еще один долгий визг, по силе гораздо разрушительнее первого. Зефарио, спотыкаясь, пошел прочь, хотя знал, что это бесполезно, а кроме того, не имея никакого желания избежать грядущей пытки.

Он сделал все, что мог; он попрощался. Теперь он был готов к суду, и в каком-то месте, далеком от времени и материальности, его ослепительная смерть, наконец, началась.

Повернувшись спиной к своему убийце, он не видел приближения второй волны игольчатых дротиков. И когда они пронзили его, то были не так болезненны, как визг их создателя. И этот визг не смолкал. Он продолжался и продолжался. Лицо Зефарио скрылось за потоками крови из глаз, словно это были слезы, пролитые из-за невозможности освободиться. В своей смертной агонии он сделал единственное, что, по его мнению, имело смысл — послал остатки своей силы девочке, Кэнди Квокенбуш.

— Тебе некуда идти, — сказала Бабуля Ветошь.

Кэнди обернулась. В коридоре, в десяти метрах от нее, стояла Императрица Абарата. Все вокруг тряслось — стены, потолок, заклепки. Только Ведьма была спокойна, спокойна до жути, полностью сосредоточенная в этом дрожащем мире. Каждая деталь ее платья была неподвижна, и каждая висевшая на нем кукла хранила в себе похищенную душу, пленника, чьи страдания приносили ей радость.

— Ответ — да, — произнесла Бабуля Ветошь.

— Я ни о чем не спрашивала, — сказала Кэнди.

— Ты думала, не собираюсь ли я запереть твою душу в одну из моих кукол. — Она улыбнулась, показав маленькие серые зубы и выцветшие десны. — Ответ — да.

Глава 68
Освобождение

— Газза… — озабоченно произнес Шалопуто.

— Да, знаю. Буреход толкает назад.

В этот миг Буреход отреагировал на то невероятное давление, которое на него оказывалось. Яростно вибрирующий корпус сдвинулся чуть левее, а затем на огромной скорости развернулся. Он встал под углом девяносто градусов, и его правый борт обратился к облаку-Пустоте.

Получив такую большую цель, обломки Пустоты дерзко двинулись вперед. Вновь ударившись в Буреход, они толкнули его назад.

— Смотри, Буреход снова движется!

На этот раз сомнений не было: на него действовало давление облака-Пустоты, а не собственные двигатели. Смертоносный корабль быстро и внезапно повернул корпус на сто восемьдесят градусов; его огромные двигатели трудились, пытаясь обрести равновесие, но тщетно. Гигант имел слишком большой импульс, чтобы остановиться самому.

Единственное, что могло это сделать, находилось прямо у него на пути — гора Галигали.

— Вулкан! — заорал Газза. — Он сейчас врежется в вулкан! — Он встал, пытаясь найти выход из лабиринта глифа. — Нам надо развеять эту штуку. Немедленно.

И вновь все начали действовать вместе.

Не сводя глаз с корабля, Газза выбрался из глифа. Корабль вел себя безупречно: он унес своих создателей от места их казни к Забвению, а теперь возвращал в Реальность, не потеряв ни одного пассажира. Однако сейчас его краткая эпопея заканчивалась. Его энергии растворялись в пахнущем серой воздухе Окалины.

Среди семи тысяч, которые разбредались по берегу, было много тех, кто нашел время вознести благодарность исчезающему глифу. Но ни Газзы, ни Шалопуто среди них не было.

Они, как Эдди, братья Джоны и Бетти Гром, не отрываясь, смотрели на Галигали, в секундах от столкновения с которой был Буреход.

Бабуля Ветошь уже собиралась проделать дыру в теле Кэнди, когда корабль нырнул. Самосохранение она ставила выше желания убивать, а потому ухватилась за дверную раму, чтобы не рухнуть на пол.

Кэнди потеряла равновесие и неловко упала, больно ударившись головой о стену. Она попыталась встать, но хаотичное движение корабля не исчезало. Коридор больше не был надежным, он трясся настолько сильно, что глаза Кэнди не могли ни на чем сосредоточиться.

Кэнди не понимала, как тяжело она ударилась головой, пока не попыталась встать. Мозг казался слишком большим для черепа, ноги дрожали. Попытавшись коснуться стены, она обнаружила, что ее пальцы онемели.

— Плохо, — прошептала она.

Не ей одной приходилось туго. Буреход тоже потерял контроль. Он не просто дрожал и кружился — он двигался. И двигался быстро. Она чувствовала его беспомощную скорость так, как чувствовала себя в машине отца, когда он был пьян и вел, словно сумасшедший, и когда все, чего ей хотелось, это закрыть глаза. Воспоминания об отце были настолько ужасны, что они помогли ей преодолеть онемение, слабость тела, и встать. Как раз вовремя. Когда Кэнди поднялась, Бабуля Ветошь бросилась на нее во второй раз.

— Папа, нет!

Слова вырвались из нее так внезапно и были такими громкими, что Ведьма на мгновение замешкалась.

Этого оказалось достаточно. Магия Зефарио достигла своей цели, прошла сквозь пол в правую руку Кэнди, и в ее голове возник абсурдный образ яркой птицы, запертой в этом смертоносном корабле. Образ предстал перед ней всего на секунду. Затем цвета слились в единый изысканный перелив, и она почувствовала легкость этого перелива и собственного тела.

Кэнди видела, как к ней тянется железная рука Бабули Ветоши. Но видение было кратким. Ее взгляд быстро сместился туда, куда уже перенеслось ее тело, и Ведьма ухватилась за место, где Кэнди стояла всего секунду назад. Она успела увидеть ярость Матриарха: ее серое лицо становилось все бледнее, а черные зрачки расширялись, уничтожая последние мазки белого в ее глазах.

Она вновь проиграла. Кэнди исчезла. Хотя фрагмент Абаратарабы был мал, его хватило, чтобы изменить путь, который вел ее внутри корабля, избавив от всего, что лежало у нее на пути — потолки и полы, существа и грузы расступались, как дым, когда к ним приближалась Кэнди.

Абаратараба вытянула ее из корабля, и на десять, одиннадцать, двенадцать секунд Кэнди повисла в воздухе в нескольких футах от днища Бурехода, который продолжал лететь навстречу своей гибели. Земля была видна сквозь решетку из

многочисленных молний, выпущенных Буреходом в отчаянной попытке замедлить ход. Если бы она приземлилась в центре этого хаоса, то немедленно бы погибла.

Абаратараба удерживала ее в воздухе до тех пор, пока судно целиком не прошло над головой. Лишь тогда она опустилась на землю. И теперь, глядя на северный берег Окалины (ее зрение обострила сила, пылавшая в ее клетках), она нашла повод улыбнуться. Там находилась огромная толпа людей — она знала, что их около семи тысяч, — и все они бежали от Края Мира навстречу ей. За их спинами остатки глифа теряли последние отблески плотности, когда с него спускались оставшиеся пассажиры. Глиф сделал свою работу и теперь растворялся, возвращаясь в эфир, из которого был рожден.

Момент покоя был краток, почти сразу сменившись грохотом разрушения, сотрясшим землю, на которой Кэнди стояла. Быстро повернувшись, она успела увидеть, как Буреход вонзил свой нос в кратер, где когда-то был пик горы Галигали, а ныне зияла рваная рана, плюющаяся огнем и камнями на сотни метров вокруг.

Там корабль и остановился. В более счастливом мире все бы закончилось правильно. Злодеи сгорели бы во всепоглощающем пламени, а те, кто избежал казни, вернулись бы домой, к прежней жизни и своим любимым.

Но это не был счастливый мир.

Глава 69
На каждый нож — пять сердец

Зефарио лежал во тьме Бурехода и без страха слушал, как замедляется его пульс. Он умирал. Скоро его измученное сердце начнет пропускать удары и, наконец, стихнет полностью. И будет свет, а в этом свете он вновь увидит свою семью, чьи невинные души отправились в рай много лет назад. Он всегда представлял это место как сад — сад, где цветы никогда не увядают, а плоды не бывают червивыми. Там его любимые живут в радости, неподвластные боли и страданиям. И скоро он будет вместе с ними. Очень скоро.

Но пока он лежал во тьме, и его конец приближался, то же делал Нефаури. Он не собирался отпускать его в тихое, спокойное место, где играли его дети — по крайней мере, не совершив последнее насилие. Он начал толкать его до тех пор, пока Зефарио не перекатился на живот. Он застонал. Тонкие волокна вонзились в его спину, но на этот раз не для того, чтобы сдвинуть с места, а чтобы внедриться в его клетки в четырех или пяти местах.

Он не мог сопротивляться. В нем не осталось сил. Что значила эта последняя жестокость? Она лишь ускоряла приход смерти, наполняя его тело столь чуждым веществом. Или так ему казалось. Однако нет. Чем глубже Нефаури заполнял его плоть, тем увереннее билось его сердце. И тем быстрее он удалялся от яркого, прекрасного образа сада.

— Нет, — пробормотал он. — Отпусти меня к ним. Пожалуйста, я не хочу жить.

— Твои желания не играют для нас никакой роли, — ответил Нефаури. — Ты нужен нам живым. Поэтому ты будешь жить.

Надавив, он поднял его, и под тяжестью собственного веса Зефарио повис на шипах Нефаури: полностью обездвижив его, они появились из груди и живота с другой стороны. Он был беспомощен — марионетка, а не существо, обладающее свободной волей.

Так, неся его перед собой, Нефаури покинул храм в поисках почитателей, оставив Кристофера Тлена во тьме.

Бабуля Ветошь чувствовала вкус собственной крови. Когда Буреход налетел на вулкан, она прикусила язык. Но если не считать этой несерьезной раны, она осталась невредима. Матриарх поднялась. Судя по всему, корабль лежал на боку,

поскольку поверхность, наиболее близкая к горизонтальной, еще несколько секунд назад была одной из стен коридора. Она подошла к ближайшей двери, полная ярости от того, что девчонка вновь ускользнула. Неважно. Они на Краю Мира. Маленькой ведьме некуда идти.

Ближайшая дверь оказалась прямо над ее головой. Она была тяжелой, но Бабуле Ветоши потребовалось лишь одно краткое движение воли, чтобы сорвать ее с петель. Тогда она проговорила:

— Йе-
та-
си-
ха.

И поднялась по ступеням из дыма, возникшим у нее под ногами. По ту сторону стен ее глазам предстали разрушения столь масштабные, что могли бы даже понравиться, не будь это ее собственный Буреход. Однако она не медлила. До нее доносились звуки, похожие на смертные стоны раненых гигантов; они шли со всех сторон — последние жалобы огромной машины, тонувшей в кипящем котле кратера Галигали.

Придет время, и появятся другие смертоносные машины, думала она. Буреход был только намеком на великие механизмы уничтожения, которые способны задумать Нефаури. Некоторые из них она видела собственными глазами, впервые войдя в Звездную Дверь, чтобы найти их, рискуя своей душой и психикой. Но сейчас, при мысли об их силе, о том, сколь много тайн они ей поведали, она почувствовала, как ее усталые ноги начинают ступать увереннее. Забравшись наверх, она повернулась спиной к источнику жара и посмотрела на видневшийся сквозь дым клочок неба. Откуда-то до нее долетал прохладный воздух. Она пошла ему навстречу и в конце концов вышла из корпуса разбитого судна на крутой склон Галигали.

Здесь она была не одна. Десятки заплаточников избежали пожара и стояли теперь под ночным небом; многие из них горели, но не обращали внимания на пламя. Они не чувствовали боли. Никто даже не стонал.

Она попыталась подсчитать их примерное число, но тщетно. Заплаточники продолжали вылезать из разбитого судна, их воля к жизни была неугасима даже перед лицом травмирующих увечий. У многих были ужасные раны, кто-то выполз из Бурехода без ног. Эти раны давали возможность грязи Тодо покинуть ограничивающее пространство грубо сшитых тел, однако она оставалась верна форме, которую приняла, и существам, которыми стала.

Они знали, что их Императрица где-то рядом, поскольку,

когда она появилась из Бурехода, они ее ждали, окружив яму с лавой, равнодушные к пылающему жару. Когда она взлетела в воздух над местом катастрофы, они издали звук, ставший для нее неожиданностью — низкое радостное гудение, словно наделяющее ее статусом божества.

— Вы хорошие, преданные солдаты, — сказала она. — За эти минуты вы заслужили доказательства моей любви. Я подниму вас выше, чем любого из тех, кто когда-либо рождался, поскольку хоть вы и сделаны из грязи, но гораздо ценнее.

Заплаточники вновь загудели.

— А теперь слушайте. Эта Ночь еще не окончена. Взгляните на них, на тех, кто находится внизу. Они в ловушке. За их спинами — Забвение, впереди — огни Галигали, а между ними — мы. — Она засмеялась. — Теперь у нас нет восьмитысячной армии. Поэтому на каждого из вас придется четыре или пять сердец вместо одного. Итак, да будет пять сердец. Вперед, мои воины, вперед!

Из потерпевшего крушение корабля донесся тихий, но бесконечно более ужасный голос, чем тот, что принадлежал Бабуле Ветоши. Он произнес лишь одно слово:

— *Стойте.*

Хотя Кэнди находилась в самом низу горного склона, благодаря магии Зефарио она видела и слышала то, что происходило на кипящей вершине вулкана. Из разрыва в боку Бурехода появился Нефаури, словно жидкое пятно, изливающееся сквозь отверстие. Воздух вокруг него дрожал; расширяясь, он разделился на два рваных дымовых столба. К своему ужасу, Кэнди увидела, что существо тащит перед собой живой трофей — Зефарио Тлена. Он был ранен, по его одежде стекала кровь. Но когда Нефаури двигался, Зефарио подавал слабые признаки жизни. Несмотря на все, что вытерпело его тело, он до сих пор был жив.

Нефаури полностью появился из корабля, и Бабуля Ветошь склонила перед ним голову. Сложенные фактурные формы внутри создания отреагировали, собравшись в центре; их головы соединились в аморфном пятне пришельца, напоминая черное солнце, от которого расходились сотни растрепанных щупалец, покачивавшихся внутри рассеянных энергий Нефаури.

Выразив почтение существу, Бабуля Ветошь отвернулась от своей армии, число воинов которой продолжало увеличиваться по мере того, как из корабля появлялись новые горящие заплаточники, и прошептала только один приказ. Кэнди услышала слова Ведьмы ясно и отчетливо.

— Убить всех.

Глава 70
Одни камни

Кэнди смотрела, как горящая, нестройная армия заплаточников спускается со склонов Галигали, как перед ними шествует императрица, одетая в платье из душ, а позади них и над ними плывет Нефаури вместе с полумертвым Зефарио, висящим в темном воздухе, словно ужасный трофей. Ей вспомнились фрагменты песни, впервые услышанной на Балаганиуме. Бессмысленный стишок, который она негромко напевала, наблюдая за спускающейся армией:

— У меня простудился нос,
Я то чую им, то нет.
У меня простудился мозг,
Я едва не схожу с ума.
У меня простудились ноги,
И теперь я сижу на пороге.
У меня простуда,
Простуда,
Простуда…

Пока чудовища спускались, она смотрела на них, понимая, что не в состоянии их остановить. Повернувшись к толпе, которая появилась из глифа, она увидела, что к ней идут Шалопуто и Газза. Газза махал ей рукой. Она вновь посмотрела на приближающихся врагов. Они были в пяти минутах ходьбы. Не больше.

Тогда она побежала к Шалопуто и Газзе. Тот был уже близко и крикнул:

— Ты в порядке?

— Не знаю, — ответила она. — Вряд ли.

Когда она подбежала, он раскрыл руки и крепко обнял ее. Она ответила столь же крепким объятием, и это заставило Газзу сжать ее сильнее. Шалопуто обнял их обоих, на что никто не возражал.

— Что нам теперь делать? — спросил Шалопуто.

— Мы должны защищаться, — ответила Кэнди. — Другого выбора нет.

— Я обеими руками за хорошую драку, — сказал Газза, — но у нас нет надежды победить. Взгляни на них! Они горят и все равно идут. Нет ног, а они ползут.

Кэнди посмотрела в сторону вулкана. Приближение заплаточников выглядело поистине устрашающим. Хотя несколько наиболее поврежденных существ в конце концов погибли на склоне горы, гораздо большее их число продолжало свой нетвердый спуск.

— Абаратараба полностью использована, — сказала Кэнди. — Во мне еще есть магия, но боюсь, что больше никаких глифов.

— А если попытаться сбежать с острова по воде?

— Шансов нет, — сказал Шалопуто. — Изабелла переливается через Край Мира. Если мы попадем в эти воды, то тоже свалимся.

— Будет много жертв, — мрачно произнесла Кэнди. — Мы должны стоять здесь.

— Нас все равно привезли сюда умирать, — напомнил ей Шалопуто. — По крайней мере, так у нас есть шанс.

Из глубин Галигали донесся еще один взрыв, настолько мощный, что разорвал переднюю половину Бурехода. Это не отвлекло Бабулю Ветошь от приговоренных. Она продолжала идти вниз по дымящему склону.

— Интересно, что произошло с Кристофером? — спросила Кэнди.

— Он там, — сказал Шалопуто.

— Я его не вижу.

— Я видел его, клянусь. Он идет сзади, но он точно там.

Кэнди посмотрела на армию с новым интересом.

— Ты уверен? — спросила она.

— Абсолютно.

— Ха, — сказала Кэнди. — Три поколения Тленов. — Она посмотрела на Газзу и Шалопуто. — Думаю, мы встретим их вместе.

Глава 71
Казнь

Тлен набросил на себя Полог Отвлечения с низким разрешением, чтобы заплаточники, между которыми он шел, не обращали на него внимания, но едва ли это имело значение. Они сосредоточились на тех, кого собирались казнить. Поэтому через некоторое время он просто позволил заклинанию рассеяться, зная, что либо они его не видят, либо им все равно. Только когда Тлен осознал, что девушка из Цыптауна начала идти навстречу армии его бабки — понять выражение ее лица было невозможно, — он вновь вернул себе Полог, скрывшись из вида.

В этом невидимом состоянии у него было немного времени, чтобы привести в порядок свои мысли. Он больше не знал, кому предан, и есть ли какие-то преимущества у той или другой стороны. Много лет он подчинялся приказам своей бабки, большую часть времени выполняя рабскую работу, и что это ему принесло? Смерть и горькое воскресение на каменистом пляже. А любовь? Ха, любовь! Она еще более жестока, чем преданность. По правде говоря, эта любовь чуть его не убила. Возможно, было бы милосерднее, если б так оно и произошло. Но вместо этого из-за любви он выглядел дураком: из него вытянули всю магию, которую он изучил, и оставили ни с чем, даже без поцелуя в качестве компенсации. Он горевал. Небеса знают, как он горевал. Но еще больше он злился; в его сердце полыхал гнев, и чтобы от него избавиться, ему пришлось унизиться до убийства.

Но даже это не стало концом мучений. Через пятнадцать лет в его жизнь вошла девушка из Цыптауна; их пути пересеклись случайно — так он полагал. Она оказалась в руках Мамы Изабеллы, вновь по воле случая — по крайней мере, так ему казалось, — и в результате он узнал, что Кэнди Квокенбуш из Цыптауна несла внутри себя душу принцессы, чьи манипуляции и вероломство лишили его силы и любви. Теперь душа Боа больше не обитала в девушке, но это было не важно. Она все равно действовала так, словно могла противостоять его бабке! Но она ошибалась. Это была уже не та Карга Горгоссиума, злобная женщина, с которой она столкнулась на «Полыни». Власть Императрицы была теперь иного порядка. Почему девушка не понимала этого? Почему она не видела величие союзника его бабки, Нефаури? Понимала ли она, каким взрывоопасным стало это место? Не потому, что вулкан выбрасывал в воздух огонь и камни, а потому, что три поколения династии Тленов впервые

собрались вместе после пожара, который стер будущее этой семьи и вернул всю силу ее старейшему выжившему члену, в тени которой он, самый младший, обречен жить.

Сейчас это было самое ненадежное место во всем Абарате. Чему бы Кэнди не научилась у Боа, в своей основе она была обычным созданием из Иноземья, пусть даже волевым и, возможно, в некотором смысле экстраординарным. Но все равно она была просто человеком, и потайные места ее рассудка продолжали наводнять звери, охотившиеся на обезьян, от которых произошел ее вид. Она никогда не освободится от этого страха, думал Тлен. И это делает ее слабой при встрече с Полуночью.

Но все же она вышла против его бабки, игнорируя собственный страх. Возможно — лишь возможно, — она была чем-то новым. Новым типом женщины.

Если это так, жаль, что она должна умереть.

Две армии сошлись. Императрица посмотрела на Кэнди без видимых эмоций.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Я пришла, потому что увидела, как страдает Зефарио, — сказала Кэнди. — Он ваш сын. Разве это не делает вас хоть немного милосерднее?

— Нет, девочка. Я избавилась от милосердия прежде, чем пошла на встречу с Нефаури. Я знала, что они его учуют.

— Значит, вы ничего к нему не испытываете? — спросила Кэнди.

Она не представляла, почему задает эти вопросы, но какая-то причина существовала. Это было семейное дело: Тлены, как и все семьи, имели свои тайны. Когда члены ее собственной семьи собирались вместе, эти встречи неизменно заканчивались руганью и мордобоем. Возможно, здесь тоже был какой-то секрет, способный изменить конец фатальной игры.

— О, я испытываю, — подтвердила Бабуля Ветошь. — Что-то вроде материнской любви, — продолжила она. — Насколько я вообще могу это чувствовать.

— Правда? — сказала Кэнди. Она смутилась. В чем сознается Матриарх?

— Правда, — ответила Ведьма. Она взяла одну из потрепанных кукол, что свисали с ее платья. — Я хочу, чтобы его душа была здесь, — сказала она. — У моего сердца.

Кэнди ничего не ответила. Она чувствовала, что ведьма еще не договорила. Ей было что сказать. И когда она, наконец, продолжила, то произнесла всего пять слов:

— Он не будет там одинок.

Вот оно, поняла Кэнди. В этом вся суть, в этих словах.

Он не будет там одинок.

На лице Ведьмы проступила ужасная злоба. Глубочайшая порочность. Но почему?

Он не будет…

Кэнди посмотрела на куклу, затем на Матриарха, надеясь отыскать ответ в ее лице. Но Бабуля Ветошь уже отворачивалась, сосредоточив свою энергию на висящем теле Зефарио.

— Взгляни на себя: такой старый, такой сломленный. Когда-то я держала тебя у своей груди. — Она начала идти в его сторону. — Умри же, — тихо произнесла она. — Отдай мне свою душу.

Она медленно протянула к нему руку, словно была способна вытянуть душу из тела. Зефарио издал мучительный звук, нечто между воем и плачем, крик человека, теряющего рассудок.

Такого Кэнди выдержать не могла. Невозможно было просто стоять и смотреть, как Ведьма продолжает его мучать. Она должна что-то сделать. Кэнди не знала, чем было это «что-то», но у нее была воля, и она могла ее использовать. Какие бы решения судьба не вложила в ее голову, сердце или руки, она это сделает. Все что угодно, лишь бы прекратить страдания.

Она пошла к Ведьме, которая погрузилась в наслаждение от мучений ее собственной плоти и крови и не следила за тем, что происходит за ее спиной.

— Прекрати! — сказала Ветошь сыну. — Это бесполезно. Я твоя мать, Зефарио. Я привела тебя в этот мир и сейчас я тебя из него заберу.

Каждое произнесенное слово ускоряло шаги Кэнди. Она сделает все, чтобы Ведьма пожалела о своей жестокости, думала она. Но проще было сказать. Судьба не наделила ее никакими средствами, чтобы поставить Бабулю Ветошь на колени. Она выходила против Императрицы Абарата с голыми руками. Но если это должно быть так, то пусть так оно и будет.

Не задумываясь о том, что делает, Кэнди прыгнула, и остатки магии Абаратарабы наделили ее прыжок дополнительной силой.

Не глядя, Ведьма развернулась и ударила Кэнди тыльной стороной руки.

— Подкрадываешься *ко мне?* — Она ударила ее во второй раз, и Кэнди, не имея ничего, чем можно было бы защититься от ударов, упала на землю. — *Ты настолько меня достала,* — произнесла она, с нескрываемой злобой ударив Кэнди в третий раз, — *что я буду бить тебя, пока твое сердце не остановится*.

Бросать слова на ветер Ведьма не собиралась.

— *Ты,* — ударила она.

— *Глупое.* — И вновь.

— *Маленькое.* — И снова.

— *Ничтожество.*

— *Прекрати!* — закричал Шалопуто.

Краем глаза Кэнди увидела, как он бросился между нею и Ведьмой. Он отвлек Бабулю Ветошь, и Кэнди смогла сделать вдох, но это вмешательство обошлось ему дорого. Императрица бросила взгляд на двух ближайших заплаточников и схватила кинжалы, которые те держали в руках. Кэнди глубоко вдохнула и крикнула:

— Беги! Шалопуто, БЕГИ!

Но даже если бы он и хотел оставить Кэнди — чего он делать не собирался, — его смертный приговор уже приводился в исполнение. Лезвия вошли в него слева и справа. Кэнди слышала, как он вскрикнул, лишь раз, а потом кинжалы с невероятной скоростью разрезали его, отделив голову от шеи, запястья от рук, а руки от корпуса. Ужас и ярость лишили Кэнди дара речи. Ни одна частица ее энергии не потерялась на бессмысленные слова. Вся она перешла от сердца в руки. Она схватила юбку Бабули Ветоши и потянула ее, чтобы подняться на ноги.

Она убила Шалопуто.

Ее дорогого Шалопуто, который говорил, что они с Кэнди вместе на века, и никакая Полночь этому не помешает. Но Ведьма отняла его у нее. Разрезала на части привычным жестом, словно его жизнь ничего не стоила, его любовь ничего не стоила, словно его тело было куском мяса, а она — мясником за привычной работой…

Поднимаясь, Кэнди встретилась взглядом с Бабулей Ветошью, и на краткий миг Ведьма отступила; ее императорская персона была потрясена, встретив в глазах Кэнди такую сильную ненависть.

Но ее, конечно, было недостаточно, чтобы пошатнуть гордыню Карги.

Она убила Шалопуто.

Ни одна смерть не была настолько ужасной, чтобы отомстить за это убийство. Кэнди хотела превратить кости Ведьмы в пылающее дерево, кровь — в бензин, и смотреть, как Матриарха поглощает та самая стихия, которой много лет назад она убила свою собственную плоть и кровь. Но у Кэнди не было магических возможностей устроить такую казнь. Она должна нанести ей тот урон, какой был в ее силах, голыми руками и пальцами выдрать злобные глаза Матриарха, вырвать ее лживый язык из гниющего рта. Она начнет с глаз…

Но у Ведьмы не было настроения умирать. Она крепко схватила руку Кэнди и начала сжимать так сильно, будто собиралась покрошить ее кости в муку.

Одной рукой держа Кэнди, она вытянула другую. Ее императорское достоинство вновь не пострадало. Как и сила, которая ей сопутствовала. Она пробормотала несколько слов, и один из широких кинжалов, рассекших Шалопуто, влетел в ее протянутую руку. Пальцы сомкнулись на липкой рукояти.

— С меня более чем достаточно, Кэнди Квокенбуш.

Сказав так, Императрица подняла высоко над головой кинжал.

Кэнди не желала радовать старуху своим испугом. Она продолжала подниматься, цепляясь за все, что попадалось ей под руку, будь то старинная ткань платья или одна из кукол. Ее синяки болели, в голове пульсировало, но она не спускала глаз с индюшачьей шеи Бабули Ветоши, даже когда нож начал со свистом опускаться.

Глава 72
Истина

Он так ее и не коснулся. В восемнадцати дюймах от тела Кэнди нож обо что-то ударился — о нечто невидимое, однако достаточно твердое, чтобы сломать лезвие, словно оно было изо льда.

— Кто это сделал? — спросила Бабуля Ветошь. — Кто это сделал? — Она посмотрела на Кэнди. — Не ты, так что даже не пытайся приписать это себе. — Она протянула руку к лицу Кэнди и оттолкнула ее. Внезапно ее жизнь и смерть стали для Матриарха не важны. Кто-то оказал сопротивление императорской воле, и она хотела знать, кто это был.

Она повернула свой черный взгляд к тем, кто стоял рядом с ней, пристально всматриваясь в каждого грязного, обгоревшего заплаточника, чтобы оценить вероятность его вины.

— Это был ты? Нет, ты слишком глуп. Ты? Нет. У тебя горят мозги. Может, ты? Нет, еще один кретин. Никому из вас не хватает гордости объявить о себе?

Тишина.

— Что, вы все — грязь и трусость? ВСЕ ВЫ?

Наконец, усталый голос произнес:

— Не надо истерик, старая кошелка. Если для тебя так важно… *это сделал я.*

Толпа заплаточников расступилась, и из-под Полога Отвлечения появилась фигура.

— Ты, — сказала Ведьма.

— Я, — ответил Кристофер Тлен.

— Почему ты постоянно мне противоречишь?

— О, небеса. Просто я не хотел, чтобы ты убила девушку.

— Я спрошу вновь: почему? У тебя была причина защищать ее, пока в ней сидела твоя принцесса. Но *сейчас?*

— Не знаю, — сказал Тлен. — Но пожалуйста, не делай…

Ведьма секунду подумала и сказала:

— Хорошо. Тогда услуга за услугу.

Тонкие губы Тлена скривились.

— Чего ты от меня хочешь?

— Скажи своему отцу, Кристофер, — произнесла Бабуля Ветошь, — скажи ему, что его примут с радостью.

Кэнди поворачивала эту фразу в голове и так, и эдак, пристально наблюдая за лицом Тлена. Она склонялась к тому, что здесь кроется какая-то тайна, семейный секрет, раскрытие

которого приближалось. Она до сих пор не понимала, что это. Единственный ключ — в странном замечании Ведьмы о том, что после смерти ее сын не будет один.

Кто еще был пленником кукол Бабули Ветоши? Другая душа — или *души,* возможно? Да, их было несколько, в то же мгновение поняла она, и все они являлись пленниками этих грязных кукол из тряпья и лоскутов.

И внезапно ее озарило.

— *Дети!* — сказала Кэнди. — *Боже, она забрала всех детей!*

Поначалу Бабуля Ветошь не ответила. Она с невероятной скоростью приближалась к Зефарио, начиная петь ему смертельную песню. Но возглас Кэнди заглушил убийственную мелодию.

— Заткни ее, — приказала она Тлену. — Живо, идиот. Заткни ей рот!

— О чем она говорит?

— Неважно, о чем она говорит! Просто *ЗАТКНИ ЕЕ!*

На несколько секунд Ведьма отвела взгляд от Зефарио, посмотрела на Тлена, и его лицо осветилось взрывом жгучего, горького зеленого света, словно она погрузила его голову в гниющие воды. Это был новый прием, и лишь огромным усилием воли он смог сдержать отвращение.

— *Ты меня слышал?* — произнесла Ведьма.

— Да, — ответил Тлен.

Другого урока от Императрицы он получать не желал. Способность превращать его святилище в яд демонстрировала пугающий рост ее умений. У него не было иного выбора, кроме как подчиниться. Он поплелся к Кэнди; его голова гудела из-за яда, и по пути он говорил:

— Ты должна была уйти, когда я просил тебя об этом. Теперь мне придется тебя убить.

— Ты слышал, что я сейчас сказала? — спросила Кэнди.

— *Больше ни слова!* — рявкнула Бабуля Ветошь.

Она боится, подумала Кэнди. *Я узнала правду!*

Неожиданная уверенность придала ее голосу сил.

— Тлен, послушай меня! У нее твои братья и сестры! — Тлен удивленно посмотрел на нее сквозь странно окрашенную жидкость в воротнике. — Внутри кукол. Она держит всю твою семью здесь, на самой себе.

— *ЗАТКНИ ЕЕ!*

— Твой отец думает, что они в раю. Это помогало ему сохранить рассудок. Но все ложь, Кристофер. Еще одна жестокая, злобная ложь. Их души всегда были с ней.

— В куклах? — Теперь он начал понимать.

— В куклах.

— И *моя мать* тоже?

— Не спрашивай меня. Спроси…

Тлен уже поворачивался к своей бабке.

— Это правда? — спросил он. — Правда или нет?

— Ты еще не перерезал ей горло?

— Я задал тебе вопрос.

— Ты действительно хочешь знать?

— Я задал вопрос.

— Ты же меня знаешь. Я бережлива. Ничто не должно пропадать. Тем более если это можно превратить в силу. Я не собиралась отпускать все эти души в рай, поскольку могла использовать их *здесь,* рядом с собой. В конце концов, они моя семья. Моя плоть и кровь. Они бы не существовали, если б я не вытерпела осквернение своей утробы. Я даже позволяю им чувствовать друг друга — это дарит им надежду. И они тоскуют по тому, что больше никогда не увидят, никогда не коснутся, хотя так близки. — Она провела тощими пальцами по куклам. — И чем дольше я держу их, тем глубже их тоска.

Наблюдая за Тленом, который все это слушал, Кэнди показалось, что она уловила в его глазах отблеск того, чего раньше в них никогда не было. Она видела его опасным и отчаявшимся, любящим и потерянным. Но это выражение было новым и уникальным. Ненависть.

— Почему ты мне не сказала? — спросил он.

— А какое тебе до этого было — и *есть* — дело?

— Они мои братья и сестры.

— Ты никогда их не знал. Почему тебя это так заботит? Раньше тебе было все равно.

— Я думал, они в счастливом месте.

— Кто знает, что они чувствуют сейчас?

— Они чувствуют *всё…* — сказала Кэнди.

— *Заткнись,* — проскрипела Ведьма.

— *Они чувствуют всё…*

— Я…

— … *потому что они связаны со всем.*

— …ТЕБЯ УБЬЮ!

— *Если бы они не были связаны, в них не было бы силы,* — упрямо продолжила Кэнди. — *Ты высасываешь только то, что приходит через них. Но это приходит от всего и отовсюду.*

— Девушка говорит правду, — тихо сказал Зефарио.

Кэнди посмотрела на отца Кристофера Тлена, глядящего на сына слепыми, кровоточащими глазами.

— Я должен тебе показать? — спросил он у Кристофера.

Тлен ничего не ответил.

— Тогда должен.

В жидкости воротника появились нити бледно-кремового тумана, похожие на повязку, скрывая невинный голубой цвет его глаз, их черный центр и его кошмаров.

Это колдовство отца, подумала Кэнди. Тлен не сопротивлялся. Зефарио показывал своему сыну отблеск мира, который они оба потеряли: братьев и сестер Тлена, чей смех, визги, слезы и молитвы он не раз себе представлял.

— Твоя мать оставалась в доме до самого конца, — произнес Зефарио. — Мне пришлось выносить ее оттуда на себе. Так я получил свои ожоги. Я начал плавиться в том жару.

— Абсурд, — пробормотала Императрица.

— *Ты знаешь, что это правда, мать,* — сказал Зефарио. — Так это и было, Кристофер. Видишь? *Видишь,* что сделала твоя любимая бабушка?

Конечно, Кэнди, не могла увидеть то же самое, но этого и не требовалось. Она прекрасно знала, что именно Тлен Старший показывал Младшему: его мать в момент смерти. Однажды Тлен сказал Кэнди, что это был первый образ, который он помнил, хотя тогда еще не знал, что так умирала его собственная мать. Она была похожа на кричащий столб огня.

— Я видел достаточно, отец, — произнес Тлен.

Образы лишили его сил; он попытался подняться на ноги, не в состоянии видеть ничего другого, кроме ужаса, который ему показывали.

— Отец, — сказал он вновь, на этот раз более резко. — *Пожалуйста*. Я вижу твои воспоминания. — Он, наконец, поднялся. — Я тебе верю.

Когда он произнес эти слова, облака в его воротнике рассеялись. Глаза Тлена никогда не были такими голубыми, как сейчас, а зрачки никогда не были так черны.

Глава 73
Души

Тлен медленно поднял голову. Его очистившийся взгляд был сосредоточен на Бабуле Ветоши.

— Теперь я вижу тебя ясно, бабушка, — сказал он.

— Ясность твоего зрения ни в малейшей степени меня не беспокоит, — ответила Императрица.

— Мои братья и сестры…

— Мертвы.

— … должны быть в раю.

— Они не в раю. И они там не будут. Они — часть силы, которая вознесла тебя на вершину.

— Отпусти их.

— Нет.

— Я могу тебя заставить.

— Попробуй, — сказала Императрица. — Но это последнее, что ты сделаешь в своей жизни.

— Да будет так, — ответил он.

И после этих слов он напал на нее, бросив перед собой заклятье. Оно взорвалось у ее лица, словно колючий черный шар. Не дав ей возможности восстановиться, он ухватил ее за горло, собираясь задушить, и потащил перед собой, спотыкаясь среди заплаточников.

Кэнди уже видела одну их встречу лицом к лицу на палубе «Полыни». Ей не хотелось смотреть на эту битву вновь. Она тревожилась о бедном Зефарио. Пронзенный Нефаури, он тем не менее цеплялся за жизнь. Она подошла ближе. Когда она приблизилась к Врагу Всего Живого, температура резко упала: неестественный холод внедрял в ее связки и костный мозг ледяные иглы, и с каждым шагом ей было все труднее идти. Но это ее не останавливало.

Почувствовав ее боль, Зефарио поднял голову. Когда он заговорил, это был едва слышный шепот, последние слова измученного человека, использующего остатки силы, чтобы продолжать жить.

Абаратараба еще в тебе, прошептал он.

Я ее не чувствую, ответила Кэнди.

Она там. Без нее ты никогда не подошла бы так близко. Не так ее и много, но…

Что это значит?

Что именно?

Абаратараба.

…в примерном переводе… Части Жизни.

Тогда возьмите эти Части Жизни обратно. Закончите все это. Освободите их.

В твоем сознании есть дверь, которую создала Диаманда, поселив в тебе душу Боа. Она сделана не из дерева и не из металла. Это вход в твое существо.

Я знаю эту дверь.

Тогда открой ее. Быстрее.

Я уже ее открыла.

Действительно, ты открыла.

Это будет больно?

Не моя душа, которая в тебя войдет, причинит боль, ответил Зефарио, *а то, что я через тебя выйду.*

Почему?

Потому что я войду в тебя через одну дверь — ту, которую ты открыла. Но я собираюсь освободить все души и поэтому выйду из многих.

Вы говорите о дверях, которые еще не были сделаны?

Наверняка есть лучший способ это объяснить, но у нас нет времени…

Забавно. Мы живем на островах Часов и никогда ни для чего не находим времени…

Я иду.

Внезапно Кэнди почувствовала, как нервы ее головы словно обнажились, и в нее вошла жизненная сила Зефарио. Это было странное, приятное и необычное ощущение близости. Не то же, что присутствие Боа, но нечто схожее. Она чувствовала, как гнев Зефарио направляет ее силу к своей цели, укрепляя перед встречей с чудовищем.

Ведьма не заметила краткого разговора Кэнди и Зефарио. Она была слишком занята борьбой с внуком. В отличие от битвы на палубе «Полыни», где силы обоих были равны, сейчас равновесие сместилось в пользу Ведьмы. В своем распоряжении она имела магию и силу Нефаури, а Тлен не имел ничего, что могло бы с ней сравниться. Кэнди повернулась в тот момент, когда Тлен упал на землю, представлявшую собой хаотическую картину дымящихся трещин. Кошмары в его воротнике извивались, словно обезумевшие, истекая тьмой в жидкость вокруг его головы. Что бы она с ним ни делала, шансов у него не оставалось. Удар, который она собиралась нанести, был бы его концом.

— Императрица, — сказала Кэнди. — Я еще здесь.

Ветошь повернулась:

— Не беспокойся, девочка. Мой сын мертв, мой внук почти умер. Ты следующая.

Когда презрительный взгляд Ведьмы сосредоточился на ней, Кэнди почувствовала силу Зефарио, что двигалась внутри нее. Сила разделилась: двое стали четырьмя, четыре — восемью, восемь превратились в шестнадцать. Он предупредил, что будет больно, и не солгал. Части его разделенной души курсировали по ее телу, отрицая все анатомические преграды, словно крошечные огни прожигали себе путь через кости и мышцы, нервы и вены. Их прохождение было быстрым, но прежде, чем они успели вылететь, Ведьма заметила в Кэнди нечто, вызвавшее в ней подозрения.

— Что ты сделала? — спросила она.

И не стала дожидаться ответа. Она подняла руку, воздух вокруг которой уже становился плотным, и призвала убийственное заклятье. И она бы выпустила его, если б секундой позже Тлен не схватил ее за руку. У него не было сил, чтобы удержать ее дольше нескольких секунд, но этого оказалось достаточно, и расщепленная душа Зефарио полностью прошла сквозь тело Кэнди.

В следующее мгновение он разделился и вырвался на свободу. Боль от исхода его души оказалась едва ли не больше, чем Кэнди могла выдержать. Но она крепилась, несмотря на боль, и ее страдания были вознаграждены чудесным видением: полетом осколков души.

Видя, как в ее направлении летят искры света, Ведьма запаниковала. Она принялась выкручиваться из захвата Тлена, направляя убийственное заклятье на осколки души Зефарио. Но тот ее перехитрил. Разделившись на множество частей, он представлял собой не одно место для удара, а несколько. И пока Бабуля Ветошь пыталась освободиться, части души Зефарио нашли то, к чему так стремились — свою семью.

Все его дети пробудились в присутствии отца, и грязные маленькие куклы, где томились их души, взорвались, словно в каждой подожгли маленький запал. Одна за другой куклы, мрачными рядами висевшие на юбке Императрицы, разрывались на клочки, когда сын или дочь, заточенные внутри них, пробуждались от близости Зефарио.

Кэнди, конечно, не могла знать, что они в этот момент чувствовали: душа, освобождающая душу, освобождающую душу. Но она ясно видела, что это не походило на мирное и спокойное действо. Хотя куклы были маленькими, они взрывались с удивительной яростью: спирали гнилой ткани, словно внутренности, разлетались из плохо сшитых фигурок, как будто на свободу выпускалось что-то одновременно более абстрактное и

более реальное.

Если и можно было по каким-то признакам отличить одного ребенка от другого, а мать — от своих детей, Кэнди сделать этого не могла. Все они выглядели простыми точками света, которые вырывались из своих отвратительных тюрем, сплетаясь одна с другой перед лицом Ведьмы, словно дразня ее долгожданной свободой; затем они образовали облако экстатического света, разраставшееся по мере освобождения новых душ; движение искр было столь стремительным, что их следы в воздухе образовали казавшийся почти плотным рваный шар сияющих нитей, радостно празднующих свое воссоединение.

Влияние, которое все это оказало на Бабулю Ветошь, было катастрофическим. Как только взрывалась очередная кукла, ее тело вздрагивало; степень этих конвульсий нарастала, и она сама начала походить на марионетку, беспомощно дергаясь в хватке сил, которыми не могла управлять.

Но она не сдавалась. Дважды она пыталась призвать заклятья, чтобы отогнать Зефарио, однако сила, с которой ее швыряло туда-сюда, не позволяла ей даже вздохнуть, чтобы их закончить. Лишь раз она сумела произнести три слова, глядя в эту секунду на Кэнди.

— Я ТЕБЯ НАЙДУ, — пообещала она.

Это была довольно прозаическая реакция на те невероятные события, которые сейчас происходили, но Кэнди слишком хорошо знала злобу проклинающей ее женщины, чтобы просто отмахнуться от этих слов. Да, Императрица Абарата была низвержена. Да, души, которые она так оберегала, стали свободны, и теперь с ее платья свисали разорванные остатки их тюрем. Да, сейчас она была слаба и, возможно, могла быть уничтожена.

Но никто из стоявших или лежавших здесь не знал, как это сделать. Минуту назад, спускаясь со склона Галигали с армией горящий убийц, следующих за ней по пятам, она воплощала имперскую власть. Теперь на ней были лохмотья. И все же она оставалась опасной и слишком непредсказуемой для любого, кто решился бы ее прикончить.

По правде говоря, внутренние раны спасли Кэнди жизнь: после того, как душа Зефарио прошла сквозь ее тело, сила в ней полностью исчезла. Если бы Ведьма взяла камень, то без труда могла бы выбить Кэнди мозги и в мгновение ока уничтожить свою противницу.

Но Императрице была невыносима мысль о том, что кто-то видел ее в таком разбитом, униженном состоянии, даже если бы она победила. Единственное воспоминание, которое ей хотелось

оставить после этой битвы — ее триумфальный спуск по склону горы Галигали.

Сдержанно и благопристойно, как приличествует истинной Императрице, она отвернулась от девушки из Цыптауна и быстро произвела магические приготовления к своему отбытию. Она взглянула вверх, в то яркое пространство, где комета из Тленов на краткий мир осветила воздух и исчезла, оставив после себя лишь отблеск рая, видневшегося за дверью, через которую они ушли.

Императрицу больше не мучали конвульсии, вызванные куклами. Неприятности закончились. Она смогла произнести слова заклинания, и из слоя лавы под ногами выросли семь лепестков, закрывших ее щитом из серых и черных пятен, похожих на ядовитый цветок, который еще не расцвел. Когда лепестки были готовы полностью скрыть Бабулю Ветошь, она прошептала последние указания Другому на языке, что был древнее старого абаратского — слова-мысли Нефаури. Кэнди не требовалось знать язык, чтобы понимать, о чем она говорит. Звуки создавали картины, с отвратительной ясностью возникавшие в ее сознании. Она видела, как трескается почва. Она видела бегущую воду. Она видела Пустоту.

Затем лепестки вокруг Бабули Ветоши сомкнулись, полностью закрыв ее от взора окружающих. После этого, свернувшись в самих себя, они исчезли. Когда Императрица пропала, все глаза в Абарате увидели то, что прежде затмевала рука Полуночи — свет. Высохший расплод упал с небес и превратился в пепел.

Триумф был кратким, поскольку Карга оставила после себя Нефаури, попросив о последнем одолжении: сделать так, чтобы те тысячи, что видели ее здесь, никому и никогда об этом не рассказали.

Глава 74
Молот Нефаури

— Кэнди…

Неподалеку стоял Газза с таким видом, будто не был уверен, что все это закончилось, и она вернулась из помраченного состояния, создававшего на ее лице такое странное выражение.

— Все в порядке, — сказала она, взглянув на него. Она позволила ему себя рассмотреть, чтобы он убедился, что его Кэнди вернулась. — *Я* в порядке.

— Это существо…

— Нефаури?

Она обернулась через плечо. В облаке Нефаури вспыхивали яркие огоньки, словно его огромный газообразный разум разговаривал сам с собой, оценивая возможности.

— Она приказала ему не оставлять свидетелей, — сказала Кэнди.

— Значит, теперь он всех убьет?

— Наверное. Если б ты был Императрицей Абарата, хотел бы ты, чтобы кто-нибудь, пусть даже заплаточник, рассказал о том, что он здесь видел? Бедный Шалопуто. Он уже умер. Боюсь, скоро мы последуем за ним.

— Но ты же не сдашься? — спросил Газза. Он был потрясен. — Ты, Кэнди Квокенбуш! Ты не можешь сдаться. А все эти люди, чьи жизни ты спасла? Их здесь тысячи!

— Они… спасли себя сами.

— Возможно. Но ты показала им, как это сделать… и почему.

Он отвернулся и быстро вытер слезы, проведя ладонями по щекам.

— Газ, пожалуйста… — сказала она.

— Все это произошло неслучайно: ты встретила меня, мы оказались здесь. Знаю, ты думаешь, что принесла с собой больше плохого, чем хорошего. И может, Шалопуто был бы все еще жив. Но тогда он ждал бы кого-нибудь, кто найдет его и покажет, как сбежать от колдуна. Однажды ты сказала мне не думать о том, как что-то может происходить, а просто знать, что это происходит.

— Во мне ничего не осталось, Газза. Я не могу сотворить даже орех, не говоря о глифе.

— Мы все равно можем найти отсюда выход.

— Не вижу, как. Мы в ловушке.

Позади них была Пустота; впереди — жидкий огонь горы

Галигали, а по обе стороны острова — бурные воды Изабеллы, переливающиеся через Край Мира в Забвение. Кэнди была права. Отсюда выхода не было.

Тем временем Нефаури откликнулся на последнюю команду Бабули Ветоши; его пассивность внезапно исчезла, сменившись перспективой убийств. Взрывающийся внутри пятнистых областей свет выбросил нити, словно соединяя созвездия во взмученной внутренней вселенной Нефаури.

По мере того, как каждая нить находила свою цель и двигалась к следующей, ее яркость увеличивалась, как будто в этой геометрии решалось какое-то огромное математическое уравнение; парадоксальным образом теорема касалась упорядоченной эскалации хаоса. Скорость, с которой проводились эти подсчеты, возрастала; очень скоро должна была быть достигнута критическая масса.

— Мы же не будем просто стоять здесь и ждать? — спросил Газза.

— Нет.

— Так мы идем? — быстро и тихо спросил он.

— Да.

— Поворачиваемся и бежим?

— Лучше не бежать. Мы ведь не хотим привлекать к себе внимание?

— Понял, — сказал Газза.

Но в это время заплаточники, преданные своей Императрицей несмотря на ее обещание наградить их, начали сознавать, что Нефаури собирается устроить здесь массовую бойню, и побежали прочь.

Нефаури не знал, с чего начать свое разрушительно дело. Воспользовавшись его отвлечением, Кэнди и Газза начали медленно, шаг за шагом, отступать по горячей земле. Они сделали девять шагов, и связь черных созвездий исчезла. Клубящееся движение продолжалось, но теперь темнота начала собираться в одном месте. Если у существа мог быть глаз, то, вероятно, это он и был.

— Оно на нас смотрит, — сказала Кэнди.

— Да, мне тоже так кажется.

— Может, нам лучше…

— Остановиться? — спросил Газза.

— Да.

Они остановились. Но это не помогло. Глаз продолжил притягивать нити темноты. Очень скоро он исчерпает возможности увеличения тьмы и плотности. Тогда его убийственная сила заработает вовсю.

Темнота мерцала. Кэнди посмотрела на Газзу, и в эту секунду один из заплаточников по правую сторону от существа потерял выдержку и бросился бежать. Нефаури повернулся. Не всем телом, а лишь той небольшой частью, где находился притягивающий тьму глаз. Краткий взгляд, посланая вперед смазанная тень, и заплаточник, настоящий громила, исчез, как будто его проглотила тьма. Кэнди и Газза развернулись и помчались прочь. Это было больно. Как же это было больно! Хотя выход души Зефарио ранил ее, и тело Кэнди болело, боль, как ни странно, была хорошей: она говорила, что Кэнди жива, и как это хорошо — быть живой.

Ради такого стоило побегать. Чтобы жить дальше, найти время для всех чудес Часов, помочь исцелить их раны и подольше быть вместе с молодым человеком, мчавшимся рядом с ней. За секунду все это промелькнуло в ее уме, а тело, наполненное яростью и благодарностью, несло ее по искореженной земле — все это и еще одно: тайна Двадцать Пятого часа, Времени Вне Времени. Там хранилась тайна, о которой она не знала ничего, кроме самого факта ее существования, и она никогда не узнает Абарат до тех пор, пока ее не разгадает.

Столько еще дел — исследовать, решать, *чувствовать.* Она не может сейчас умереть!

Бежать по такой земле было трудно; несколько раз они спотыкались и едва не падали, но удерживали друг друга от падения. Был у них и третий спутник, хотя Кэнди его не видела. Их сопровождала одна из абаратских чаек. Кэнди слышала, что где-то над ее головой хлопают огромные крылья, и однажды ей показалось, что она ее заметила, но это был краткий миг, и увиденное выглядело слишком большим и нелепым, поэтому она решила, что бурное воображение играет с ней шутки. Впрочем, сомнений не было — птица летела рядом. Чем дальше они убегали от Нефаури, тем громче хлопали крылья. Наконец, Кэнди замедлила бег и обернулась. Трудно было понять, как далеко они находятся.

Даже за то краткое время, пока они бежали, пейзаж изменился. Ветер поменял направление, и дым от вулкана уходил на север, к Краю Мира. Он почти полностью скрыл собой остатки Бурехода вместе с большей частью северного склона Галигали. Дым рассеивался, только когда приближался к Нефаури. Или же это создание его поглощало? Похоже, так оно и было. Рядом с дымом Нефаури принимал желтушный оттенок, словно вдыхая из облака частицы серы и уничтожая своими необычными способами осколки раскаленного белого камня, которые висели во вселенной Нефаури, похожие на зарождающиеся звезды.

Все это — дым, похищаемое желтое разложение, яркие белые звезды, — она охватила одним кратким взглядом. А затем, осознав, чего она *не* увидела, взглянула вновь.

Заплаточников больше не было. Исчезли все: горящие фигуры, те, что лишь слегка обгорели, и даже такие, кто вышел из Бурехода целым и невредимым. Нефаури уничтожил всех. Теперь ему не было нужды откладывать расправу. Кэнди и Газза стали его единственной целью. И он направился к ним.

В третий раз она не оборачивалась. Не было нужды. Она чувствовала движение пришельца и глубокую дрожь земли, по которой бежали они с Газзой.

Навстречу ним из толпы на дальнем конце острова выходили люди. Во главе этой компании был Джон Хват, который шел, разведя руки в стороны. Жест был оптимистичным, но выражение лица говорило об обратном. Даже на таком расстоянии Кэнди видела, что Хват смотрит мимо Кэнди и Газзы. Он видел Нефаури. Готовилось нечто ужасное, и это невозможно было выразить словами.

— Дела плохи, — сказала птица. — Он нападает.

При звуках этого голоса сердце Кэнди едва не выпрыгнуло из груди.

— Шалопуто?

Она замедлила бег, ища глазами птицу и, не сумев обнаружить, остановилась. Внезапно к ней опустилось нечто и зависло прямо перед лицом. Это действительно был Шалопуто. Точнее, его голова; рана на шее затянулась, а кожистые отростки по обе стороны головы взмахивали, удерживая ее в воздухе.

— Ты жив! — Несмотря на отчаянную ситуацию, она не могла не засмеяться. — Ха! Только посмотри на себя!

— Так рождаются тылкрысы, — произнес он. — Головы с ушами-крыльями. Тела мы можем отрастить вновь. Я выращу новое, когда все это закончится.

— Ты мне никогда не говорил.

— А ты не спрашивала.

— Это самое странное, что я видел в своей жизни, — сказал Джон Ворчун.

— Не согласен, — возразил Джон Змей.

— Ну разумеется ты не согласен! — воскликнул Джон Хват.

— Эй! Я рад, что Шалопуто жив, — сказал Газза, — но у нас все равно неприятности.

Нефаури больше их не преследовал. Он остановился в двадцати метрах от Кэнди, Газзы и Шалопуто. Хотя за время своего путешествия по Абарату Кэнди довелось наблюдать многочисленные образы силы, она никогда не видела ничего, что

могло бы сравниться с этим. Нефаури был огромен — смутная масса противоречий. Несмотря на свою газообразно-жидкую форму, в нем имелись места, где сгустившаяся тьма отливала сталью, и другие, где тонкие линии, нарисованные этой тьмой, прорезали многочисленные предыдущие — сложная матрица перекрещивающихся линий, темнее, чем тьма, в которой они были вырезаны.

— Ого, — сказал Джон Филей.

— Что он делает?

— Ничего хорошего, — ответила Кэнди.

Во тьме возникло нисходящее движение; сила вещества давила на затвердевающую лаву. Она начала трескаться: в земле появились зазубренные щели, которые быстро устремились к Кэнди и Газзе. Ни в движении этих трещин, ни в свете, изливавшемся оттуда, не было ничего мистического. Трещины контролировал Нефаури, и они достигали расплавленной лавы, что двигалась под островом.

Теперь их возвращение к Хвату и остальным было невозможно. Самая широкая из трещин — два метра в ширину, и она продолжала расти, — возникла именно для того, чтобы отрезать их от друзей. Их гнали к северо-западному краю острова, где воды моря Изабеллы превращались в ревущие, неподвластные никакой силе потоки, которые неслись мимо берега Окалины и переливались через Край Мира. Даже берега как такового здесь не было. Черная лава становилась чуть круче, а потом сталкивалась с паникующими водами, падавшими в Забвение.

Нефаури был чужим, его ум — тень на стене комнаты, где повседневностью были худшие зверства, какие только одно живое существо может причинить другому. Все, что он знал, это как насаждать страх и как его умножить. В случае юной ведьмы и ее друзей он просто вынудил их отступать к морю, пока они не оказались перед выбором между двуми смертями — прыгнуть в белые воды Изабеллы и утонуть или упасть в одну из трещин и сгореть заживо.

Таков был его общий замысел. Но трещины на земле продвигались не так быстро, как он планировал. У него возникли более неотложные дела, чем наблюдение за гибелью маленькой ведьмы. Он пришел сюда, чтобы увидеть возвышение женщины по имени Бабуля Ветошь, в чьи руки жрецы его вида вложили большую силу, но по причинам, имевшим отношение к их собственному Великому Замыслу, а не к обслуживанию ее имперских амбиций. Однако, несмотря на элегантность ее плана, она недооценила врага.

Битва оказалась более хаотичной, чем предполагал Нефаури,

но в конце она была выиграна. И все-таки жрецы, которые послали сюда Нефаури, будут недовольны тем, как все повернулось. Чем скорее они узнают новости, тем быстрее смогут предпринять те стратегические изменения, которые сочтут нужными. Нефаури не мог позволить себе ждать. Пришла пора заканчивать с девочкой и рыбаком.

Разрушать землю следовало более эффективно. Для этого у него был план. Он велел своему телу отрастить два рога, куда перенаправил наполнявшую его внутренности тьму. Теперь эта тяжелая тьма вползала в образующиеся рога, превращая их в два молота.

И они опустились: два молота тьмы ударили по израненной земле. В то же мгновение от этого места побежала новая сеть трещин. Зигзаги начали двигаться к Кэнди и Газзе, отделив их от Джонов и сделав шире остальные трещины между Нефаури и его жертвами. Серия новых разломов вынуждала ведьму и ее друзей отступать до тех пор, пока они не оказались на краю узкого берега, у самой воды.

Нефаури поднял свои рога-молоты еще выше и опустил их, словно судья, стучащий молотком при объявлении окончательного приговора. От возникшей ударной волны земля провалилась, отделив от остального острова крошечный клочок земли, где стояла ведьма и ее друзья.

— Плохо, — только и сказала Кэнди.

А потом на эту маленькую сушу с такой силой нахлынули воды, что она больше не могла сопротивляться. Островок оторвался от берега так внезапно, что Газза и Кэнди упали на колени.

Поток поймал их и потащил за собой, туда, где Море Изабеллы терялось в Забвении.

Глава 75
Край Мира

Воды Изабеллы не просто несли клочок суши к границам реальности. Они швыряли его туда-сюда, качая с боку на бок. Впрочем, эти хаотичные маневры не помешали Шалопуто приземлиться на скользкую поверхность, и только кончики его ушей-крыльев не давали голове соскользнуть с покрытой водой поверхности в бешеный прибой, где он наверняка бы утонул. К счастью, Кэнди видела, как он скользит мимо нее, и инстинктивно ухватила его за крылья прежде, чем случилось худшее.

Однако через несколько секунд их всех ожидало нечто еще более грозное. Хотя та граница, где воды переливались через край Абарата, скрывалась за тучей брызг, ее приближение было неминуемо. Чем ближе самоубийственный поток подносил их к последним секундам жизни, тем тише становились воды, их рев и скорость снижались по мере того, как они исчезали за Краем Мира.

— Ты можешь улететь обратно, — сказала Кэнди Шалопуто.

— Зачем мне это делать?

— Потому что мы скоро умрем! — яростно произнес Газза. — Я свою правую руку отдам за возможность убраться с этой проклятой скалы.

— Неужели? И бросишь свою леди?

Газза покраснел.

— Я так знал! — сказал Шалопуто.

— Я тоже знал, — ответил Газза и посмотрел на Кэнди. — С момента, как тебя увидел. Не спрашивай, откуда, но я знал. Я люблю тебя, Кэнди, — продолжил он. — И рад, что, наконец, сказал это сам. Поздновато, конечно, но у меня не было возможности — все время что-нибудь мешало.

Кэнди улыбнулась.

— Что это значит? — спросил Шалопуто.

— Что именно?

— Ты ему просто *улыбаешься.*

Остальные слова утонули в мертвой тишине, когда рев водного хаоса внезапно исчез, и серо-голубой туман, скрывавший место, где воды падали в Забвение, расчистился.

Потоки, несшие к этому месту кусок Окалины, стихли, поскольку здесь море лишалось всякой формы, воли и силы и низвергалось с Края Абарата, разбиваясь на бесчисленные струи

воды, несколько секунд освещенные огоньками, а затем исчезавшие. В реальности, откуда приходили струи, они представляли собой непреодолимую силу, но сейчас это были всего лишь миллионы и миллионы капель, падающих в Бездну.

— Ну вот, — сказал Газза.

Кэнди подумала: «*После этого не будет ни магии, ни видений, ни любви, ни надежды, и…*»

— Нет, подождите! — сказал она вслух. — *Подождите!*

— С кем ты говоришь? — спросил Газ.

— Я хочу еще! — закричала она в Бездну.

— Чего — еще?

— Всего! — ответила она.

— Почему ты улыбаешься? — спросил Газ.

— Мы падаем через Край Мира! — сказал Шалопуто. — Если и есть какие-то хорошие новости, скажи их прежде, чем мы исчезнем навсегда.

— Позже, — ответила Кэнди. — Я скажу тебе позже.

Море исчезало. Клочок земли накренился и начал падать. Но прежде, чем упасть, Кэнди обернулась назад, к берегу Окалины, и с потрясающей ясностью увидела Джона Хвата и его братьев. Все они смотрели на нее, стоя так близко к краю воды, что каждая новая волна могла смыть их вслед за собой. Казалось, они звали эту судьбу, встав рядом с гибельной опасностью.

— *Возвращайтесь!* — закричала им Кэнди, сомневаясь, впрочем, что ее можно будет услышать.

Джон Хват сложил руки у рта и вместе с остальными братьями попытался ей что-то крикнуть. Но здешний воздух не переносил звуков, и тишина между берегом и морем не нарушилась. Затем островок накренился и перевалился через Край, туда, где исчезало Море Изабеллы.

Вниз, вниз, вниз…

Братья Джоны закричали одно лишь имя — ее, разумеется.

— Кэээндиии!

Бесполезно. Ничего не изменилось. Воды унесли Кэнди, Газзу и Шалопуто за собой, и братья Джоны потеряли их из виду.

— *Она погибла!* — крикнул Хват.

— *Это невозможно,* — сказал Филей.

— И тем не менее это так! — разозлился Хват.

— Но… но… она собиралась все исправить, — прохныкал Джон Ворчун.

— Ничего бы не сработало, — сказал Змей. — Такой твари, как Нефаури, невозможно сопротивляться. Она всех нас убьет прямо сейчас.

Змей обернулся и посмотрел на Нефаури. Однако на этот раз

его худшие опасения не подтвердились. Тот, Кто Ходит За Пределами Звезд, отбывал прочь. Обещания — пустяки, которым отвлекали себя эфемерные создания. У Нефаури были свои, более важные дела. Тварь развернула свою массивную форму и направилась сквозь дым к вулкану. Его движение вытягивало из клубящегося воздуха серу, и цвет Нефаури становился все глубже, приобретая ослепительную желтизну. Затем, словно набрав из дыма огромный заряд силы, он ускорил движение и раскрыл свои космические одежды, похожие на темный парус, наполненный ветром; они раздулись, он начал стремительно подниматься над землей, все дальше от отравленного воздуха, и через десять секунд полностью скрылся из вида.

— Что ж, это было скучно до невозможности, — заметил Змей.

— Только ты, Змей, можешь жаловаться, что наш палач улетел! — сказал Джон Филей.

— Я лишь говорю, что это немного…

— *Змей, заткнись,* — сказал Хват. В его голосе была нескрываемая ярость. — Разве ты не понимаешь, что это значит?

— О, — сказал Змей после значительной паузы. — О нет.

На этот раз в его голосе не было сарказма или неискренности.

— Она мертва, — сказал Джон Соня.

— Не мертва, — ответил Джон Ворчун.

— Да, Ворчун, мертва.

— Мы этого не знаем, — проговорил Джон Удалец.

— В первый и, возможно, в последний раз я согласен со Змеем, — сказал Соня. — Нет смысла отрицать то, что мы видели собственными глазами.

— А что мы видели? — спросил Джон Хнык. — Не очень-то и много. Я, например, не видел, как они умерли.

— Ты хватаешься за соломинку, брат. Они упали с Края Мира.

— Это так, — согласился Соня.

— Они упали, без вопросов, — сказал Джон Ворчун.

— И возможно, все еще падают, — добавил Филей.

— Что же с ними происходит? — спросил Хнык.

— Она выживет, — сказал Джон Змей с нехарактерным для него энтузиазмом. — Если кто-то способен выжить, упав с Края Мира, то это она.

Джон Хват перестал злиться и вернулся к обдумыванию того, что видел. Но ничего не менялось. Изабелла все также стремилась к собственному исчезновению; мелкие брызги, которые туманом висели там, где ее воды падали вниз, на миг рассеялись, и тут же

вновь скрыли то место.

— На что ты смотришь, Хват? — спросил Ворчун.

— На все. И ни на что, — ответил он.

— Пустая трата времени, — сказал Ворчун. — Мы должны заняться делами. Важными делами.

Хват продолжал смотреть на море.

— Какими, например? — спросил он.

— Да ладно, Хват, — сказал Ворчун. — Ты все прекрасно знаешь, как и я.

— Даже не представляю.

— У нас есть тело, которое надо похоронить, — сказал Хнык.

— Приятная перспектива.

— И Восемь династий, с которыми тоже надо что-то делать.

— Мы не можем делать это одни.

— Вообще-то прежде, чем появилась она, мы жили своей жизнью, — напомнил Джон Филей.

— Да, Джон, но мы *ждали,* — ответил Хват. — Разве нет? Тот первый день в Иноземье был связан с чем-то большим, нежели просто украденный ключ. Мы все это ощутили. Разве нет?

— Да, — сказал Джон Змей. — Конечно, ощутили. Даже я согласен. У меня было чувство… — он покопался в собственном словаре, подыскивая слово, — …*неизбежности.* Как-будто должно произойти что-то важное.

— А потом в нашей жизни появилась она, — сказал Хват. — И всё изменила.

— Всё? — спросил Джон Змей.

— Всё, — ответил Хват.

Глава 76
И за Краем

Падая и падая сквозь абсолютную пустоту, Кэнди, Шалопуто и Газза быстро утратили всякое представление о времени и пространстве, не имея возможности измерить, насколько они удалились от Края. Слева и справа, снизу и сверху было все то же бесцветное, неопределимое пространство. Оно не дарило им надежды, которую предлагала тьма — шанс на то, что где-то там прячется жизнь, цель и смысл. Вокруг была лишь серая банальность, полное отсутствие, в котором они падали, не в состоянии оценить скорость падения и даже, временами, сам его факт.

Они молчали.

Да и о чем тут говорить, когда вокруг ничего не было? Не было пейзажей, которыми можно любоваться, встающей луны, идущих по небосклону звезд, заходящего солнца и пылающего заката. Не было самих небес, на которых можно было бы это увидеть.

Они продолжали падать.

Или, возможно, им так казалось. Снилось.

Как бы то ни было, их обстоятельства не менялись. Падать было…

…падать было…

…падать.

Внезапно из ничего возникло что-то. Вспышка синего и алого, которая в мгновение ока окружила Шалопуто и скрыла его из виду. К счастью, он успел вскрикнуть, сообщая о похищении, и его громкий, долгий крик проявился в пресном воздухе в виде длинного следа из серебристого дыма. Это стало первым плотным — или казавшимся плотным, — явлением, случившимся с тех пор, как они упали. Это не было чем-то особенным, но все же лучше, чем ничего. Кэнди ухватилась за серебристую нить, надеясь, что та не пропадет из ее кулака.

Нет.

Она была плотной.

— Держись за меня! — крикнула она Газзе. Он ухватился за ее лодыжку прежде, чем она успела договорить.

Три мысли одновременно пронеслись в голове Кэнди, и каждая требовала к себе внимания: во-первых, она надеялась, что Шалопуто не перестанет кричать, во-вторых, что они не будут падать вечно, и в-третьих, что в момент, когда она увидела

симметричное слово Абаратараба, ей надо было понять, что если у островов есть зеркало по горизонтальной оси, имеет смысл предположить, что оно есть и по вертикальной. Если что-то есть слева, оно есть и справа. Если есть наверху, то есть и внизу.

Пока ее мысли боролись, она подтягивалась вдоль нити свивающегося крика. Она видела нить, выходящую из ее кулака, и сосредоточилась на пятне, маячившем впереди не более чем в трех захватах, где нить пропадала из вида. Что еще она могла предпринять, кроме как следовать ей и понять все «почему» и «как»?

А затем — о нет! — Шалопуто замолчал. Кэнди почувствовала, что нить провисает, и издала панический возглас, немедленно образовавший перед ней бирюзовую ленту, словно дыхание в зимний день, которая улетела прочь, как только она смолкла.

Она не собиралась упускать свой шанс выбраться из Пустоты. Что бы ни было по ту сторону мути, вряд ли оно было хуже, чем вечное падение в Забвение. Она заставила свое тело потянуться, — *тянитесь, пальцы! давайте, руки!* — за край нити, которая скользила прочь, уносясь порывом ветра с ароматом молнии и ананасов.

Ее пальцы полностью исчезли. Руки искали, ощупывая Пустоту… и внезапно коснулись чего-то по ту сторону Стены Отсутствия. Нечто было влажным и теплым, словно густая краска, и как только она этого коснулась, оно, *чем бы это ни было,* отреагировало с той же поспешностью. Вокруг ее рук и запястий обернулись десятки нитей, бескостных и тонких, словно струны.

— Что там? — спросил Газза.

— Я не знаю, — ответила она. — Но оно живое. Оно меня схватило. И тянет.

— Это больно?

Нет, подумала она. Хватка была крепкой, но это нечто не хотело причинить ей вреда.

— Все в порядке, — пробормотала она.

— Что?

— Я говорю, *все в порядке*.

Она видела, как мимо ее лица пробежали яркие пульсирующие столбцы.

— Что это было?

Мимо пронеслось слово «что». Оно было написано бирюзовым на ленте цвета манго.

— *Шалопуто?*

Четыре слога появились из ее рта и разлетелись фиолетовым и синим переплетением звука и цвета.

— Да? — откликнулся он.

— Я не боюсь, — сказала она ему.

Ее слова превратились в сплетение красных, фиолетовых и синих полос.

— Ты только посмотри. Слова как ленты.

И эти слова тоже появились рядом.

Слова как ленты.

Зеленые, желтые, оранжевые.

— Что происходит? — спросил Шалопуто. — Я вижу, как мимо летит мое имя.

— Знаю, — она потянулась к источнику щупалец. Из места, где были ее руки, до нее долетали порывы ветра. Она чувствовала их на своем лице. И слышала, как он шепчет ей то же, что и все ветра:

Прочь. Прочь.

Он нес слова обратно в Забвение.

— Ну уж нет, спасибо, — сказала она так тихо, что ее новые ленты оказались прозрачными. — Нам надо куда-то попасть.

Она вытянулась так далеко, как только позволяли ее мышцы и суставы, и ухватилась за место, откуда росли щупальца Другой Стороны.

Нечто поняло ее знак. И потянуло на себя. У Кэнди не было времени говорить с Шалопуто. Все произошло слишком быстро. Внезапно вокруг нее возникли несущиеся обрывки цвета, крошечные фрагменты, а с ними — столь же краткие фрагменты звука. Ни один из них не имел смысла. Все они двигались слишком быстро и летели мимо.

Цвет, цвет, цвет…

Звук, звук, звук…

Цвет, звук. Цвет, звук.

Цвет…

Звук…

Цвет…

Звук…

Внезапно — ничего.

Пустая, долгая, серая тишина.

Но она не боялась. Теперь она знала, как работают эти вещи. Все было зеркалом.

Если тюрьма…

О!

— значит, свобода.

Оно начинается.

Если моря…

Видишь?

— значит, берега.
Слышишь?
Если тишина,
Да!
Значит, песня.
И они оказались в совершенно другом мире.

Безнадежность разумна.
Но ничего ценного
В моей жизни
Не приходило от разума.
Ни моя любовь,
Ни мое искусство,
Ни мой рай.
Поэтому я надеюсь.

— Зефарио Тлен

Так заканчивается
Третья Книга Абарата